

INSPIRIA

ЛАЙЗА ДЖУЭЛЛ

РОМАН

о роковой ошибке

НОЧЬ, КОГДА
ОНА ИСЧЕЗЛА

18+

INSPIRIA

Annotation

Новинка от одной из самых популярных авторов Великобритании.

Таллула и Зак отправляются на свидание. Они совсем юные, но у них уже есть маленький ребенок. У пары не все гладко в отношениях, но, кажется, Зак по-настоящему влюблен в Таллулу. А что чувствует она? Последний раз их видят направляющимися на вечеринку в особняк, который прозвали «Темным местом». На следующее утро мать Таллулы, оставшаяся с годовалым внуком одна, безуспешно ищет дочь. Проходит пара лет. Автор детективов Софи Бек только что переехала из Лондона в провинцию вместе со своим парнем Шоном, который является новым директором местной элитной школы. Софи заинтересована печальной историей исчезновения Таллулы и Зака. Но когда ей удастся обнаружить тревожные подсказки о том, что же произошло на самом деле с молодыми влюбленными (такими уж влюбленным?), Софи оказывается втянута в очень мрачную историю.

«Никому не удаются подобные истории лучше, чем Лайзе Джуэлл». — Ли Чайлд, автор бестселлеров

«Захватывающе, увлекательно. В конце — до слез». — The Guardian

-
- [Лайза Джуэлл](#)
 -
 - [Арахнофобия](#)
 - [Часть первая](#)
 - [— 1 —](#)
 - [— 2 —](#)
 - [— 3 —](#)
 - [— 4 —](#)
 - [— 5 —](#)
 - [— 6 —](#)
 - [— 7 —](#)
 - [— 8 —](#)
 - [— 9 —](#)
 - [— 10 —](#)

- — 11 —
- — 12 —
- — 13 —
- — 14 —
- — 15 —
- — 16 —
- — 17 —
- — 18 —
- — 19 —
- — 20 —
- — 21 —
- — 22 —

○ Часть вторая

- — 23 —
- — 24 —
- — 25 —
- — 26 —
- — 27 —
- — 28 —
- — 29 —
- — 30 —
- — 31 —
- — 32 —
- — 33 —
- — 34 —
- — 35 —
- — 36 —

○ Часть третья

- — 37 —
- — 38 —
- — 39 —
- — 40 —
- — 41 —
- — 42 —
- — 43 —
- — 44 —
- — 45 —

- [— 46 —](#)
 - [— 47 —](#)
 - [— 48 —](#)
 - [— 49 —](#)
 - [— 50 —](#)
 - [— 51 —](#)
 - [Часть четвертая](#)
 - [— 52 —](#)
 - [— 53 —](#)
 - [— 54 —](#)
 - [— 55 —](#)
 - [— 56 —](#)
 - [— 57 —](#)
 - [— 58 —](#)
 - [— 59 —](#)
 - [— 60 —](#)
 - [Часть пятая](#)
 - [— 61 —](#)
 - [— 62 —](#)
 - [— 63 —](#)
 - [— 64 —](#)
 - [— 65 —](#)
 - [— 66 —](#)
 - [— 67 —](#)
 - [— 68 —](#)
 - [— 69 —](#)
 - [— 70 —](#)
 - [— 71 —](#)
 - [Эпилог](#)
 - [От автора](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
-

Лайза Джуэлл
Ночь, когда она исчезла

Книга посвящается моему отцу

Lisa Jewell

THE NIGHT SHE DISAPPEARED

Copyright © Lisa Jewell, 2021

This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK and
The Van Lear Agency

© Бушуева Т., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство
«ЭКСМО», 2022

Арахнофобия

Арахнофобия. Одно из тех слов, что звучат так же мерзко, как и то, что они означают. Жесткое «рах» во втором слоге, оно как будто наглядно рисует жуткие изгибы мохнатых паучьих лап. Мягкое «фо», как противная волна тошноты, пробегающая в желудке при внезапном движении по стене или полу. Громкое «но» в самой середине слова, звук вашего мозга, кричащего от омерзения.

Таллула страдает арахнофобией.

Таллула в темноте.

Часть первая

Ребенок начинает хныкать. Ким все так же неподвижно сидит в кресле и задерживает дыхание. У нее ушел почти весь вечер на то, чтобы уложить малыша спать. Сегодня пятница, знойный вечер середины лета, и обычно в это время она бы зависала где-нибудь с друзьями. Одиннадцать часов: она сидела бы в пабе с последней кружкой пива, перед тем как пойти домой. Но сегодня она в спортивных штанах-джоггерах и футболке. Темные волосы собраны в пучок, контактные линзы сняты, на носу очки, а на кофейном столике стакан теплого вина, который она налила себе раньше, но так и не успела выпить.

Она пультом уменьшает на телевизоре громкость и снова прислушивается. Да, это они, самые ранние признаки плача, этакое сухое злое кряхтение.

Ким никогда особо не любила младенцев. Нет, ей нравились ее собственные дети, но их ранние годы стали слишком жестоким испытанием для ее нервов. С той самой первой ночи, когда оба ее ребенка, не пробуждаясь, спали до утра, Ким очень высоко — возможно, чересчур высоко — ценила непрерывный сон. Обоих своих детей она родила молодой, и у нее было достаточно времени и места в сердце для еще одного или двух. Но перспектива бессонных ночей поставила на них жирный крест. Все эти годы она всячески оберегала свой сон — с помощью масок для глаз, берушей, спреев для подушек и огромных ванн с мелатонином, которые подруга привозила для нее из Штатов.

А потом, чуть более года назад, ее дочь-подросток, Таллула, родила ребенка.

И вот теперь в свои тридцать девять лет Ким уже бабушка, и в ее доме вновь появился плачущий ребенок, появился слишком скоро, чересчур скоро после того, как ее собственные дети перестали плакать по ночам. И хотя это произошло лет за десять до того, как она была бы к этому готова, рождение внука стало благословением, ежедневным благословением.

Его зовут Ной, и у него темные волосики, как и у самой Ким, как и у обеих ее детей. (Ким всегда нравились только дети с темными волосами; светловолосые младенцы ее пугают.) Цвет его глаз в зависимости от освещения колеблется между ореховым и янтарным; у него крепкие ножки и крепкие ручки с пухлыми валиками жирка на запястьях. Он улыбочив и смешлив, и он радостно развлекает себя сам, иногда целых полчаса подряд. Когда Таллула уезжает в колледж, Ким присматривает за ним и порой впадает в панику, внезапно осознав, что в течение нескольких минут не слышит от него ни звука. Тогда она бросается к его стульчику, к качелькам или к углу дивана, чтобы проверить, жив ли он, и обычно находит его в глубокой задумчивости, пока он переворачивает страницы матерчатой книжки.

Ной — замечательный ребенок. Но он не любит спать, и Ким это слегка раздражает. В настоящее время Таллула и Ной живут здесь, у Ким, вместе с отцом Ноя, Заком. Ной спит между ними на двуспальной кровати Таллулы, а Ким надевает беруши и воспроизводит на своем смартфоне какой-нибудь белый шум и обычно избавляет себя от ночной какофонии бессонницы Ноя.

Но сегодня Зак пригласил Таллулу на то, что он назвал «свиданием», что, согласитесь, звучит довольно старомодно для пары девятнадцатилетних подростков. Они пошли в тот самый паб, в котором она сама сидела бы сегодня вечером. Когда они уходили, Ким сунула Заку двадцатифунтовую купюру и велела им от души повеселиться. С тех пор как родился Ной, это первый раз, когда они ушли из дома вместе как пара.

Они расстались, когда Таллула была беременна, и вновь сошлись около полугода назад, когда Зак пообещал стать лучшим отцом на свете. И до сих пор он держит свое слово.

Теперь Ной плачет по-настоящему. Ким вздыхает и встает. При этом ее телефон гудит — пришло текстовое сообщение. Она нажимает на экран и читает.

Мам, тут народ из колледжа, они пригласили нас к себе. Всего на часик или около того. Ты не против? ☺

Затем, пока она печатает ответ, сразу же следует новое сообщение. Как там Ной?

Ной в порядке, набирает она. Золото, а не ребенок. Иди и повеселись. Можешь не торопиться. Люблю тебя.

Ким идет наверх, к кроватке Ноя. Ей становится тяжело на сердце при мысли о том, что ей еще час качать его, успокаивать, вздыхать и шептать в темноте, пока луна висит там, в теплом летнем небе, на котором все еще заметны бледные пятна дневного света, пока дом скрипит пустотой, а другие люди сидят в пабах.

Но когда она подходит к внуку, лунный свет ловит изгиб его щеки, и она видит, как его глаза вспыхивают при виде нее. Она слышит, как у него перехватывает дыхание оттого, что кто-то подошел к нему; видит, как он тянет к ней ручки.

Она берет его на руки, прижимает к груди и воркует:

— Что не так, маленький, что не так? — И ее сердце внезапно расширяется и вновь сжимается от осознания того, что этот мальчик — часть нее и что он ее любит, что он не ищет свою мать, а доволен тем, что бабушка подошла к нему в темноте ночи, чтобы его успокоить.

Она несет Ноя в гостиную и усаживает к себе на колени.

Она дает ему поиграть с пультом. Малыш обожает нажимать кнопки, но Ким видит, что он слишком устал и хочет спать. Она чувствует на себе его тяжесть и понимает, что должна положить его обратно в кроватку, обеспечить ему крепкий сон, хорошие привычки и все такое прочее, но теперь она тоже устала, ее веки отяжелели, стали свинцовыми. Она просто натягивает покрывало с дивана себе на колени, поправляет подушку за головой, и они с Ноем тихо погружаются в мирный сон.

Через несколько часов Ким внезапно просыпается. Короткая летняя ночь почти закончилась, и небо за окном гостинной переливается первыми лучами жаркого утреннего солнца. Она выпрямляет затекшую шею, и все мышцы тотчас как будто кричат на нее. Ной все еще крепко спит, и она осторожно сдвигает его, чтобы дотянуться до телефона. Сейчас четыре двадцать утра.

Ким чувствует легкий приступ раздражения. Она знает, что разрешила Таллуле не торопиться домой, но это безумие. Она набирает номер Таллулы. Звонок тотчас идет на голосовую почту, поэтому она набирает номер Зака. И вновь звонок переадресован на голосовую почту.

Что, если, думает она, они пришли ночью и, увидев Ноя спящим на ней, решили ее не будить, а устроиться в постели вдвоем? Она представляет, как они смотрят на нее из-за двери в гостиную, как

снимают обувь, как поднимаются на цыпочках по лестнице и, обнимаясь и обмениваясь игривыми пьяными поцелуями, прыгают в пустую кровать.

Прижимая Ноя к себе, Ким медленно и осторожно встает с дивана. Она поднимается по лестнице и идет к двери комнаты Таллулы. Та распахнута настежь, какой она оставила ее в одиннадцать вечера накануне, когда пришла забрать Ноя. Она осторожно опускает малыша в кроватку, и он каким-то чудом не шевелится. Затем она садится на край кровати Таллулы и снова звонит дочери.

И вновь звонок отправляется прямо на голосовую почту. Она звонит Заку. То же самое. Она продолжает эту игру в пинг-понг еще час. Солнце уже полностью встало. Сейчас утро, но звонить кому-то еще рано. И Ким делает себе кофе и отрезает кусок фермерского хлеба, который всегда покупает для Таллулы на выходные. Она ест хлеб с маслом и медом, купленным у пчеловода, который продает его из своей парадной двери, и ждет. Ждет начала дня.

— Мистер Грей! Добро пожаловать!

Софи видит седовласого мужчину. Он идет к ним по обшитому деревянными панелями коридору. Их все еще разделяют десять футов, но он уже протягивает руку.

Подойдя к Шону, он тепло берет его руку в обе свои, как будто Шон маленький ребенок, у которого замерзли руки, и он хочет их ему согреть.

Затем он поворачивается к Софи.

— Миссис Грей! — говорит он. — Так приятно наконец встретиться с вами!

— Вообще-то мисс Бек, — говорит Софи.

— Ах да, конечно. Как глупо с моей стороны. Я это знал. Мисс Бек. Питер Дуди. Исполнительный глава.

Питер Дуди лучезарно улыбается ей. Его зубы неестественно белые для мужчины шестидесяти лет.

— Я слышал, вы писательница?

Софи кивает.

— Какие книги вы пишете?

— Детективные романы, — отвечает она.

— Детективные романы! Так, так, так! Я уверен, что здесь, в Мейпол-Хаусе, вы найдете много того, что вас вдохновит. Тут у нас не соскучишься. Только не забудьте сменить имена! — Он громко смеется над собственной шуткой. — Кстати, где вы припарковались? — спрашивает он Шона, указывая на подъездную дорожку за огромным дверным проемом.

— О, вон там, рядом с вами, — отвечает Шон. — Надеюсь, вы не против?

— Идеально, просто идеально, — говорит Питер Дуди и смотрит через плечо Шона. — А где малыши?

— С их матерью. В Лондоне.

— О да, конечно.

Софи и Шон следуют за Питером Дуди, катя свои чемоданы по одному из трех длинных коридоров, отходящих от главного коридора. Они проходят через двойные двери в стеклянный переход, соединяющий старый дом с современным корпусом, а затем выкатывают чемоданы через дверь в задней части современного корпуса и по изогнутой дорожке идут к небольшому коттеджу в викторианском стиле.

Он примыкает к лесу и окружен кольцом розовых кустов, которые в конце лета все еще в полном цвету.

Питер достает из кармана связку ключей и снимает пару ключей на медном кольце. Софи уже видела этот коттедж, но только как дом предыдущего директора школы, заставленный его мебелью и вещами, полный собак и фотографий. Питер отмыкает дверь, и они следуют за ним в вымощенный камнем задний коридор. Резиновые сапоги исчезли, на крючках висят водоотталкивающие куртки и собачьи поводки. Здесь пахнет бензином и дымом, а из щелей между половицами тянет холодным сквозняком, отчего даже в этот долгий жаркий летний день в коттедже зябко, словно зимой.

Школа Мейпол-Хаус расположена в живописной деревушке Апфилд-Коммон среди холмов Суррея. Когда-то это был особняк местного аристократа, но двадцать лет назад его приобрела компания «Маджента», владеющая школами и колледжами по всему миру, и превратила его в частную школу-интернат для шестнадцати- и девятнадцатилетних подростков, заваливших с первой попытки экзамены за курс неполной и полной средней школы. Так что да, по сути, школа для неудачников. И теперь Шон, бойфренд Софи, стал ее новым директором.

— Вот! — Питер вручает Шону ключи. — В вашем полном распоряжении. Когда придут остальные ваши вещи?

— В три часа, — отвечает Шон.

Питер проверяет время на своих Apple Watch.

— Что ж, похоже, у вас масса времени для обеда в пабе, — говорит он. — Я угощаю!

— Спасибо. — Шон смотрит на Софи. — Вообще-то мы захватили с собой ланч. — Он показывает на холщовый мешок на полу у своих ног. — Но все равно спасибо.

Питер кажется невозмутимым.

— На всякий случай, местный паб великолепен. Он называется «Лебедь и утки». По ту сторону деревенского луга. Посетителям предлагают что-то вроде средиземноморской кухни, мезе, тапас. А тушеный кальмар у них — просто объеденье. И превосходный винный погреб. Тамошний менеджер сделает вам скидку, если вы скажете ему, кто вы такие.

Он снова смотрит на часы.

— Ладно. Не буду мешать вам устраиваться. Все коды для замков здесь. Этот вам понадобится, чтобы впустить фургон, когда тот подъедет, а этот для входной двери. Ваша карта открывает все внутренние двери, — он протягивает им обоим по плоскому шнуру с карточкой. — Я вернусь завтра утром к нашему первому рабочему дню. К вашему сведению, вы можете увидеть вокруг довольно странно одетых людей. Здесь всю неделю проводился летний образовательный лагерь, что-то вроде клуба по интересам. Сегодня последний день, завтра они уезжают, а Керрианна Маллиган, наша сестра-хозяйка... вы ведь, кажется, познакомились с ней на прошлой неделе?

Шон кивает.

— Она присматривает за ними, так что вам не нужно беспокоиться. Думаю, это все. Ах да... — Он подходит к холодильнику и открывает дверцу. — Небольшой подарок для вас от «Мадженты».

В пустом холодильнике стоит одинокая бутылка дешевого шампанского. Он закрывает дверь, сует руки в карманы синих брюк-чинос, тут же снова вынимает их, чтобы пожать им обоим руки.

А потом он уходит, и Шон и Софи впервые остаются одни в своем новом доме. Они смотрят друг на друга, затем по сторонам и снова друг на друга. Софи наклоняется к холщовой сумке и достает два бокала для вина, которые она упаковала сегодня утром, когда они покидали дом Шона в Льюишеме. Она снимает с них папиросную бумагу, ставит на стол, открывает холодильник и достает шампанское.

Затем берет протянутую руку Шона и следует за ним в сад. Сад выходит на запад, и в это время дня здесь тень, но сейчас все еще достаточно тепло, чтобы не носить перчаток. Пока Шон откупоривает шампанское и наливает каждому по бокалу, Софи позволяет взгляду скользнуть по сторонам: деревянная калитка между розовыми кустами, что образуют границу заднего сада, ведет к бархатисто-зеленому лесу. Между деревьями виднеются лужайки, на которые полуденное солнце

проливает сквозь кроны лужицы золотого света. Она слышит щебетание птиц в ветвях. Слышит, как в бокалах шипит и пузырится шампанское. Слышит собственное дыхание в легких, биение крови в висках.

Она замечает, что Шон смотрит на нее.

— Спасибо, — говорит он. — Большое спасибо.

— За что?

— Сама знаешь за что. — Он берет ее руки в свои. — Я знаю, скольким ты жертвуешь, чтобы быть здесь со мной. Я тебя не заслуживаю. Честное слово.

— Еще как заслуживаешь. Я ведь «неразборчивая тёлка», или ты забыл?

Они кисло улыбаются друг другу. Это одна из многих неприятных вещей, которые Пиппа, бывшая жена Шона, сказала про Софи, когда впервые узнала о ней. Кроме того, «она выглядит намного старше своих тридцати четырех» и «у нее необычайно плоский зад».

— Кем бы ты ни была, ты самая лучшая. И я люблю тебя. — Он крепко целует ей пальцы, затем отпускает ее руки, чтобы она могла взять свой бокал.

— Красиво, правда? — мечтательно говорит Софи, глядя сквозь заднюю калитку на лес. — Интересно, куда он ведет?

— Понятия не имею, — отвечает он. — Может, тебе стоит прогуляться после ланча?

— Да, — говорит Софи. — Пожалуй, я так и поступлю.

* * *

Шон и Софи вместе всего шесть месяцев. Они познакомились, когда Софи пришла в школу Шона, чтобы рассказать группе старшеклассников про то, как пишут и издают книги.

В знак благодарности он пригласил ее пообедать с ним, и сначала она занервничала, как будто сделала что-то постыдное. Ассоциация между пребыванием наедине со старшим по возрасту учителем-мужчиной и неким непристойным поступком так глубоко укоренилась в ее сознании, что она была бессильна ее преодолеть. Но потом она заметила, что у него очень-очень темно-карие глаза, почти черные, что

плечи у него широкие и что у него чудесный теплый, душевный смех, мягкие губы и никакого обручального кольца на пальце. Затем она поняла, что он флиртовал с ней, а через день в электронном почтовом ящике обнаружила письмо от него. Оно было отправлено с его личного адреса электронной почты. В нем он благодарил ее за то, что она пришла в их школу, и спрашивал, не хочет ли она сходить в новый корейский ресторанчик, о котором они болтали за обедом после той встречи со школьниками, например вечером в пятницу. И она подумала: я ни разу не была на свидании с мужчиной за сорок, я ни разу не была на свидании с мужчиной, который носит на работу галстук, и вообще, я не была на свидании целых пять лет, и мне любопытно посмотреть, что это за новый корейский ресторанчик. Так почему бы и нет?

Именно во время их первого свидания Шон сказал ей, что уходит из большой средней школы в Льюишеме, где в конце семестра он был куратором шестого класса, чтобы стать директором в частной школе-интернате для подготовки к сдаче выпускных экзаменов в Суррей-Хиллз. Не потому, что ему хотелось работать в частном секторе, сидеть в кабинете, отделанном панелями красного дерева, а потому, что его бывшая жена Пиппа перевела их близнецов из прекрасной государственной начальной школы, в которой они учились в течение трех лет, в дорогую частную и теперь ожидала, что он внесет половину денег за их обучение.

Сначала последствия такого развития событий не особо задели Софи. Март перетек в апрель, затем в май, в июнь, и они с Шоном сближались все больше и больше, и их жизни начали переплетаться все сильнее и сильнее. Затем Софи познакомилась с близнецами Шона, и они даже позволяли ей укладывать себя спать, читать им сказки и причесывать волосы. А затем наступили летние каникулы, и они с Шоном начали проводить еще больше времени вместе, а затем однажды вечером, когда они сидели за коктейлем на террасе на крыше с видом на Темзу, Шон сказал:

— Поедем со мной. Поедем со мной в Мейпол-Хаус.

Первая реакция Софи была резко отрицательной. Нет, нет, нет, нет, нет. Она привыкла к Лондону. Она независимая женщина. У нее своя карьера, свой круг общения. Ее семья живет в Лондоне. Но июль сменился августом, и отъезд Шона становился все ближе и ближе, и ей

начало казаться, что ткань ее жизни как будто растягивается и теряет форму, и она сменила ход своих мыслей. Может, подумала она, жить в деревне не так уж и плохо.

Возможно, она могла бы больше сосредоточиться на работе, не отвлекаясь на соблазны городской жизни. Вдруг ей понравится статус спутницы жизни директора школы, статус первой леди элитного места.

Она отправилась с Шоном посмотреть школу, обошла коттедж, почувствовала под ногами твердость теплой терракотовой плитки, вдохнула, стоя на пороге задней двери, чувственный аромат диких роз, свежескошенной травы и нагретого солнцем жасмина. Заметила пространство под окном в прихожей, как раз подходящего размера для ее письменного стола, с видом на территорию школы. И подумала: «Мне тридцать четыре. Скоро мне исполнится тридцать пять. Я долгое время была одна. Может, мне стоит решиться на эту глупость».

И она сказала «да».

Они с Шоном максимально использовали каждую минуту своих последних нескольких недель в Лондоне. Они сидели на каждой тротуарной террасе Южного Лондона, ели разные непонятные блюда этнической кухни, смотрели фильмы на многоэтажных парковках, бродили по ярмаркам еды, устраивали пикники в парке под звуки хип-хопа, автомобильных сирен и рычания дизельных двигателей.

Они провели десять дней на Майорке в прохладных апартаментах в центре Пальмы с балконом, с видом на пристань для яхт. Они проводили выходные с детьми Шона, брали их на южный берег Темзы, побегать возле фонтанов, пообедать на свежем воздухе в «Жирафе», поесть мексиканской еды в «Вахаке», водили их в галерею современного искусства Тейт и на игровые площадки в Кенсингтон-Гарденс.

А потом она сдала свою однокомнатную квартиру в Нью-Кроссе подруге, отменила абонемент в спортзале, вышла из писательской группы, собиравшейся по вторникам вечером, упаковала несколько коробок с вещами и поехала с Шоном сюда, в глушь. И вот теперь, когда солнце светит сквозь вершины высоких деревьев, брызгая пятнами света на темную ткань ее платья и землю под ногами, Софи начинает ощущать счастье, как будто это решение, принятое из чистого прагматизма, на самом деле могло быть неким магическим актом, следующим шагом ее судьбы. Ей кажется, что им с Шоном

предначертано быть здесь, что для нее это будет хорошо, хорошо для них обоих.

Шон переносит грязную посуду в кухню. Она слышит, как открывается кран, слышит стук тарелок, которые он ставит в раковину.

— Хочу прогуляться! — кричит она Шону в открытое окно.

Выходя из сада за домом, она поворачивается, чтобы защелкнуть калитку, и в этот момент ее взгляд падает на что-то прибитое к деревянному забору. Кусок картона, на вид — крышка, оторванная от какой-то коробки.

На нем, рядом со стрелкой, указывающей вниз, на землю, маркером нацарапаны слова «Копать здесь». Она с любопытством пару секунд смотрит на него. Наверное, думает она, это осталось от игры «найди клад» или от упражнения из курса по тимбилдингу, который заканчивается сегодня. Наверное, думает она, это капсула времени.

Но следом в ее голове мелькает что-то еще. Тревожное дежавю. Она уверена, что именно это уже видела раньше: картонную табличку, прибитую гвоздем к забору. Слова «Копать здесь», написанные черным маркером. Направленная вниз стрелка. Она уже видела это раньше.

Но она хоть убей не может вспомнить где.

Мать Зака старше Ким. Зак — ее младший ребенок; у нее есть еще четверо. Все девочки, все намного старше его. Ее зовут Мэгс. Она открывает Ким дверь. На ней армейские шорты и мешковатый зеленый льняной топ, сдвинутые на макушку солнцезащитные очки, и ее переносица обгорела на солнце.

— Ким? — говорит она. И тотчас поворачивается к Ною и лучезарно улыбается ему. — Привет, мой пухленький ангелок, — говорит она и щекочет его под подбородком, а затем оглядывается на Ким. — У тебя все в порядке?

— Ты видела наших детей? — спрашивает Ким, пересаживая Ноя на другое бедро. Она пришла сюда без коляски. На улице жарко, а Ной тяжелый.

— Ты имеешь в виду Галлулу? И Зака?

— Да. — Она пересаживает Ноя обратно.

— Нет. Они ведь у вас, верно?

— Нет, вчера вечером они пошли в паб. Но их до сих пор нет, и они не отвечают на звонки. Я подумала, вдруг они вернулись к вам и сейчас отсыпаются.

— Нет, милочка, нет. Здесь только я и Саймон. Не хочешь войти? Мы сейчас сидим в саду. Мы можем попробовать позвонить им еще разок.

В саду за домом Мэгс Ким опускает Ноя на траву рядом с пластиковой игрушкой, на которую он пытается вскарабкаться. Мэгс достает телефон и набирает номер сына. Муж Мэгс, Саймон, коротко кивает Ким и вновь утыкается носом в газету. У Ким всегда возникало малоприятное ощущение, что Саймон находит ее привлекательной и что его грубоватое поведение — способ справиться с чувством неловкости.

Мэгс хмурится и нажимает красную кнопку отбоя.

— Сбрасывает сразу на голосовую почту, — поясняет она. — Давай я позвоню Нику.

Ким вопросительно смотрит на нее.

— Это бармен из «Лебедя и уток». Подожди, — синими акриловыми ногтями она стучит по экрану своего телефона. — Ник, дорогуша, это Мэгс. Как дела? Как твоя мама? Хорошо. Я рада. Слушай, ты вчера вечером работал? Ты, случайно, не видел там Зака?

Ким наблюдает за Мэгс. Та то и дело кивает и издает невнятные звуки. Ким вытаскивает из руки Ноя кусок земли как раз в тот момент, когда он собирается засунуть его себе в рот, и терпеливо ждет.

Наконец Мэгс завершает разговор.

— Судя по всему, — сообщает она, — Зак и Таллула после паба пошли домой к кому-то, кого Таллула знает по колледжу.

— Да, я в курсе. Но есть идеи, к кому именно?

— Какая-то Скарлетт. И еще пара человек. Ник подумал, что они уезжают из деревни. Они уехали на машине.

— Скарлетт?

— Да. Ник сказал, что она одна из богатеньких учениц из Мейпол-Хауса.

Ким кивает. Она никогда не слышала ни про какую Скарлетт. Впрочем, Таллула не особо рассказывает ей про колледж. Как только она возвращается домой, Ной — практически единственная тема для разговоров в их доме.

— Что-нибудь еще? — спрашивает она, усаживая Ноя к себе на колени.

— Боюсь, это все, что он знает. — Мэгс улыбается Ною и протягивает к нему руки, но он цепляется за Ким, и та замечает, что улыбка Мэгс гаснет. — Как ты считаешь, нам стоит волноваться?

Ким пожимает плечами.

— Честно говоря, не знаю.

— Ты пробовала звонить подругам Таллулы?

— У меня нет их номеров. Все их номера у нее в телефоне.

Мэгс вздыхает и откидывается на спинку садового кресла.

— Это странно, — говорит она. — Если бы не ребенок, я бы просто предположила, что они где-то отсыпаются, ведь они такие молодые, и бог знает, чего только я сама не творила в их возрасте. Но они оба так преданы Ною, так ведь? Так что все это немного странно...

— Знаю, — Ким кивает. — Согласна.

Ким хотелось бы, чтобы они с Мэгс были ближе, но, похоже, Мэгс никогда не верила в Зака и Таллулу как в пару, а затем, после рождения

Ноя, она на некоторое время вообще полностью отстранилась — почти не навещала Ноя, а даже если и навещала, то вела себя как равнодушная тетка. А теперь она упустила свой момент с Ноем, который узнает ее, но не знает, что она близкий ему человек.

— В любом случае, — говорит Ким, — я пойду и поищу информацию про эту девушку, Скарлетт. Вдруг смогу что-нибудь откопать. Хотя, скорее всего, мне это не понадобится. Надеюсь, что к тому времени, как я вернусь, они будут дома просить прощения.

Мэгс улыбается.

— Вот увидишь, — бодро говорит она голосом, тон которого намекает, что на самом деле ей хочется вернуться в сад, чтобы и дальше нежиться на солнышке, что она не желает портить себе настроение. — Так оно и будет.

В комнате Таллулы Ким роется в содержимом ее рюкзака.

Таллула изучает социальную работу, она хочет быть соцработником. Большая часть работ выполняется дома, и в колледж ей нужно ходить всего три раза в неделю. Ким иногда из переднего окна наблюдает за ней, когда она стоит на автобусной остановке: ее девочка, такая свежая, в футболке и джинсах, с тугим конским хвостом, прижимает папку к груди. Никто никогда не догадается, что у нее дома собственный ребенок, ведь она выглядит такой юной.

Ким находит в сумке ежедневник и быстро пролистывает его. Он испещрен плотным, довольно корявым почерком Таллулы — дочь начинала левшой, но в начальной школе, чтобы быть как все, заставила себя переучиться писать правой рукой. Искать номера телефонов нет смысла — их больше никто не записывает, — но, возможно, имя Скарлетт появится в списке класса или в каком-то другом.

И вот он, приклеен и сложен на задней внутренней стороне обложки ежедневника: «Контакты для студентов». Ким быстро просматривает их. Наконец ее палец останавливается на строке: «Скарлетт Жак: Комитет по планированию студенческих мероприятий».

Рядом адрес электронной почты. Ким моментально начинает набирать сообщение:

Скарлетт. Это Ким, мама Таллулы Мюррей. Таллула не пришла домой с тех пор, как вчера вечером ушла из дома, и не отвечает на телефонные звонки, и я подумала: вдруг вы знаете, где она может

быть? Ее подружка сказала, что она была с кем-то по имени Скарлетт. Пожалуйста, позвоните мне по этому номеру как можно скорее. Большое спасибо.

Она нажимает на иконку «отправить», шумно выдыхает и кладет телефон себе на колени. Внизу щелкает входная дверь. Сейчас два часа, и это ее сын Райан вернулся домой с работы. Каждую субботу он работает в бакалейной лавке в деревне, копит деньги на большой летний отпуск на Родосе в августе, свой первый отпуск без матери, только с друзьями.

— Они вернулись? — кричит он ей наверх.

— Нет! — кричит она ему вниз.

Ей слышно, как он роняет на столик ключи, кидает кроссовки в грудку обуви у входной двери, а потом взбегает вверх по лестнице.

— Серьезно? — говорит он. — Они позвонили?

— Нет. Ни слова.

Она рассказывает ему, как Мэгс позвонила Нику в пабе, а девушка позвонила Скарлетт, и пока она говорит, ее телефон звонит с неизвестного ей номера.

— Алло?

— Ой, привет, вы мама Лулы?

— Привет, да, это Ким.

— Привет. Это Скарлетт. Я только что получила ваше письмо.

Сердце Ким сжимается.

— Понятно, — говорит она. — Спасибо, Скарлетт. Я просто хотела спросить...

— Они были у меня дома, — перебивает ее Скарлетт. — И уехали около трех часов утра. Это все, что я могу вам сказать.

Ким моргает и слегка откидывает голову назад.

— И они... они... скажите, куда они пошли?

— Они сказали, что поедут домой на такси.

Ким не нравится тон голоса Скарлетт — отрывистый и холодный. Так обычно говорят те, кто спит в кровати под балдахин, учится в элитной частной школе, перед чьим домом гравийные подъездные дорожки. А еще он звучит равнодушно, как будто разговор с Ким ниже ее достоинства.

— И с ними все было в порядке? В смысле, они много выпили?

— Думаю, да. Луле стало плохо. И поэтому они ушли.

— Ее рвало?

— Да.

Ким представляет свою хрупкую добрую девочку, как она согнулась пополам над клумбой, и у нее екает сердце.

— А вы их видели? Как они сели в такси?

— Нет. Они просто ушли. Вот и все.

— И... извините, но где вы живете, Скарлетт? Просто чтобы я могла расспросить местные службы такси?

— «Темное место», — отвечает девушка, — возле Апли-Фолд.

— Номер дома?

— Его нет. Только название. «Темное место». Рядом с Апли-Фолд.

— Понятно, — говорит Ким, обводя двумя кружками слова на бумаге, которые она записала. — О'кей. Спасибо. И, пожалуйста, если вы что-нибудь услышите от кого-то из них, дайте мне знать. В смысле, я ведь не знаю, как хорошо вы знаете Таллулу...

— Не очень хорошо, — перебивает ее Скарлетт.

— Понятно, но она не из тех, кто просто исчезает и не возвращается домой. И, кроме того, у нее есть ребенок.

На другом конце линии возникает короткая пауза. А потом:

— Я этого не знала.

Ким слегка качает головой, пытаюсь представить, как Зак и Таллула могли провести с этой девушкой всю ночь, ни разу не упомянув Ноя.

— Да-да. Она и Зак — родители. У них есть сын, ему двенадцать месяцев. Так что не вернуться домой — это нечто из ряда вон выходящее.

На том конце линии вновь воцаряется молчание, но затем Скарлетт говорит:

— Да, понятно.

— Позвоните мне, пожалуйста, — просит Ким, — если вдруг что-нибудь услышите.

— Да, — говорит Скарлетт. — Конечно. До свидания.

И она заканчивает разговор.

Ким пару секунд смотрит на свой телефон. Затем смотрит на Райана, который с любопытством наблюдал за их разговором.

— Странно, — говорит Ким и пересказывает сыну подробности звонка.

- Может, съездим туда? — предлагает он. — К ней домой?
- К Скарлетт?
- Ага, — говорит Райан. — Поехали в «Темное место».

На следующее утро Шон рано отправляется на работу. Стоя у двери коттеджа, Софи смотрит, как он исчезает в стеклянном переходе, что ведет к главному зданию школы. У двойных дверей он поворачивается, машет ей и уходит.

Территория школы забита людьми — они катят за собой небольшие чемоданы, направляясь к парковке перед школой. Летние курсы окончены, само лето тоже подходит к концу, с завтрашнего дня сюда начнут возвращаться воспитанники интерната. Уборщики ждут в тени, чтобы войти в освободившиеся комнаты и подготовить их к новому семестру.

Софи возвращается в коттедж. Симпатичный домик, функциональный. Воздух внутри влажный и прохладный, маленькие окна заросли плющом и ветвями глицинии, которые пропускают мало света. Здесь по-прежнему пахнет другими людьми, а в коридоре витает странный запах сырого костра, который, похоже, исходит откуда-то снизу, из щели между половицами. Она накрыла половицы дорожкой и поставила на сервант тростниковый диффузор, но запах никуда не делся. Требуется время, чтобы коттедж стал для них родным домом, но так обязательно будет, она это знает. Дети Шона приедут на следующие выходные: это слегка оживит обстановку.

Софи поворачивается к наполовину распакованной коробке, когда в дверь стучат.

— Кто там?

— О, привет! Это Керрианна! Сестра-хозяйка!

Софи открывает дверь и видит перед собой незнакомую женщину. У нее густые золотистые волосы, сдвинутые на макушку солнцезащитные очки, ярко-голубые глаза и загорелое декольте. Платье в пол и сверкающие стразами шлепанцы. Она не похожа на почтенную матрону.

— Привет! — говорит Софи, пожимая ей руку. — Приятно познакомиться!

— Мне тоже. Вы, должно быть, Софи?

— Верно!

У Керрианны в руке огромная связка ключей.

— Как вы устроились? — спрашивает она, перекладывая ключи из одной руки в другую. — Есть все, что вам нужно?

— Да! — отвечает Софи. — Да. Все в порядке. Первый день Шона. Он отправился на работу минут десять назад.

— Да, я только что его видела. Мы поздоровались! В любом случае я хотела бы, чтобы вы записали мой номер на тот случай, если вам вдруг что-то понадобится. Конечно, моя основная функция — забота об удобстве учащихся, но я буду присматривать и за вами. Я знаю, как для вас все должно быть странно и ново, поэтому не стесняйтесь, считайте меня и своей сестрой-хозяйкой. И если вдруг заскучаете по дому и вам понадобится плечо, чтобы поплакать...

Софи моргает, неуверенная, шутит ее гостя или нет, но Керрианна широко улыбается ей и говорит:

— Шучу. Но, честно говоря, если вам что-то нужно — советы по поводу деревни, персонала, детей, чего угодно — не стесняйтесь, просто напишите мне эсэмеску. И я на втором этаже блока Альфа. Это... — она слегка приседает, чтобы заглянуть под нависшее дерево на окраине сада Шона и Софи, — ...это вон то окно. С балконом. Комната номер 205. — Она вручает Софи листок бумаги с ее данными, написанными аккуратным школьным почерком.

— Только вы?

— Большую часть времени да. Моя дочь иногда приезжает погостить к нам, Лекси, она трэвел-блогер и никогда долго не сидит на одном месте. Но в основном да, только я. И я слышала, что время от времени сюда будут приезжать малыши?

— Да. Джек и Лили. Двойняшки. Им семь.

— Понятно. Хороший возраст. В общем, если возникнут вопросы... любые вопросы, не стесняйтесь, задавайте. Я работаю здесь двадцать лет. А в деревне живу почти шестьдесят. Нет ничего такого, чего бы я не знала про деревенскую площадь. Более того, сегодня вечером вы с Шоном непременно должны пропустить со мной стаканчик-другой вина, а я тем временем прожужжу вам уши своими рассказами.

— Да, — говорит Софи. — Не откажусь. Спасибо. — Она собирается поблагодарить сестру-хозяйку еще раз и вернуться в дом,

но замечает пару сорок, взлетевших с верхушек деревьев в лесу за ее садом.

— Этот лес... — она машет рукой в его сторону. — Куда он ведет?

— Я бы на вашем месте не заходила в него слишком далеко.

Софи вопросительно смотрит на Керрианну.

— Он тянется на многие мили. Там недолго и заблудиться.

— Да, но ведь он где-то кончается?

— Это смотря в каком направлении пойти. Примерно в полутора милях отсюда есть деревня. — Она указывает налево. — Апли-Фолд. Церковь, сельская ратуша, несколько домов. Довольно красиво. И если пойти прямо, мило или около того, — она указывает вперед, — то упретесь в заднюю часть большого дома. «Темное место», так он называется. Правда, сейчас он стоит пустой. Принадлежит управляющему хедж-фонда с Нормандских островов и его шикарной жене. — Она слегка закатывает глаза. — Их дочка даже какое-то время училась здесь. Скарлетт. Удивительно талантливая девочка. Но лично я не рекомендовала бы пытаться туда попасть. Ученики иногда ходят туда, потому что там есть старый бассейн и теннисный корт, но потом они не могут найти дорогу обратно, а в лесу не ловится сигнал. Однажды мы даже были вынуждены привлечь чертовых полицейских. — Она вновь закатывает глаза.

Софи кивает. Ее охватывает волнение. В Лондоне она отправилась бы за вдохновением в Далвич или Блэкхит, посмотреть на величественные старые дома и представить себе то, что таится внутри. Теперь она думает про свою трость, компас, бутылку с водой и возможность намотать нужное количество шагов, которое отразится в ее фитнес-приложении. Солнце подернуто легкой дымкой, сегодня около двадцати двух градусов, идеальная погода для прогулок. В ее воображении всплывают слова «старый бассейн» и «теннисный корт». Она представляет себе сухость воздуха в нежилом в течение долгого жаркого лета доме, поблекшие, засохшие лужайки, пыльные, потрескавшиеся плиты, птиц, гнездящихся в грязных оконных створках.

Она улыбается Керрианне.

— Постараюсь сопротивляться этим поползновениям, — говорит она.

Скарлетт Жак стоит рядом с Таллулой в очереди в кафетерии. Она высокая, худая как щепка, ее обесцвеченные волосы окрашены в бледно-голубой цвет и собраны на макушке в пучок, кто-то нарисовал на ее скуле крошечную радугу. На ней мужская толстовка с капюшоном и рукавами, достигающими ей до середины пальцев, мешковатые трикотажные шорты и высокие кроссовки. Ее пальцы унизаны тяжелыми кольцами, ногти выкрашены зеленым лаком. Ее взгляд парит над коробками с хлопьями, ее пальцы танцуют по ним и наконец решительно приземляются на коробке хрустящих рисовых хлопьев. Взяв, она ставит их на свой поднос, рядом с картонкой шоколадного соевого молока и яблоком.

Таллула смотрит, как она направляется к кассе. Прихлебатели Скарлетт уже тянутся к ней, идут за ней следом, зная, что всегда найдут место рядом с ней, как только она решит, где сядет. Таллула берет сэндвич с ветчиной и апельсиновый сок и, оплатив, садится за столик недалеко от Скарлетт.

Скарлетт сидит, вытянув длинные ноги, ее огромные высокие кроссовки покоятся на стуле напротив нее, ее голени все еще покрывает шелковистый летний загар. Она открывает коробку с шоколадно-соевым молоком, заливает им рисовые хлопья, наклоняется над миской и ложкой кладет их себе в рот. В какой-то момент она проливает шоколадное молоко на подбородок и вытирает его манжетой толстовки. Она в компании своих закадычных подружек. Таллула не знает их имен. Скарлетт и ее шайка ходили в ее деревне в шикарную частную школу, Мейпол-Хаус. Школа эта имеет репутацию заведения для детей-тугодумов из богатых семей или богатых детей с поведенческими проблемами, богатых детей с СДВГ или богатых детей, у которых были проблемы с наркотиками. Они, визжа тормозами, носятся по деревне в своих шикарных кабриолетах, заваливают в местные пабы со своими фальшивыми документами, громкими голосами и дорогими стрижками. В местном магазине вы сначала услышите их и лишь затем увидите. Они орут друг другу через

проходы, жалуясь, что нет свежей моцареллы, и болтают, игнорируя деревенских подростков, обслуживающих кассы, как будто тех вообще здесь нет.

Теперь небольшая их группка по неизвестной причине оказалась в местном колледже в Мэнтоне, соседнем городке. Большинство из них учатся на первом курсе отделения изящных искусств. Пара из них изучает моду. Эти явно из семей, которые ожидали, что их чада поступят в хорошие университеты, а вместо этого попали в Мэнтонский колледж, и потому в них чувствуется некая колючесть.

Таллула кладет руку на живот. Тот все еще дряблый и рыхлый. С момента родов прошло почти три месяца, но такое ощущение, что половина ее внутренностей все еще состоит из ребенка. Она всего неделю назад перестала кормить сына грудью, и из нее все еще временами сочится молоко, и она кладет внутрь бюстгалтера подушечки.

Она включает телефон и смотрит на мордашку Ноя на главном экране. Ее живот сжимается от невыносимой любви и страха. Целых три месяца она и Ной были неразлучны. В свой первый день в колледже на прошлой неделе она впервые оставила его дольше чем на несколько минут. Теперь он от нее в получасе езды на автобусе, в шести с половиной милях отсюда. Ее руки кажутся невесомыми, зато груди тяжелыми. Она пишет матери:

Все в порядке?

Мать отвечает мгновенно:

Только что вернулись, ходили смотреть на уток. Все хорошо.

За соседним столиком Скарлетт перестала болтать со своей шайкой и уткнулась в телефон, что наводит на мысль, что на самом деле она ни на что не смотрит. Пальцами свободной руки она катает по подносу яблоко. У нее интересный профиль: шишка на носу, слегка скошенный подбородок. Ее рот — тонкая линия. И все же она по-своему хорошенькая, красивее любой другой девушки в колледже, даже тех, у кого идеальный нос и пухлые губы.

Она поворачивается и видит, что Таллула смотрит на нее. Она прищуривается, затем отворачивается, вновь опускает ноги на пол, берет яблоко, засовывает его в карман толстовки и, не попрощавшись ни с одной из подруг, встает из-за стола. Проходя мимо Таллулы, она

вновь щурит глаза, и Таллуле на долю секунды кажется, что по ее лицу мелькает улыбка.

Ким пристегивает Ноя к автокреслу и дает ему одну из его матерчатых книг. Райан сидит с ним сзади. Ким садится за руль и включает телефон, чтобы ввести адрес в поисковую строчку Гугла.

— «Темное место», — говорит она, набирая текст. — Это всего в миле отсюда, интересно, почему я никогда раньше о нем не слышала?

Она вставляет телефон в держатель, нажимает на иконку «пуск» и выезжает из тихого тупичка, где она живет с тех пор, как ей исполнился двадцать один год. Она рассеянно что-то напевает себе под нос. Она не хочет, чтобы ее тревога передалась Ною, не хочет, чтобы Райан заметил растущий в ней страх.

Они едут по залитым солнцем сельским дорогам, соединяющим Апфилд-Коммон с Мэнтоном, ближайшим большим городом. Прямо перед большой кольцевой развязкой, знаменующей конец деревни, Google велит им повернуть направо, на узкую дорогу. Указатель зарос буддлейей, но Ким может легко разобрать слова «Апли Фолд, ½».

Это однополосная дорога, и она ведет машину осторожно, на случай, если появится встречный автомобиль. Уже почти четыре часа дня, и солнце все еще высоко в небе. Она смотрит в зеркало заднего вида и говорит Райану:

— Не можешь опустить экран со стороны Ноя? Он сидит прямо на солнце.

Райан наклоняется и опускает экран. Ной тычет пальчиком на что-то в своей матерчатой книжке и пытается сказать Райану, что это такое, но он еще не умеет говорить, поэтому Райан просто смотрит на страницу и говорит:

— Да, верно, это поросенок. Хрюша!

Гугл велит Ким свернуть на следующем повороте направо. Она отказывается поверить, что там есть поворот направо, но вот она, грунтовая дорога с полоской луговых трав по центру. Живые изгороди здесь ниже, и Ким видны ослепительно-желтые поля рапса, силуэты коров вдали, скопление сельских домиков.

А затем, еще через несколько минут, перед ней возникает пара металлических ворот, гравийная подъездная дорога, ведущая прямо на юг, название «Темное место» из кованого железа, смутный силуэт увенчанного башенками дома вдали. Ким выключает двигатель и кладет телефон в сумочку.

— Что ты собираешься делать? — спрашивает Райан.

Ее глаза скользят по воротам в поисках дверного звонка или системы входа, но ничего не находят. Параллельно гравийной дороге тянется пешеходная дорожка. Она достает из багажника коляску Ноя и, отгоняя мошек с лица, раскладывает ее.

— Пойдем, — говорит она Райану, расстегивая застёжки на автокресле Ноя. — Мы идем пешком.

Райан с телефона выходит в Гугл для поиска «Темного места» и, пока они шагают, бегло зачитывает матери информацию со страницы Википедии. Ким рада отвлечься от тягостных мыслей.

— Построен в 1643 году, — сообщает Райан. — Вот это да, 1643 год, — повторяет он. — Но большая часть дома сгорела через несколько лет после постройки. Он пустовал семьдесят лет и получил название «Темное место» из-за обугленного леса, который его окружал. Георгианское крыло было добавлено в 1721 году, а викторианское — в конце 1800-х годов владельцем кофейной плантации по имени Фредерик де Темз. Который... о господи... — он умолкает и прокручивает назад текст, — ...был отцом не менее тридцати восьми детей в Колумбии и семерых детей в Великобритании и умер от испанского гриппа, когда ему был всего сорок один год.

Дом был завещан его последней жене, Каролине де Темз, которой на момент его смерти было всего двадцать и которая в свою очередь завещала его своему сыну Лоуренсу. В 1931 году трое старших детей Фредерика составили заговор с целью убийства Лоуренса, но человек, которого они наняли для этого, попал на угодьях «Темного места» в капкан для лисиц, и его нашли только через шесть дней, когда он был частично съеден лисицами, а вороны выклевывали ему глаза. В кармане пальто лежал письменный приказ об убийстве Лоуренса. Трое братьев, замысливших это преступление, были отправлены за решетку, и Лоуренс жил в этом доме до самой своей смерти в 1998 году. Затем, ввиду отсутствия живых наследников, дом вернулся на рынок

недвижимости и в 2002 году был приобретен неизвестным покупателем почти за два миллиона фунтов.

Пока они идут, Ким бросает взгляд то на землю, то на горизонт, то по сторонам, в надежде увидеть какие-нибудь следы дочери. Прежде чем выйти из дома, она позвонила во все три местные службы такси. И везде ей сказали, что прошлой ночью ни одна машина не забирала никого из «Темного места».

Они идут почти десять минут, пока наконец перед ними не возникает дом. Он выглядит именно так, как Ким и ожидала по описанию Райана. Смесь разрозненных архитектурных стилей, почти бесшовно сливающихся воедино в трех его крыльях вокруг центрального внутреннего двора. Солнце сверкает в ромбовидных стеклах свинцовых оконных переплетов в левом крыле и в больших викторианских окнах справа. По идее, все это не должно гармонировать, но выглядит изысканно и красиво.

На подъездной дорожке четыре машины и тележка для гольфа. Даже отсюда Ким слышно, что в бассейне плещутся люди. Райан помогает ей поднять коляску Ноя по ступенькам к входной двери, и она звонит в звонок.

Дверь открывает молодой человек. За ним следует огромный сенбернар и, тяжело дыша, опускается на пол у его ног. Парень обнажен по пояс, в одной руке у него упаковка из шести банок пива, в другой кухонное полотенце.

Он переводит взгляд с Ким на Ноя, затем на Райана и обратно на Ким.

— Привет!

— Привет! Меня зовут Ким. Хочу спросить, Скарлетт здесь? Или ее родители?

— Э-э-э... да. Да, конечно. Секундочку. — Он поворачивается и кричит: — Мам! К тебе пришли!

Позади него Ким видит лестницу из светлого камня, накрытую полосатой дорожкой. Еще видит произведения современного искусства и дизайнерские светильники. Вскоре появляется женщина в свободном белом сарафане и белых шлепанцах. Собака тяжело встает навстречу женщине, которая с любопытством смотрит на Ким через порог.

Парень улыбается Ким и исчезает внутри дома.

— Да? — говорит женщина.

— Извините, что беспокою вас, тем более в субботу.

Женщина смотрит через ее плечо на гравийную щетку и спрашивает:

— Как вы сюда попали?

— Мы припарковались у ворот, а дальше пошли пешком, — отвечает Ким.

— Но это же полмили! Вам следовало позвонить в звонок.

— Мы искали его, но не увидели.

— Ой, да, извините, это датчик движения. Над ним нужно встать. Многие люди его не замечают. Вам следовало позвонить.

— Но у меня не было номера. Вернее, номер у меня был, но я не представляла себе, как далеко от ворот до дома, но в любом случае ничего страшного. Просто... Я ищу свою дочь.

— Так вы мама Мими? — спрашивает женщина. — Думаю, она уехала сегодня утром...

— Нет, — говорит Ким. — Нет. Извините. Я не мама Мими. Я мама Таллулы. Она была здесь вчера вечером?

— Таллулы? — Женщина машинально тербит загривок собаки. На ее среднем пальце широкое обручальное кольцо.

— Лулы, — произносит Ким. Она терпеть не может имя Лула, но друзья дочери всегда сокращали ее полное имя, и со временем она научилась воспринимать это спокойно.

— Нет. — Женщина качает головой. — Нет. О Луле я тоже никогда не слышала. Вы уверены, что она была здесь?

Ким жарко, она взволнована. Там, где она стоит, нет тени, и солнце обжигает ей шею. Она чувствует, как все ее тело исходит горячим потом, и мгновенно злится на эту женщину в накрахмаленном белом сарафане, с недавно причесанными волосами и свежим, ухоженным лицом. В ее отрывистом акценте как будто слышится намек на то, что Ким явно ошиблась местом.

Она кивает и старается говорить вежливо.

— Да. Пару часов назад я разговаривала с вашей дочерью. Она сказала, что Таллула была здесь прошлой ночью со своим парнем Заком и что в три часа ночи они уехали на мини-кэбе. Но я обзвонила все местные службы такси, и ни в одной из них не зарегистрирован вызов с этого адреса или откуда-то поблизости от этого дома. А сейчас почти четыре часа дня, а моя дочь так и не вернулась домой. А это, —

она указывает на Ноя в коляске, — сын Таллулы, и она никогда намеренно не бросит его. Просто никогда.

Ее голос начинает опасно дрожать. Чтобы удержаться от слез, она делает глубокий вдох. Женщина выглядит невозмутимой. Похоже, эмоции Ким ни капли ее не трогают.

— Извините, — говорит она после короткой паузы. — Еще раз, как вас зовут?

— Ким. А это Райан. Мой сын. И Ной. Мой внук.

— О боже! — восклицает женщина. — Бабушка! Да вы слишком молоды, чтобы быть бабушкой. Меня зовут Джосс. — Она протягивает Ким руку и говорит: — Тогда пойдете. Посмотрим, что скажет обо всем этом Скарлетт. Идите за мной.

Она ведет их через двор, и они проходят в высокие кованые ворота в древней кирпичной стене, густо заросшей плющом. Огромный пес тяжело ковыляет позади них. Внутреннее пространство уставлено крошечными белокаменными фигурками на плексигласовых постаментах.

Они следуют за хозяйкой дома по вымощенной плиткой дорожке, вдоль которой выстроились фигурно постриженные растения в синих глазурированных горшках, а затем сворачивают за угол.

Перед ними бассейн.

Он расположен на кремовой мраморной террасе с занавешенной беседкой с одной стороны, в которой стоит огромная кушетка с кремовыми подушками. По всей его длине под разными углами расположены деревянные лежаки с такими же кремовыми подушками в тон.

В центре бассейна, забравшись внутрь огромного ярко-розового надувного фламинго, плавает высокая худая девушка со светло-зелеными волосами и в черном бикини. Она с любопытством смотрит на Ким и ее сопровождающих.

— Ой, — говорит она, когда до нее доходит, кто перед ней.

— Таллула? — произносит Джосс, прикрывая глаза рукой от солнца, играющего слепящими бликами на поверхности бассейна. — Думаю, она была здесь вчера вечером. Есть идеи, куда она делась?

Скарлетт подгребает к краю бассейна, затем слезает с фламинго и поднимается по каменным ступеням. Она оборачивается черным

полотенцем и садится за круглый тиковый стол, заставленный белыми свечами в стеклянных банках.

Ким садится напротив нее.

— Я знаю, — начинает она, — вы сказали, что не знаете, куда они пошли. Я знаю, вы сказали, что Таллуле стало плохо и они сели в мини-кэб. Но все таксисты говорят, что никого отсюда не забирали. И мне стало интересно, вдруг произошло что-то еще, что могло бы объяснить, где они находятся.

Скарлетт ковыряет воск на одной из свечей, отказываясь смотреть Ким в глаза.

— Честное слово, — говорит она, — Поверьте, это все, что я знаю.

— И вы видели, как они садились в машину?

— Нет. Я была здесь с Мими. Зак пришел и сказал, что Луле плохо и он собирается отвезти ее домой, что такси уже едет.

— Он так сказал? Что такси уже едет? Или он сказал, что собирается его вызвать?

Скарлетт пожимает плечами. Ким наблюдает, как хрустальные бусинки воды сливаются, падают на ее угловатые плечи и ручейками стекают по ее рукам.

— Я почти уверена, что он сказал, что такси уже едет.

Ким боковым зрением видит стоящего рядом Райана. Она выдвигает ему стул. Он садится и придвигает к себе коляску с Ноем.

— Как вы думаете, есть ли шанс, что Зак пытался вызвать такси, но свободного такси не нашлось, поэтому они пошли пешком?

— Да, — говорит Скарлетт. — Наверное.

Ким поворачивается к брату Скарлетт. Тот сидит на конце лежака напротив бассейна, с банкой пива между коленями.

— Вы были здесь вчера вечером, на вечеринке? — спрашивает она его.

Он в оборонительном жесте вытягивает вперед руку и отвечает:

— Нет. Меня не было. Я вернулся домой только сегодня утром.

Ким вздыхает.

— А если бы они пошли пешком, где бы они оказались?

Скарлетт вновь пожимает плечами.

— Это смотря какой дорогой они пошли. Если бы они пошли по подъездной дорожке, то оказались бы на главной дороге, или в Апли-

Фолде, если бы свернули не в ту сторону. Если бы они пошли задней тропинкой, они бы вернулись в Апфилд-Коммон.

— Задней тропинкой?

— Да, — отвечает Скарлетт и неопределенно машет рукой куда-то за спину. — Вон там.

Ким оглядывается через плечо. Ей видны лишь лужайки, клумбы, живые изгороди, гравийные дорожки, изъеденные временем каменные ступени, солнечные часы и беседки.

— Где?

— Там, — говорит Скарлетт. — За домом. Там есть тропинка, которая ведет через лес к дальней части Апфилда. Рядом с Мейполом. Я иногда ходила по ней в школу, когда училась там.

— Как далеко?

— Миля или чуть больше, — вмешивается Джосс. — Но я бы не советовала это делать. Особенно с младенцем. Вы должны хорошо знать дорогу, иначе можно легко заблудиться.

— Таллула знала об этой тропе?

Скарлетт пожимает плечами.

— Вряд ли, — сказала она. — Она ни разу не бывала здесь раньше, поэтому откуда ей это знать?

— А кто еще был здесь прошлой ночью? — продолжает Ким. — Не помните?

— Только мы трое, — отвечает Скарлетт, — и Мими. Лекси Маллиган была здесь перед тем, как они уехали. Она живет в Мейпол-Хаусе. Ее мать там сестра-хозяйка. Вы знаете Керрианну Маллиган?

Ким кивает. Она хорошо знает Керрианну. Все в Апфилде знают Керрианну. Как ее можно не знать?

— Да. Ее дочь. Ей где-то за двадцать. Но она ушла рано. Она была за рулем. И она взяла с собой моего друга Лиама.

— И после этого остались только вы, Таллула, Зак и... Мими?

— Угу.

— А ваши родители?

— Мама была здесь. Она спала. Отец уехал по делам.

Ким поворачивается к Джосс. Та сидит на ступеньках позади нее и прислушивается к разговору.

— У вас ведь есть камеры видеонаблюдения? Где-нибудь на территории?

Джосс кивает.

— Да, повсюду. Но, боюсь, я не имею ни малейшего представления, как ими пользоваться. — Она смотрит на сына. — Рекс? Есть идеи, как посмотреть запись с видеокамер?

Рекс морщит нос.

— Никаких. Знаю только, что в кабинете отца есть что-то вроде главной панели, но я ни разу ею не пользовался.

— Как вы думаете, мы можем попробовать? — спрашивает Ким.

Говоря это, она мгновенно чувствует, как настроение хозяев меняется. До сих пор ее присутствие было для них незначительной помехой, они принимали ее на их собственных условиях. Теперь же она просит их пройти в дом, открыть двери, понять, как работает оборудование.

Она видит, как все трое обмениваются взглядами. Затем Джосс встает, подходит к Ким и говорит:

— Послушайте. Нам незачем всем бродить по кабинету Мартина, я просто попрошу Рекса взглянуть. Пусть он позвонит Мартину и поговорит с ним. У Скарлетт есть ваш номер. Если мы что-то найдем, мы вам позвоним.

У Ким все еще множество вопросов, которые она хочет задать и на которые ей нужны ответы. Она пока не готова уйти.

— Вы сказали, что Таллула ни разу не была здесь раньше? — спрашивает она с ноткой отчаяния в голосе. — А по телефону вы сказали, что вообще не знаете ее. Вы даже не знали, что у нее есть ребенок. Тогда как... я имею в виду, почему она вообще оказалась здесь?

Скарлетт накидывает полотенце на плечи, как мантию, и вытирает уголками уши.

— Иногда мы болтаем, — говорит она, — в колледже. Вчера вечером я увидела ее в пабе, мы немного выпили, и одно повлекло за собой другое.

Ким снова смотрит на нее, долговязую угловатую девушку, с которой иногда болтала ее дочь. Ее взгляд замечает каждую мелочь: то, как ее пирсинг отражает солнечный свет, татуировку на лопатке, идеально покрашенные ногти на ногах. Затем ее взгляд останавливается на черной отметке на стопе Скарлетт. Это маленькая татуировка, всего пара букв, которые она сначала не может разобрать.

Затем она понимает, что это значок ТМ, «торговая марка». Скарлетт опускает руку и быстрым и резким движением, словно прихлопывая муху, прикрывает татуировку. Они на миг встречаются взглядами, и Ким замечает, как на лице Скарлетт мелькает что-то колючее и злое.

Она закидывает на плечо сумку.

— Как вы думаете, — спрашивает она, — нельзя ли поговорить с вашей подругой Мими? У вас есть ее номер?

— Она знает не больше, чем я.

— Пожалуйста.

— Я попрошу ее вам позвонить, — говорит Скарлетт.

Через минуту они уже выкатывают коляску Ноя обратно через кованые ворота во внутренний двор. Джосс стоит под беседкой, увитой пассифлорой, со своим гигантским псом, машет им, и когда они идут к подъездной дорожке, Ким слышит плеск ныряющих в прохладную синь бассейна тел и короткий взрыв смеха.

Софи выросла в семье, где любят проводить время на природе. Они отправляются в пешие походы, ходят под парусом, катаются на горных лыжах. Ее отец бегает марафоны, мать играет в гольф и теннис, оба ее брата работают в спортивной индустрии. Сама Софи когда-то была пловчихой. У нее есть медали, кубки и грамоты. Они хранятся в большом ящике на чердаке в доме ее родителей, и она все еще сохраняет хорошую физическую форму, хотя в последнее время почти не плавает. Когда они все были маленькими и действовали матери на нервы, она надевала на них пальто и, заперев дверь, выставляла в сад за домом. Некоторое время они ныли, а потом находили, чем заняться.

Обычно это включало лазание по очень высоким деревьям и раскачивание на ветках, которые не предназначены для подобных игр. Так что Софи нравится находиться на открытом воздухе. Она уверена в своей способности ориентироваться и в одиночку, без посторонней помощи преодолевать препятствия. И поэтому она отправляется в лес, соответствующе одетая, захватив с собой воду, энергетические батончики, зарядное устройство для мобильного телефона, компас, пластыри, солнцезащитный крем, шляпу и пачку ярко-красных пластиковых конусов-маркеров, которые она может через определенные промежутки ронять на лесную подстилку, чтобы найти дорогу назад.

Деревья в лесу огромны, они почти не пропускают бледно-золотистое августовское солнце. Сделав всего несколько шагов, Софи чувствует, как температура начинает падать. Держа в правой руке компас, она следует по тропинке по стрелке, указывающей ей, куда идти. Минут через двадцать густой лес вновь начинает редеть. Между деревьями появляются проложенные пешеходные тропинки и видны следы присутствия человека — кучки мусора, собачий кал в зеленом пластиковом пакете, свисающий с ветки. Ненадолго поймав телефонный сигнал, она вновь проверяет карту и видит, что вот-вот выйдет на тропинку для верховой езды. Затем пальцами перемещает

карту по экрану и видит справа от себя линейное изображение большого здания.

В следующий миг перед ее взглядом появляется башня и флюгер. Затем изгиб древней кирпичной стены и полог из ярко-красного виргинского плюща. Софи протискивается сквозь ряд окружающих стену деревьев и оказывается перед ржавой металлической калиткой, на прутьях которой висит сломанный замок, после чего проходит в калитку и попадает в нечто вроде рощи. Впереди виднеется клочок голубого неба, и вскоре она стоит на неухоженной, выгоревшей на солнце лужайке, которая тянется вниз по широким, поросшим чертополохом каменным ступеням к дому, похожему на нечто из фильмов Тима Бартона.

У Софи перехватывает дыхание. Она даже хватается за горло. Она сбегает по ступенчатым лужайкам к дому и видит перед собой бассейн. Он темно-зеленый, наполовину затянутый рваным брезентом. Вокруг него валяются кучи полусгнивших мертвых листьев, оставшихся с прошлой зимы. Пагода на одном конце бассейна исписана яркими граффити. Терраса между бассейном и домом усыпана пустыми банками из-под пива и окурками, мундштуками для курения травки, пакетами от чипсов и контейнерами из-под еды навынос.

Как можно, недоумевает Софи, бросить такой великолепный дом, как этот, не говоря уже о его рыночной стоимости? Почему о нем не заботятся, даже если в нем никто не живет?

Она обходит дом кругом, пытаясь заглянуть в окна через щели в ставнях. Перед домом — причудливый двор, за ним — длинная, усаженная кипарисами подъездная дорога, которая тянется на целую милю, если не больше. Она поворачивается и смотрит на парадную дверь. Над фрамугой, в темной кирпичной кладке, выгравирована дата — 1721 год.

Воздух здесь густой и тихий, больше ничего не видно. Этот дом существует почти на острове. Интересно, задается вопросом Софи, что там с семьей, которая здесь жила? Где этот управляющий хедж-фондом, где его гламурная жена и их талантливая дочь-подросток? Где они сейчас и что, черт возьми, вынудило их покинуть такое место, чтобы оно зарастало бурьяном?

Софи проверяет время на телефоне. Уже почти полдень. Она останавливается в верхней части сада, чтобы еще раз взглянуть на великолепие дома. Делает снимок, затем кладет телефон в рюкзак и направляется обратно по тропинке в лес.

Октябрь 2016 года

— Зак опять звонил.

Таллула смотрит на мать.

— Около часа назад. Спросил, знаю ли я, где ты, потому что ты не отвечаешь на его звонки.

Она пожимает плечами, направляется к «радионяне» на кухонной стойке, прикладывает к ней ухо и прислушивается к звукам сонного дыхания сына.

— Как долго он спит?

— Минут тридцать пять.

Она смотрит на часы. Сейчас полпятого. Ной проголодается с минуты на минуту. У нее есть небольшой промежуток времени, чтобы переодеться, выпить чашку чая и разобраться с домашними заданиями. Она проучилась в колледже четыре недели, и у нее уже сложился твердый распорядок дня.

— Ты собираешься ему позвонить?

— Кому?

— Заку, — нетерпеливо отвечает мать. — Ты собираешься ему позвонить? Ты не можешь вечно его игнорировать.

Таллула кивает.

— Я знаю, — говорит она. — Я знаю.

Она развязывает шнурки на кроссовках и снимает их. Потом вздыхает. Когда Зак приехал в субботу навестить Ноя, он спросил, как она смотрит на то, чтобы им снова быть вместе. Что странно, потому что, когда она была беременна, ей хотелось одного: снова быть вместе с Заком.

Но теперь она мать, теперь она учится в колледже, теперь она уже не тот человек, что раньше, и тот человек, которым она стала, не хочет ни с кем быть. Ей хочется делить свою постель, свое тело лишь с Ноем.

Они с Заком были вместе почти три года, когда она забеременела. Она сказала ему, что беременна, лишь когда была уже на пятом месяце, и он испугался и заявил, что ему нужно время, чтобы понять, что он

думает по этому поводу. И вот теперь он знает, что думает по этому поводу, но Таллула больше не уверена в том, что думает она сама.

— Он ведь хороший парень, — продолжает мать.

— Да. Я знаю. — Таллула пытается скрыть раздражение. Она сейчас всем обязана матери и не хочет показаться неблагодарной. — Я просто не знаю, что ему сказать.

— Ты могла бы так и сказать ему, — предлагает ее мама.

— Да, но вдруг он попытается меня переубедить, а у меня на это просто не хватит сил.

Таллула постоянно валится с ног от усталости. Летом все было хорошо: новорожденный Ной спал большую часть дня, и у нее оставалось достаточно времени, чтобы вздремнуть самой. Но теперь он стал старше и бодрствует и она три раза в неделю по утрам ездит в колледж. Ей нужно делать домашние задания, и дневной сон остался в прошлом.

— Если Зак расплатится или что-то в этом роде, я не выдержу и сдамся. Я это точно знаю.

Мать протягивает ей кружку чая, выдвигает стул и садится напротив.

— Но в чем дело? — начинает она. — В чем ты не уверена?

— Просто я... Я не... — На ее счастье, она избавлена от необходимости подбирать слова, чтобы объяснить то, чего не в силах объяснить... Спасибо кряхтению Ноя, доносящемуся из «радионяни»: ее сын пробуждается от послеобеденного сна. Мать пытается встать, но Таллула хочет сама вынуть своего мальчика с его теплых простыней, взять на руки, прижать его к себе, к своей груди, ощутить сладкое тепло его дыхания на своей ключице. Она ни с кем не хочет делиться этим блаженством.

— Я сама, — говорит она. — Я сама.

На следующий день утром у Таллулы колледж.

Она выходит из дома, а перед ее глазами запечатлелась сцена: Ной на руках у матери, а Райан в школьной форме разогревает в микроволновке для него молоко. А все потому, что она опаздывает и у нее нет времени сделать это самой. Она стоит на автобусной остановке напротив их тупика. Автобус опаздывает. После всей утренней суеты, когда она даже толком не попрощалась с маленьким сыном, Таллула нетерпеливо вздыхает. Внезапно она чувствует рядом с собой еще чье-

то присутствие. Она поворачивается и видит Скарлетт Жак, та скользит к ней по пластмассовой скамейке.

— Я его не пропустила? — спрашивает она, запыхавшись.

До Таллулы ни сразу доходит, что Скарлетт обращается к ней, и потому она не отвечает.

— Будем считать, что нет, — констатирует Скарлетт.

— Извини, — говорит Таллула. — Да. В смысле нет. Ты его не пропустила. Он опаздывает.

— Уф, — говорит Скарлетт, вытаскивая наушники из кармана своего мешковатого плаща, и засовывает их в уши. Затем говорит: — Кажется, я тебя знаю. Ты ведь учишься в Мэнтонском колледже, верно?

Таллула кивает.

Скарлетт тоже кивает и говорит:

— Я тебя видела. Ты на каком отделении?

— Социальная помощь. Первый год.

— А, так ты тоже новенькая?

— Да. Всего несколько недель. А ты? — спрашивает Таллула, хотя прекрасно знает, на каком отделении учится Скарлетт.

— Изобразительное искусство. Первый год.

— Это круто, — говорит Таллула и тотчас жалеет о своих словах.

— Вообще-то это полный отстой. Я хотела поступить в художественную школу в Лондоне, но родители уперлись, и ни в какую. Мол, мне незачем мотаться туда-сюда. И тогда я сказала: ладно, тогда снимите мне квартиру. И они сказали, даже не думай, а потом я получила паршивые оценки по рисунку и живописи, с какими не поступить ни в один приличный колледж. Нет, не потому, что искусство — это не мое, а просто я почти ничего не делала из того, что должна была. И вот результат. Так сказать, история моей жизни. Так что я здесь.

Услышав рокот старомодного зеленого автобуса, который курсирует по этому району, обе поворачивают головы. Ага, вот он, на противоположной стороне деревенского луга.

— Значит, ты здесь живешь? — спрашивает Таллула.

— Нет. Вернее, вроде как да. Примерно в двух милях отсюда. Просто я провела ночь со своим парнем. Он учится в Мейполе. — Она

пожимает плечами и смотрит в сторону внушительного старого особняка по ту сторону деревенского луга.

— Тебе можно там спать?

— Нет. Определенно нет. Но у меня с сестрой-хозяйкой «особые» отношения. Она обожает меня. И я дружу с ее дочерью, поэтому она закрывает глаза.

Приближается автобус, и они встают. Таллула не знает, что сейчас произойдет. Они сядут вместе? Они продолжат разговор? Но решение принято без нее. Скарлетт видит в задней части автобуса подружку. Она шагает прочь от Таллулы, бросает на сиденье рюкзак, следом плюхается сама. Ее голос звучит громко, едва ли не режет уши, он разносится по проходу к передней части автобуса, где Таллула сидит одна. Но когда Таллула поворачивается, всего лишь один раз, чтобы взглянуть на Скарлетт, она видит, что Скарлетт смотрит прямо на нее.

Ким раздевается и быстро становится под душ, еще до того, как вода успевает нагреться. Весь этот эпизод в доме Скарлетт заставил ее почувствовать себя грязной и измученной. Она представляет, как мать Скарлетт стоит у входной двери со своей большой пыхтящей собакой и смотрит, как они неуклюже толкают коляску Ноя по гравийной дорожке к воротам.

— Я бы рада вас подвезти, — крикнула она тогда, — но, к сожалению, я уже немного выпила!

К тому времени, когда они вернулись, машина Ким была похожа на раскаленную духовку. Ной устал, проголодался и плакал всю дорогу от подъездной дорожки до парковочного места у дома Ким, после чего сразу уснул. Сейчас Райан сидит с ним в машине. В душе, когда вода течет по ее лицу, Ким ощущает соленый вкус собственного пота.

Каждые несколько секунд она смотрит через щель в занавеске душа на свой телефон. Он рядом, на раковине. Она приставила его к стакану с зубными щетками, чтобы видеть, не пропустила ли она звонок или сообщение. После душа она надевает чистые шорты, свежий бюстгальтер и топ. Все, что было на ней раньше, влажное и провоняло потом. Она бросает грязные вещи в корзину для белья и снова смотрит на свой телефон.

По-прежнему ничего.

Ее нутро снова сжимает страх. Он приходит и уходит волнами. Она сидит на краю кровати и думает про лес за домом Скарлетт. Она пытается представить себе, как Зак и Таллула ждут в темноте такси, но оно так и не приезжает. Спустя некоторое время они сдаются и один из них говорит:

— Этот лес ведет в Апфилд. Можно попробовать пройти через него.

Ночь была теплая. Возможно, это предложение прозвучало даже привлекательно. Возможно, они решили, что свежий воздух поможет Таллуле проветрить голову.

Ким звонит Мэгс.

— Не могла бы ты присмотреть за Ноем, — говорит она, — если я на время оставлю его с тобой? Мне кажется, я знаю, где могут быть Зак и Таллула, и я хочу пойти и посмотреть.

Молчание, затем Мэгс спрашивает:

— Значит, они еще не вернулись?

Ким закрывает глаза. С сыновьями все обстоит иначе, она это знает. И все равно беспечность Мэгс ее расстраивает. Она представляет ее такой, какой видела ее сегодня утром: нежится на солнышке в саду за домом рядом со своим раздражительным мужем — и никаких забот и тревог.

— Нет, — говорит она. — Нет. И ни одна машина из местных таксопарков не забирала их прошлой ночью от дома ее подруги. Поэтому я предполагаю, что они могли заблудиться в лесу за колледжем. Я хочу пойти и посмотреть.

— Понятно, — говорит Мэгс. — Верно. — И тут же добавляет: — Лично мне это кажется маловероятным. Ведь уже почти пять часов. Выходит, они пробыли в этом лесу всю прошлую ночь. Не понимаю, как можно так долго плутать по лесу.

— Может, они попали в аварию? Упали в... Не знаю, в старый колодец или что-то в этом роде. Ладно, как бы там ни было, я сейчас привезу к вам Ноя. До скорого.

Не дожидаясь, что еще ей может сказать Мэгс, она заканчивает разговор.

Ким и Райан два часа рыщут по лесу, но никого не находят. Никаких колодцев. Никаких ям. Никаких капканов. Никаких следов или подсказок. Ничего. Они проходят мимо жилого корпуса на территории школы Мейпол-Хаус, и Ким смотрит на окна.

Она вспоминает слова Скарлетт о том, что дочь Керрианны Маллиган была с ними прошлой ночью. Лекси, так, кажется, ее зовут. Они с Райаном направляются к воротам и нажимают на кнопку с надписью «Комендант общежития». Им отвечает женский голос.

— Алло. Это Керрианна?

— Да, слушаю.

— Здравствуйте, это Ким Нокс. Я живу по ту сторону луга. Если не ошибаюсь, моя мама ухаживала за вашей мамой, когда та была в Спрингдейле, верно?

— Да, да. Я знаю вас. И я помню вашу маму. Она приносила в комнату моей мамы ямайский имбирный пирог, когда я приезжала к ней на чай. Пола, если не ошибаюсь, так ее звали?

Услышав имя матери, Ким улыбается.

— Да! Верно. А вашу маму звали Ванда?

— Да! Верно. Приятно, что вы ее помните. Как ваши дела? Вы хотите войти?

— Да, спасибо. Со мной сын.

— Прекрасно, — говорит Керрианна. — Второй этаж, комната 205.

В квартире Керрианны пахнет едой, что-то кипит на плите. На угловом диване напротив террасы с видом на лес, который Ким только что прочесала в поисках дочери и ее парня, сидит молодая женщина.

— Входите! — говорит Керрианна. — Входите. Это моя дочь, Лекси, она гостит у меня несколько дней. Лекси, это Ким, она дочь одной из сиделок бабушки в Спрингдейле. Кстати, как там ваша мама? Она?..

Ким качает головой.

— Нет. Она умерла два года назад.

— О, мне печально это слышать. Должно быть, она была еще молода?

— Шестьдесят два, — отвечает Ким.

— О нет! О боже. Ненамного старше меня. Мои соболезнования.

— Спасибо. А ваша мама? Она?..

— Умерла четыре года назад. Но ей было восемьдесят восемь. Так что мне грех жаловаться. Но она любила вашу маму. Любила всей душой.

С минуту они грустно улыбаются друг другу, думая о своих бедных покойных матерях, но затем Керрианна берет себя в руки и говорит:

— Так чем я могу вам помочь?

— Вообще-то, — говорит Ким, — я хотела бы поговорить с Лекси. При звуке своего имени Лекси оборачивается.

— Что? — спрашивает она.

Лекси — симпатичная молодая женщина с бордовыми волосами. У нее короткая стрижка с тупой челкой, на носу большие очки для

чтения в черной оправе. Сама она в узеньких джинсах и искусственно состаренной футболке.

— Вы были в доме Скарлетт прошлой ночью?

— Да! — бодро отвечает она. — Как вы узнали?

— Потому что моя дочь тоже была там. Таллула. И ее парень Зак. Дело в том, что Таллула и Зак не вернулись домой. По всей видимости, они ушли отсюда в три часа ночи. Мы только что были в лесу за домом. — Ким жестом указывает на раздвижную стеклянную дверь. — Я подумала, вдруг они заблудились, возвращаясь, но их там не было. И я знаю, вы ушли рано, но мне просто интересно, вдруг вы что-то заметили. Или что-то знали. Или видели. Потому что я не знаю, что мне думать!

Она пытается не сорваться на крик, пытается сохранить нормальный тон, но как только она приходит к своему выводу, ее голос предательски дрожит и она обнаруживает, что плачет. Керрианна спешит на кухню, чтобы принести ей салфетку. Лекси смотрит на нее с искренним беспокойством.

— О боже, сочувствую. Какой ужас. Представляю, как вы переживаете.

Ким кивает, берет у Керрианны бумажный носовой платок и вытирает им щеки.

— Нет-нет, — говорит она, — я уверена, что ничего страшного не случилось. Я уверена, что они просто... они ведь дети и просто... — Но она умолкает, так как не верит ни одному своему слову. Единственное, в чем у нее нет сомнений, так это в том, что Таллула никогда намеренно не бросит Ноя и что с ней, должно быть, случилось что-то ужасное.

Керрианна ведет Ким и Райана к большому дивану и предлагает им сесть.

— Честно говоря, — начинает Лекси, — мне бы очень хотелось что-то вам рассказать. Но рассказать мне нечего. Я была в пабе «Лебедь и утки» со старой школьной подругой. Там была эта компания, помоложе, лет двадцати, и они были довольно шумными. Я узнала одну из них, Скарлетт. Раньше она здесь училась. Мы с ней были дружны. Я пошла поздороваться, и не успела я сообразить, как меня затащили в их тесную компанию, что было довольно странно, потому что я все же старше их. Плюс я была трезва. В отличие от них.

— И Таллула тоже была с ними?

— Да. Она сидела с парнем... кажется, со своим парнем?

Ким кивает.

— Сначала оба сидели тихо, как будто слегка оробев. Я это заметила. Но потом Скарлетт заказала для всего стола напитки, затем еще раз, по второму кругу, и постепенно все сделались шумными, а затем объявили, что паб закрывается, и кто-то предложил пойти через лес домой к Скарлетт, и я подумала, что они ищут на свою голову приключений. Поэтому предложила отвезти их туда.

— Всех?

— Нет, не всех, только пятерых. Они набились на заднее сиденье, что не совсем законно, но я подумала, что так все равно безопаснее, чем выпивши идти в темноте через лес.

— И что было, когда вы приехали туда?

— Как вы знаете, прошлая ночь была теплой. Возле бассейна горел свет, и они все просто разделись и прыгнули в воду.

— Включая Таллулу?

— Да. Она прыгнула в топике и джинсах. Она явно стеснялась.

— Да, она все еще не сбросила вес после родов.

— У нее есть ребенок? — Лекси выглядит искренне удивленной.

— Да. Сын. Ной. Ему год.

— Но она на вид такая юная.

— Это правда. — Ким сдерживает очередной приступ рыданий и заставляет себя улыбнуться. — Значит, они все прыгнули в бассейн. И что потом?

— Да... и в этот момент я решила, что за ними нужен надзор. Я это к тому, что мать Скарлетт была где-то внутри, наверно уже спала, и я поняла, что я единственный трезвый человек в их компании, поэтому должна следить за всеми. Я оставалась там примерно до часа ночи.

К тому времени все уже вылезли из бассейна, и там была... — она краем глаза косится на Ким, — ...«травка». Немного водки. Музыка. Но в целом уже не так шумно. Таллула и ее парень вошли в дом. Затем Мими тоже вошла в дом. А я решила вернуться. Этот парень, Лиам, попросился поехать вместе со мной, потому что он работает здесь, в школе. Вот и все.

— Лиам? — осторожно переспрашивает Ким. — Кто такой Лиам?

— Он здесь помощник учителя. Живет в квартире над нами. Он раньше встречался со Скарлетт, но они до сих пор друзья.

— Он... я имею в виду, он не?.. — Ким не может подобрать нужные слова.

Лекси качает головой.

— Нет, — говорит она, — нет. Боже, нет, вам не нужно переживать из-за Лиама. Это самый милый парень в целом мире. Честное слово.

Ким осторожно кивает.

— А было ли прошлой ночью, — осторожно спрашивает она, — что-то такое под поверхностью веселья? Некое ощущение, что происходит что-то нехорошее?

Лекси легонько выпячивает нижнюю губу и медленно качает головой.

— Нет.

— А когда вы уехали, кто все еще оставался там?

— Таллула. Ее парень. Скарлетт и Мими.

— Что ж, — говорит Ким, вставая на ноги. — Большое спасибо, Лекси. Я очень ценю ваше время, и большое вам спасибо за то, что поехали с ними вчера вечером, за то, что опекали их. Пьяные дети в бассейнах. Страшно подумать, чем такое может закончиться.

— Именно, — говорит Лекси. — Потому я и осталась с ними.

— Что ж, спасибо вам. А этот Лиам? Как вы думаете, с ним стоит поговорить? Может, у него есть какие-то идеи?

— Сомневаюсь, — виновато отвечает Лекси. — Он видел не больше, чем я.

Ким смотрит на часы в телефоне. Почти шесть. Она поворачивается к Керрианне.

— Как вы думаете, мне следует позвонить в полицию? — мягко спрашивает она. — Прошло пятнадцать часов. Что бы вы сделали на моем месте?

Керрианна вздыхает.

— Со мной все иначе. В некотором роде я выполняю здесь роль родителя, и если бы вдруг пропал ученик, я бы немедленно сообщила в полицию. Кстати, такое один раз было, и я через несколько часов вызвала поисково-спасательную службу. Но как мать? — Она на миг умолкает. — Не знаю. Ведь Таллула и Зак фактически взрослые люди.

Они пили, принимали наркотики, плюс у них есть обязанности, выходящие за рамки обязанностей обычных подростков. У меня возник бы соблазн взглянуть на картину шире. Что, если они просто сбежали? Что, если им в голову внезапно пришла такая безумная идея?

Ким закрывает глаза и пытается взять себя в руки.

— Нет, — говорит она. — Нет. Точно нет.

— А что между ними как парой? Вдруг там что-то было? Может, они поссорились? Может, что-то случилось?

И вот оно, то, что грызло ей голову весь день: маленькая коробочка, которую она нашла в кармане пиджака Зака накануне, когда искала запасные ключи от двери, которые одолжила ему. Коробочка, а в ней кольцо с маленьким бриллиантом в золотой оправе. Она ожидала, что вчера вечером они вернутся из паба помолвленными. Она не знала, что ей думать по этому поводу. Они ведь так молоды, и она не уверена, что Таллула полностью предана Заку.

Но она была к этому готова. Была готова изобразить изумление и восторг, обнять их обоих, сказать, что она безумно рада за них, сфотографировать их вместе и отправить фото отцу Таллулы, разместить на Фейсбуке и все такое прочее. Она была к этому готова. Даже если она считала, что это неправильно. Потому что так принято. Не так ли? Когда у девушки есть ребенок. Когда у нее есть мужчина, который ее любит. Они должны пожениться.

Но затем Ким думает о том, сколько времени потребовалось Таллуле, чтобы согласиться вновь сойтись с Заком после рождения Ноя. Она вспоминает, как Таллула сбрасывает с плеча руку Зака, как иногда закатывает глаза за его спиной. Ким уже несколько недель хотела поговорить с Таллулой, хотела проверить, убедиться, что ее дочь не жалеет, что приняла Зака назад. Но так и не поговорила. А потом они решили вместе выбраться в паб, и Ким увидела в этом знак того, что отношения между ними улучшились. А потом нашла кольцо.

Что, если, думает она, Зак предложил Таллуле руку и сердце, а Таллула сказала «нет»? Потому что Зак хороший парень, но у него вспыльчивый характер. Время от времени она видела, как он психует, когда смотрит по телевизору спортивные передачи, или что-то роняет, или вдруг ударяется обо что-то, или когда кто-то подрезает его, когда он за рулем.

Мог ли отказ Таллулы выйти за него замуж спровоцировать вспышку гнева? Как он среагировал бы на это?

Софи и Шон приходят в квартиру Керрианны в восемь часов вечера с бутылкой холодного вина в руках. В квартире стеклянные раздвижные двери почти во всю ширину гостиной, и они обращены прямо к заходящему солнцу. В комнате жарко и душно. Большой хромированный вентилятор с проводом, вставленным в розетку в стене, дает не слишком большое облегчение.

— Извините, — говорит она Софи и Шону, — в солнечный день здесь очень жарко, зной остается как будто в ловушке. Давайте лучше посидим на балконе, — предлагает она.

На балконе стоит плетеный диван, на столе — чипсы в мисках, бокалы для вина и свеча в кувшине.

Первой садится Софи, за ней Шон. Вид на лес прекрасен. Небо бирюзовое, с коралловыми прожилками, из тени выглядывает бледный полумесяц.

— Какая красота, — говорит Софи. — Совершенно другой мир, не то, что в нашем коттедже.

— Да, коттедж красивый, но вида из него нет. Но опять же, у вас там не жарко.

Керрианна наливает вино в три бокала и поднимает свой, повернувшись к Шону.

— За встречу, — говорит она. — За моего пятого директора! И за вас тоже, Софи, за мою первую любимую вторую половинку директора!

— Мы первая пара, не состоящая в браке? — спрашивает Софи.

— Да, первая.

— Это скандально? — уточняет Софи.

— О боже, нет. Может быть, лет двадцать назад это вызвало бы вопросы и порицание. Но не сейчас. По-моему, сейчас такие вещи никого не волнуют. И кстати, Хасинта Крофт — ваша предшественница, Шон, — приехала сюда замужней женщиной, а уехала одна. Ее муж сделал ноги. Один из тех случаев, мол, «я только выскочу за пинтой молока». Никто так и не узнал почему. В

значительной степени из-за этого она и ушла, из-за разразившегося скандала. Так что нет, вам здесь никто не будет перемывать косточки, это я вам обещаю.

Некоторое время они болтают о первом дне Шона на работе, о школе, в которой он преподавал в Льюишеме, о различиях между Лондоном и Сурреем, между двумя школами. Внезапно Керрианна поворачивается к Софи и говорит:

— Питер Дуди сообщил мне, что вы писатель, Софи. Детективные романы, сказал он.

— Да, — улыбается Софи. — Хотя я сомневаюсь, что вы их читали. Они на любителя. Но очень популярны в Скандинавии.

Она смеется тем смехом, каким всегда смеется, когда ей приходится объяснять людям, почему они, вероятно, никогда о ней не слышали.

— Я рассказала о вас своей дочери, — говорит Керрианна. — В нашей семье она главный читатель. Не я. Думаю, она могла даже заказать одну из ваших книг. Еще раз, как они называются?

— Серия называется «Детективное агентство Хизер-Грин». Я пишу под псевдонимом П. Дж. Фокс.

— Кстати, — говорит Керрианна, — если вам нужно вдохновение для ваших книг, могу рассказать вам несколько историй об этом месте. В смысле жутких-прежутких, от которых волосы встают дыбом. Только за прошлый год мы дважды приглашали сюда полицию, и они прочесывали лес в поисках пропавших без вести людей.

Софи вспоминает заброшенный особняк за лесом.

— Вот это да, — говорит она. — И что случилось?

Керрианна смотрит на Шона и говорит:

— Хм. Наверное, это немного бестактно. А может, и нет.

Но она искоса бросает на Софи взгляд, который говорит ей, что еще будет другой раз.

На следующий день Софи встает вместе с Шоном, в шесть часов утра, и они вместе завтракают на открытом воздухе. Сквозь кроны деревьев на скатерть падают золотые лучи еще одного из прекрасных последних августовских дней.

— Какие у тебя планы на сегодня? — спрашивает Шон, собирая тарелки и столовые приборы и складывая их вместе. — Пойдешь на очередную грандиозную прогулку?

— Нет, — отвечает она. — Не сегодня. Я подумала, что сегодня мне хочется познакомиться с деревней. Может, пообедаю в печально известном пабе «Лебедь и утки».

— Постараюсь составить тебе компанию, — обещает Шон.

— Это было бы мило с твоей стороны.

Шон уходит, а Софи некоторое время распаковывает коробки с вещами. Затем она делает себе еще одну чашку кофе, ставит на кухонный стол ноутбук и отвечает на электронные письма. Через неделю она в роли П. Дж. Фокса летит в Данию, на фестиваль писателей-детективщиков. В ее программу в последнюю минуту внесены некоторые дополнения, в том числе интервью телеканалу, что означает, что перед отлетом ей нужно что-то сделать со своими волосами. Может, стоит на денек съездить в Лондон? Навестить своего стилиста, может, даже пообедать с кем-нибудь, посмотреть, вдруг кто-то из издателей будет рад ее видеть. Такая перспектива мгновенно воодушевляет ее.

Спустя какое-то время она открывает на ноутбуке файл с текстом своей последней книги. Она не просматривала его несколько последних дней. Жизнь была сплошной упаковкой-распаковкой вещей, прощаниями и приветствиями. Ей было просто не до работы. Но теперь безделью нет оправдания.

Хвост последнего абзаца тупо смотрит на нее — нечто такое, что она написала в другом мире, в Лондоне, когда у нее был бойфренд, который преподавал в средней школе в Льюишеме, когда переезд в Суррей был скорее обычной датой в ее ежедневнике, нежели ее реальностью. Она пару секунд смотрит на абзац, затем прокручивает оставшуюся часть главы вверх, пытаясь снова стать «лондонской Софи», но никак не может этого сделать.

Вместо этого она открывает браузер и набирает в поисковой строке слова «Мейпол-Хаус» и «пропавший человек». Затем устанавливает фильтр для новостей и нажимает на первую ссылку в результатах:

«Местные родители-подростки все еще остаются пропавшими без вести после вечеринки в пабе. Жительница Апфилд-Коммон, Ким Нокс, 39 лет, сообщила об исчезновении своей дочери, 19-летней Таллулы Мюррей, и

ее парня Зака Аллистера, также 19 лет, которых не видели с раннего утра субботы.

Мюррей и Аллистер, у которых есть годовалый сын, провели предыдущий вечер в пабе «Лебедь и утки», после чего местная знакомая отвезла их в частный дом недалеко от Апли-Фолд, где они до трех часов ночи веселились с друзьями, бывшими учащимися школы Мейпол-Хаус. По словам тех же друзей, они ушли, чтобы поймать до дома такси, однако домой так и не вернулись. Если кто-то располагает информацией об их местонахождении, убедительная просьба связаться с детективами полицейского участка Мэнтона».

Софи чувствует, как по ее спине пробегает холодок. Она щелкает по остальным ссылкам в поисках обновлений, но ничего не может найти, только разные версии одного и того же репортажа, опубликованного в местной газете.

Тогда она гуглит слова «Ким Нокс» и «Апфилд-Коммон». Тотчас появляются несколько ссылок, в том числе пара на деревенский информационный бюллетень под названием «Апфилдская газета». Одна статья в нем посвящена траурным церемониям, проведенным в июне по случаю годовщины исчезновения Таллулы и Зака. К статье прилагается снимок: симпатичная женщина с темными волосами средней длины, в длинном цветастом платье на пуговицах спереди и в черных армейских ботинках, держит за руку очень маленького мальчика, тоже темноволосого, сжимающего в ручонке розовую розу. Рядом с женщиной стоит мальчик-подросток в темной рубашке и камуфляжных штанах, он очень похож на нее. За ними море лиц, много молодежи.

«Ким Нокс, 40 лет, из Гейбл-Клоуз, Апфилд— Коммон, в субботу вечером провела по деревне процессию с зажженными свечами по случаю первой годовщины исчезновения своей дочери Таллулы Мюррей, которой в марте должно было исполниться 20 лет. Во время церемонии также почтили память Зака Аллистера, партнера Таллулы и отца ее сына, которому в марте также должно было

исполниться 20 лет. Шествие началось на деревенской площади и завершилось в часовне Святой Невесты, где хор местной средней школы, в которой Таллула училась до 2016 года, исполнил песни надежды и памяти. Таллула изучала социальную работу в Мэнтонском колледже, но исчезла в июне прошлого года после ночи, проведенной в доме подруги».

Другая ссылка ведет Софи к статье, опубликованной за три месяца до этого, о церемонии посадки розового дерева в день двадцатилетия Таллулы в марте.

«Розовое дерево, австралийская кустовая роза под названием «Таллула», было посажено за автобусной остановкой на деревенской площади, где Ким Нокс из окна наблюдала за своей дочерью, пока та ждала автобус, который должен был отвезти ее в колледж».

Софи отворачивается от экрана. Она представляет себе эту женщину — вот она, отодвинув занавеску, смотрит через улицу в надежде увидеть тень пропавшего ребенка и вместо этого видит розу, и по ее спине пробегает холодок ужаса.

Таллула сидит за туалетным столиком матери. У той есть увеличивающее зеркало, а еще такие вещи, как ватные шарики и кисточки для макияжа, которых нет у Таллулы, потому что Таллула не очень любит краситься. По поводу особых случаев она лишь красит ресницы и пользуется тональным кремом, чтобы скрыть мешки под глазами и иногда сыплет на коже, но об остальном не заморачивается. Передние пряди ее темных волос в настоящее время окрашены в размытый темно-синий цвет. Она надеялась, что у нее получится ярко-синий, как у модели на упаковке, но, как и все в ее жизни, все сложилось не так, как она ожидала.

Она открывает косметичку матери, ищет в ней жидкую подводку для глаз, затем проводит тонкой кисточкой по векам, пытаясь подражать идеальным стрелкам, как у всех девочек в колледже. Это полная катастрофа. Она стирает их и начинает снова. В конце концов она берет телефон и пишет матери:

— Можешь подняться наверх и помочь мне с макияжем?

Она чувствует себя неловко. Мать и без того делает для нее более чем достаточно.

Ной дремлет, и мать наслаждается редким моментом покоя в одиночестве.

Но через несколько секунд мать отвечает смайликом с поднятым вверх большим пальцем, а затем входит в комнату и наполняет ее своим теплом.

— Хорошо, помогу, а что тебе нужно сделать?

— Стрелки, — отвечает Таллула, передавая матери жидкий лайнер. — Я их вечно порчу.

Мать тащит через комнату табурет и садится на него так, чтобы быть в нескольких дюймах от лица Таллулы. Таллула чувствует запах духов от ее шеи: они из «Боди-шопа», и в них есть мускус. По словам матери, мускус вызывает у мужчин желание заняться с вами сексом. Что лично Таллуле кажется маловероятным. Зачем кому-то заморачиваться по поводу того, что надо делать, чтобы мужчинам

захотелось заняться с вами сексом, если вы можете просто нанести определенный парфюм и все дела?

Контур одной из татуировок матери едва виден над вырезом ее топа: кончик пера, который ниже образует часть птицы. У ее матери шесть татуировок. Одну она сделала еще до того, как родилась Таллула, а остальные — после. Внутреннюю сторону предплечья украшают бледно-розовые детские следы Таллулы, длиной три дюйма, с причудливыми инициалами внизу.

На тыльной стороне руки у нее вытатуированы детские ножки Райана. На спине — рыба в японском стиле, на щиколотке — стая ласточек, а на безымянном пальце — бриллиант.

Она говорит, что бриллиант призван символизировать ее брак с самой собой. После того как Ким рассталась с отцом Таллулы и Райана, она поклялась никогда больше не выходить замуж, а татуированное обручальное кольцо будет означать, что у нее уже кто-то есть.

Таллула закрывает глаза и подставляет лицо к протянутой руке матери.

— Итак, — говорит мать, проводя кистью вдоль ее левого века, — что это за вечеринка?

Это рождественская вечеринка в колледже, с дискотекой в столовой и дрянной музыкой, но она знает: там будет крутая тусовка. Там будет Скарлетт и ее банда, потому что они входят в комитет по планированию внеклассных мероприятий, и она очень остро чувствует, что если туда не пойдет, то может что-то упустить, хотя и плохо понимает, что именно.

Таллула пожимает плечами.

— Просто захотелось, — говорит она. Ее мать завершает стрелку на втором веке, и она поворачивается, чтобы увидеть себя в зеркале. Стрелки идеальные.

— Спасибо, мам, — говорит она. — Ты лучшая.

— Что ты собираешься надеть? — спрашивает мать.

— Топик, — отвечает она. — Ну, тот, который мы на прошлой неделе купили в «Белфрай». Тот, что с сердечками. И мои черные джинсы.

— Да-да, — отвечает мать, — это будет смотреться прекрасно.

Таллула улыбается. Это не самый клевый в мире топик, но он — а это самое главное — скроет ее послеродовой живот, который упорно отказывается вернуть себе прежнюю форму. Через час она спускается вниз. Ной устроился у матери на коленях, и они вместе смотрят мультики. Райан в наушниках сидит за обеденным столом и делает уроки.

— Ты великолепно выглядишь, — говорит ее мать. — Просто великолепно.

Таллула наклоняется, чтобы расцеловать Ноя в обе щеки.

— Как ты туда доберешься?

— Меня подвезет Хлоя.

Ее мать кивает.

— Ты уверена, что все будет в порядке? — спрашивает Таллула, касаясь макушки малыша. — Если хочешь, я никуда не поеду.

— Конечно, у нас все будет хорошо. Через минуту нам пора купаться, не так ли, мой ангел? — голос матери повышается на октаву или две, когда она обращается к Нюю. — А потом хорошая сказка на сон грядущий, чтобы крепко-крепко спать до самого утра. Да-да! Правда, мой сладенький?

Ной поворачивает голову и улыбается ей, и мать Таллулы крепко целует его в щеку.

— Давай, — говорит она. — Иди, повеселись. Дай мне знать, если припозднишься.

— Я точно не опоздаю, — отвечает она. — Мама Хлои требует, чтобы она вернулась к одиннадцати, так что я тоже вернусь.

Таллула слышит, как к дому подъезжает машина, и бросается к входной двери. Она на бегу мельком смотрит на себя в зеркало.

По ее мнению, выглядит она довольно симпатично.

Первый час оказался таким же дерьмом, как и ожидала Таллула. Дерьмовая аудиосистема с дерьмовой музыкой. Окошко в стене, откуда в обеденное время им подают подносы с едой, открыто, но теперь из него подают пиво в пластиковых бутылках и вино в бокалах. Они с Хлоей сидят на скамейке спиной к стене, держа по стакану пива, и наблюдают, как вокруг них разворачивается вечеринка. Хлоя ходила вместе с Таллулой в школу, начальную и среднюю. Они никогда не были особенно близкими подругами, но по необходимости сблизились во время первого семестра в колледже.

Внезапно по залу прокатывается приглушенный гул голосов, и в двойных дверях появляются Скарлетт Жак и ее девчачья банда. Они смеются, переговариваются друг с дружкой, и ни одна из них не приложила ни малейших усилий, чтобы принарядиться. Осветленные голубые волосы Скарлетт заплетены в две короткие косички. На ней мешковатые джинсы, майка с леопардовым принтом и мешковатое пальто из искусственного меха. Вся атмосфера зала меняется, как только они входят.

— Какого хрена они здесь забыли? — Хлоя хмурится.

Таллула поворачивается.

— Почему бы им здесь не быть? Они помогли это организовать.

— Я бы подумала, что они слишком крутые для такого рода веселья.

Таллула внутренне ощетиливается, что ей самой кажется странным.

— Они просто люди, — возражает она.

Но она знает, что это неправда. Они больше, чем просто люди.

Они — настроение, чувство, атмосфера, стремление. Они похожи на музыкальный клип или трейлер к классному фильму. Они рекламный щит бренда модной одежды. В крохотном замкнутом аквариуме Мэнтонского колледжа они, по сути, знаменитости.

— Хочешь еще выпить? — спрашивает она, вставая на ноги.

Хлоя качает головой.

— Это мой лимит, — говорит она, изображая, что крутит руль машины.

— Что насчет кока-колы?

— Конечно, — говорит Хлоя. — Диетической, если у них есть.

Таллула натягивает ниже топ с принтом в виде сердечек, чтобы скрыть зазор между поясом джинсов и подолом топа, в котором видны растяжки, оставленные ее беременностью.

Она направляется к бару как раз в тот момент, когда прибывает Скарлетт и ее команда.

От них пахнет так, будто они уже выпили, — своего рода издевка над трезвым часом Таллулы, проведенным перед зеркалом, над ее тихим прощанием с маленьким сыном на коленях у матери, ее сидящим за ноутбуком братом, корпеющим над домашним заданием. Насколько разным было их время перед вечеринкой!

Скарлетт смотрит в свой телефон, пока кто-то стоит в очереди, чтобы принести ей выпивку. Шуба сползла с ее плеч, обнажив татуировку на руке и точеную ключицу. Она берет из руки подруги пиво и ловит взгляд Таллулы.

— О! — восклицает она. — Да ведь это Таллула из автобуса!

Таллула кивает.

— Да, — говорит она, — это я, из автобуса.

После краткого общения на автобусной остановке в тот день, несколько недель назад, они пару раз кивали друг другу, но дальше этого дело не пошло.

— Ты хорошо выглядишь. — Она подносит к лицу Таллулы бутылку пива, подразумевая, как предполагает Таллула, ее макияж.

— Спасибо. — Она едва не отвечает: «Ты тоже», но успевает передумать.

Парень за стойкой вопросительно смотрит на нее, и она заказывает себе выпить. Отвернувшись от бара, она ожидает, что Скарлетт ушла, чтобы присоединиться к своим подружкам на танцполе, но та ждет ее. Таллула пытается скрыть удивление.

— За встречу, — говорит Скарлетт, стуча пластиковой пивной бутылкой о бутылку Таллулы.

— За встречу, — говорит Таллула.

— Ты здесь с кем? — Скарлетт оглядывает комнату.

— С Хлоей Минтер. — Она указывает на подругу. Та сидит, уткнувшись в свой телефон. — Мы с ней на одном курсе. Она живет в деревне. Рядом со мной. Ну, ты понимаешь. И она за рулем. Так что...

Она пожимает плечами, как бы намекая, что причины, почему она здесь с Хлоей Минтер, чисто практические. В каком-то смысле так оно и есть.

Диджей ставит «На Рождество я хочу лишь тебя» в исполнении Мэрайи Кэри. В зале тотчас раздаются радостные возгласы, народ машет руками и всей толпой устремляется на танцпол.

— Ой! Ой, ой! — говорит Скарлетт. — Пойдем. Мы должны танцевать!

Таллула моргает. Она даже в лучшие времена не любила танцевать.

Но она не хочет казаться жалкой, поэтому смеется и говорит:

— Я еще недостаточно пьяна.

Скарлетт копается в кармане своей огромной шубы из искусственного меха и достает плоскую медную фляжку.

— Давай, — говорит она. — Выпей.

— Что это?

— Ром, — отвечает Скарлетт. — Очень-очень хороший ром. Мой отец привез его с Барбадоса. Вернее, — она изображает большим и указательным пальцами кружок, — самый лучший.

Таллула нюхает край фляжки.

— Чувствуешь аромат специй? — спрашивает Скарлетт.

Таллула кивает, хотя на самом деле она чувствует лишь запах алкоголя. Она делает глоток и возвращает фляжку.

— Нет, нет, нет, — говорит Скарлетт. — От этого ты не затанцуешь! Больше!

Таллула вновь подносит фляжку к губам и делает четыре глубоких глотка.

— Ну как, достаточно пьяна, чтобы танцевать?

Она кивает, и Скарлетт тащит ее на танцпол. Они, танцуя, движутся навстречу ее подругам, и она крутит Таллулу перед собой, и Таллула чувствует, что, когда она поднимает руки, ее новый топик скользит вверх. Она пытается их опустить, но Скарлетт не дает ей это сделать.

Все подпевают, и Таллула замечает, что вместе с ними поют и некоторые учителя, и люди, которых она не ожидала увидеть на танцполе. Алкоголь бежит по ее кровеносным сосудам и попадает в мозг, и внезапно ей становится все равно. Ей наплевать и на свой рыхлый живот, и на сидящую на скамейке Хлою. Ей просто хочется танцевать, веселиться, как будто ей нормальные восемнадцать, и она беззаботна как мотылек, и дома нет ни ребенка, ни обиженной матери, у которой, по идее, сегодня вечером должна быть своя вечеринка, нет бывшего парня, что вечно топчется за кулисами, пытаюсь вернуть ее. Сейчас есть только она, восемнадцатилетняя, первокурсница колледжа, вся ее жизнь впереди, и самая крутая девушка в мире держит ее руки над головой и улыбается ей. Есть Мэрайя, ром и падающие с потолка блестки, что приземляются на пол у ее ног и ложатся ей на волосы.

Песня заканчивается, и Скарлетт наконец отпускает руки.

— Теперь, — говорит она, — Рождество официально началось!

Она издает ликующий вопль и хлопает ладонью по ладоням подруг, а затем, когда Таллула предполагает, что она сейчас бросит ее и вернется в защитный кокон своей маленькой банды, Скарлетт поворачивается к ней и говорит:

— Пойдем со мной на улицу.

Таллула с тревогой смотрит через плечо на Хлою.

— С ней все будет в порядке, — говорит Скарлетт. — Пойдем.

Она тащит ее за руку сквозь двойные двери в холл. Затем они выходят на автостоянку. Воздух тотчас становится ледяным, и хотя на Скарлетт по-прежнему ее огромная шуба, Таллула одета лишь в хлопковый топик с короткими рукавами.

— Вот, — говорит Скарлетт, распахивая шубу. — Здесь хватит места для двоих.

Таллула неуверенно смотрит на нее, затем пожимает плечами и, улыбнувшись, прижимается к костлявому телу Скарлетт и натягивает на плечи другую полу шубы.

— Куда мы идем?

— В одно маленькое местечко, которое я знаю.

Таллула моргает, чувствуя странную неловкость.

— Чем ты так напугана?

— Я не напугана.

— Еще как напугана.

Они движутся как единое целое под панцирем огромной шубы и в конце концов оказываются на скамейке. Скарлетт ощупывает карманы шубы и вытаскивает пачку сигарет. Открывает ее и предлагает Таллуле.

Таллула качает головой. Она никогда не курила, и ее не тянет это делать.

— Извини, что вытащила тебя оттуда, — говорит Скарлетт, вынимая из пачки сигарету. — Только что поняла, что я слишком пьяна. Перебрала. Нужен свежий воздух. И свежая компания.

Она закатывает глаза.

Таллула бросает на нее недоуменный взгляд.

— В смысле, пойми меня правильно, я люблю их до смерти, честное слово. Но мы слишком давно тусуемся вместе. Ну, ты знаешь, мы все учились в Мейпол-Хаусе, и это очень пафосное место. Я имею в виду, очень-очень крутое.

— Что ты там делала?

— Просто сдавала выпускные экзамены. В первом семестре шестого класса я училась в частной школе-интернате, но потом меня отчислили. Другие школы не хотели меня брать, никто, кроме Мейпола, поэтому мой отец купил поблизости дом, чтобы я была проходящей ученицей. — Скарлетт пожимает плечами и закуривает сигарету. — А ты? Где ты ходила в школу?

— В местную среднюю, здесь, в Апфилде.

— И где ты живешь?

— В тупике по ту сторону главной площади.

— С родителями?

— Да. В смысле с мамой. И братом. Мой отец живет в Глазго.

У нее перехватывает дыхание, ведь она должна сказать еще одну вещь. Про сына, Ноя. Слова уже там, на полпути к ее горлу. Они как будто липкие, и она не может заставить их отклеиться. Она не знает почему. Она почти уверена, что вообще-то такая девушка, как Скарлетт, подумает, что это здорово, что у нее есть ребенок, хотя ей всего восемнадцать. Но по какой-то причине сегодня вечером она не хочет быть девушкой, демонстрирующей поразительный уровень зрелости. Девушкой, серьезно относящейся к своим обязанностям. Девушкой, которая каждый день просыпается с младенцем в шесть утра, даже по выходным. Которая, пока ее ребенок спит, выполняет домашние задания. Которая не забывает покупать подгузники и стерилизовать бутылочки с молоком, купленные на карманные деньги, что ей дает мать и которые другие девушки потратили бы на косметику и накладные ресницы.

Она была этой девушкой шесть месяцев, и у нее хорошо получается быть ею. Но сейчас она съезжилась на холоде под шубой вместе с худенькой девушкой, которая если и родит ребенка, то не раньше чем лет в тридцать шесть; девушкой, которую исключили из привилегированной школы, которая курит сигареты, имеет татуировки и пирсинг на языке. По крайней мере в данный момент Таллула хочет быть кем-то другим.

— Ага, — заканчивает она. — Только мы.

— А ты всегда жила в Апфилде?

— Да. Родилась и выросла.

— А что твой отец делает в Глазго?

— Он родом из Глазго. Он вернулся, когда они с мамой расстались.

Скарлетт вздыхает и кивает.

— А ты? — спрашивает Таллула. — С кем ты живешь?

Она поднимает бровь.

— Я как бы живу с матерью и отцом, но моя мать как бы двухмерна, а мой отец вечно в отъезде. Но у меня есть брат. Он крутой. Мне он нравится. И у нас буквально самая лучшая в мире собака. Сенбернар. Размером с гребаного пони, но считает себя обыкновенным псом. Он мой лучший друг. В буквальном смысле. Без него я бы пропала. Или бы даже умерла.

— Я тоже хочу собаку, — говорит Таллула. — Но у моего брата аллергия.

— О боже, тебе непременно нужно завести собаку. Заведи кокапу! Или какую-нибудь другую помесь с пуделем. Они гипоаллергенны. Кавапу тоже милашки. Ты просто обязана завести собаку.

Пару мгновений Таллула празднично фантазирует о кавалу. Да, она не прочь завести такую плюшевую игрушку абрикосового цвета, с огромными глазами и мягкими ушами. Она представляет, как гуляет с таким песиком по деревне, как сажает его в сумку через плечо, чтобы войти с ним в магазин, но затем останавливается и вспоминает, что у нее не может быть кавалу, потому что у нее есть ребенок.

— Может быть, — говорит она. — Может быть.

Скарлетт каблучком вминает сигарету в землю и снова вытаскивает из кармана медную фляжку. Сделав глоток, она передает ее Таллуле. Та тоже делает глоток и передает фляжку обратно.

— А ты хорошенькая, — говорит Скарлетт, серьезно разглядывая ее. — Ты это знаешь?

— Э-э-э... вообще-то нет.

— Нет, правда. Есть что-то в твоём... — Она кончиком пальца приподнимает лицо Таллулы и пристально на нее смотрит. — Думаю, это твой нос. То, как его кончик слегка вздернут. Ты похожа на Лану Дель Рей.

Таллула хрипло смеется.

— Ну, ты скажешь!

— Думаю, дело в подводке для глаз плюс нос, — она берет лицо Таллулы в свои ладони. — Ты всегда должна делать такую

подводку, — говорит она, медленно отстраняясь, но ее глаза все еще придиричиво изучают детали ее лица.

Таллула чувствует, как в ней что-то вспыхивает, что-то похожее на прилив адреналина, как это бывает, когда вы едва не оступились, спускаясь вниз по лестнице, ей одновременно муторно и приятно.

А потом в темноте мелькает фонарик, раздаются голоса и появляется банда Скарлетт, не способная выжить без присутствия своей лидерши, как без кислорода, даже десять минут. Наконец-то они ее выследили!

— А, вот и ты, — говорит одна, почти сердясь на нее за то, что Скарлетт посмела оказаться где-то в другом месте. — Джейден сказал, что ты, возможно, ушла домой.

— Неа. Просто здесь, болтаю с Таллулой из автобуса.

Две девушки вопросительно смотрят на Скарлетт, и Таллула видит, как их взгляды скользят по их прижатым друг к другу под шубой Скарлетт телам и на их лицах появляется нечто вроде догадки, легкий шок понимания. Интересно, что именно они видели, задается она вопросом.

Они кивают ей, и она кивает в ответ.

— Это Мими, а это Ру, — говорит Скарлетт. — Пара кошёлоч, которых я знаю уже лет сто. Это Таллула. Согласитесь, она хорошенькая? — добавляет она. — И вообще, немного похожа на Лану Дель Рей, что скажете?

Они смотрят на нее тупо, слегка неловко.

Скарлетт поднимается на ноги, ее шуба падает с плеч Таллулы, и ей внезапно становится холодно, очень холодно. Она смотрит на трех девушек, все они прикуривают сигареты и танцуют вместе под ритмичные звуки «Восемь дней Рождества» в исполнении группы «Destiny's Child», долетающие из столовой.

— Мне лучше вернуться, — говорит она, вспомнив, что Хлоя сидит в одиночестве в ожидании своей банки диетической колы. — Меня ждет подруга.

Скарлетт стоит, уперев руки в боки, и щурит глаза, глядя на нее с притворной досадой, но тут же улыбается и говорит:

— Увидимся, Таллула из автобуса.

Таллула неуклюже показывает ей большие пальцы. Она действительно не знает, что еще сказать. Затем она поворачивается и

возвращается внутрь, где Хлоя вопросительно и обиженно смотрит на нее.

— Извини, — говорит Таллула, садясь рядом с ней. — Я и правда не понимаю, что только что произошло. Она вроде как... перехватила меня.

— Странно, — говорит Хлоя, слегка наморщив нос.

— Это да, — говорит Таллула, поглаживая изгибы довольно теплой пластиковой пивной бутылки и глядя куда-то в пространство. — Это и вправду странно.

Ким покидает квартиру Керрианны и идет с Райаном через луг к дому Мэгс, чтобы забрать Ноя. Когда Мэгс выносит его к входной двери, он спит в своем автокресле. Ким подавляет волну раздражения. Она специально сказала Мэгс, что Ной должен бодрствовать, потому что тогда он не устанет и еще долго не захочет спать. И вот теперь ей придется разбудить его, чтобы снять с него одежду и приготовить ко сну, и он будет капризным и недовольным, а потом, когда она положит его в кровать, он не захочет спать, но Мэгс лишь нежно улыбается ему, спящему в автокресле, и его темные волосы влажны от пота.

— Благослови Бог его маленькую душу, — говорит она, — он был так измучен, что я просто не могла это видеть и разрешила ему поспать.

Ким хмуро улыбается и берется за ручку автокресла.

— Неважно, — натянуто говорит она.

— Как я понимаю... — начинает Мэгс, — ...о детях ничего?

— Да, — говорит Ким. — О детях ничего. Хотя... Зак говорил что-нибудь о своих планах на прошлую ночь?

— Нет. В смысле, я даже не знала, что они собирались в паб, пока ты мне об этом не сказала. Последние несколько дней мы с ним особо не общались.

— То есть ты ничего не знала про... — Ким умолкает, не зная, испортить сюрприз или нет, затем решает, что лучше не надо. Найти местонахождение Зака и Таллулы сейчас куда важнее, чем любые сюрпризы, — ...про кольцо? — заканчивает она.

— Кольцо?

— Да. Обручальное кольцо. Зак говорил тебе что-нибудь о том, что готов сделать Таллуле предложение?

Мэгс смеется.

— Боже, — восклицает она, — нет!

Ким в упор с прищуром смотрит на нее. Она понятия не имеет, почему Мэгс это кажется смешным.

— Есть еще кто-нибудь, с кем Зак мог бы это обсудить? С другом? С отцом?

— Полагаю, с друзьями, но я уже поговорила с ними со всеми, и никто ничего не знает о том, что произошло прошлой ночью. И нет, он не стал бы говорить об этом со своим отцом. Его отец не такой человек. Ему недостает эмоциональной отзывчивости.

Ким подавляет кислую улыбку. Такого эмоционально глухого человека, как муж Мэгс, лично она еще не встречала. Она вздыхает.

— Понятно, — говорит она, — А теперь мне нужно отнести этого маленького человечка домой и попытаться заставить его проснуться, а затем попытаться убедить его снова уснуть.

Мэгс тупо улыбается ей. Она не имеет ни малейшего представления.

— Пожалуйста, дай мне знать, если что-нибудь услышите, хорошо? — просит Ким. — Если к тому времени, когда Ной уснет, она не вернется, я позвоню в полицию и сообщу, что она пропала. Возможно, ты захочешь сделать то же самое.

Мэгс пожимает плечами.

— Я по-прежнему считаю, что они просто сбежали куда-то, чтобы отдохнуть от всего. Но да. Возможно, мне стоит волноваться. Возможно, ты права.

Ким поворачивается и, едва заметно качая на ходу головой, направляется к своей машине. Она на миг зажмуривается, отказываясь понять, как мать и бабушка могут так манкировать своими обязанностями.

Первая половина вечера проходит быстро, поскольку она готовит годовалого ребенка ко сну. Ной, как она и предсказывала, не утомился, а к тому времени, когда он наконец успокоился, уже почти девять вечера.

Ей хочется вина, но она должна оставаться трезвой и здравомыслящей, потому что ее вечер еще далек от завершения. Она сидит в гостиной. По телевизору что-то идет, она толком не знает что: какая-то шумная субботняя передача. Райан сидит в кресле, уткнувшись в свой телефон, его нога подпрыгивает вверх и вниз — единственное, что выдает его тревогу.

Она снова звонит на номер Таллулы. Звонок вновь переходит на голосовую почту.

Она смотрит на Райана.

— Зак сказал тебе что-нибудь? — спрашивает она. — О том, чтобы сделать предложение Таллуле?

По легкому движению головы Райана, по тому, как он тотчас прекратил дергать ногой, она мгновенно понимает, что да.

— Почему ты спрашиваешь? — говорит он.

— Просто интересуюсь. Вчера я нашла в кармане его куртки кольцо. Я подумала, вдруг вчера вечером он собирался сделать Таллуле предложение. Ведь это имело смысл, учитывая, что он пригласил ее с собой в паб.

— Да, он вроде бы сказал, что думал об этом. Но он не сказал, когда именно собирался это сделать.

— Что именно он сказал?

— Просто спросил, что я думаю. Мол, думаю ли я, что она ответит «да», если он ее спросит.

— А что ты сказал?

— Я сказал, что понятия не имею. Потому что так оно и было.

Она кивает. Затем смотрит на часы. Сейчас девять. Достаточно, думает она, достаточно. Пора.

Чувствуя, как бешено колотится сердце, а желудок скручивается узлом, она звонит в полицию и подает заявление о пропаже дочери.

На следующее утро у ее дверей стоит весьма привлекательный мужчина. В сером костюме и кремовой рубашке с открытым воротом, на шнурке удостоверение личности.

Он вытаскивает из кармана пиджака значок и показывает ей.

— Детектив-инспектор Доминик Маккой, — представляется он. — Это вы звонили по поводу пропавшей вчера вечером девушки?

Ким энергично кивает.

— Да, да. Боже, да. Пожалуйста, входите.

Она почти не спала. В конце концов она забрала Ноя в свою кровать, потому что после ночного пробуждения он никак не мог уgomониться в своей кроватке, и они оба лежали там, в темноте, моргая, глядя в потолок.

В какой-то момент он повернулся к ней, горячей рукой схватил ее за щеку и сказал «амма». Он повторил это еще три раза, прежде чем она сообразила, что он пытался сказать «мама». Что он пытался произнести свое первое полное слово.

— Проходите, — говорит Ким, ведя Доминика Маккоя в гостиную. — Принести вам что-нибудь?

— Нет. Я только что выпил кофе, так что мне ничего не надо. Спасибо.

Они сидят друг напротив друга за журнальным столиком. Ким вручает Ною пачку рисового печенья, чтобы он какое-то время молчал.

— Итак, мой коллега сказал мне, что ваша дочь не вернулась домой в пятницу вечером. Это верно?

Ким кивает.

— Моя дочь и ее парень... он живет с нами. Они оба не вернулись домой.

— А сколько им лет?

— Им обоим по девятнадцать. В марте им исполнилось девятнадцать.

Инспектор Маккой странно смотрит на нее, как будто она не должна волноваться из-за пары девятнадцатилетних юнцов.

— Но они родители, — продолжает она. — Ной — их сын. Так что не похоже, что они ни с того, ни с сего вдруг решили сбежать. Они хорошие родители. Ответственные.

Он задумчиво кивает.

— Понятно.

Интересно, что, по его мнению, ему понятно? Но затем она отвечает на его вопросы о событиях пятницы и субботы.

Она сообщает ему адрес Скарлетт, адрес Лекси, адрес Мэгс.

Она готова упомянуть обручальное кольцо, но в последнюю минуту прикусывает язык, сама не зная почему.

Через полчаса он собирается уходить.

— Так что вы думаете? — спрашивает Ким. — Как вы считаете, что с ними могло случиться?

— Пока нет никаких оснований полагать, что с ними что-то случилось. Двое молодых людей, огромная ответственность, их первая ночь вне дома за долгое время, может, они просто решили дать себе немного свободы.

— Нет, — мгновенно возражает Ким. — Точно нет. Они обожают своего сына. Они оба. В особенности моя дочь. Она в нем души не чает.

Детектив задумчиво кивает.

— А этот парень, Зак? Пытался ли он неким образом контролировать вашу дочь? Что вы думаете? Вы замечали признаки жестокого обращения?

— Нет, — снова отвечает Ким, чересчур быстро, пытаясь преодолеть небольшие, но тревожные сомнения, которые начинают у нее возникать. — Он обожает Таллулу. Буквально трясется над ней. Даже слишком.

— Слишком?

Она понимает, что сказала что-то не то, и идет на попятную.

— Нет. Не слишком. Но как мне кажется, иногда ей это действует на нервы.

— Я не против, чтобы меня так обожали, — говорит Маккой с улыбкой.

Ким закрывает глаза и кивает. Мужчины не понимают, думает она, они не знают, как рождение ребенка вынуждает женщину защищать свою кожу, свое тело, свое личное пространство. Когда вы весь день напролет, всеми возможными способами, какими только можно отдавать себя другому человеку, отдаете себя ребенку, последнее, чего вам хочется в конце дня, — это взрослый мужчина, который ждет, чтобы вы отдавали себя и ему тоже. Мужчинам невдомек, что прикосновение руки к затылку может восприниматься как настойчивая просьба, а не как жест любви; что эмоциональные проблемы становятся невыносимыми; что их любовь порой бывает выше ваших сил. Просто выше ваших сил. Ким иногда думает, что женщины, пока они не станут настоящими матерями, учатся быть матерями на мужчинах, оставляя после себя что-то вроде пустоты.

Минутой позже инспектор Маккой уходит. Он обещает открыть расследование. Он не говорит, когда и как. Ким наблюдает за ним из переднего окна, как он садится в автомобиль без опознавательных знаков, поправляет зеркало заднего вида, поправляет пиджак и волосы, включает двигатель и уезжает.

Она поворачивается к Ною, который сидит в своем надувном кресле с раскрошенным рисовым печеньем в ладошке, и, вымучив грустную улыбку, чтобы отвлечь его от бегущих по ее носу слез, говорит:

— Амма, Ной? Где она?

Софи наклоняется, чтобы прочитать надпись на маленькой деревянной табличке под кустом роз за автобусной остановкой. Там написано: «Роза Таллулы, пока мы не встретимся вновь». Она выпрямляется и оглядывается вокруг, ища глазами окно, у которого могла стоять мама бедной Таллулы, наблюдая за своей девочкой, ожидающей автобуса в школу. Прямо напротив автобусной остановки домов нет, зато есть небольшой тупик на другой стороне площади, совсем рядом с Мейпол-Хаусом. Отсюда Софи виден отблеск солнечного света на его окнах.

Она вновь пересекает площадь и направляется к тупику. Он состоит примерно из шести домов, расположенных полумесяцем вокруг небольшого зеленого участка земли, автомобили припаркованы наполовину на тротуаре, чтобы другие машины могли протиснуться мимо. Сами дома — небольшие, послевоенной постройки, с оштукатуренным фасадом и деревянным крыльцом. Софи поворачивается и оглядывается на площадь, пытаясь понять, из какого дома видна автобусная остановка.

Похоже, что из двух. Один из них кажется совсем запущенным, другой, наоборот, яркий и современный. В окне кактусы в медных горшках, а у задней стены едва различим коричневый кожаный диван с грудой пестрых подушек.

В статье говорилось, что в ту ночь, когда они пропали, Таллула и ее парень отдыхали в местном гастронабе «Лебедь и утки», который Питер Дуди рекомендовал Софи и Шону в день их прибытия. Софи продолжает кружить по площади, пока не оказывается рядом с пабом. На вид он вполне симпатичен, недавно выкрашен в традиционные оттенки серого. Перед ним усыпанная гравием площадка с круглыми деревянными столами и стульями, огромными кремовыми зонтиками и стендами, на которых вывешены меню с ценами на еду и пиво.

Она толкает дверь. Это типичный гастронаб: модные абстрактные рисунки на стенах, дизайнерские обои, восстановленные половицы и галогенные лампы под потолком. Женщине за стойкой на вид лет

сорок с лишним, но она по-своему привлекательна. На ней черная приталенная футболка с короткими рукавами, черные брюки и барменский фартук, крепко завязанный вокруг талии. Ее темные волосы собраны в хвост. Увидев Софи, она подходит к стойке, кладет на нее руки, натягивает профессиональную улыбку и спрашивает:

— Что я могу вам предложить?

— Только капучино, если можно. Спасибо.

— Одну минуту.

Женщина поворачивается к большой хромированной кофеварке, и Софи замечает на внутренней стороне ее рук татуировки. Сначала она думает, что это ожоги или шрамы, но потом видит, что это отпечатки детских ножек.

— У вас очень милые татуировки, — говорит она. — Детские ножки.

Женщина поворачивается к Софи, и ее улыбка слегка тускнеет. Она смотрит на одну руку, а другой осторожно касается крошечной стопы.

— А-а-а, верно, — говорит она. — Спасибо.

И продолжает варить кофе. Кофемашина оглушительно шипит и плюется, и Софи даже не пытается продолжить разговор. Пока она ждет, ее взгляд падает на ноги женщины. Сама она изящного телосложения, но на ногах у нее почему-то пара изношенных кожаных армейских ботинок. Что-то щелкает в памяти Софи. Она видела эти армейские ботинки раньше, совсем недавно, совсем-совсем недавно.

А потом она вспоминает: снимок в деревенской газете о мемориальной процессии в честь Таллулы — ее мать была в армейских ботинках и в красивом платье с цветочным орнаментом. Женщина поворачивается, в руке у нее чашка капучино.

— Посыпать шоколадом? — спрашивает она, приподняв жестянку.

И Софи видит, что это она. Мать Таллулы. Ким Нокс.

Пару секунд она молчит.

— Так да или нет? — говорит женщина, размахивая жестянкой.

— Извините, да. Пожалуйста. Спасибо.

Женщина посыпает кофе шоколадной крошкой и подает ей чашку. С трудом глядя в глаза Ким Нокс, Софи нащупывает в сумочке бумажник. Такое чувство, что ее вот-вот застукают за тем, что она тут

что-то разнюхивает. Она расплачивается бесконтактной картой и несет кофе к маленькому фиолетовому бархатному креслу рядом с низким латунным кофейным столиком. Оттуда она наблюдает, как Ким Нокс ставит на полки бутылки с тоником. В ней чувствуется странная энергия. На вид она весит не больше девяти стоунов ^[1], но ее движения — это движения кого-то более тяжелого. В паб входит молодой человек и направляется к проходу в барной стойке.

— Привет, Ник! — кричит ему вслед женщина, когда он проходит мимо.

— Доброе утро, Ким! — кричит он, прежде чем исчезнуть за дверью в дальней части бара. Так что это определенно она. Ким Нокс. Через минуту мужчина появляется снова. Он на ходу завязывает вокруг талии фартук и закатывает рукава рубашки.

— Помочь? — спрашивает он у Ким.

— Конечно, — говорит она, слегка отодвигаясь, чтобы уступить ему место.

Софи опускает глаза и делает вид, будто смотрит в телефон.

Интересно, давно ли здесь работает Ким? И работала ли она здесь в ту ночь, когда пропала ее дочь? Софи так многое хочется узнать и спросить. Она чувствует, как щупальца ее вымышленного дуэта детективов из южного Лондона, Сюзи Битс и Тайгера Ю, начинают проникать в ее душу.

Когда она пишет, ее мозг придумывает загадки и тайны, а Сюзи и Тайгер должны разгадывать их за нее — вот как это работает.

Сюзи и Тайгер без колебаний подошли бы к этой печальной красивой женщине и расспросили бы ее о том, что случилось с ее дочерью. Просто потому, что это их работа. Но это не работа Софи. Она не детектив. Она писательница и не имеет права вторгаться в личную жизнь этой женщины.

Когда через несколько минут она уходит, Ким Нокс улыбается.

— Удачного дня! — кричит она, наклоняясь, чтобы забрать пустую кофейную чашку Софи со стойки, где та ее оставила.

— Спасибо, — говорит Софи. — Вам тоже.

Софи вытаскивает из пристроенного к их коттеджу сарая старый велосипед, очищает его от паутины и сухих листьев и едет в сторону Апли-Фолда. После туманного утра солнце начинает пробиваться сквозь облака. От живой изгороди пахнет дикой петрушкой и старой соломой, воздух тяжелый и теплый. Перед домом она слезает с велосипеда и, хрустя гравием, идет к входной двери, приставляет ладони к стеклу и заглядывает в коридор.

На коврике у входной двери лежит небольшой веер конвертов, а под входной дверью — щель с приклеенной к нижнему краю щеткой. Она роется в своем рюкзаке, нащупывая проволочную вешалку, которую она положила туда именно для такого случая. Она опускается на колени и просовывает вешалку под щетку. Та что-то задевает. Софи опускается ниже и двигает вешалкой и предметом, пока ей не кажется, что тот достаточно близко, чтобы его можно было нащупать пальцем, а затем осторожно подтаскивает его. И вот он: конверт.

Это письмо, и оно адресовано мистеру Мартину Дж. Жаку. Она с облегчением вздыхает. *Жак*. Необычная фамилия. Как будто специально для Гугла. Она фотографирует письмо и осторожно засовывает его обратно под дверь.

Время между тем приближается к одиннадцати часам. У нее есть еще несколько минут, чтобы поводить тут носом, прежде чем отправиться обратно в деревню на обед с Шоном. Она обходит дом и через красивые кованые ворота с арочным верхом направляется в задний сад и к бассейну. Она заглядывает в окна. Она заходит в оранжерею и поднимает легкие как перышки горшки с растениями, наблюдая, как разбегаются и прячутся по углам пауки. На деревянной скамейке лежит маленький заржавленный садовый совок. Она сует его во внешний карман рюкзака. У нее возникла идея.

Стрелка на куске картона, прибитого к забору, указывает вниз и чуть влево. Она понятия не имеет, является ли строчка «Копать здесь» точным указанием или неким общим направлением, но она начинает копать как можно ближе к кончику стрелки. Она копает, и ее бьет дрожь. Ее кровь бурлит адреналином страха.

Четырнадцать месяцев назад два подростка пропали без вести где-то между «Темным местом» и деревней, возможно где-то в этих лесах. Знак, который еще два дня назад казался таким безобидным. Знак, который, как ей казалось, остался от летнего лагеря, от игры в поиски

клада. Знак, который — она в этом почти уверена — она уже видела где-то в другом месте, в какой-то другой момент своей жизни, теперь несет в себе тень потенциального ужаса.

Может быть, это клочок порванной одежды? Крошечный осколок кости? Прядь волос, перевязанная выцветшей атласной лентой? Софи задерживает дыхание. Совок все глубже и глубже погружается в высохшую за лето землю. Каждый раз, когда он натывается на камень, она шумно втягивает в себя воздух.

Через девять минут кончик совка приподнимает что-то маленькое и твердое. Темный кубик. Она кончиками пальцев вытаскивает его из земли и смахивает грязь. На кубике выгравирован какой-то золотой логотип, и сразу невозможно определить, что это, и как только ее пальцы ощупывают его, она понимает: это футляр для кольца. Большими пальцами она раздвигает его. Внутри — идеальное, блестящее золотое обручальное кольцо.

Занятия в колледже возобновляются, и Таллула этому рада. Рождество прошло хорошо, первое Рождество Ноя. Ее отец, которого зовут Джим, приехал 26 декабря. Это был второй раз, когда он увидел Ноя с момента его рождения. Он на две ночи снял номер на втором этаже паба «Лебедь и утки» и даже заплатил за них всех за ужин двадцать седьмого числа. Ему очень понравился Ной. Усадив внука себе на колени, он как зачарованный смотрел на него и заявил, что такого красивого младенца еще ни разу в жизни не видел.

Обычно отец Таллулы был страшным эгоистом, думающим лишь о себе, но, почувствовав себя дедом, он как будто снял со своего сердца защитную корку. Но рождественское волшебство вскоре рассеялось, новизна от встречи с Ноем в его костюмчике рождественского эльфа быстро испарилась, и в канун Нового года Таллула вынуждена сидеть дома одна, пока ее мать с компанией друзей пошла в паб, а Райан — на вечеринку. Это был один из первых моментов, когда обязанности и ограничения материнства дали о себе знать как тяжелые кандалы.

Поэтому, когда Зак предложил прийти и провести с ней эту ночь, она, хотя не хотела, чтобы он решил, будто они снова вместе, все же не испытывала желания провести ночь наедине с семимесячным ребенком. И она сказала «да».

Он пришел в девять часов вечера, только что из дома друга. От него слегка разило пивом и сигаретами, капюшон был поднят для защиты от холодного ветра, руки засунуты в карманы, а на запястье висел пакет с какой-то бутылкой.

Она придержала дверь открытой, чтобы он мог войти, и Зак наклонился к ней и быстро поцеловал ее в щеку.

— С Новым годом, — сказал он.

— Еще рано, — сказала она.

— Ной спит? — Он взглянул на лестницу.

Таллула кивнула.

— Да, уже какое-то время.

— Извини, я немного опоздал. В «Ко-Опе» не было того, что мне нужно, поэтому пришлось пойти в паб и выстоять в очереди целую вечность. Народу тьма.

Он открыл пакет и дал ей заглянуть внутрь.

Шампанское, еще холодное. Из холодильника.

Она невольно улыбнулась, ничего не смогла с собой поделаться. Она любила шампанское.

— Видел твою маму, — сказал он, следуя за ней на кухню.

— Правда?

— Похоже, она веселилась от души.

— Отлично, — сказала она, ставя шампанское в холодильник и вытаскивая две бутылки пива.

— Есть еще чипсы. — Он вытащил два пакета чипсов из тортильи и банку сальсы. — И вот это, потому что я знаю, что они твои любимые.

Он вручил ей пакет шоколадных пальчиков «Кэдбери». Она снова улыбнулась.

— Спасибо, — сказала она.

Они сели перед телевизором с пивом и чипсами. Впервые за несколько недель и месяцев она осталась с Заком наедине. Обычно он приходил днем, чтобы провести время с Ноем, когда тот не спал. Она думала, что будет чувствовать себя слегка неловко, но опасалась зря. Они с Заком знали друг друга с четырнадцати лет, когда он перешел в школу Таллулы из школы для мальчиков в соседней деревне, где над ним издевались. Она подружилась с ним, потому что он был таким милым и ей стало жаль его. А потом они начали встречаться, и все. Они были одной из тех пар, которые воспринимаются как нечто привычное, вроде мебели, чьи отношения ни для кого не секрет, о которых не шепчутся за их спинами.

Так что, возможно, не было ничего странного в том, что в ту ночь Таллула чувствовала себя в его обществе так комфортно. Когда-то они были друзьями, возлюбленными, бывшими любовниками, а теперь стали родителями. Не было причин, почему они больше не могут быть снова друзьями. В ту ночь они разговаривали мало, давая телевизору развлекать их, смотрели в телефоны, показывали друг другу всякие забавные вещи. В какой-то момент Зак выхватил из руки Таллулы телефон и сказал:

— Хочу посмотреть твою фотогалерею, дай-ка взглянуть.

— Кыш! — засмеялась она. — Это еще зачем?

— Просто хочу посмотреть фотки Ноя, — сказал он, и она позволила ему пролистать свой телефон: фотогалерея почти на все сто процентов состояла из снимков Ноя. Но затем он добрался до рождественской вечеринки в колледже. Зак моментально замедлил темп и стал рассматривать снимки более внимательно.

— Ты хорошо выглядишь, — сказал он, увеличивая ее лицо на селфи, которое они с Хлоей сделали незадолго до того, как вернулись домой. — Ты накрашена.

— Точно, — сказала она. — Просто подводка для глаз. Меня накрашила мама.

— Тебе идет, — сказал он и, повернувшись, странно посмотрел на нее. — Обычно ты не красишься. А это кто? — спросил он.

Это было селфи, сделанное на рождественской дискотеке, когда они со Скарлетт танцевали под Мэрайю Кэри. Должно быть, их сфотографировала Скарлетт. Камера была поднята высоко, они обе сияли улыбками от уха до уха, с сетки над головой, искрясь и переливаясь, уже начинали падать блестки.

— Это Скарлетт, девушка из колледжа.

— Ты выглядишь по-настоящему счастливой, — сказал он, пальцами увеличивая на экране их улыбки. — Мне почему-то казалось, что ты разучилась так улыбаться.

Она сухо усмехнулась. В его голосе слышался упрек, как будто, будучи счастливой, она неким образом его подвела.

— Да, — сказала она, — они крутили Мэрайю. Ты бы тоже улыбался.

— Никогда не думал, что ты любительница вечеринок, — продолжил он, и Таллула почувствовала, что начинает нервничать. Вот почему, подумала она, ей не хотелось снова с ним встречаться. Рождение ребенка изменило ее, оно изменило в ней все.

Окончание школы тоже изменило ее. Быть не замужем после трех лет в отношениях — и это изменило. Она уже не была той нежной, романтической девушкой, какой была до того, как забеременела, до того, как он бросил ее и она осталась одна расхлебывать последствия. И в глубине души она знала: эта новая Таллула Мюррей — единственная, с кем Зак хотел бы быть вместе.

— Что ж, — сказала она, — все меняется, не так ли?

— Пожалуй, — сказал он, и в его голосе прозвучала нотка сожаления.

За несколько минут до полуночи они достали из холодильника шампанское, взяли пару фужеров и вышли в сад. Соседский кот сидел на заборе, свернувшись калачиком. Пару секунд он с любопытством разглядывал их, но затем повернулся и стал смотреть на небо. Было холодно, и Таллула слегка дрожала. К тому времени они уже выпили пару бутылок пива, и когда Зак обнял ее за плечи, чтобы согреть, она не стала его отталкивать. С помощью телефонов они считали секунды до наступления полуночи. Зак вытащил пробку, и они услышали, как люди вокруг них разразились радостными возгласами. Машины гудели, с треском взрывались и взмывали в черное небо петарды, и они подняли бокалы с шампанским, пожелали друг другу счастливого нового года и обнялись. Когда они отстранились друг от друга, ей показалось, что Зак собирается поцеловать ее, и она подумала: «Нет. Нет, я не хочу с тобой целоваться. Я не уверена, что когда-нибудь захочу снова тебя поцеловать».

— Черт, Таллула! — сказал Зак. — Хотел бы я никогда не делать того, что сделал в прошлом году. Это самое большое сожаление в моей жизни. Ты это знаешь, не так ли?

Она кивнула.

— Ты когда-нибудь простишь меня? — он взял ее руки в свои.

— Я уже простила тебя, — сказала она. — Я простила тебя сто лет назад.

— Тогда почему? — сказал он. — Почему мы не можем начать все сначала?

— Просто я... Не знаю, просто я не чувствую, что хочу отношений прямо сейчас. Мне хватает Ноя. — Она почувствовала, как он еще сильнее сжал ее пальцы.

— Но Ной, — сказал он, — он наш, мы сделали его, а значит, мы семья, мы одна команда. Дело не только в наших отношениях, не так ли? Речь идет обо всех нас троих.

— Ты все время видишь его.

— Да, — нетерпеливо вздохнул он, — я знаю, но это не то же самое, не то же самое, что быть с ним двадцать четыре часа в сутки. Как настоящая семья.

— Да, но я не об этом. Очевидно, для Ноя было бы лучше, если бы ты был здесь все время. Но я не знаю... — она умолкла, пытаясь подобрать нужные слова, — ...насколько это подходит мне.

Он рассмеялся, довольно легкомысленно.

— Лула, черт возьми, — сказал он. — Мы знаем друг друга с четырнадцати лет. Мы знаем, что подходим друг другу. Все знают, что мы подходим друг другу. Пожалуйста. Дай мне шанс.

— Но где нам с тобой жить?

— Вот здесь! — сказал он. — Мы могли бы жить здесь. У тебя большая кровать. Твоя мама меня любит. Райан меня любит. И я вот что тебе скажу, — быстро добавил он, явно чувствуя отсутствие у нее воодушевления по поводу этой идеи, — давай сделаем пробу, а? Может, я остался бы на одну ночь. Ничего такого, — заверил он ее. — Я бы спал на полу. Представь себе лицо Ноя утром, когда он просыпается и видит там папу. И я мог бы утром давать ему бутылочку, а ты бы могла поваляться подольше. Ну как? Разве это не было бы здорово?

Он улыбнулся ей и за руки притянул ее ближе к себе, так что их животы почти соприкоснулись, их лица были всего в паре дюймов друг от друга, его глаза впились в ее глаза.

— Неужели не согласна? — снова сказал он, целуя костяшки ее пальцев и кокетливо глядя на нее с ленивой улыбкой на губах.

И в этот момент что-то внутри ее уступило, как будто внизу ее живота что-то опустилось, плюс тянущее ощущение в паху, желание, чтобы ее кто-то трогал, но только не Зак, желание быть желанной и одновременно желание, чтобы ее оставили в покое, и то и другое одновременно. И она увидела, как губы Зака приближаются к ее губам, и поймала себя на том, что тянется навстречу ему, и в следующий миг они уже целовались, и все ее опасения мгновенно улетучились, а вся ее нерешительность выкристаллизовалась в желание быть с ним, ощущать его плоть, его руки, его губы и прочее.

Миг спустя она оказалась у задней стены, и ее руки и ноги обвились вокруг него, и все закончилось менее чем за минуту, и это было то, чего ей хотелось, то, чего она так сильно желала, а потом он, все еще оставаясь внутри ее, пока ее руки и ноги все еще обнимали его, несколько раз пронес ее вокруг сада, и она улыбалась, по-

настоящему улыбалась, и кровь, бурля, бежала по ее венам, а луна сияла с бархатного неба, и тогда Зак сказал:

— Я люблю тебя, Лула, я так сильно тебя люблю...

Она не ждала ни секунды, прежде чем ответить, что она тоже его любит.

Потому что тогда, в тот момент, она его любила.

Инспектор Маккой выходит из дома Ким около десяти часов утра, а примерно в одиннадцать на телефон Ким поступает звонок с незнакомого номера. Она предполагает, что это он, что это детектив, что у него для нее есть новости или какая-то новая информация. От волнения ее сердце готово выпрыгнуть из груди, адреналин бешено разливается по всему телу.

— Да.

— Привет, это Ким Нокс?

Голос явно девичий.

— Да. Это я.

— Это... э-э-э... Мими. Подруга Скарлетт. Она сказала, что вы хотели со мной поговорить, это так?

— О! — Ким выдвигает обеденный стул и опускается на него. — Мими. Спасибо. Вы можете сейчас говорить?

— Да. Конечно.

— Я просто хотела узнать, — начинает Ким, — то есть я уже говорила со Скарлетт и ее матерью. И с Лекси. И никто из них не имеет ни малейшего представления о том, что произошло в пятницу вечером. Но я подумала, вдруг вы что-то заметили. Что-то такое, чего не заметил никто, то, что могло бы объяснить, что случилось после того, как Таллула и Зак ушли. — В трубке воцаряется короткое молчание. Она слышит, как Мими вдыхает, представляет, как она затягивается сигаретой, зажатой между костяшками тощих пальцев с обгрызенными ногтями.

— Мне кажется... — начинает Мими. — Единственное, что приходит мне в голову, это то, что они могли поссориться.

Ким слегка запрокидывает голову.

— Поссориться?

— Ага. Они выглядели... как бы это выразиться?... как будто между ними что-то происходило... Как будто они выясняли отношения...

Ким поворачивается к обеденному столу и подносит телефон к другому уху.

— А конкретнее? — говорит она. — Вы не могли бы это описать?

Мими вздыхает.

— Я пошла в дом, чтобы зарядить телефон, — говорит она. — Лула и Зак, они сидели в маленькой комнатке сразу за кухней. Такое укромное местечко. Они не слышали, как я проходила мимо. Но я одним глазом заглянула в слегка приоткрытую дверь и увидела, что он крепко держит ее запястья и она пытается их вырвать, но он держал их так, будто пытался помешать ей ударить его или, быть может, пытался помешать ей уйти... Не знаю. Он явно был зол.

Ким медленно моргает. Слова Мими проникают в то место в ее голове, где уже зародились ее собственные опасения, где она задается вопросом: как Зак мог бы отреагировать на отказ? И как только это происходит, на нее накатывает приступ тошноты. «Что, если» начинает обретать форму, и возможность того, что Зак сыграл некую роль в исчезновении ее дочери, на миг лишает ее дара речи.

— Вы, случайно, не слышали, кто-нибудь из них не говорил о кольце? Или о помолвке?

На том конце линии воцаряется гробовое молчание, а затем:

— Нет. Ничего. Вообще они оба были какие-то притихшие. Честно говоря, я даже не совсем поняла, зачем они там. Мне показалось, что они сами этого не хотели. Ну, вы понимаете?

Воскресенье тянется бесконечно.

Вместо того чтобы уложить Ноя в кроватку, Ким берет его на долгую прогулку по деревне, и пока он дремлет в коляске, ее глаза скользят по каждой живой изгороди, по каждому переулку; заглядывают в щели между домами. Когда она проходит мимо Мейпол-Хауса, ее взгляд падает на заднюю часть территории, где расположено студенческое общежитие. Она тотчас вспоминает бывшего парня Скарлетт, Лиама, единственного человека, который был там в пятницу вечером и с которым она еще не разговаривала. Но она уверена, как и сказала Лекси, что он вряд ли видел или слышал больше, чем она, поскольку он рано уехал с ней.

Миг спустя она уже возле «Лебедя и уток».

Передняя терраса забита до отказа, как и обычно в солнечный воскресный полдень: просекко на столах в ведерках со льдом,

кувшины с крюшоном «Пиммс», высокие стульчики, на них дети, которых матери в мягких платьях и сдвинутых на макушку солнечных очках кормят измельченной колбасой и пюре, а под столиками в тени свернулись собачки породы кокапу.

Ким катит коляску через толпу к бару, где прохладно и сумрачно. Здесь людей меньше, и она идет прямо к стойке. Она узнает молодого парня за стойкой бара, это Ник. Он безработный актер и обожает флиртовать с немолодыми мужчинами, просто чтобы посмотреть, как они краснеют.

— Привет, — говорит он, — обычно днем вас здесь не увидишь. Что вам налить? Или вы пришли перекусить?

— Спасибо, — говорит она, — ничего не надо. Я зашла не для того, чтобы поесть. Просто интересуюсь... ты был здесь в пятницу вечером?

— Вообще-то да, был. Я тут как пес на цепи.

— А Мэгс рассказывала тебе о моей дочери и ее сыне?

— Да, рассказывала. Они вернулись? Все нормально?

— Нет, — говорит она срывающимся голосом. — Нет. — Она делает глубокий вдох и берет себя в руки. — Они все еще не вернулись. Я сообщила в полицию. Думаю, в какой-то момент полицейские захотят поговорить с тобой, спросить, что ты видел.

— О боже, Ким. Это ужасно. Представляю, как вы переживаете.

— Да, — говорит она, изображая натянутую улыбку. — Я вся на нервах. Но мне просто интересно, что именно ты видел.

— Боюсь, что на самом деле не так уж и много. Сначала они сидели вон там. — Он указывает на укромный уголок в дальней части бара. — Такие милые, прям как голубки. Он купил бутылку шампанского. Они заказали блюдо с морепродуктами. Этакая влюбленная парочка. А потом была еще одна компания. Явно богатые детки из Мейпола. Шумные, развязные, ну вы знаете. И, похоже, они знали вашу дочь. И я бы сказал, они нагло вторглись в приятный романтический вечер вашей дочери. Мне даже стало жаль ее!

Ной начинает ворочаться в коляске, и Ким рассеянно покачивает его.

— Ты заметил что-нибудь странное?

— Странное? — Ник поворачивается и словно луч прожектора направляет улыбку на покупателя, появившегося рядом с Ким. Приняв

заказ, он тут же снова переключается на Ким и говорит: — Я бы не сказал, что странное, нет. Много пили. И, судя по сумме кэшбеков, которую запросили эти детки из Мейпола, я заподозрил, что они ждали доставку наркотиков, но никаких доказательств тому не видел. А потом подошло время закрытия, и они все просто ушли. Вот и все. — Он печально смотрит на нее и говорит: — Господи, Ким. Я уверен, они будут дома с минуты на минуту, обязательно будут. Вы же знаете, что такое подростки.

Она идет дальше. К дому подруги Таллулы, Хлои, что на самом краю деревни. Он последний в ряду небольших коттеджей с плоскими фасадами, чьи двери выходят прямо на главную дорогу. Хлоя говорит, что нет, она уже сто лет не разговаривала с Таллулой. Зато она тоже сообщает кое-что интересное. Когда Ким упоминает, что Таллулу в последний раз видели в доме Скарлетт Жак в Апли-Фолде, Хлоя прищуривается и говорит:

— Странно.

— Почему? — спрашивает Ким.

Хлоя пожимает плечами.

— С этой Скарлетт и ее компанией что-то не так. Не знаю, но что-то там нечисто, и потом, этот вечер, в прошлом году, рождественская вечеринка в колледже, когда я сидела с Лулой и Скарлетт довольно невежливо увела ее от меня, и я не могу этого объяснить, но Лула как будто уже знала ее. Хотя и не была с ней знакома. И они какое-то время танцевали, а потом вышли на улицу минут на десять, и когда Лула вернулась, она была вся какая-то вздернутая. Я не могла понять, в чем там дело. Ведь насколько мне было известно, Скарлетт и ее компания — они на всех смотрят свысока, никогда ни с кем не разговаривают, но она первой заговорила с Лулой. Это было странно. В любом случае после этого мы с Лулой больше не общались.

Ким морщит нос.

— После той рождественской вечеринки?

— Да. Я имею в виду, мы здороваемся, если видим друг друга, но больше не тусуемся вместе.

— А в феврале? Когда ты... когда у тебя было то, что с тобой было?

Хлоя недоуменно смотрит на нее.

— У тебя была депрессия, и Таллула пришла и переночевала у тебя.

— Вы уверены, что имеете в виду меня?

— Да, еще в феврале Таллула сказала мне, что у тебя депрессия и что она должна остаться с тобой на ночь, чтобы ты не выкинула какую-нибудь глупость.

Хлоя качает головой.

— О господи, нет. Нет, такого точно никогда не было. У меня не было никакой депрессии, и она не оставалась у меня на ночь. Клянусь, в этом году мы с Лулой не перемолвились ни единым словом. Мы почти не виделись. Думаю, она солгала вам.

В течение выходных перед началом семестра территория школы Мейпол-Хаус медленно, но верно приходит в движение. Пустые здания оживают: повсюду царит суматоха, гул голосов и музыки, стук хлопающих дверей, мелодии телефонных звонков и урчание автомобильных моторов, смех и крики.

Софи чувствует себя странно. Не то чтобы посреди дикой глуши, как она опасалась, а скорее как будто она посреди всего этого оживления. Из сада рядом с кухней ей видно, как ученики выходят из своих общежитий и направляются завтракать в главное здание. Некоторые из них совершают по территории школы утренние пробежки. Она начинает узнавать некоторые лица, некоторые стайки друзей и даже на расстоянии — по той уверенности, с какой они шагают по территории школы, — может сказать, кто новичок, а кто старожил.

Вечером в воскресенье перед официальным началом семестра проводится так называемый Ужин Регистрационного Дня. День регистрации — самый загруженный день в преддверии нового семестра, когда большинство учащихся приезжают из дома, заселяются в общежитие и записываются на занятия. Большая часть всего этого делается онлайн, еще до того, как учащиеся ступят на территорию кампуса, но это старая традиция, и для учеников это хороший способ увидеть своих одноклассников, прежде чем они разойдутся по классам.

А еще есть ужин, который, по словам Шона, и есть то, ради чего все затеяно. Когда-то все чинно садились за стол, но поскольку десять лет назад был построен новый жилой корпус, что увеличило число учащихся вдвое, ужин превратился в вечеринку с фуршетом и диджеем.

Софи почему-то хочется выглядеть на этой вечеринке сногшибательно. Не просто мило и нарядно, а так, чтобы сразить всех наповал, чтобы все учащиеся потом перешептывались за ее спиной,

чтобы они говорили: «Вот это да, подружка мистера Грея и вправду хороша, не так ли?»

По какой-то причине она хочет получить одобрение тех симпатичных парней, которых она видела, когда те бегали трусцой по территории школы. Нет, не подростков, а девятнадцатилетних парней, почти мужчин с их летним загаром, густыми волосами и самодовольным видом.

Она надевает черную атласную блузку с кружевной отделкой спереди и кружевной вставкой на спине. Она хорошо сочетается с узкими черными брючками и черными босоножками на высоком каблуке. Волосы она собирает в хвост, который свешивается ей на одно плечо. Она щедро наносит на лицо крем и макияж, от которого ее кожа должна сиять и мерцать.

Когда она выходит в коридор, Шон обводит ее оценивающим взглядом с ног до головы.

— Боже, Соф, — говорит он, — ты прекрасно выглядишь.

И она понимает: так оно и есть.

Гул голосов из главного зала просто оглушительный. В зале бочкообразный, обшитый деревом потолок, а окна расположены так высоко, что пропускают только свет и никакого вида наружу. Зато есть три пары огромных двойных дверей, выходящих на лужайку, где в лучах раннего вечернего солнца установлен навес, расставлены столы и стулья. Они с Шоном под руку идут по лужайке, улыбаясь и останавливаясь, чтобы поздороваться. Они находят пустой столик. Шон оставляет Софи сидеть, а сам уходит, чтобы принести напитки.

Пока она ждет его возвращения, ее взгляд скользит по присутствующим, к группке прекрасных юных существ, что льнут друг к другу, образуя крошечные островки, непроницаемые, слегка пугающие и вместе с тем жалкие — такие шикарные невежды-всезнайки. Сияет не только их молодость, размышляет она, наблюдая за ними, но и их происхождение, их врожденные привилегии, то, как они трогают свои волосы, как держат свои напитки, как беспечно обращаются со своими телефонами. Они происходят из мест, которые не похожи на те места, откуда родом большинство людей. От них исходит глянцево-лоск денег, который просвечивает даже сквозь самую неряшливую внешность.

Софи родом из мира таунхаусов, машин, которые ездят, пока не развалятся, государственных школ, еженедельных походов в магазин «Теско» и тарелок с печеньем в квартире бабушки по субботам. Ей всего хватало: у них всегда был полный холодильник, они отдыхали за границей, ходили по магазинам на Оксфорд-стрит, в пятницу вечером покупали еду навынос в местном ресторанчике; так что ей грех было жаловаться. Ее жизнь была прекрасна. Но эта жизнь была матовой, а не глянцевой.

Она думает о «Темном месте», о семействе Жак, о бассейне, который когда-то наверняка сиял на летнем солнце ледяной синевой, о скульптурах, некогда стоявших на плексигласовых постаментах, о музыке, что когда-то доносилась из-за двойных дверей и летела через ухоженные лужайки. Она представляет себе особый смех людей, владельцев многочисленных автомобилей, лошадей и шале в Альпах. По словам Керрианны Маллиган, их дочь Скарлетт когда-то здесь училась.

Шон появляется вновь с двумя бокалами вина и садится рядом с Софи.

— Извини, что я так долго, — говорит он. — Меня задержали.

— Давай выпьем, — говорит она, — а потом сможем пообщаться.

— А мы точно должны? — спрашивает он, прижимаясь лбом к ее обнаженному плечу.

Она взъерошивает волосы на его затылке и смеется.

— Думаю, да, должны. По сути, ты здесь король. Ты должен общаться со своими подданными.

— Я знаю. — Он поднимает голову и кладет руку ей на колено. — Знаю.

Они пьют вино, и через минуту или две к их столику подсаживается пара, Флер и Робин, соответственно учитель географии и фотографии. Они живут в коттедже недалеко от деревни, у них есть бордер-терьер по кличке Оскар и кролик по кличке Бафта, и они оба жутко разговорчивые. Где-то в середине разговора к ним присоединяется мужчина средних лет по имени Трой, с великолепной бородой. Он преподаватель философии и теологии, живет на кампусе и грузит их рекомендациями по поводу местных деликатесов, винных магазинов и мясных лавок.

Кто-то уводит Шона прочь, и на какое-то время Софи остается наедине с Троем, но это нормально. С ним очень легко разговаривать, а затем к ним присоединяются кто-то с французским акцентом и кто-то с испанским акцентом, и вскоре их стол полон людей, чьи имена она едва успевает запомнить, не говоря уже об их должностях или роли в школе. Затем она замечает молодого человека. Он стоит на периферии группы, собравшейся вокруг ее столика. В одной руке у него бутылка пива, другую он держит в кармане темно-синих шортов. У него каштановые волосы, короткие и волнистые; сам он в белой рубашке с закатанными чуть выше локтей рукавами. На ногах белые кроссовки без носков. У него красивое телосложение. Он слегка смахивает на кинозвезду, ну, на того актера по имени Крис, Софи никак не может запомнить его фамилию.

Он разговаривает с женщиной старше себя. Софи видно, что он не очень хорошо ее знает, но старается быть обаятельным и вежливым. Она видит, как он слегка поворачивает голову в ее сторону, как будто чувствует на себе ее взгляд, и она спешит отвести глаза. Когда же она смотрит на него снова, она видит, что женщина повернулась, чтобы поговорить с кем-то еще, и он пока стоит один. Он подносит пивную бутылку к губам и делает задумчивый глоток. Заметив, что она смотрит на него, он улыбается.

— Вы, должно быть, спутница жизни мистера Грея, — говорит он, подходя к ней.

— Да, — весело отвечает она. — Меня зовут Софи. Приятно познакомиться.

Он перекладывает пивную бутылку в левую руку и протягивает правую для рукопожатия.

— Я тоже рад познакомиться. Я — Лиам. Я здесь помощник учителя. Работаю с детьми с особыми потребностями, ну, вы знаете, с дислексией, диспраксией, типа того.

У него хорошая речь, но в его акценте слышатся чуть грубоватые глостерские нотки.

— О, как интересно!

Он энергично кивает.

— Да, это замечательно. В смысле это не то, чему я бы хотел посвятить жизнь или что-то в этом роде, это временная работа, но на данный момент она меня вполне устраивает.

— И чему бы вы хотели посвятить свою жизнь?

— Ах да, — он чешет затылок и морщит лицо. — Я еще до конца не определился. Все еще пытаюсь понять, — улыбается он. — Мне пятнадцатого исполняется двадцать один. Неудачный старт.

Он говорит виноватым тоном, и Софи спешит успокоить его.

— Неправда, — говорит она, — вы работаете, у вас действительно важная работа, чего нет у многих молодых людей вашего возраста.

— Да, — говорит он. — Может быть. — И тотчас спрашивает: — И как вам Мейпол-Хаус?

Софи оглядывается по сторонам и кивает.

— В целом мне здесь нравится, — говорит она. — Хотя это не то, к чему я привыкла. В смысле я родилась и выросла в Лондоне, я никогда раньше не жила за его пределами, поэтому деревенская жизнь — это своего рода шок для всего организма.

— О, это не деревня, — говорит Лиам. — Поверьте, это далеко не деревня. Я вырос на животноводческой ферме в Глостершире. Вот там была деревня. А это просто милое место, где живут люди, которые не хотят жить в больших городах.

Софи улыбается.

— Думаю, это вполне справедливо, — говорит она и тотчас уточняет: — И как давно вы здесь преподаете?

— Как бы это сказать... — Он застенчиво улыбается. — Когда-то я сам здесь учился, хотите верьте, хотите нет. Когда мне было пятнадцать, родители отправили меня сюда сдавать экзамены за курс основной школы, потому что в моей старой школе я слишком... э-э-э... отвлекался на другие вещи. А потом мне здесь понравилось, поэтому я остался, чтобы сдать здесь экзамены на аттестат зрелости. И провалил их все. Сдал заново. Провалил один. Хотел пересдать его... Так что да, я учился здесь... — он прищуривается, производя мысленный расчет, — ...четыре с небольшим года? Возможно, это рекорд за все время существования школы. Большинство задерживается здесь не дольше пары лет. А теперь они не могут от меня избавиться.

Он смеется. Софи тоже смеется, а потом спрашивает:

— Значит, вы должны многое знать об этом месте, о его истории?

— Я главный эксперт по Мейпол-Хаусу, да, это так.

— То есть если Шону понадобится что-то узнать, он может без колебаний обращаться к вам?

— Думаю, да. Просто пошлите его ко мне. Я тот, кто ему нужен.

— Значит, вы были здесь прошлым летом, — осторожно начинает она, — когда те подростки пропали без вести?

По его лицу пробегает тень.

— Да, — говорит он. — Я тогда был здесь. И не только здесь, я еще был там.

Софи вздрагивает.

— Там?

— Да. В доме. В смысле в ту ночь, когда они исчезли. Я дружил со Скарлетт, девушкой, которая там жила. Разумеется, я ничего не видел. Я ничего не знал. Но да. Действительно, жуткая история. Просто жуткая. — К разочарованию Софи, он быстро меняет тему: — А что насчет вас? Кем вы работаете? Если вы жили в Лондоне, вы наверняка были вынуждены оставить работу или?..

Она качает головой.

— Нет, — говорит она. — Нет. Я имею в виду, когда-то я, как и вы, была помощником учителя. В начальной школе в Лондоне. Но теперь я самозанятая, могу работать из дома, так что, как видите, для меня в этом плане мало что изменилось. Правда, если честно, мне пока не удалось вернуть себе даже намек на дисциплину. Меня вечно что-то отвлекает. — Она смеется, но положила руку на сердце ее беспокоит, что за почти неделю в Мейпол-Хаусе она не написала ни слова для своей последней книги. Каждый раз, когда она открывает компьютер и начинает печатать, ее мысли уносятся к Таллуле Мюррей, «Темному месту», Скарлетт Жак, розовому кусту на деревенской площади, розовым детским ножкам, вытатуированным на обратной стороне предплечья Ким Нокс, к обручальному кольцу в грязной черной коробке, лежащей сейчас в ее ящике с косметикой. Она думает о Мартине Жаке, которого она погуглила после того, как порылась в его почте, о человеке, чье фото она видела в Интернете, — высоким, изможденном, с прядью редящих седых волос и суровым выражением лица, о человеке, которого LinkedIn называет исполнительным директором хедж-фонда. Фонд зарегистрирован на острове Гернси, но в настоящее время, согласно другому результату поисков в Гугле, Мартин Жак живет один в Дубае, расставшись со своей женой.

Она не нашла ни на одной странице в Интернете упоминаний о его бывшей жене или взрослых детях, но разлука с семьей показалась Софи единственным очевидным объяснением того, почему «Темное место» было заброшено и оставлено гнить.

— Ну что ж, — говорит Лиам, — я уверен, как только жизнь в колледже войдет в свою колею, вы тоже в нее войдете.

Софи с благодарностью улыбается.

— Очень хороший способ думать об этом, — говорит она. — Спасибо. Вы истинный мудрец.

Говоря это, она видит из-за плеча Лиама, как к ним подходит Шон.

На секунду ее поражает контраст между ними: двадцать лет, которые их разделяют. Шон, при всей своей красоте и харизме, на вид годится Лиаму в отцы.

— Привет, — говорит он, протягивая руку Лиаму. — Лиам, верно?

— Да, он самый. Приятно снова вас видеть.

Они приходят к выводу, что уже встречались, но в разговор вклиниваются другие люди с другими темами, и вскоре Софи вообще уже не говорит с Лиамом, его поглотила другая группа. Оставшись одна, она идет через лужайку к бару внутри шатра. Здесь она берет себе второй бокал вина и несет его обратно на улицу. Через лужайку ей виден Шон, увлеченный разговором с Питером Дуди и Керрианной Маллиган.

Затем она видит Лиама. Он идет по лужайке к главному зданию, и она, поддавшись порыву, следует за ним. Он идет через корпус и выходит из дверей на другой стороне. Затем пересекает задний двор и направляется к общежитию. Она видит, как он вводит код. Дверь с жужжанием и щелчком открывается, и он входит внутрь. Она садится на скамейку во дворе, радуясь возможности побыть одной, прежде чем снова ринуться в бой. Вино стало теплым, но она все равно его пьет. Вечернее солнце пробивается сквозь ленты пурпурных облаков. Закрыв глаза, она подставляет лицо солнечному теплу, прислушиваясь к далекому гулу болтовни и смеха.

Она слегка вздрагивает, выпрямляется, открывает глаза и видит пару загорелых ног, торчащих из решетки балкона на третьем этаже общежития, край книги в мягкой обложке, холодное пиво на столике.

Это Лиам.

Пару секунд она размышляет, может, ей окликнуть его, навязаться к нему в гости, выпить вместе с ним холодного пива, спросить, что, по его мнению, на самом деле произошло в «Темном месте» той ночью.

Но она лишь качает головой и направляется обратно через внутренний двор на вечеринку.

В канун Нового года Зак проводит ночь с Таллулой и не уходит домой. Когда через пять дней Таллула просыпается, чтобы снова поехать в колледж, она просыпается в постели, которую делит с ребенком и его отцом. После Нового года у них Заком больше не было секса, но по вечерам они сидят бок о бок на диване, целуют друг друга на прощание или при встрече, обнимаются, касаются друг друга.

Мать Таллулы довольна. Таллула знает: мать всегда чувствовала себя виноватой за то, что вышла замуж за человека, который не был создан для суматохи семейной жизни, который в ту минуту, когда она сказала, что он ей нужен, сбежал домой к своей матери, бросив их всех без тени раскаяния. И Таллула уверена: мать рада, что Таллула и Зак собираются стать настоящей семьей и что Зак готов взять на себя часть забот, которые раньше давили на плечи Таллулы как матери-одиночки.

В свой первый день в колледже Таллула целует на прощание мать. В палисаднике она поднимает глаза и видит в окне своей спальни Зака и Ноя. Зак держит крохотную ручку Ноя и машет ей. Она видит, как он говорит:

— До свидания, мамочка. До свидания, мамочка.

Она посылает им воздушные поцелуи и уходит.

На автобусной остановке она ищет глазами Скарлетт. После этого первого раза Скарлетт больше не появлялась на автобусной остановке, а после рождественской вечеринки Таллула ни разу не видела ее и не говорила с ней, но по какой-то причине Скарлетт оставила отпечаток в душе Таллулы. Обе их встречи кажутся ей важными, она чувствует, что сейчас что-то должно произойти, некий третий акт, своего рода концовка. Подъезжает автобус. Она бросает последний взгляд на холм, в сторону Мейпол-Хауса, вздыхает и садится в автобус.

В тот же день после ланча Таллула решает посетить корпус, где расположено отделение изящных искусств. Раньше она никогда здесь не была. Это приземистое квадратное здание посреди кампуса, довольно некрасивое. Коридоры внутри увешаны слегка настораживающими автопортретами. Она находит в конце коридора

дверь с надписью «Изобразительное искусство. Первый год обучения» и заглядывает в окошко. Комната пуста, но заперта. Она идет по другим коридорам, увешанным еще большим количеством картин, и наконец находит картину с подписью «Скарлетт Жак, 1-й курс».

Таллула останавливается. Это автопортрет Скарлетт в короткой футболке и просторных шортах, восседающей в похожем на трон огромном красном бархатном кресле, в тиаре набекрень, в высоких кроссовках. Волосы зачесаны назад, в ушах серьги-кольца, запястья унизаны цветными резинками. У ее ног сидит огромный коричневый пес, почти такого же размера, как Скарлетт, тоже в короне. Оба смотрят прямо на зрителя, пес — гордо, Скарлетт — с вызовом.

Это захватывающий образ. Он привлекает внимание сначала к Скарлетт, а затем ко всем остальным деталям: кучке серебряных и кремовых зарядных устройств на полу, отражающих свет, маленькому окошку позади с намеком на чье-то лицо, как будто наблюдающее за ней. На столе лежит пистолет, айфон, блюдо со свежим красным сердцем, которое выглядит так, будто оно все еще бьется. На другом столе торт, у которого отсутствует кусок, а на ноже, которым его разрезали, капля крови.

Таллула понятия не имеет, что все это означает, но картина написана красиво, как будто в выгоревших на солнце оттенках розового, зеленого и бледно-серого с резкими полосами и вкраплениями красного цвета. Она ловит себя на том, что шепчет: «Ух ты!»

— Потрясающе, не правда ли?

Она оборачивается на голос, прозвучавший за ее спиной. Ей казалось, что она одна. Перед ней девушка из банды Скарлетт, но она не может вспомнить ее имя.

— Да, я это к тому, что раньше я не видела ее работ, но эта картина невероятная.

— Ты в курсе, что она ушла из колледжа?

Таллула моргает, чувствуя в животе странное напряжение.

— Что?

— Скарлетт ушла. И не вернется. — Девушка издает ртом что-то вроде лопающегося звука, как будто Скарлетт — пузырь жвачки, который лопнул.

— Но почему?

— Никто не знает. Я все время пишу ей сообщения, и она все время отвечает, что сообщит мне, когда сможет, но она не может сказать мне прямо сейчас, так что да...

Таллула вновь поворачивается к картине.

— Какая жалость, — говорит она.

— Да, — соглашается девушка. — Гребаная идиотка. Такой труд, такой талант, а она взяла и бросила. И с концами. В этом вся Скарлетт. Загадка. Завернутая в одеяло. — Она улыбается. — Ты Таллула из автобуса, верно?

Таллула кивает.

— Мими. Мы встречались на рождественской вечеринке.

— Ах да. Привет.

Мими наклоняет голову к Таллуле.

— Изучаешь искусство? — спрашивает она.

Таллула мотает головой.

— Нет, просто захотелось посмотреть на картины. Кто-то сказал, что это стоит увидеть.

Мими пару секунд с любопытством смотрит на нее. Затем выпрямляется и говорит:

— Ладно, мне пора. Если вдруг увидишь в ваших краях Скарлетт, скажи ей, чтобы она перестала вести себя как идиотка и вышла на связь, хорошо?

Таллула улыбается.

— Обязательно, — говорит она. — Обещаю.

После этого, каждый раз выходя из дома, Таллула высматривает Скарлетт. Она знает, что парень Скарлетт, Лиам, учится в Мейпол-Хаусе, так что Скарлетт наверняка бывает в деревне. Время от времени Таллула пролистывает фотогалерею, чтобы посмотреть на себя и Скарлетт на рождественской вечеринке, и пытается вспомнить, что она чувствовала тем вечером, кем была, когда находилась под раскаленным светом внимания Скарлетт. Время от времени она набирает в Гугле имя Скарлетт, на тот случай, если та неким образом засветилась в газетах. Она не знает, где живет Скарлетт, лишь то, что это где-то в получасе ходьбы от деревни, что может быть где угодно. Рядом с Апфилд-Коммон есть как минимум три деревушки, и дороги между ними пестрят частными подъездными дорожками, ведущими к

большим домам, в одном из которых, по мнению Таллулы, и живет Скарлетт.

А затем однажды, в последнюю неделю января, Таллула видит, как с пассажирского сиденья автомобильчика «Смарткар», припаркованного у «Ко-Опа» на главной улице деревни, выходит Скарлетт.

На ней шуба из искусственного меха, под ней что-то похожее на пижаму. Ее волосы растрепаны, на ногах пушистые носки и старые кроссовки. На водительском сиденье машины Таллула видит молодого человека. Он смотрит в свой телефон. Из машины доносится глухой ритм музыки. Спустя мгновение из магазина появляется Скарлетт с пакетом и снова запрыгивает в автомобильчик. Парень на водительском сиденье быстро смотрит на нее, выключает телефон, и машина уезжает по дороге, ведущей в Мэнтон.

Таллула стоит и смотрит, как «Смарткар» исчезает из вида, как будто это несет в себе ключик к его конечному пункту назначения. Потом она кое-что вспоминает. Несколько дней назад ее мать упомянула, что видела Кезию, одну из подружек Таллулы по начальной школе. Сейчас она работает в «Ко-Опе». Таллула не видела Кезию несколько месяцев. Последний раз это было, когда ее беременность только-только стала заметной, и Кезия положила руку ей на живот и издала такой звук, как будто она от изумления вот-вот готова упасть в обморок.

Когда через мгновение Таллула входит в магазин, Кезия сидит за одной из касс. При виде подруги ее лицо озаряется улыбкой.

— Лула! — говорит она. — Где ты пряталась?

Таллула улыбается и пожимает плечами.

— Сейчас я предпочитаю большие магазины, — говорит она, — и езжу на машине. Так легче со всеми этими подгузниками и молочными смесями.

Кезия тепло ей улыбается.

— Как малыш?

— Он просто чудо, — отвечает Таллула.

— Держу пари, любознательный.

— Еще нет. Он слишком мал для этого. Но все равно славный. Этакий маленький Будда.

— Дома с твоей мамой?

— Да, с мамой. И Заком.

— Правда? — говорит Кезия. — Я думала, вы с ним?..

— Да, было такое. А потом мы снова сошлись. Перед самым Новым годом.

Кезия искренне улыбается ей.

— Это просто потрясающе! — говорит она. — Я так рада. Вы двое просто созданы друг для друга.

Таллула натянуто улыбается.

— Это хорошо, — говорит она, — хорошо для Ноя. И приятно иметь еще одну пару рук. Ну, ты понимаешь.

— Ты выглядишь совсем по-другому, — говорит Кезия.

— Разве?

— Да, ты выглядишь, как бы это сказать, совсем как взрослая. Очень хорошенькая.

— Правда? — говорит Таллула. — Спасибо.

— Ты должна хотя бы разок выбраться вечером из дома. Со мной и девчонками.

— Да. Было бы неплохо. — Она не уверена, что ей это понравится. Ей всегда казалось, что должна иметься причина, почему она не поддерживает связь с подружками из начальной школы, но никогда не знала, в чем эта причина может заключаться — нечто глубоко укоренившееся в подсознании, нечто такое, что даже сейчас заставляет ее чувствовать себя странно при мысли о возможной встрече с ними.

— Та девушка, — говорит она, — которая только что пришла в пижаме? Ты знаешь, кто она?

— Ты имеешь в виду ту мымру?

Таллула слегка качает головой, пытаясь совместить то, какой ей видится Скарлетт, с тем, как ее может воспринимать кто-то другой, и лишь затем говорит:

— Да. Ту, в меховой шубе.

— Да. Это та, что живет в «Темном месте».

— «Темном месте»?

— Да, ну ты знаешь, большой старый дом в Апли-Фолд.

Она качает головой.

— Ты точно его знаешь, — говорит Кезия. — Это самый большой дом во всей округе.

Таллула снова качает головой и затем спрашивает:

— Что она купила?

Кезия презрительно фыркает.

— Зачем тебе это знать?

— Не знаю. Просто она... Я вроде как знаю ее по колледжу, и она ушла очень загадочно, никто не знает почему. Наверно, мне просто любопытно.

— Она купила ром, табак и тампоны. — Кезия закатывает глаза и добавляет: — Шалава.

— Она что-нибудь сказала?

— Ты шутишь? Как будто такая, как она, стала бы разговаривать с кассиршей в «Ко-Опе». — Она фыркает, а затем ее взгляд скользит через плечо Таллулы на покупателя, ожидающего обслуживания. — Лучше уходи, — говорит она. — Поцелуй за меня малыша. Приводи его в следующий раз, чтобы я могла на него взглянуть. Договорились?

Таллула улыбается.

— Обязательно. Обещаю.

Она медленно идет домой и на ходу большим пальцем гуглит на телефоне «Темное место». Появляется страница Википедии и на ней дом, как будто из сказки или из истории о привидениях. Таллула пробегает глазами текст, выхватывая фрагменты истории о кофейных плантациях, испанском гриппе, попытках убийств и людях, которым вороны выклевали глаза. Как странно, думает она, почему этот дом неизвестен и не открыт для публики? Как такое место может быть просто семейным жилищем, местом, где живет Скарлетт и куда она направляется в данный момент со своим табаком, ромом и коробкой тампонов.

Внезапно Таллулу охватывает любопытство. Она приседает, чтобы нащупать в рюкзаке ежедневник. Открыв его на последней странице, она пробегает пальцем перечисленные там контакты. Наконец ее палец застывает на имени Скарлетт. Прежде чем она успевает передумать, она пишет ей электронное письмо:

Привет, Скарлетт, это Таллула из автобуса, просто проверяю, надеюсь, с тобой все в порядке. Увидимся, с любовью Т.

Прежде чем передумать, она нажимает кнопку «отправить», кладет ежедневник обратно в сумку и идет домой к своему ребенку.

Ким звонит инспектору Маккою в восемь часов утра в понедельник. Он отвечает после нескольких гудков.

— Инспектор Маккой.

— Здравствуйте. Извините, что беспокою вас так рано. Это Ким Нокс. Из Апфилд-Коммон. Хотела узнать, есть ли у вас новости о моей дочери Таллуле Мюррей.

— Ах да, здравствуйте, Ким. — Она слышит, как он шуршит бумагами. — Извините. Боюсь, пока что нам не о чем вам сообщить. Мы были в доме в Апли-Фолд, мы поговорили с семьей. Но никаких зацепок это нам не дало. Прямо сейчас мы направляемся в деревню. Двое моих детективов идут в паб... э-э-э... — он снова шуршит бумагами, — «Лебедь и утки», поговорить с их менеджером. Вдруг там смогут пролить свет...

— А лес, — спрашивает Ким, — вы собираетесь отправить кого-нибудь в лес? Потому что вдруг они все еще где-то там? Вдруг они, когда не смогли поехать на такси, решили вернуться пешком и с ними что-то... Они могли упасть в старый колодец или что-то в этом роде или же... — она глубоко вздыхает. Ей трудно заставить себя сказать то, что она хочет сказать, но она вынуждена, потому что это крайне важно, — ...или же поссорились, — заканчивает она. Слова кувырком вылетают одно за другим. — Подруга Скарлетт, Мими, сказала мне, что видела, как они ссорились в доме Скарлетт. Судя по всему, Зак был довольно груб с Таллулой. Хватал ее за запястья.

Ей слышно, как инспектор Маккой замирает. Бумаги перестают шуршать.

— Верно, — говорит он. — Кстати, говоря о грубости и физическом насилии. Такое часто между ними бывало? Судя по тому, что вы могли наблюдать дома? Во время нашей воскресной беседы у меня сложилось впечатление, что они были прямо как голубки.

Вот оно снова. Голубки. То же самое выражение, которым вчера в пабе их описал Ник.

Она вздыхает.

— Видите ли, Зак и вправду как голубок. Из них двоих романтик — он. Мне часто казалось, что Таллула просто его терпит. Что она предпочла бы быть одна. Но нет, я никогда не видела между ними случаев физического насилия.

— Никогда ничего не слышали из-за закрытых дверей?

— Нет. Ничего. Нет, конечно, Зак порой бывает вспыльчив. Но никогда с Таллулой. Или с младенцем.

— В таком случае что... — начинает инспектор Маккой, и Ким слышит скрип его стула, когда он меняет положение, — ...что, по вашему мнению, могло стать причиной ссоры, которую, по словам подруги вашей дочери, она наблюдала между ними в пятницу вечером?

Мысли Ким возвращаются к обручальному кольцу в кармане пиджака Зака, к разговору Райана с Заком о том, что тот хочет сделать Таллуле предложение. Ей кажется, что это слишком интимная вещь, чтобы делиться ею с чужим человеком, как будто она выдаст частичку сердца Зака. Но она должна сказать детективу: почему-то она почти уверена, что это кольцо — ключ ко всему.

— В пятницу утром, — нерешительно начинает она, — я кое-что нашла в кармане пиджака Зака. Кольцо. Похожее на обручальное. Бриллиант в золотой оправе. А мой сын, Райан, говорит, что Зак как-то раз намекнул, что хочет сделать Таллуле предложение. А вчера я разговаривала с барменом в «Лебеде и утках», и он сказал, что в ту ночь, перед тем как уйти со Скарлетт и ее друзьями, Зак и Таллула пили шампанское. И возможно, он и вправду сделал ей предложение. И она... — Ким сглатывает комок. — Возможно, она сказала ему «нет».

На миг воцаряется молчание, а затем инспектор Маккой спрашивает:

— И вы думаете, что, возможно, Зак отрицательно на это отреагировал?

— Я не... — Ким тяжело дышит. — Я не знаю, что мне думать. Но вполне возможно, — продолжает она, — что по дороге домой от Скарлетт они поссорились и Зак вышел из себя и... что-то случилось, и теперь он где-то прячется. Просто такое нельзя исключать. Вот и все.

Но не успели эти слова слететь с ее губ, как она понимает: это не просто возможно, это вполне вероятно. Как там говорят? *Это всегда муж.*

— Верно, — говорит инспектор Маккой, — я думаю, что теперь у нас есть основания, чтобы отправить поисковую группу. Предоставьте это мне, миссис Нокс.

— Мисс.

— Извините. Мисс Нокс, предоставьте это мне. Я буду держать вас в курсе. И так далее.

— Мы уже немного искали сами, — говорит она. — В субботу. Несколько человек. В лесу.

— Понятно.

— Я это к тому, что мы ничего не нашли, но, по крайней мере, я думаю, что мы ничего не трогали и ничего не потревожили. Я думаю, что...

— Ничего страшного, — перебивает ее он. — Я уверен, что все в порядке. В любом случае я свяжусь с вами и сообщу подробности, как только они у меня появятся. И, прежде чем приступить к поискам, я хотел бы поговорить с семьей Зака. У вас есть номер их телефона или адрес?

— Да, конечно. — Она называет адрес Мэгс и говорит: — Но вы же им ничего не скажете, ладно? То, что я сказала о Заке? Все-таки у нас с ними общий внук, мне не хотелось бы портить с ними отношения. Это бы лишь только все усложнило. Это бы...

Он снова перебивает ее.

— Нет-нет, ни в коем случае, — говорит он. — Даже не беспокойтесь об этом. Мы будем очень тактичны.

— Спасибо. Большое спасибо.

Она завершает разговор и смотрит на Ноя. Тот сидит в своем высоком стульчике и ест с подноса сухие овсяные колечки «Чириос». Он тоже смотрит на нее и улыбается.

— Сиеос, — говорит он. Его глаза горят гордостью, а палец указывает на колечки хлопьев. — Сиеос.

Ким закрывает глаза.

— Да! — говорит она, собираясь с духом. — Да! «Чириос»! Молодец! Умный мальчик! Ты такой умный мальчик!

Ее голос срывается, и она отворачивается.

Второе слово Ноя. И Таллула пропустила их оба.

В полдень в Апли-Фолде полиция начинает прочесывать лес. Этого хотела Ким, но вместе с тем это пугает ее. Внезапный всплеск

бурной деятельности после того, как она столько часов была одна, потрясает ее до основания.

Придя туда, она видит Мэгс и Саймона, стоящих на опушке леса. Мэгс поворачивается и смотрит на нее, и Ким кажется, что на ее холодном лице мелькает нечто вроде страха. Мэгс что-то говорит Саймону, и тот поднимает глаза.

— Это безумие, — говорит Мэгс Ким, подходя к ней. — Нет, я знаю, это странно, что их уже три дня нет дома, я понимаю, и тем не менее это... — Она машет рукой, указывая на отряд полицейских в светоотражающих жилетах и собак-ищеек. — Это все слегка чересчур, тебе не кажется?

Ким отвечает не сразу, она не знает, что сказать.

— Они пришли и поговорили с вами? — наконец спрашивает она. — Полиция?

— Ага. Чертовски смешно. Они пробыли там целую вечность. Задавали вопросы о Заке, о том, каким парнем он был, о том, как он учился в школе, о его работе. А я им в ответ: какого черта вы у меня все это спрашиваете? Как будто они думают, что он сделал что-то дурное. — Мэгс говорит это бойко, но Ким, когда она смотрит на нее, ловит в ее глазах блеск чего-то твердого и холодного.

Райан остался дома с Ноем, и полиция попросила семью пока не участвовать в поисках. Так что пока Ким, Мэгс и Саймон просто стоят вместе. Детективы толпятся кучкой в нескольких метрах от них, а поисковая группа и их собаки готовятся отправиться в лес.

Сегодня снова тепло, и Ким чувствует себя липкой и взбудораженной.

— Как вы думаете, сколько времени это займет? — резко кричит Мэгс группе детективов в штатском. Детектив Маккой оборачивается и, прежде чем подойти к ним, бросает взгляд на своих коллег.

— Что ж, — говорит он, — заранее трудно сказать. К счастью, в это время года на нашей стороне дневной свет, поэтому мы можем продолжать поиски, пока не стемнеет. А дальше все зависит от того, что мы найдем. Мы отправляем одну группу сюда от дома Жаков, предполагая, что ваши дети пошли именно так, а другую — от этого входа, — он указывает на деревянные ступеньки, которые образует общественный вход в лес, — на случай, если они уже покинули владения Жаков, прежде чем решили вернуться домой через лес. Так

что у нас будет две команды, и по мере того, как они будут углубляться в лес, они будут рассеиваться, чтобы покрыть как можно большую территорию.

— А что именно вы ищете? — бодро спрашивает Мэгс.

— Ваших детей, миссис Аллистер. Мы ищем ваших детей.

— Их там нет. Ким уже посмотрела, и если бы там что-то было, она бы уже нашла.

— Что ж, в таком случае ищем свидетельства того, что ваши дети там были. Что они были там и что с ними что-то случилось. Затем на основе этих свидетельств мы попытаемся составить картину того, что произошло в пятницу вечером и где сейчас могут быть ваши дети.

— Лучше бы вы еще раз поговорили с таксопарками. Готова спорить, что в половине случаев они просто ничего не записывают. Женщина, которая заведует офисом в Мэнтоне, спит половину времени, буквально лицом вниз на столе, и крепко спит. Я ее видела. Подозреваю, у нее столько работы, что она никогда не ложится спать. Вам следует поговорить с ней еще раз. Вдруг она отправила им такси, но забыла записать.

Детектив-инспектор Маккой терпеливо улыбается Мэгс.

— Думаю, вы имеете в виду Кэрол Доддс? Из агентства «Вам такси»? Да, мы дважды говорили с ней. В пятницу вечером она не работала, ей нездоровилось, поэтому вместо нее на смену вышел ее муж. Он сказал нам, что каждый вызов поступает напрямую в компьютерную систему, что они просто не могут отправить машину, если вызов не прошел через их систему.

— Ну, вы знаете эти компьютеры. Им нет большого доверия. Они вечно глючат.

— То есть вы все еще думаете, миссис Аллистер, что они поехали на такси?

— Это первое, что приходит в голову.

— А куда они на нем уехали?

— Это же дети, — громко отвечает она. — Кто знает?

Детектив Маккой подавляет вздох.

— В любом случае, — говорит он, — мы готовы приступить к поискам. Можете остаться здесь и дожидаться развития событий, или мы могли бы встретить вас в деревне. Как вам удобнее?

Ким смотрит на Мэгс. Та пожимает плечами.

— Я бы хотела остаться здесь, пока ты будешь на том конце, — говорит Ким, — а затем, когда поисковые группы будут близко, пойду в деревню. Не возражаешь?

— Нет, конечно.

Мэгс и Саймон переглядываются.

— Да, наверное, мы просто вернемся в Апфилд и подождем там, — говорит Мэгс. — Например, в пабе. — Она касается руки Ким, и та слегка вздрагивает. — Увидимся там, — добавляет она и вместе с мужем направляется обратно к дороге, где прямо напротив машины Ким припаркован их автомобиль.

Сидя в машине, Ким наблюдает, как авто Мэгс и Саймона медленно разворачивается в узком переулке и катит обратно в сторону Апфилда. Когда они проезжают мимо, Мэгс машет ей из окна рукой, и Ким машет в ответ.

Она потрясена реакцией Мэгс. Ее равнодушие выше понимания Ким. Нет, она знает, что за мальчиков обычно волнуются меньше, чем за девочек, — у нее самой есть и сын, и дочь, и она знает, что меньше тревожится, когда Райана нет дома после наступления темноты, чем за Таллулу. Но все же прошло уже почти три дня! Кто бы ни пропал на такой срок, это должно вызывать серьезное беспокойство. Но Мэгс это нисколько не тревожит. На мгновение Ким приходит в голову, что, возможно, Мэгс не волнуется потому, что ей что-то известно, потому что она знает, что ее сын в безопасности, но она не может по какой-то причине рассказать об этом. Но нет, Ким тут же меняет ход своих мыслей. Если бы Мэгс лгала, чтобы защитить своего сына или человека, ответственного за его исчезновение, она бы наверняка сделала вид, что обеспокоена. Но ее реакция слишком искренняя, слишком подлинная, слишком в духе Мэгс.

Ким поворачивается и наблюдает за полицейскими в светоотражающих жилетах и их собаками, которые наконец направляются в лес. Какое-то время детективы в штатском остаются на месте, а потом возвращаются к своим машинам.

Вокруг удивительно тихо. Спустя пару секунд мимо проезжает машина. Сидящая в ней пожилая пара с любопытством смотрит на шеренгу полицейских машин, припаркованных на обочине, и тормозит.

— Что происходит? — спрашивает старик у полицейского.

— Всего лишь расследование местной полиции, — отвечает тот.

— Еще чей-то дом ограбили? — спрашивает пожилая дама.

— Нет, — отвечает он. — Просто ищем пропавшего человека.

— Из Апли-Фолда? — спрашивает мужчина.

— Нет, из Апфилд-Коммон.

— Понятно, — говорит женщина. — Удачи вам. Надеюсь, вы их найдете. — И они едут дальше.

Ким смотрит на телефон. Сейчас час сорок пять. Она пишет Райану:

Все хорошо?

Все хорошо. А у тебя?

Пока все нормально. ☺

Минуты текут мучительно медленно. Каждый раз, когда она видит, как кто-то из детективов прикладывает телефон к уху, у нее леденеет кровь. Ее воображение рисует дюжину сценариев, в каждом из которых Зак в лесу неким образом лишает жизни ее прекрасную девочку. Она видит, как он душит ее на земле, придавив всем своим телом. Она видит, как он достает взявшийся неведь откуда нож — возможно, он заранее прихватил его на кухне у Скарлетт. Видит, как он приближается к ней сзади и рассекает мягкую белизну ее горла и на сухой земле ее кровь становится черной и липкой. Или же он просто избивает ее, избивает до тех пор, пока избивать уже нечего. Ее красивое лицо превратилось в кровавое месиво, а потом он, с разбитыми костяшками пальцев, окровавленными кулаками, задыхаясь, бродит по лесу.

В конце концов одному из этих детективов позвонит кто-нибудь из участников поисков, и на их лицах что-то будет, и они подойдут к ее машине, к ее окну, и она откроет его, и они скажут: «Они что-то нашли», и тогда она будет знать. Она будет знать, что случилось с ее красавицей доченькой.

А пока она сидит и смотрит, смотрит и ждет.

В школе «Мейпол-Хаус» первый день нового семестра. Разумеется, Шон работает вот уже несколько дней, но есть нечто новое и яркое в этом дне, когда Софи наблюдает за тем, как он готовится к работе в этот солнечный понедельник. День начнется с общего собрания, и Шон вот уже несколько дней сочиняет свою приветственную речь. Вчера вечером он практиковал ее перед Софи, стоя рядом с их кроватью в одних трусах и носках, а она лежала на кровати, играя роль его аудитории.

— Замечательно, — сказала она, аплодируя. — Просто замечательно. Теплая, проникновенная, вдохновляющая.

— Не слишком короткая?

— Не слишком короткая, — заверила его она. — Идеальной продолжительности. Идеальной тональности. И судя по тому, как народ воспринимал тебя сегодня вечером за ужином, они все уже любят тебя.

— Думаешь?

— Их симпатия буквально витала в воздухе, — сказала она. — Честное слово.

Она не кривила душой, так оно и было. Она чувствовала это везде, куда бы Шон ни пошел накануне вечером, — это чувство искренней вовлеченности, которое он оставлял после себя, его умение воодушевить окружающих. И людям было приятно его внимание. Казалось, одним своим присутствием он зарядил всех энергией по поводу начала нового учебного года, и это еще до того, как он провел общее собрание и произнес речь.

И вот теперь Шон ушел на работу и Софи осталась в доме одна. В коттедже прохладно и тихо. Ее ноутбук открыт на кухонном столе, ее роман мигает ей с экрана, ее почтовый ящик полон рабочей корреспонденции, которой она, по идее, должна заниматься, ее посудомоечная машина забита посудой, которую нужно вынуть, ее ждут коробки, которые нужно распаковать, но Софи не делает ничего

из этого. Она переключает экран, открывает браузер и набирает в Гугле «Лиам Бейли».

Как она и ожидала, поисковый запрос обнаруживает сотню людей по имени Лиам Бейли. Но они все не те. Она добавляет в поиск «Мейпол-Хаус». Появляется веб-сайт школы.

Она удаляет «Мейпол-Хаус» и добавляет «Скарлетт Жак».

Результаты не найдены.

К поиску Лиамы она добавляет имя «Зак Аллистер».

Результаты не найдены.

Она вздыхает и откидывается на спинку стула. Как могут два человека пойти в пятницу вечером в паб и больше не вернуться и никто не знает, что с ними случилось? Эта загадка поглощает ее целиком. Софи чувствует, как она шепчет ей сквозь ветви деревьев в лесу, в коридорах колледжа, с балкона комнаты Лиамы, с поверхности утинового пруда на деревенской площади, из окна Ким Нокс, выходящего на автобусную остановку, из кольца в коробочке в дальнем углу ее ящика.

При этой мысли она резко вскакивает, бежит вверх по лестнице в свою спальню, рывком открывает ящик в туалетном столике и вытаскивает коробочку. Кончиками пальцев она снова смахивает с крышки грязь, но все равно у нее не получается разобрать надпись. Тогда она относит коробочку в ванную и протирает уголком влажного полотенца. Чернота сходит, зато начинают проступать золотые печатные буквы. Еще раз смочив полотенце, она трет сильнее. И вот они, отчетливо заметные слова «Мейсон и сын. Ювелирные изделия, Мэнтон, Суррей».

Ее сердце замирает.

Мэнтон.

Это довольно крупный город в шести милях от Апфилд-Коммон. Город, в котором Таллула училась в колледже. Софи хочет туда поехать. Прямо сейчас. Но она не умеет водить машину. И она понятия не имеет, как вызвать такси до Апфилд-Коммон. Возможно, ей это подскажет администратор, но она чувствует себя странно: она не хочет, чтобы кто-то знал, что она едет в Мэнтон. А потом она вспоминает автобусную остановку у розового куста Таллулы. Она хватается сумку, бросает в нее коробочку с кольцом, пересекает территорию школы и идет через дорогу к автобусной остановке.

Автобус приезжает через полчаса. Она садится в середине салона. В автобусе, кроме нее, всего два человека. Пока автобус трясется по проселочным дорогам, а затем выезжает на шоссе к большой кольцевой развязке, Софи представляет себе, как Таллула сидела в нем, как сейчас сидит она сама — держа рюкзак на коленях. Ее изящные черты полны задумчивости, солнце блестит на пирсинге в ее носу, темные волосы закрывают половину лица.

Поездка в Мэнтон занимает двадцать минут. Остановка на главной улице — это конец маршрута. Водитель глушит двигатель и выключает свет — намек пассажирам, чтобы они вышли из автобуса.

Софи вводит в Гугл-карты название ювелирного магазина и, следуя указателям, шагает к небольшому повороту рядом с главной улицей.

Это крошечный старинный магазинчик с низко расположенными окнами, на которые нужно смотреть сверху вниз. Софи останавливается и, прежде чем толкнуть дверь, пару секунд любуется витриной. У нее перехватывает дыхание. Точно такой магазинчик она описала бы в одной из своих книг о детективном агентстве Хизер-Грин: за витриной со стеклянной крышкой сидит на высоком табурете слегка комичный владелец и читает книгу в твердом переплете. Он ужасно маленький, с коротко стриженными седыми волосами и в очках в красной оправе. И когда он смотрит на нее, его лицо расплывается в улыбке, полной неподдельной радости.

— Доброе утро, мадам, — говорит он, — как поживаете?

— Прекрасно, спасибо.

— Чем могу вам помочь?

— Если честно, у меня странная просьба, — говорит она, засовывая руку в сумку.

Мужчина вскакивает со стула и поднимает руки вверх.

— Не стреляйте! — говорит он. — Не стреляйте! Просто берите все, что хотите!

Софи мгновение тупо смотрит на него.

— Я... э-э-э...

Мужчина чересчур громко смеется.

— Шучу, — говорит он, а Софи думает: «Никогда нельзя серьезно воспринимать мужчину в очках с красной оправой».

— Понятно, — говорит она. — Хорошо. — Затем достает из сумки коробочку и ставит ее на прилавок между ними. — Я это нашла, — поясняет она, — она была закопана в конце моего сада. И я подумала: вдруг вы знаете, кому это может принадлежать? В смысле вдруг вы ведете какие-нибудь записи?

— О да, конечно же, веду! — он похлопывает по обложке гроссбуха в кожаном переплете на столе слева от себя. — Тут есть все с того дня, как я получил ключи от этого магазина в 1979 году. Так что давайте заглянем сюда, хорошо?

Он открывает коробочку, вынимает большим и указательным пальцами кольцо, подносит его под яркий свет лампы, которая стоит рядом на прилавке, и рассматривает в небольшую лупу.

— Что ж, — говорит он, — мне хотелось бы сказать, что я сразу вспомнил это кольцо, — я горжусь своей способностью запоминать все, что я продаю, но, очевидно, некоторые изделия запоминаются лучше, чем другие, и это кольцо не вызывает во мне никаких воспоминаний. Но я могу точно сказать, что оно современное, а не антикварное. На клейме обозначен 2011 год. Это девятикаратное золото, и хотя в него вставлен небольшой, очень красивый сверкающий бриллиант, оно не представляет большой ценности. Но, — добавляет он, хитро глядя на нее, — к счастью, я человек, который ценит дотошность. И я строго блюду одно важное правило: всему, что проходит через этот магазин, я присваиваю номер. На случай ограбления или кражи. Страховых исков. Ну, вы понимаете. Итак... — Он притягивает коробочку к себе и засовывает пальцы под обтянутую синим бархатом подушечку. Затем вынимает ее и переворачивает. К обратной стороне приклеена крошечная бирка. — Вот, — говорит он, опуская очки и улыбаясь Софи. — Номер 8877. Итак, теперь все, что мне нужно сделать, это свериться с моей библией.

Софи понимает, что он рисуется перед ней. Она с улыбкой смотрит, как он, водя пальцем по строчкам, неторопливо листает страницы гроссбуха и тихо что-то мурлычет себе под нос. Внезапно он останавливается, тычет в страницу пальцем и говорит:

— Эврика! Вот, нашел. Это кольцо купил в июне 2017 года некто по имени Зак Аллистер. Он заплатил за него триста пятьдесят фунтов.

По спине Софи пробегает дрожь, причем с такой скоростью, что у нее перехватывает дыхание.

— Зак Аллистер?

— Да. Из Апфилд-Коммон. Имя и вправду знакомое, если подумать. Вы его знаете?

— Нет, — отвечает она, — нет. Не совсем. То есть нет, совсем нет. У вас, случайно, нет его адреса? Чтобы я смогла вернуть ему это кольцо?

— Я... — Хозяин магазина на миг умолкает. — Что ж, пожалуй, я мог бы дать вам адрес. Наверное, мне не стоит этого делать, но вы, похоже, заслуживаете доверия. Вот, — он переворачивает бухгалтерскую книгу. Софи быстро достает из сумки телефон, чтобы сфотографировать запись. Как только кадр становится резким, она узнает адрес. Это тупик, где живет Ким Нокс. Конечно, это он, Зак. Должно быть, Зак жил здесь, когда они с Таллулой пропали без вести.

— Весьма странно, — говорит хозяин магазина. — Закопать такое красивое колечко в вашем саду... Могу лишь предположить, — продолжает он, — что дама отвергла его предложение. — С минуту он выглядит грустным, но затем вновь приободряется. — Хотите воссоединить кольцо с его владельцем? — спрашивает он.

— Э-э-э... да, — бодро отвечает Софи. — Да, я знаю этот адрес. Я определенно могу вернуть кольцо.

— Интересно, какой скандал за этим последует? — говорит он тоном, который предполагает, что он не прочь бы увидеть это своими глазами.

— Я дам вам знать!

— О да, будьте добры. Мне любопытно, что получится.

— Я вернусь, обещаю вам, — говорит она, кладя кольцо обратно в сумку и направляясь к дверям магазинчика. — Большое спасибо.

Через час автобус возвращает Софи обратно в Апфилд-Коммон. Она смотрит на часы. Уже почти полдень. Она переходит площадь и идет к тупику. Похоже, дома кто-то есть. Переднее окно приоткрыто, и она слышит внутри детский смех и звуки работающего телевизора.

Она нажимает на дверной звонок и отступает на шаг назад, затем прочищает горло и на миг задается вопросом: что, собственно, она здесь делает? Она уже почти передумала, но затем стискивает зубы и напоминает себе, что когда чей-то ребенок пропал, больше всего на

свете его родители жаждут информации, и кольцо в ее сумочке способно дать какой-то ответ. А потом дверь открывается, и перед ней появляется Ким. На ней джинсовая мини-юбка и черная футболка с короткими рукавами. Она босиком, волосы собраны в хвост. Она смотрит на Софи через модные очки для чтения в черной оправе.

— Здравствуйте, — говорит она.

— Здравствуйте, — говорит Софи. — Э-э-э... меня зовут Софи. Я недавно переехала в коттедж на территории Мейпол-Хаус. Неделю назад. В саду есть калитка, ведущая в лес. Знаю, это звучит странно, но к забору была прибита табличка с надписью «Копать здесь», так что я взяла совок, и выкопала, и кое-что нашла. Кольцо. И, по словам того мужчины из ювелирного магазина, это кольцо купил некто по имени Зак Аллистер, живший по этому адресу. Вот. — Она достает из сумочки коробочку и протягивает ее Ким.

Ким моргает, и ее взгляд медленно падает на коробочку в руке Софи. Она берет ее и открывает. Бриллиант мгновенно ловит свет, осыпая лицо Ким яркими бликами. Она поспешно захлопывает футляр и переспрашивает:

— Извините, где вы это нашли?

Софи объясняет ей снова.

— Я отвезла его только в Мэнтон. Чтобы узнать, кому оно принадлежит. Продавец ведет записи. По его словам, это кольцо купил некто по имени Зак Аллистер. В июне 2017 года. Живший по этому адресу. Взгляните, — она поворачивает телефон, чтобы показать Ким фотографию рукописной записи в бухгалтерской книге. Ничего больше она сказать не может. Сказать что-то — значит намекнуть, что ей известно нечто большее, чем, по ее мнению, ей положено знать.

Лицо Ким слегка бледнеет. Телевизор на заднем плане внезапно начинает орать на полную мощность.

— Сделай тише, Ной! — кричит она через плечо.

— Нет, — следует упрямый ответ.

Ким закатывает глаза. В первый миг кажется, будто она готова отругать его за непослушание, но вместо этого лишь слегка качает головой и закрывает за собой дверь. Софи следует за ней к садовой стене, где они обе садятся.

— Это кольцо, — говорит Ким, снова открывая коробочку. — Парень моей дочери, он купил его для нее. Чтобы сделать ей

предложение. А потом в ночь, когда он собирался сделать ей предложение, они оба исчезли. И все это время, — продолжает она, — я думала про кольцо, как вдруг вы находите его, закопанное на территории школы рядом с лесом, где мы искали, искали и еще раз искали наших детей. Вы говорите, что там была стрелка?

— Да, — кивает Софи. — Вообще-то я сделала фото, потому что это было так странно. Смотрите.

Она находит в телефоне снимок, который сделала перед тем, как начать копать. Ким пристально рассматривает его.

— Картон, — произносит она. — На вид совсем новый. Не похоже, чтобы он провисел там долго.

— Знаю, — говорит Софи. — Я так и подумала, когда это увидела. Сначала я решила, что, возможно, это осталось от охоты за сокровищами, от каких-то образовательных курсов, что проводились в Мейполе летом. Поначалу я хотела не обращать на это внимание. Но сейчас... я не знаю. Я не могу избавиться от мысли, что кто-то мог оставить его здесь нарочно, чтобы я его нашла.

Ким бросает на нее пристальный взгляд.

— Зачем кому-то это делать?

— Не знаю, — отвечает Софи. — Просто это был наш первый день, для меня и моего бойфренда Шона, он новый директор школы, и этот знак был прикреплен к нашему садовому забору, и я подумала... — Внезапно Софи понимает, что ей лучше не говорить всего, чтобы не показалось, будто она слишком много знает. — Не знаю даже, что я подумала.

— Придется отнести это в полицию, — рассеянно предлагает Ким. — Они должны вернуться. Должны возобновить поиски. И этот знак, — говорит она, указывая на телефон Софи. — Эта картонка. Она все еще там? Вы оставили ее?

— Да, — кивает Софи. — Да, я оставила ее там. Я ее даже не трогала.

— Хорошо. Очень хорошо. Это...

Внезапно Ким душат рыдания. Софи порывисто обнимает ее.

— Извините, — говорит она. — Право, я не хотела вас расстраивать. Я не имела представления...

— Нет, — Ким громко шмыгает носом. — Это не ваша вина. Только не переживайте. А это... Это просто великолепно. Честное

слово. Полиция. Они месяцами ничего не делали. У них закончились версии. Закончились ресурсы. В общем, они махнули рукой. Так что это потрясающе. — Она снова шмыгает носом. — Большое вам спасибо, — говорит она. — Спасибо, что выкроили время, чтобы найти это, чтобы найти нас. Чтобы вернуть его.

Из дома доносится детский голос:

— Бабуля! Бабуля! Ты где?

Ким снова закатывает глаза.

— Мой внук, — объясняет она, вставая. — Ной. У него кризис двухлетнего возраста. Нет, я люблю его до смерти, но с нетерпением жду, когда он на следующей неделе вернется в детский сад.

Сжимая кольцо в кулаке, она идет к входной двери, но затем оглядывается на Софи и говорит:

— Мне кажется, я вас знаю. Мы где-то встречались?

— На днях вы подали мне капучино в пабе.

— Ах да, верно, — говорит она, машет футляром для кольца и улыбается. — Огромное спасибо. Не могу даже передать, как я вам благодарна.

Ким возвращается в дом, и Софи в открытое окно слышит, как она разговаривает с внуком.

— Посмотри, — говорит она, — посмотри, что нашла эта добрая женщина. Это кольцо, которое твой папа купил, чтобы подарить твоей маме, но так и не подарил. Что ты думаешь? Разве оно не красивое?

Каждый день в этом семестре, приезжая в колледж, Таллула обыскивает глазами каждый уголок кампуса в поисках пушистой шубы Скарлетт, прислушивается в надежде услышать ее ленивую протяжную интонацию, почувствовать энергию, что вечно бьет ключом и кружится вокруг нее. Но ничего нет. Шумное присутствие Скарлетт исчезло и унесло с собой все остальное. Дни, которые когда-то были полны волнующих новых возможностей, теперь кажутся какими-то плоскими и приглушенными, и Таллула вновь становится прилежной мамой-подростком с грузом на плечах.

Но на ее плечах лежит не Ной.

Груз на ее плечах — Зак.

Он хороший, он ласков с Ноем. Он не против ночных пробуждений, он готов спать в одной кровати с беспокойным ребенком, готов менять подгузники, нарезать бесконечные круги вокруг луга с коляской. Он готов часами сидеть и раз за разом листать одни и те же матерчатые детские книги, снова и снова повторяя одни и те же слова. Он купает Ноя, вытирает его полотенцем, надевает на него ползунки, измельчает для него в блендере еду, кормит его с ложечки, убирает за ним, качает его, когда он отказывается засыпать, целую вечность сидит рядом с кроваткой, когда Ной спит днем, поет ему, щекочет его, любит его, любит его, любит его.

Но ту же интенсивность любви, которую он демонстрирует, нянчась с сыном, он проявляет и к Таллуле. А Таллуле это не нужно. Она любит Зака, но любит его скорее как отца своего ребенка, нежели просто как мужчину. Он нужен ей, чтобы помочь с ребенком, чтобы он медленно кружил с ней по супермаркетам, толкал тележку и на кассе прикладывал к считывающему устройству свою дебетовую карту. Но ей не нужны его объятия, его общество или эмоциональная близость. Ей не нужно, чтобы он всегда был рядом. А он всегда рядом. Если она идет на кухню, он тоже идет на кухню. Если она решает прилечь, когда Ной спит, он ложится вместе с ней. Если она сидит за столом в своей комнате и делает домашние задания, он будет тут же лежать на кровати

и строчить своим приятелям эсэмески. Иногда она прячется в саду, просто чтобы сбежать от него, всего на несколько минут, и вскоре слышит его жалобный голос, доносящийся из дома:

— Лула! Лула! Где ты?

В таких случаях она закатывает глаза и отвечает:

— Я здесь.

И тогда он появится и скажет: «Что ты тут делаешь? Тебе не холодно?» А потом затащит ее обратно в дом, приготовит ей кружку чая, сядет с ней, чтобы выпить, и начнет расспрашивать о вещах, о которых ей не хочется говорить, или скажет: «Иди сюда», и обнимет ее — заключит в объятия, которых она не хочет, и она попытается скрыть это отторжение в мышцах и сухожилиях ее тела, эту потребность оттолкнуть его и просто сказать: пожалуйста, я очень тебя прошу, не мог бы ты хотя бы на пять минут оставить меня в покое?

Однако по воскресеньям Зак играет на лугу с друзьями в футбол, а Таллула остается дома. Они с матерью едят тосты и играют с Ноем, и это легко и приятно.

В первое воскресенье февраля Таллула ждет, когда Зак выйдет из дома, после чего отправляется на кухню.

— Доброе утро, красавица, — говорит мать, беря ее голову в ладони и целуя в макушку.

— Доброе утро, — говорит она, быстро обнимает мать, а затем наклоняется, чтобы поцеловать Ноя, сидящего на своем высоком стульчике. — Как твои дела?

— Я в порядке, милая. А как ты?

Она кивает.

— Хорошо, — отвечает она, хотя слышит сомнение в собственном голосе.

— Ты выглядишь усталой, — говорит ее мама. — Не выспалась?

— Нет, — говорит она. — Нет. Он хорошо спал. Ненадолго проснулся всего один раз, но Зак пошептал ему, и он снова уснул.

Она видит довольную улыбку матери. Она знает: мать воспринимает то, что Зак живет здесь, как своего рода эксперимент, и с оптимистичным интересом наблюдает за ним со стороны.

Внезапно Таллула ощущает потребность выговориться, высказать все, что она в течение последних нескольких недель хранила внутри себя. Она хочет рассказать матери, что задыхается, что каждый ее шаг

контролируется, что Зак предлагал ей бросить колледж, что Зак всегда странно смотрит на нее, когда она возвращается домой: слегка наклонив голову и прищутив глаза, как будто он ее в чем-то подозревает, как будто он хочет ее о чем-то спросить, но не может. Она хочет сказать матери, что Заку не нравится, что она запирает дверь ванной, когда принимает ванну, что он иногда сидит рядом с ней на унитазе, играет со своим телефоном и нетерпеливо постукивает ногой, как будто она моется слишком долго. Она хочет сказать матери, что иногда ей кажется, будто она не может дышать, она просто не может дышать.

Но если она начнет рассказывать об этом матери, что будет дальше? Мать займет ее сторону, атмосфера в доме скиснет, эксперимент провалится, Ной будет расти без отца. Лишь вера матери в эксперимент не дает ему испустить дух.

— Почему бы тебе не пойти посмотреть, как Зак играет в футбол? — спрашивает ее мать. — Хорошее утро. Я могу присмотреть за Ноем. Ступай, — говорит она. — Подумай, как он будет рад, если ты появишься там. А потом вы могли бы даже вместе пойти выпить пива в пабе.

Таллула натянуто улыбается и качает головой.

— Понятно, — говорит она. — Нет. Спасибо. Я счастлива просто побыть здесь с тобой.

Мать вопросительно смотрит на нее.

— Правда?

— Да, — Таллула улыбается. — Я скучаю по тем дням, когда мы вдвоем проводили время вместе.

— Ты имеешь в виду, до тех пор, как сюда переехал Зак?

— Да. Наверное.

— Ты не?..

Она качает головой.

— Нет. Нет, все хорошо. Просто он немного навязчивый, тебе не кажется?

Ее мать, прищурившись, смотрит на нее.

— Да, пожалуй, есть такое, — говорит она. — Думаю, учитывая его семейную ситуацию, для него это резкая перемена — быть здесь с вами двумя, когда вокруг царит такая любовь. Наверное, он просто привыкает.

— Наверное, — отвечает Таллула, отрезая еще один ломоть домашнего хлеба.

— Тебе не хватает личного пространства? — спрашивает ее мать.

— Нет, — отвечает она, опуская хлеб в тостер. — Нет. Все нормально. Просто привыкаю, как ты говоришь. И он потрясающий отец. — Она поворачивается к ребенку и сияет улыбкой. — Правда, малыш? — говорит она высоким голосом. — Ведь твой папа потрясающий? Лучший в мире папа? — И Ной улыбается и стучит кулачками по подносу на высоком стульчике, и на миг их только трое на кухне, и все трое улыбаются, а солнце светит на них в окно, и на миг Таллуле кажется, что все хорошо, все очень хорошо.

Когда Таллула в следующий перерыв выходит из здания колледжа, Зак уже там. Ждет в тени небольшой рощицы напротив главного входа. Таллула быстро смотрит на него, затем на свой телефон. Сейчас час пятнадцать. По идее, Зак должен быть на работе. По понедельникам Зак работает на складе стройматериалов недалеко от Мэнтона с полудня до восьми вечера.

Завидев приближающуюся Таллулу, он выпрямляется и кивает в ее сторону головой. Шагая, она видит, как он оглядывается по сторонам, смотрит куда-то позади нее, вокруг нее, как будто ожидает, что она будет с кем-то еще.

— Сюрприз, — говорит он, когда она переходит улицу.

— Что ты здесь делаешь? — спрашивает она, ненадолго позволяя ему притянуть ее к себе и обнять.

— Сказался больным, — отвечает он. — Но, если честно, мне и вправду было хреновато. Я подумал, что наверняка с чем-то слягу. Но сейчас я чувствую себя хорошо. И я решил приехать и проводить тебя до дома. — Он улыбается, и Таллула смотрит ему в глаза, те самые глаза, в которые она смотрела практически с детства: серые, с темными ресницами. Та же мягкая кожа, та же крохотная ямочка рядом с левым уголком рта. Не самый красивый мальчик в мире, но симпатичный, у него приятное, доброе лицо. Но сейчас в нем есть что-то еще, нечто такое, что появилось с тех пор, как они расстались в прошлом году, твердый металлический блеск в глазах. Он выглядит как вернувшийся с войны солдат, как пленник, вернувшийся из одиночной камеры, как будто он видел вещи, о которых не может говорить и они заперты в его черепной коробке.

— Как мило с твоей стороны, — говорит она, — спасибо.

— Подумал, посмотрю, как ты выходишь с друзьями, — говорит он, переводя взгляд на вход в колледж, на поток студентов, что тянется из дверей на обеденный перерыв.

Она качает головой.

— А что насчет той девушки? — говорит он. — Ну, той, что на фотке с тобой?

— Что за девушка? — Она знает, какую девушку он имеет в виду, слышит, как ее собственный голос слегка запинается на лжи.

— Та, что обнимала тебя. На рождественской дискотеке.

— А, Скарлетт, — говорит она. — Да. Она уехала.

Он кивает, но не отрывает от нее глаз, словно ожидает, что вот-вот раскроется какой-то ее обман. В этот момент из дверей вываливается группа студентов-обществоведов. Таллула их почти не знает, но они с любопытством смотрят на нее. Один из них неуверенно поднимает руку. Она в ответ тоже машет им.

— Кто это?

— Просто студенты с моего курса, — говорит она и смотрит на свой телефон. — Автобус будет через шесть минут. Нам пора идти.

На мгновение кажется, будто он не собирается следовать за ней, будто его взгляд все еще прикован к группе студентов на другой стороне улицы.

— Давай, — говорит она. Зак медленно отрывает от них взгляд и догоняет ее.

— Я бы хотел, чтобы ты обошлась без этого, — говорит он после короткого тяжеловесного молчания.

— Без чего именно?

— Колледжа. Эх, будь у меня возможность зарабатывать достаточно денег, чтобы просто заботиться о тебе и Ное, чтобы тебе не нужно было искать работу.

Она резко втягивает в себя воздух, а затем медленно выдыхает.

— Я тоже хочу позаботиться о Ное, — говорит она. — Я хочу участвовать в его содержании. И я хочу иметь профессию.

— Да, но, Лула... социальный работник. Ты представляешь, сколько сил это будет отнимать у тебя? Насколько это сложно? Сколько часов тебе придется работать? Что ты будешь приносить с собой

домой? Не лучше ли найти работу в магазине или что-то в этом роде? Что-нибудь легкое? Что-нибудь рядом с домом?

Она останавливается, поворачивается и смотрит на него.

— Зак, — говорит она, — я сдала три выпускных экзамена. Зачем мне работа в магазине?

— Так было бы проще, — заявляет он. — И ты была бы ближе к дому.

— Мэнтон — это не совсем другой конец света, — говорит она.

— Нет, но я ненавижу, когда нас обоих всю неделю нет рядом с Ноем. Для него это нехорошо.

— Но ведь моя мама всегда с ним! — раздраженно говорит она.

— Знаю. Но с нами ему было бы лучше. Ты согласна?

— Он любит мою маму.

Зак останавливается и притягивает Таллулу к себе. Его руки крепко сжимают ее запястья. Она смотрит на него и видит в его серых глазах этот холодный металлический блеск.

— Просто я... — Блеск в его глазах исчезает. — Просто я хочу, чтобы это были мы, мы трое, всегда. Вот и все.

Она вырывает руки из его хватки и ускоряет шаг.

— Давай, — говорит она. — Я слышу, как едет автобус, быстро, побежали!

Они едва успевают заскочить в автобус, прежде чем тот закрыл двери, и пару секунд сидят, тяжело дыша. Таллула смотрит в окно, потирая мягкую кожу запястий, что все еще саднит из-за грубой хватки Зака.

В следующее воскресенье, когда Зак идет играть в футбол, Таллула спрашивает мать, можно ли ей ненадолго отлучиться.

— Конечно, дорогая. Конечно. Хочешь посмотреть на Зака?

— Нет, — она пожимает плечами. — Нет, просто хочу подышать свежим воздухом, может быть, заеду к Хлое.

Ни к какой Хлое она заезжать не собирается. Они с ней почти не общаются с той рождественской вечеринки, когда Таллула бросила ее, чтобы потусоваться со Скарлетт.

— Можно мне взять твой велосипед?

— Конечно, можно, — говорит мать. — Но только будь осторожна, хорошо? И надень шлем.

Таллула на прощание целует Ноя и мать, затем выкатывает велосипед матери на дорогу. Она не ездила на велосипеде с тринадцати лет. Она неуверенно чувствует себя на двух колесах, но альтернативы у нее нет.

После слегка шаткого старта она едет к площади, а затем выезжает на главную дорогу, ведущую в Мэнтон. Но не доезжая до кольцевой развязки, она сворачивает направо, на узкую сельскую дорогу, что ведет к деревушке Апли-Фолд и к «Темному месту».

Спустя три с половиной часа с другой стороны леса появляется поисковый отряд полиции. Ким вскакивает со скамейки и бежит к дороге напротив, ведущей к школе Мейпол-Хаус. Детективы выходят из машины, а с противоположной стороны площади, от паба «Лебедь и утки», где они сидели и пили, появляются мрачные Мэгс и Саймон.

Ким сначала отходит назад, давая детективам поговорить с поисковой группой. Затаив дыхание, она смотрит на них. Они указывают куда-то назад, пожимают плечами, качают головами. Она подходит ближе, пытаясь услышать, что они говорят, но улавливает лишь обрывки слов, которые ей страшно слышать.

— Что происходит? — спрашивает Мэгс. Внезапно она вырастает рядом с Ким, обдавая ее перегаром. — Есть какие-то новости?

Ким качает головой и прикладывает палец к губам.

— Я пытаюсь слушать, — шепчет она.

— Почему бы тебе просто не пойти и не спросить? — говорит Мэгс и резко идет к полиции. — Есть что-нибудь? — громко спрашивает она.

Ким поворачивается и косится на Саймона. Тот смотрит на нее краем глаза. От его взгляда ей тотчас становится не по себе, и она спешит отойти от него и встает рядом с Мэгс.

— Ничего, — почти ликующим тоном отвечает та. — Они ничего не нашли. В буквальном смысле. — Она язвительно смотрит на Ким, как будто это неким образом доказывает, что Ким ошибается, полагая, будто с их детьми случилось что-то нехорошее.

Ким смотрит на инспектора Маккоя.

— Мне очень жаль, — говорит он. — Ничего. Собаки тоже не взяли след.

— Но прочесали ли они все? Например, ту часть, которая относится к школе? Там еще один вход. Они ведь могли пройти этим путем?

— Клянусь вам, мисс Нокс. Каждый дюйм земли был прочесан, и не похоже, чтобы Таллула или Зак были где-то рядом с этим лесом.

Мне очень жаль.

Ким чувствует, как ее сердце срывается и падает куда-то в низ живота.

— И что теперь? — тупо спрашивает она, — Что дальше?

— Расследование, конечно, продолжается. Мы собираемся пройти по деревне с собаками, через весь луг, хотя, как мы знаем, ни одна камера видеонаблюдения не зафиксировала ничего подозрительного. Мы опросили местных жителей из окрестностей «Темного места» и в Апли-Фолде, изучили кое-какие следы от шин. Мы собираемся снова поговорить с подростками, с теми, кто был в том доме в пятницу вечером. Мы пытаемся получить ордер на обыск дома Жаков, чтобы посмотреть записи с их камер видеонаблюдения, но я не уверен, что мы его получим. Мы просматриваем материалы всех без исключения камер видеонаблюдения, отсюда и до границ округа. Вдруг какая-нибудь из них засекла ваших детей. А завтра мы поговорим с преподавателями Таллулы и работодателем Зака. У нас остаются еще десятки версий, которые нужно проверить, и множество вещей, которыми нужно заняться. — Он робко, хотя и ободряюще улыбается Ким. — Мы делаем все возможное, мисс Нокс. Просто не теряйте веру.

Ким натянуто улыбается.

Ее живот сводит от гнева, страха и ужаса. Гнева из-за того, что никто не может сказать ей, где сейчас ее ребенок, страха, что этого никто никогда не узнает, и ужаса перед тем, каково было бы узнать, что Зак сделал Таллуле больно.

— Ну что ж, — говорит Мэгс, громко вздыхая. — Думаю, это все, на что мы можем сейчас надеяться. И нам ничего другого не остается, как просто жить дальше.

Узел в животе Ким затвердевает, она поворачивается к Мэгс.

— Что с тобой, черт возьми? А? Я имею в виду, что, черт возьми, с тобой такое? Наши дети пропали без вести, вот уже три дня. Три дня! А ты лишь стонешь, вздыхаешь, цокаешь языком и вообще ведешь себя так, будто все это просто огромное неудобство. Извини, что я вытащила тебя из паба, из твоего сада, извини, что мешаю тебе жить дальше. Кстати, что там у тебя сегодня, Мэгс, а? Какие планы? Что ты вообще делаешь? Но я скажу тебе одну вещь, которую ты точно не делаешь: ты даже не берешь в голову. Тебе насрать на твоих гребаных детей. Не говоря уже о твоём единственном гребаном внуке.

Чувствуя, что ее тирада подошла к концу, Ким слегка пошатывается. Она с силой зажмуривает глаза, а затем резко их открывает. Она чувствует на своей руке руку инспектора Маккоя и стряхивает ее.

— Со мной все в порядке, — говорит она сдавленным шепотом. — Все в порядке. Я еду домой. — Она выпрямляется и добавляет: — Спасибо, детектив. Пожалуйста, держите меня в курсе событий.

Затем она шагает прочь от полиции, собак и любопытных соседей, от Мэгс с ее отвисшей челюстью и Саймона с его жутким взглядом. Она садится в машину и едет на ней в свой тупик, где, пока глохнет двигатель, сидит, уткнувшись лицом в руль. Слезы катятся по ее лицу, а она снова, и снова, и снова повторяет: «Таллула, Таллула, Таллула».

Софи ловит себя на том, что, вернувшись из дома Ким Нокс, бесцельно кружит по территории школы. Теоретически это призвано помочь ей очистить голову, перезагрузить мысли, попытаться снова вернуться в рабочий режим. Но, когда ее полный надежды взгляд падает на первого встречного, она понимает, что ищет Лиама.

Она оправдывает свои поиски красивого молодого человека на территории здания, где работает директором ее партнер, тем, что, если она сможет просто сбросить с себя загадку Таллулы Мюррей, Зака Аллистера и Скарлетт Жак, у нее останется достаточно свободного времени и пространства, чтобы сосредоточиться на работе.

Но внезапно у нее перехватывает дыхание. Она замечает, как из главного здания выходит похожая на Лиама фигура, и когда подходит ближе, то видит, что это действительно он. Ее сердце начинает бешено колотиться, щеки заливают румянец. Она заставляет себя сделать несколько глубоких вдохов, чтобы вернуть себе некоторое подобие спокойствия, прежде чем весело окликнуть его:

— Лиам! Привет! Рада вас видеть!

Он тотчас же узнает ее.

— Софи. Верно? — говорит он, указывая на нее рукой, сложенной напоподобие пистолета.

— Верно. Как дела?

— В целом неплохо, — отвечает он. — Я как раз возвращаюсь в свою комнату за книгой для одного студента.

Он говорит это так, будто пытается объяснить свое присутствие здесь, будто она пытается его на чем-то застукать. Софи внезапно вспоминает, что она в некотором роде «жена» директора школы и поэтому ее тоже могут воспринимать как начальницу.

— Понятно, — говорит она, отмахиваясь от его объяснений. — Понятно. Я просто слоняюсь вокруг, лишь бы не братья за работу.

— Да, — говорит он. — Я помню, вы говорили, что вам трудно сосредоточиться. Чем именно вы занимаетесь?

— Я писательница, — говорит она.

Она видит, как его лицо загорается интересом.

— Ого! — говорит он. — Ух ты. Это круто. Вы публикуетесь? Впрочем, наверняка да, иначе вы бы сказали не «писательница», а просто «я пишу роман».

Она смеется.

— Ваша правда, но вы удивитесь, узнав, сколько людей все еще спрашивают меня, публикуюсь ли я, когда я говорю им, что я писательница. Но да, я публикуюсь. И нет, вы вряд ли слышали обо мне, если только вы не датчанин, швед или норвежец. Или по некой странной причине вьетнамец. Мои книги хорошо продаются во Вьетнаме.

Он в замешательстве качает головой.

— Невероятно, — говорит он. — Вот это да! Это, должно быть, просто потрясающе — знать, что ваши произведения издают на разных языках, что все эти люди в других странах читают ваши книги. Кстати, что это за романы?

— Маркетологи называют их «уютными детективами».

Он кивает.

— Да, — говорит он. — Кажется, я слышал о таком. Типа преступления без насилия?

— Да, — она улыбается. — Что-то типа того.

— О боже, — говорит Лиам, — я бы с удовольствием прочитал такую книжку. Вы пишете под своим именем?

— Нет, у меня есть псевдоним. П. Дж. Фокс.

— А как она называется? Ваша книга?

— Это серия книг под названием «Детективное агентство Хизер-Грин». Я не уверена, что они в вашем вкусе...

— Подождите, — говорит он, вытаскивая телефон из кармана брюк, — подождите. Я хочу записать. Повторите, пожалуйста.

Она повторяет, наблюдая, как он медленно вбивает название в свой телефон. Он долбит по экрану одним пальцем, вместо того чтобы быстро набрать текст двумя большими пальцами, как большинство его ровесников. Она подавляет улыбку.

— Вот, — говорит он. — Я закажу себе пару.

Она улыбается, а затем замечает, что он как будто торопится уйти.

— Послушайте, прежде чем идти, — говорит она. — Помните наш разговор вчера вечером? Когда вы назвали себя главным

экспертом по «Мейпол-Хаусу»?

Лиам улыбается, но тут же прищуривает глаза и спрашивает:

— Почему мне кажется, что я вот-вот попаду в капкан?

Софи смеется.

— Никакого капкана, обещаю. Мне просто интересно, что вам известно о лесе. — Она кивает в сторону леса.

— Лесе?

— Да. Знаю, это может показаться странным, но я кое-что нашла недалеко от леса. Сразу за директорским коттеджем. Что-то действительно интересное, связанное с пропавшими подростками. И я начинаю думать, что, возможно, это оставили там специально для того, чтобы я нашла. Или, может быть, Шон это сделал. Мне просто интересно, есть ли у вас идеи по этому поводу.

Он смотрит на нее, затем в сторону леса, и она видит, как по его лицу как будто пробегает тень.

— Да, — говорит он, — конечно. Может, чуть позже? Я мог бы, я не знаю... я мог бы встретиться с вами. Я заканчиваю работу в четыре. Давайте я подойду к вашему коттеджу?

— Да, — отвечает Софи, зная, что Шон вернется не раньше шести, если не позже. — Приходите в четыре. До встречи.

За последние пару дней Софи узнала о «Темном месте» еще больше. Помимо страницы в Википедии, дом фигурирует на многих онлайн — ресурсах о зданиях, представляющих архитектурную ценность и исторический интерес. Она находит статью краеведа, живущего недалеко от Мэнтон. Он описывает дом как «мешанину стилей и эпох, спаянных, как разломанный торт, но неким странным образом, благодаря чему дом кажется еще великолепнее». Автор пересказывает различные истории, связанные с домом, гораздо более красочным языком, чем тот, который используется в публикации в Википедии, оживляя персонажей повествования. Момент, когда наемный убийца попадает в капкан для животных, описан в жутковатых, мучительных подробностях. Судя по всему, это случилось в разгар лета. Капкан был установлен в незатененном месте, человек лежал на самом солнцепеке, его кожа покрылась волдырями, и, когда его тело было найдено шесть дней спустя, она выглядела как «шкура жаренной на вертеле свиньи».

Ближе к концу статьи историк кратко упоминает о самых недавних его обитателях:

«В настоящее время «Темное место» находится в частной собственности, это главное место жительства семьи с Нормандских островов. Планировочные приложения показывают, что они добавили к задней части центрального георгианского крыла стеклянную пристройку и устроили сзади бассейн с отдельным домиком, спроектированным так, чтобы повторять архитектуру всего дома в окружении специально перевезенных колонн в палладианском стиле, которые, как говорят, когда-то украшали особняк недалеко от Йорка, сожженный дотла мстительным любовником. Весьма уместное дополнение к дому, который никогда не переставал развиваться и никогда не переставал создавать новые истории о себе и своих обитателях».

В частности, внимание Софи привлек один раздел. Примерно в середине статьи историк небрежно вставил строчки:

«Уже давно ходят слухи о подземном ходе, соединяющем «Темное место» с прилегающим к нему лесом, вырытом во время гражданской войны семнадцатого века. Увы, следов входа или выхода из него так и не было найдено, несмотря на совместные усилия нескольких поколений обитателей дома».

Когда Софи читала эти строки, по ее спине пробежала дрожь.

Она смотрит на время и видит, что уже почти четыре. Она переключает камеру телефона в режим селфи и рассматривает свое лицо. Она кажется самой себе какой-то неброской и поэтому наносит дополнительный слой туши и немного тонированного бальзама для губ. Миг спустя раздается стук в дверь.

— Это я, Лиам.

Она стягивает борта кардигана. У ее летнего платья слишком низкий вырез, ей неловко встречать в нем гостя на пороге.

— Привет, — говорит она. — Спасибо. Так мило с вашей стороны, что вы уделите мне время.

Он смущенно улыбается.

— Если честно, я подозреваю, что от меня будет мало толку, но я рад попробовать. Мне можно?..

Он указывает на коридор позади нее.

Он следует за ней через кухню в задний сад. Она придерживает для него калитку и поворачивается лицом к знаку. Лиам несколько секунд молча смотрит на него.

— Странно, — в конце концов говорит он. — И вы?..

Он имитирует копание.

— Да. Я копала. И я нашла... — Она пролистывает фотографии на телефоне. — Вот это.

Она поворачивает к нему экран и показывает снимок кольца. Она смотрит на его лицо, ожидая некой инстинктивной реакции, но там ничего нет.

— Это кольцо, — говорит он, помолчав.

— Да, я знаю. И я выяснила, кому он принадлежало.

— Правда?

И вновь в реакции Лиам нет ничего такого, что предполагало бы, будто ему что-то известно об этом кольце, его происхождении или предыстории.

— Да. Я поехала в ювелирный магазин, и, по всей видимости, его купил в июне 2017 года некто по имени Зак Аллистер.

Она видит, что его как будто слегка ударило током.

— Владелец магазина дал мне его адрес, — продолжает она. — Я была там вчера и отдала его женщине, которая там живет. Ким Нокс. Матери Таллулы. — Она выжидает, прежде чем задать следующий вопрос. Она боится сказать что-то не то и оттолкнуть его от разговора. — Что... что случилось? — начинает она. — Я имею в виду, в ту ночь? Что вы думаете по этому поводу?

Он вздыхает и смотрит себе под ноги. А потом поднимает взгляд на нее и спрашивает:

— Как давно оно у вас?

Часть вторая

Лиам проучился в «Мейпол-Хаусе» уже более двух лет, когда в середине учебного года там появилась Скарлетт Жак. В отличие от него она была не пансионером, а лишь дневной ученицей, местной, их семья недавно переехала сюда с Гернси.

В первое утро весеннего семестра она в наушниках и мини-юбке появилась в столовой. Тогда она еще выглядела женственно. Темные волосы, заплетенные в две косы, короткая челка и пирсинг в брови. Она выглядывала из огромного зеленого шарфа, замотанного высоко на шее, словно змея, появляющаяся из корзины, слегка дрожа в тонком шерстяном свитере, хотя в школьном зале было тепло.

Лиам увидел, как она берет с витрины еду: булочки, ветчину, миску кукурузных хлопьев, горячий шоколад, вареное яйцо. Новичка всегда легко узнать по тому, какую гору еды он накладывает на свой поднос с завтраком. Затем она постояла мгновение, держа поднос перед собой и согнув локти, как крылья птенца, и огляделась поверх своего огромного шарфа. Лиам снова заметил, как она вздрогнула и направилась к пустому столу рядом с батареей отопления. Некоторое время он наблюдал за ней, глядя на то, как она розовыми ногтями очищала яйцо.

Потом Лиам не видел ее несколько дней. В следующий раз, когда он ее увидел, она была окружена толпой. Это был совершенно иной статус — никакой дрожи, никаких тревожных глаз поверх шарфа, закрывавшего половину лица. Менее чем за неделю из очаровательной девочки-новичка она превратилась в неприступную пчелиную матку.

Лиам открыто преследовал Скарлетт в те хмурые январские дни. Он был фермер, деревенский парень: если вам понравилась девушка, нет смысла сидеть и надеяться, что она поймет это сама. Сначала она, казалось, сопротивлялась его чарам. Очевидно, он был не ее типа — слишком здоровенный, слишком аккуратный, недостаточно умный, недостаточно странный.

— Ты знаешь, в чем проблема, Лиам Бейли? — сказала она ему однажды вечером в студенческом баре. — Ты слишком симпатичный. Для меня ты чересчур красив.

И он ударил кулаком по воздуху и сказал:

— Да!

Потому что быть слишком красивым — это препятствие они могли преодолеть.

Наконец во время февральских каникул, когда школа была почти пуста, а большинство подружек Скарлетт разъехались по домам, они поцеловались. Она пригласила его в местную школу верховой езды, и они взяли на день пару лошадей. На ней был темно-синий джемпер и темно-синяя стеганая куртка, которая, как он подозревал, принадлежала ее матери, и в своем шлеме для верховой езды она внезапно стала похожа на одну из деревенских девочек. Когда они целовались, ее щеки разрумянились, воздух вокруг них был наполнен дрожащим паром их дыхания, и тогда Лиам понял: впервые в своей жизни он по-настоящему, точно так же, как когда-то его родители, безумно влюбился.

Когда каникулы закончились и ее друзья вернулись в Мейпол, Лиам ожидал, что его оттеснят, но вместо этого его приняли во внутреннее святилище банды Скарлетт.

Мими. Джейден. Рокки. Ру.

Все они изучали предметы, связанные с искусством, и в отличие от Лиамы были яркими, шумными личностями. Они обращались с ним как с талисманом, как с домашним медведем. Они дразнили его и называли «Бубс», потому что им казалось, что он похож на певца Майкла Бубле, хотя на самом деле он был ничуть на него не похож. Они копировали его легкий западный говорок, подшучивали, мол, там у вас привыкли трахать овец и жениться на кузинах, и Лиам не возражал, потому что ему был близок такой юмор. Он тоже любил дразнить людей, выводить их из себя. Он называл банду Скарлетт «армией поклонниц», потому что они зависали вместе лишь тогда, когда Скарлетт была рядом. Они никогда не тусовались без нее, и часто кого-то из них можно было увидеть в одиночестве на территории кампуса, где они бесцельно слонялись, уставившись в свои телефоны, и тогда Лиам спрашивал:

— Что вы делаете?

— Ждем Скарлетт, — отвечали они.

За тот первый год Скарлетт резко изменилась: из милой девочки, что любила иногда покататься на лошадях и заплетала волосы в

косички, она превратилась в девушку, которая с помощью фальшивого удостоверения личности делала в Сохо татуировки и экспериментировала с наркотиками класса А. Она остригла свои темные волосы и осветлила их. Она проколола губу, нос, язык. (Лиам ненавидел пирсинг языка, каждый раз, когда он видел, как тот мелькал у нее во рту, у него сводило живот.) Она перестала носить женственную одежду и стала одеваться как двенадцатилетний мальчишка из Бронкса. Лиам не возражал. Когда они были вдвоем, она была обычной Скарлетт, простой и понятной, той, которую он полюбил с того самого первого дня, когда увидел, как она чистила вареное яйцо.

В «Мейпол-Хаусе» они пробыли вместе полтора года. Лиам был легок в общении и незамысловат — идеальный фон для Скарлетт, ее настроения и ее странных подруг, и какое-то время он фактически жил в доме Скарлетт в соседней деревне — в «Темном месте». Слова были бессильны описать великолепие ее дома. Лиам за свою жизнь повидал множество потрясающих загородных домов, но ни один из них не был так красив, как дом Скарлетт. В то время он пребывал в состоянии нескончаемой реконструкции: фургоны строителей на подъездной дорожке, вой дрелей, грохот молотков, квадраты краски темных тонов на стенах, которые снова закрашивались, повсюду образцы обоев, коробки с дорогой плиткой.

Ремонтом дома занималась мать Скарлетт. Джосс была именно такой, какой вы бы представили ее себе: крикливая, властная, самовлюбленная. За те полтора года, что они были вместе, Лиам видел отца Скарлетт всего пару раз. Мартин Жак работал в Сити, и у него была квартира в Блумсбери. Худой, отстраненный, с челкой серебристых волос и почти постоянно подергивающейся щекой.

А еще был старший брат Скарлетт, Рекс, почти ровесник Лиамы, классный парень, того типа, что ему нравились, хоть и довольно самоуверенный и порой шумный, во многом сын своей матери.

Семья Скарлетт любила Лиаму. Он даже сумел почувствовать себя членом этой семьи, частью мебели. У Джосс всегда находилась для него какая-нибудь работа. Протекающий сифон под раковиной в кухне, который нужно подтянуть. Электрочайник, который нужно починить. Машина, которую нужно отвезти в гараж для техобслуживания. И он был счастлив быть тем практичным парнем, на которого всегда можно

положиться; тем, кто знает, как задать новый режим велотренажеру или уберечь вашу лужайку от лис.

А затем все изменилось. В июне 2016 года Скарлетт получила аттестат зрелости, после чего вся их семья отправилась на большую часть лета в круиз — Лиам получил приглашение присоединиться к ним, но он был нужен дома, потому что у отца болела спина. К тому времени, когда Скарлетт вернулась из своего путешествия, а Лиам — из Котсуолдс, у них не было ни минуты, чтобы побыть вместе, прежде чем Скарлетт начала изучать курс изящных искусств в Мэнтонском колледже. Лиам же оставался в Мейпол-Хаусе, чтобы пересдать свой последний экзамен на аттестат.

Без их регулярных совместных перекусов, без свободных перемен между уроками, когда они тайком пробирались в комнату Лиам в жилом корпусе, чтобы заняться сексом или просто посмотреть телевизор, без постоянной близости друг к другу все это, казалось, ускользало от них, легкость и родство, и ближе к концу первого семестра, незадолго до Рождества 2016 года, Скарлетт отвела Лиам в паб «Лебедь и утки», купила ему пива, рыбы с жареной картошкой и сказала, что, по ее мнению, будет лучше, если они останутся просто друзьями. Лиам лишь пожал плечами и сказал:

— Да, в принципе, я знал, что это произойдет.

— Ты расстроен? — спросила она, широко раскрыв глаза и задумчиво прикусив нижнюю губу.

— Да, — ответил он. — Я расстроен.

— Извини, — сказала она, хватая его за руку.

— Тебе не нужно извиняться. Ты молода. Жизнь продолжается. Я понимаю.

— Могу я изменить свое мнение?

Он рассмеялся.

— Только если ты изменишь его в следующие пятнадцать минут.

А потом забудь об этом.

Она уронила голову ему на плечо, а затем снова посмотрела на него и сказала:

— Я могла бы просто уйти в самоволку, не спрашивая тебя. У меня могло снести крышу. Я могла бы... не знаю... я могла бы натворить ужасные вещи.

— Не говори глупостей.

— Нет, — сказала она. — Я серьезно. Ты — то, что держит меня в узде. Ты как скала. И я отсекаю себя от тебя. И я не знаю, что будет дальше.

— Я никуда не уеду, — сказал он игриво. — Я собираюсь остаться здесь, — он указал в окно паба через общежитие школы.

— Да, но... — Она умолкла, и он увидел, как по ее лицу промелькнуло что-то зловещее.

— Что такое? — спросил он. — Что случилось?

— Ничего, — сказала она. — Ничего не случилось.

Она выдавила неубедительную улыбку, они на некоторое время обнялись, и Лиам вдыхал ее запах и изо всех сил старался не заплакать, не хотел показывать ей, что она убивает его.

* * *

На Рождество Лиам уехал домой. Он был растерян и подавлен, но никто этого не заметил, потому что в его доме никогда не было тишины. У него было три брата и сестра, а теперь еще племянники и племянницы. А еще были коровы, у которых нужно было принимать отел, заборы, которые нужно было починить, и тюки сена, которые нужно было перетаскивать, и к тому времени, когда в январе Лиам вернулся в Мейпол-Хаус, он почти выкинул из головы Скарлетт. Почти, но не совсем.

Через несколько дней он решил отказаться от своей последней пересдачи. Он записался на нее лишь затем, чтобы быть ближе к Скарлетт, а без Скарлетт он был в школе, полной учащихся моложе его. Его оценок хватало для поступления в сельскохозяйственный колледж. Здесь ему больше нечего было делать. Он планировал покинуть Мейпол-Хаус и вернуться домой, чтобы несколько месяцев помогать отцу с фермой, но в тот день, когда он собрался уезжать, ему позвонила Скарлетт.

— Ты мне нужен, Бубс, — сказала она.

Голос Скарлетт было не узнать. Он звучал совершенно иначе. Она как будто была чем-то напугана.

— Что? — спросил он. — Что стряслось?

— По телефону сказать не могу. Можешь приехать сюда? К дому? Пожалуйста?

Лиам оглядел свою комнату: наполовину упакованные сумки, пустые книжные полки. Целая глава его жизни завершилась, и он был готов начать следующую. Он собирался отправиться в путь в шесть часов, а сейчас было уже почти три. Он вздохнул, опустил плечи и сказал:

— Конечно. Конечно. Буду там примерно через пару часов.

— Нет, прямо сейчас. Пожалуйста. Приезжай прямо сейчас!

Он снова вздохнул.

— Нет проблем, — сказал он. — Буду там в десять.

* * *

— И что это было? — спрашивает сейчас Софи. — Чего хотела Скарлетт?

— У нее было что-то вроде нервного срыва, — отвечает Лиам. — Она дрожала, она сжалась в позе эмбриона. Ее мать считала, что она это нарочно, чтобы привлечь к себе внимание. — Лиам пожимает плечами. — Может, так оно и было. Я не знаю. Но я знал, что не могу оставить ее. Знал, что я все еще ей нужен. Я сказал отцу, что пока еще не приеду домой, и на время переехал к ней. Затем здесь, в школе, появилась вакансия помощника учителя, и я подумал, почему бы мне на несколько недель не податься в помощники, просто чтобы оставаться рядом со Скарлетт. — Он вздыхает. — И да, я все еще здесь, больше года спустя.

— Почему? — спрашивает Софи. — Почему вы не вернулись домой, когда Скарлетт уехала?

— Просто я... — Он морщит лицо. — Я не знал, что она не вернется. Я думал, они просто уехали на лето. А потом наступил сентябрь, а они все не возвращались. И тогда я подумал, что они вернуться на Рождество, но они не вернулись. Затем наступил 2018 год, и Скарлетт вообще перестала отвечать на мои сообщения и телефонные звонки, и я подумал: ну что ж, теперь у нее новая жизнь. Все кончено. Но мне здесь понравилось. И я остался.

— А вечеринка у бассейна, — мягко спрашивает она, не желая давить на него. — Что же случилось той ночью?

Он поднимает глаза и вздыхает.

— Бог мой! Кто знает. Лично я знаю лишь одно: я понятия не имею, почему они вообще были там. Тот парень, Зак, я бы сказал, он был не в духе. Я чувствовал, что между ним и его девушкой что-то не так. В пабе у меня возникло такое чувство, что девушка не хотела ехать домой к Скарлетт, что ему пришлось ее уговаривать. А потом, оказавшись там, у Скарлетт, они просто чувствовали себя не в своей тарелке. Им явно не хотелось сюда приезжать, и они держались особняком. Было видно, что у парня что-то на уме. Он как будто ревновал, завидовал...

— Завидовал? Кому? Чему?

Лиам моргает, и она замечает, как он задерживает дыхание.

— О господи, я не знаю. Может, размеру дома, богатству и все такое прочее. В любом случае атмосфера была натянутой. А моя подруга Лекси — она тоже здесь живет, дочь Керрианны...

Софи кивает.

— Она собралась ехать обратно в школу, и к тому времени я тоже порядком устал, и мы предложили этой паре подвезти их обратно в деревню, и девушка сказала: да, было бы здорово. Но он сказал: нет, мы остаемся. Я видел, как он затащил ее обратно в кресло, и мне стало ее очень жаль. И я, конечно же, рассказал тогда все это полиции, и я думаю, что мать девушки, Ким, по-моему, она подумала, что с ним что-то не так. Что это как-то связано с ним. Что он ее убил. А потом неким образом исчез. Но согласитесь, разве не странно, что не осталось никаких улик? Вот что меня всегда смущало. Они были там, а потом пропали. Ни капли крови, ни запаха смерти. Двое здоровых молодых людей были и пропали. В этом нет никакого смысла. Или есть?

Он опускает глаза на телефон Софи и смотрит на фотографию кольца.

— А теперь, — говорит он, пальцами увеличивая изображение, — все начинается сначала.

Сквозь причудливые кованые ворота Таллула смотрит на длинную подъездную дорожку, на дом Скарлетт, что виднеется из-за крон деревьев на вершине невысокого холма. Похоже, до него отсюда еще добрая миля. Она протаскивает велосипед через узкую пешеходную калитку сбоку от ворот, а затем снова садится на него и едет дальше.

Она не знает, что делает и почему. Просто у нее такое чувство, что стены ее жизни сжимаются вокруг нее и ей всего на минуту нужно найти в них брешь, чтобы вдохнуть воздуха.

Подъезжая к дому, она тихонько ахает. Это дом из сказки, дом, который вам снится, а на следующее утро вы просыпаетесь и с грустью понимаете, что он не настоящий.

Она прислоняет велосипед к стене и, хрустя белым гравием, шагает к входной двери.

На миг она думает: может, ей стоит позвонить Скарлетт? Дать ей возможность притвориться, что ее здесь нет, или спрятаться. Но она смотрит на время и видит, что Зак вернется с футбола всего через час, и она проделала весь путь, и она очень, ну очень хочет увидеть Скарлетт. Она нажимает на дверной звонок, откашливается, трогает волосы, снова откашливается и мгновение спустя слышит женский голос: «Иду!» И это она, Скарлетт, она приближается, открывает дверь, и Таллула ловит себя на том, что затаила дыхание, и когда дверь открывается и взгляд Скарлетт падает на нее, возникает крошечная доля секунды, когда кто-то должен что-то сказать, но никто ничего не говорит, и Таллула уже готова сказать: «Ладно, я пойду». Но прежде чем слова слетают с ее губ, Скарлетт слегка встряхивает головой, моргает и говорит:

— Боже мой. Таллула из автобуса!

В поле зрения появляется огромный пес. Это пес с автопортрета Скарлетт в корпусе художественного факультета колледжа. Он гигантский.

— Привет, — говорит Таллула. — Извини, что я без предупреждения, но я болтала с Мими, и она сказала, что если я увижу

тебя в деревне, то должна передать привет и сказать, чтобы ты вышла на связь, а потом я и вправду увидела тебя в деревне, но ты была в машине и уехала прежде, чем я успела что-то сказать, и девушка в магазине, я вроде как ее знаю, сказала мне, где ты живешь, и я просто подумала... почему бы не поехать и не передать тебе сообщение лично? Типа того.

— Ты писала мне по электронной почте?

— Ага, после того, как видела тебя в деревне.

— И я не ответила.

— Не ответила. Но это нормально. Абсолютно нормально. Я не рассчитывала получить ответ.

— Как ты сюда попала?

Таллула кивает в сторону велосипеда.

— Э-э-э... приехала на велике.

Пес прошел мимо Скарлетт и теперь стоит рядом с Таллулой, шумно дыша.

— Можно мне?.. — спрашивает она. — Можно мне его погладить?

— Конечно, можно. О господи, что за вопрос! Он обожает, когда его гладят посторонние люди. Он сушая шлюха.

Таллула прижимает ладонь к густой собачьей шерсти и улыбается.

— Я помню, — говорит Скарлетт. — Ты любишь собак. Ты говорила, что хочешь завести собаку. И как, удалось?

Таллула качает головой и приседает, чтобы оказаться на уровне морды пса.

— Как его зовут? — спрашивает она, почесывая его огромные брыли.

— Тоби.

— Да, типичный Тоби.

На миг кажется, что сказать больше нечего. Таллула выпрямляется.

— Ладно, — говорит она. — Это все. Просто Мими просила передать тебе, чтобы ты перестала вести себя как идиотка и рассказала всем, что с тобой, потому что они беспокоятся о тебе.

Она смотрит на Скарлетт, оценивая ее реакцию на свои слова. Она замечает, что Скарлетт сильно похудела, ее волосы отросли и стали видны их удивительно темные корни, и одета она совсем не так

вычурно, как раньше в колледже, — в простые джинсы и старую толстовку с надписью «Яхт-клуб Гернси» и небольшим красно-белым флагом.

— Хочешь войти? — спрашивает она.

— Э-э-э... да. Конечно. Ты не возражаешь?

— Нисколько.

— Я не могу оставаться долго, мне нужно быть дома к двум.

Поэтому...

— Давай выпьем чаю, — говорит Скарлетт. — Дома никого нет, так что здесь тихо и спокойно.

Таллула следует за Скарлетт через коридор в необычную кухню, похожую на огромный стеклянный ящик, прикрепленный к задней части дома. Даже в этот пасмурный день здесь ослепительно светло. На глянцевых рабочих поверхностях и шкафчиках мерцает штук двенадцать галогенных ламп. Изящный деревянный стол, окруженный серыми бархатными обеденными стульями, расположен рядом с огромными раздвижными дверями, которые выходят на открытую террасу, а сразу за ней — нечто похожее на бассейн, затянутый брезентом. Над головой — люстра из оргстекла с красными бусинами. Стены — выкрашенная в белый цвет кирпичная кладка, увешанная абстрактными полотнами. На другом конце стеклянной коробки расположена зона отдыха с голубым угловым диваном и самым огромным плазменным экраном, какой Таллула когда-либо видела.

Пес следует за Таллулой, а когда она садится, опускается у ее ног.

— Гостей он любит больше, чем свою семью. Это страшно обидно, — поясняет Скарлетт, затем наполняет чайник и включает его.

Таллула улыбается.

— Он милый. Вам с ним крупно повезло. — Она секунду молчит. — Итак, — говорит она снова. — У тебя есть сообщение для меня, чтобы я передала его Мими и прочей компании?

Скарлетт, стоящая к ней спиной, вздыхает.

— Не хочу иметь ничего общего с Мими. Или Ру. Вообще с кем-то из них. Так что нет. Только не говори им, что видела меня.

— Понятно, — говорит Таллула. — Вы поссорились?

— В принципе, нет. Просто я... — Она открывает дверцу холодильника, достает бутылку и спрашивает: — С молоком?

Таллула кивает.

— Это сложно, — продолжает Скарлетт. — Я бы не хотела говорить об этом.

Она заканчивает заваривать чай и ставит кружки на стол.

— Как дела в колледже? — спрашивает она.

Таллула пожимает плечами.

— Скучища.

— Я забыла, что ты там изучаешь?

— Социальные науки и социальную работу.

— То есть ты хочешь стать социальным работником?

— Да, — Таллула кивает и берет свой чай. — Таков план.

— Что ж, это очень достойно. Ты явно хороший человек.

Таллула нервно смеется.

— А ты? Кем ты хочешь быть?

— Лучше всего мертвой, — мрачно отвечает Скарлетт. — Да-да. Было бы хорошо умереть. — Затем она быстро спохватывается и спрашивает: — Хочешь увидеть кое-что реально потрясающее?

— Э-э-э... да... Конечно... — неуверенно отвечает Таллула. Она ставит чай и встает. Пес неуклюже следует ее примеру.

— Итак, — говорит Скарлетт, — серьезно, тебе нельзя никому об этом рассказывать, договорились? Ни единой душе. Это в чистом виде вынос мозга, и я буквально единственный человек во всем мире, который об этом знает, и через минуту ты будешь буквально вторым человеком в мире, который об этом узнает. Могу я доверять тебе?

Таллула кивает.

— Да, — говорит она. — Конечно.

Взгляд Скарлетт на секунду задерживается на Таллуле, как будто оценивая ее. Затем она улыбается и говорит:

— Давай. Иди сюда.

Они идут через весь дом, через уютные уголки и комнаты с роялем, комнаты для обуви, коридоры, кабинеты, столовые, гостиные и будуары и, наконец, доходят до маленькой двери в углу того, что Скарлетт называет «крылом Тюдоров». Комната небольшая, в ней только черный лакированный письменный стол, латунный торшер с красным бархатным абажуром и произведение современного искусства, свисающее с древней, обшитой деревом стены. Дверь деревянная, с защелкой.

— Итак, — говорит Скарлетт, открывая дверь и глядя вверх, — эта лестница ведет в светелку башни. — Она отходит в сторону, чтобы Таллула могла заглянуть. Это каменная винтовая лестница, очень маленькая и очень узкая. Вроде тех, по которым туристы поднимаются на башни соборов и тому подобное.

— Ого, — говорит она, — вот это да!

— Это точно, но это не самое удивительное. Удивительное вот что.

Скарлетт опускается на колени и достает из заднего кармана джинсов странный инструмент. На вид он старинный, слегка заржавевший, с длинной ручкой с плоским наконечником на конце, который она вставляет в нижнюю часть первой ступеньки, а затем использует как рычаг, чтобы сдвинуть камень с места. Осторожно вынув кусок камня, она кладет его позади себя. В отверстие врывается холодный сквозняк, и Таллула слегка вздрагивает.

— Я нашла эту книгу, — поясняет Скарлетт, просовывая руку в отверстие на лестнице. — Историю этого дома. И там было что-то про тайный подземный ход. Как туннель для побега. Это крыло было построено во время гражданской войны в Англии в 1643 году, и архитектора попросили предусмотреть потайной туннель на тот случай, если обитателям дома понадобится спрятаться или убежать. И, — она пытается ухватиться за что-то внутри дыры, и ее лицо искажается, — чертежи были уничтожены в пламени пожара, в результате которого сгорела половина здания. Собственно, именно поэтому его и прозвали «Темным местом». Из-за черного круга, что окружал дом после пожара, из-за обугленного леса.

Итак, дом был заброшен и пустовал почти семьдесят лет, пока его не купила по-настоящему крутая молодая пара из Лондона, вероятно что-то вроде нынешних хипстеров, которым захотелось иметь дом с характером. Именно они добавили к нему георгианское крыло. В то время это считалось пискom суперсовременной моды, никто не мог поверить своим глазам, о нем говорила вся деревня. В любом случае эта пара понятия не имела, где находится туннель, и потратила годы на его поиски. Будучи уже старыми, они вернулись в Лондон, так и не найдя его, а к 1800-м годам все уже считали, что это миф. Что его никогда не существовало.

А затем, в начале 2017 года, молодая женщина по имени Скарлетт Жак, которой весь день было нечем заняться, потому что она взбрыкнула и бросила колледж, была подавлена и ей стало невероятно скучно, задалась целью найти туннель. И наконец спустя много-много дней ей в голову пришла идея. Что, если?.. — Она поднатуживается и, слегка задыхаясь, тянет за что-то в яме. Внезапно она приподнимает всю каменную панель, снимает ее и кладет рядом с первым куском камня. — Что, если, — продолжает она, — архитектор решил, что лучшее место для начала подземной лестницы — у основания лестницы надземной? И что, если эта странная металлическая штуковина, что висит на крючке на складе с того дня, как мы сюда переехали, что, если это ключ к ее крышке? — Она откидывает голову и убирает с лица волосы. — И о чудо! — говорит она Таллуле, размахивая рукой над отверстием, — она была чертовски права.

У Таллулы отвисает челюсть. Она смотрит в дыру, затем на Скарлетт.

— О господи, — шепчет она. Пес обнюхал камни и теперь проходит мимо Таллулы, чтобы заглянуть в нору, с шумом втягивая в себя воздух.

— Хочешь спуститься и заглянуть внутрь? — спрашивает Скарлетт, включая фонарик на телефоне.

— Э-э-э... я не уверена. Я и вправду должна вернуться. И у меня арахнофобия. Серьезно. Полномасштабные панические атаки.

— Просто пойдем, посмотрим комнату у подножия лестницы. Обещаю, пауков там нет. Там действительно круто. Пойдем.

В подсознании Таллулы мелькает пугающая картинка: она сидит в кишашем пауками туннеле, смотрит вверх на Скарлетт, которая маниакально хихикает и ставит каменную крышку на место.

Таллула никому не сказала, что идет сюда. В доме больше никого нет. Все, что здесь есть, — это велосипед ее матери, от которого Скарлетт может легко избавиться. Ей ничего не стоит запечатать Таллулу там, внизу, и никто никогда не услышит ее, и никто никогда ничего не узнает.

Она вспоминает автопортрет Скарлетт в здании факультета живописи в Мэнтонском колледже, нож для разрезания торта с кровью на нем, пистолет, свежее бьющееся сердце на тарелке, и ловит себя на

мысли о том, что она ее почти не знает. Кто такая Скарлетт Жак? Что она собой представляет?

Но затем она смотрит на Скарлетт и видит перед собой шикарную девушку из колледжа, девушку, которой все подражают, и эта девушка с игривой улыбкой оглядывается на Таллулу и говорит:

— Давай. Я тебя не съем.

И она, цепляясь руками за влажные кирпичные стены, пока ступеньки ведут вниз, следует за ней в дыру.

Июнь переходит в июль. Ною исполняется год, затем тринадцать месяцев. Ким бросает подработку в агентстве недвижимости, расположенном на их улице. Райан отменяет свой первый отпуск на Родосе без родителей. На календаре на стене кухни Ким видит свой почерк на квадратике 17 июля: «Последний день семестра, Таллула». Она плачет.

Полиция наконец получила разрешение на обыск дома Жаков, но пока не обнаружила ничего подозрительного. Правда, выяснилось, что в ту ночь система видеонаблюдения не работала и все камеры были выключены.

— Это моя вина, — сказала Джосс Жак. — Я никогда не следую инструкциям должным образом. Это сводит Мартина с ума.

Вскоре после этого Скарлетт и ее семья улетели в свой дом на Нормандских островах и больше не вернулись.

Ближе к концу июля Ким отменяет свой августовский отпуск в Португалии на небольшом симпатичном семейном курорте с детским садом, который они с Таллулой часами изучали по фотографиям в буклете, представляя, как Ной там играет, заводит новых друзей — к тому времени, возможно, он уже будет ходить, — как плещется в воде детского бассейна с надувными крылышками на руках, в купальном костюме на молнии и панамке от солнца. Когда Ким объясняет свои обстоятельства, женщина на том конце линии проявляет невероятное понимание и полностью возвращает ей деньги. После этого Ким долго плачет.

Бывший муж Ким, Джим, бывает у них наездами. Он остается на несколько ночей, пока может не работать, пока его мать разрешает ему оставить ее, а затем вновь возвращается в Глазго. В каком-то смысле Ким предпочла бы, чтобы он вообще не приезжал. Пользы от его присутствия никакой — ни моральной поддержки, ни практической помощи по дому, только лишняя еда, которую нужно покупать, вечные чашки чая и простыни в стирку.

В начале августа он снова приезжает, и как только он входит в дом, Ким понимает, что с ним что-то не так. Он выглядит измученным и напряженным.

— Я только что видел эту женщину, — говорит он, роняя куртку и сумку на пол в коридоре. — Мать.

— Мэгс?

— Да. Или как ее там. Знаешь, что она мне сказала?

Ким опускает глаза. С первого дня полицейских поисков она всячески старается избегать Мэгс и Саймона. Завидев их, она переходит улицу, поворачивается и выходит из магазина.

— О господи, — выдыхает она. — Давай, говори.

— Она сказала, что, по ее мнению, Таллула и Зак сбежали. Что у них красивый и продолжительный медовый месяц. Она так и заявила: «Для них это было слишком — в столь юном возрасте стать родителями маленького ребенка. Так что я не удивлена».

Ким вздыхает и качает головой.

— А что ты на это сказал?

— Сказал, что она сошла с ума. Сказал, что ей нужно проверить голову.

— Саймон был там?

— Был.

— Что он сказал?

— Мало что.

— Ты напомнил ей, что ни один из них не использовал свой банковский счет с той ночи, когда они пропали без вести?

— Напомнил. Она сказала, что у них, вероятно, были наличные.

— Ну да, — говорит Ким, закатывая глаза. — Конечно. Они, наверное, сейчас валяются в куче купюр в люксе для новобрачных в гребаном «Ритце-Карлтоне».

— Я зол как черт, — говорит Джим. — И как только они могут так легко это воспринимать? Когда их сын... ты меня понимаешь... — И он начинает плакать.

И наконец, впервые после исчезновения Таллулы, Ким чувствует, что они с Джимом в одном и том же месте, в месте общего ужаса, ярости и гнева, и она раскрывает объятия, и он обнимает ее, и они долго не отпускают друг друга, и это первый раз, когда они так соприкоснулись за более чем десяток лет, и на мгновение Ким рада,

что он здесь, рада, что ей есть с кем разделить свое горе, что он готов быть рядом с ней в этом уголке ада и поддержать ее. Но она чувствует, как его щека касается ее щеки, его пах чересчур близок к ее бедру, а его губы внезапно касаются ее губ. Она задыхается и с силой отталкивает его от себя, так сильно, что он почти теряет равновесие. Он секунду смотрит на нее, а она на него. Ким шумно дышит, а затем наблюдает, как он берет свой пиджак и сумку, открывает входную дверь и тихо закрывает ее за собой.

Скоро сентябрь. Ким видит квадратик на календаре в кухне, на котором она написала: «Таллула, снова в колледж». У нее даже нет сил плакать.

Ною исполняется год и три месяца, и он уже ходит и говорит. У Райана появляется девушка по имени Роза, с которой он все время проводит в своей комнате. У Ким заканчиваются деньги, и она вынуждена взять в банке ссуду.

Детектив-инспектор Маккой иногда звонит, чтобы сообщить что-то новое, что, пожалуй, следует называть старым. Каждый раз, когда он разговаривает с ней, становится все яснее и яснее, что у них нет никаких зацепок. Следы шин на подъездной дорожке возле «Темного места» принадлежат машине Лекси Маллиган. Видеозаписи с камер видеонаблюдения на основных дорогах в Апфилд-Коммон и его окрестностях ничего не показывают. Работодатели говорят, что Зак был хорошим парнем. В колледже Таллулы говорят, что она была отличной студенткой. Море пустых лиц, покачивания голов. Ни у кого нет объяснения, что с ними могло случиться.

Ким постоянно преследует образ Зака: вот он, в ту летнюю ночь, хватая руки Таллулы, сидя на диване в доме Скарлетт, а в кармане его куртки поблескивает кольцо. Иногда она входит в комнату Таллулы и вновь и вновь ищет нечто такое, что откроет ей тайну, собьет с этой тайны замок. Но она ничего не находит, и так проходят месяцы.

Скоро снова июнь. Ною исполняется два года, и его впервые подстригают. В годовщину исчезновения Таллулы Ким ведет по деревне процессию со свечами, пытаясь напомнить о пропавшей девушке, вновь привлечь внимание людей. Мэгс и Саймон уезжают из деревни, чтобы жить поближе к двум своим взрослым дочерям, у которых недавно родились дети. Они даже не прощаются. Ким получает для Ноя место в детском саду при церкви Святой Невесты, на

четыре дня в неделю, а также устраивается на работу в паб «Лебедь и утки», в дневную смену. Она выплачивает взятую в банке ссуду. Райан и Роза расстаются, и у Райана теперь новая девушка по имени Мейбл, у которой есть квартира в Мэнтоне, и он переезжает к ней.

Так что жизнь Ким теперь такова: отвезти Ноя в сад, отработать смену в пабе, забрать Ноя из сада, сделать покупки, приготовить поесть, съесть приготовленное. Она не работает по пятницам, потому что некому сидеть с Ноем. Она в одиночестве пьет вино и смотрит передачи о неудачных пластических операциях и собаках, перенесших операцию по замене тазобедренного сустава.

И по-прежнему ничего не меняется.

Ничего не происходит.

И вдруг однажды утром в начале сентября, через пятнадцать месяцев после исчезновения Таллулы, у ее двери стоит женщина. Поразительно привлекательная женщина, с мягкими светлыми волосами, в красивом летнем платье, и эта женщина — ее зовут Софи — нашла на территории Мейпол-Хауса кольцо, и это кольцо Зака. Более того, там рядом была стрелка, которая как бы намекала, что тот, кто будет там копать, непременно его найдет.

И вот оно. Наконец. Знак того, что кто-то там что-то знает. Знак того, что история Таллулы еще не окончена.

Когда женщина уходит, Ким берет телефон и пролистывает список контактов, пока не находит номер, по которому не звонила вот уже много долгих месяцев.

— Привет, Дом, это Ким. — (Некоторое время назад она перестала называть его детективом Маккеем, а он перестал называть ее мисс Нокс.) — Есть кое-что новое.

— Э-э-э... Соф. К тебе пришел детектив-инспектор Маккой. Он у стойки регистрации, — сообщает по телефону Шон. И он явно сбит с толку и растерян.

— Ах да, — отвечает она. — Да. Наверное.

На миг воцаряется молчание, и Софи понимает, что хотела что-то сказать.

— Я откопала эту вещь, — говорит она. — В лесу. Оказывается, она связана с делом об исчезновении человека.

— Вещь?

— Ну, ты знаешь. Тот знак, о котором я тебе рассказывала, на нашем садовом заборе с надписью «Копать здесь», помнишь? И я решила попробовать. И выкопала. Обручальное кольцо.

— Ах да, — говорит Шон. — Верно. Ты мне не говорила.

— Кажется, нет. Я только вчера узнала, кому оно принадлежит, а ты был на работе и...

— В любом случае, — перебивает ее он, — что я должен?..

— Мне подойти? — спрашивает она, слегка задыхаясь.

— Думаю, да. Я попрошу кого-нибудь найти для вас комнату.

После этих слов он выключает телефон, причем довольно резко оборвав разговор, и Софи отмечает, что впервые в жизни он говорил с ней нетерпеливо.

Детектив Маккой обезоруживающе привлекателен: глубокий летний загар, блестящие каштановые волосы, накрахмаленная голубая рубашка под темно-синим костюмом.

Он сидит в небольшом конференц-зале сразу за приемной. В двери есть окошко, и Софи замечает в нем чью-то голову, тут же нырнувшую вниз. Присутствие в школе полицейского вызывает волны искривленной энергии. Тот факт, что он здесь, чтобы поговорить с подружкой нового директора, добавляет ситуации еще больше двусмысленности.

Когда она входит, детектив-инспектор Маккой встает и пожимает ей руку.

— Спасибо, — говорит он. — Извините, что беспокою вас посреди учебного дня.

— Нет-нет, честно говоря, ничего страшного. Я здесь не работаю. Так что, знаете...

— Ну что ж. — Он снова садится. — Полагаю, вы знаете, о чем я пришел с вами поговорить?

— О кольце?

Детектив Маккой сверяется со своими записями.

— Да. Кольцо. Найдено на территории школы? Вами?

— Верно.

— И когда именно?

— Несколько дней назад. Я сначала убрала его в ящик шкафа, потому что не знала, что с ним делать. Но мысль о нем не давала мне покоя. Я достала его, вымыла коробку и нашла название ювелирного магазина. Вчера я отвезла его туда, а потом сразу отнесла законному владельцу. Но его там больше нет. Женщина, которая там живет, Ким, сказала мне, что он пропал без вести.

— Верно. Он исчез шестнадцатого июня 2017 года вместе со своей девушкой. Высказывалась теория, что в ту ночь он мог пригласить свою девушку на свидание, чтобы сделать ей предложение. Так что кольцо, внезапно найденное спустя все это время, — это довольно большой шаг вперед. По сути, расследование возобновляется.

Софи энергично кивает, пытаясь не выдать своего волнения.

— Полагаю, что да, — говорит она.

— Итак, мисс Нокс сказала мне, что вы нашли это кольцо, следуя указаниям в записке?

— Типа того. К ограде нашего сада была прибита табличка со стрелкой. Могу показать вам, если хотите. Она все еще там. Я ее не трогала.

— Да. Да, будьте любезны. — Детектив кладет ручку и блокнот обратно в карман куртки и поднимается на ноги.

Она ведет его через территорию колледжа и через коттедж.

— Я увидела его в первый же день, когда мы только приехали сюда, — говорит она, открывая заднюю дверь. — Я тогда подумала, что он остался от игры в охоту за сокровищами или чего-то в этом

роде. — Она отмыкает заднюю калитку и указывает левой рукой на забор. — Сначала я вообще не придавала ему особого значения.

Инспектор Маккой смотрит вниз, на забор, а затем вопросительно — на Софи.

Софи тоже смотрит вниз.

Знак исчез.

Таллула возвращается домой через тридцать секунд после Зака. Он сидит на нижней ступеньке, расшнуровывая кроссовки, на шею накинуто полотенце, волосы блестят от пота. Он странно смотрит на нее.

— Привет, — небрежно говорит Таллула.

— Где ты была?

— Всего лишь каталась на велике, — отвечает она.

Он, прищурившись, смотрит на нее.

— На велике?

Она сухо смеется.

— Да. Конечно, на велике. На чем же еще?

— Но у тебя нет велосипеда.

— Взяла у мамы.

— А что насчет Ноя?

— А что насчет Ноя?

— Ты оставила его?

— Да. Я оставила его с мамой. Она велела мне пойти погулять. У меня болела голова.

Он снимает вторую кроссовку и ставит ее рядом с первой.

— И куда ты на нем ездила?

— Тут неподалеку, — говорит она, расстегивая куртку, и снимает ее. Она вешает ее на крючок и зовет мать — Я здесь!

Она следует за голосом матери в гостиную. Мать сидит на диване с Ноем на коленях.

Она забирает малыша у матери, кружит его, шумно целует в щеку и прижимает к себе.

— Как мой великолепный мальчик? — спрашивает она. — Как поживает мой великолепный, великолепный мальчик? — Ощущение его теплого тельца в ее объятиях после того, как она провела время в доме Скарлетт, неописуемо успокаивает. Стоит ей вспомнить сырые стены туннеля под домом Скарлетт, как у нее по коже пробегают мурашки. С того момента, как она вылезла из той дыры и вернулась на

дневной свет, она все еще стирает с лица, с волос воображаемую паутину.

— Разве это не самая крутая вещь? — сказала Скарлетт. Ее глаза сияли в свете телефона. Таллула нервно улыбнулась и потерла оголенную кожу предплечий.

— Это так страшно.

— Да, но ты только подумай, — продолжила Скарлетт, — возможно, мы первые, кто побывал там за триста, а то и за все четыреста лет. Последние люди, ступившие туда, наверняка носили клобуки. Говорили на языке Шекспира.

— Ты уже доходила до другого конца?

— Черт. Нет, — Скарлетт покачала головой. — Бог знает, что там внизу. Гребаный Демогоргон! ^[2] — Она вздрогнула и натянула на руки рукава своей толстовки.

Таллула тоже вздрогнула и сунула руки в мягкую шерсть Тоби, что, тяжело дыша, стоял рядом с ней.

Скарлетт тоже сунула руку в шерсть Тоби. Ее пальцы нащупали пальцы Таллулы и обвилились вокруг них. От этого ощущения у Таллулы перехватило дыхание. Взглянув вверх, она увидела, что Скарлетт смотрит на нее и в уголках ее рта играет нежная улыбка.

Таллула уехала несколько мгновений спустя и всю дорогу до дома упорно крутила педали, пытаясь выбросить из головы темноту туннеля, ощущение того, как пальцы Скарлетт переплелись с ее пальцами, слегка тошнотворный всплеск энергии, который она ощутила, проскочил между ними, намекая на нечто такое, что выходило за рамки ее самой, или того, как она воспринимала себя, и это ощущение было болезненным, совсем как открытая рана.

Она усаживает Ноя к себе на колени и прижимается губами к его макушке, наслаждаясь запахом его кожи, ощущением домашнего уюта.

— Хорошо покаталась? — спрашивает мать.

— Хорошо, — отвечает она. — Было здорово выбраться из дома и немного размяться.

Входит Зак.

— Как прошел футбол? — спрашивает Таллула, лишь бы отойти от темы своей поездки на велосипеде.

— Отлично, — говорит он, тяжело садясь рядом с ней и обнимая ее за шею. — Мы разделали их под орех. Четыре — ноль.

От него пахнет футбольным полем, людьми, свежим потом. Внезапно его близость отталкивает ее, ей неприятно ощущение его руки на ее коже, исходящий от него букет мужских запахов.

— Разве ты не собираешься принять душ?

— Неужели от меня пахнет? — Он поднимает руку и нюхает собственные подмышки.

Она заставляет себя улыбнуться.

— Конечно, нет. Но ты весь в поту других людей.

Зак улыбается в ответ и, прежде чем подняться, слегка сжимает ей шею.

— Намек получен и понят, — говорит он.

Он выходит из комнаты. Им слышен топот его босых ног, шагающих вверх по лестнице. Тогда мать Таллулы поворачивается к ней и говорит:

— Он хороший парень. Честное слово. Я так рада, что ты снова впустила его в свою жизнь.

Таллула натянуто улыбается. *Ты не видела, каким взглядом он только что посмотрел на меня на лестнице. Ты не знаешь, как он смотрит на меня, когда тебя нет в комнате; как его голос становится твердым как камень, а его глаза пронзают меня, как лазеры. Ты ничего не знаешь,* думает она.

В понедельник утром Скарлетт ждет на автобусной остановке.

— Доброе утро, Т из А, — говорит она, двигаясь, чтобы освободить для нее место. — Счастливого понедельника. У тебя усталый вид.

— Что ты здесь делаешь? — отвечает Таллула. — Собираешься вернуться в колледж?

— Черт возьми, нет, — говорит Скарлетт. — Я здесь, чтобы увидеть тебя.

Таллула широко распахивает глаза.

— Почему?

Скарлетт берет Таллулу под руку и кладет голову ей на плечо.

— Потому что я скучала по тебе.

Таллула сухо смеется.

— Понятно, — говорит она, бросая взгляд через улицу, в сторону своего дома. Вдруг там кто-то смотрит на нее и эту девушку с голубыми волосами, положившую голову ей на плечо?

Скарлетт поднимает голову, убирает руку, сует ее в карман своего мехового пальто и с прищуром смотрит на Таллулу.

— Я тебе нравлюсь? — спрашивает она.

Таллула снова смеется.

— Конечно, ты мне нравишься.

— Но нравлюсь ли я тебе так, как *ты* нравишься мне?

— Не понимаю, ты о чем?

Скарлетт вздыхает и надувает щеки.

— Неважно, — говорит она. — Мне просто охрененно скучно. Просто охрененно скучно.

— Почему бы тебе не вернуться в колледж?

— Ни за что, — отвечает она.

— Но почему? Я видела твои работы. У тебя явный талант. Что случилось? Почему ты бросила учебу?

Скарлетт вздыхает, на миг опускает голову и поднимает ее снова.

— Да так.

С другой стороны деревни доносится громыхание автобуса. Обе поворачивают голову.

— Я поеду с тобой, — говорит Скарлетт, вставая на ноги. — Составлю тебе компанию.

Таллула снова бросает взгляд на свой дом. Ее не оставляет сильное чувство, будто за ней наблюдают.

* * *

В автобусе они занимают заднее сиденье. Скарлетт прижимается к сидящей у окна Таллуле. Она без умолку тараторит, чересчур активно, комментирует пейзаж, запах в автобусе (вонь чьих-то грязных ног), то, как ей нравятся кроссовки Таллулы «New Look» (они стоили всего 19,99 фунта стерлингов), жалуется, как ей скучно, как она скучает по брату, как ненавидит свою мать, как ей хотелось бы иметь большую грудь, крупные зубы, покрупней нос, что она хотела бы жить в Лондоне, что она ненавидит свой голос, что хочет посвятить себя искусству, что она хочет щенка, хочет воскресное жаркое с разными гарнирами. И Таллула кивает, улыбается и думает: *зачем ты мне все это рассказываешь? Почему ты так близко сидишь?*

Когда они пересекают развязку и почти подъезжают к городу, Скарлетт наконец умолкает и поворачивается и смотрит в окно на другой стороне автобуса. Прежде чем что-то сказать, Таллула выжидает несколько секунд. Скарлетт похожа на кошку, которая сначала позволяет пощекотать себе живот, а потом внезапно царапает и убегает.

Она осторожно касается ее руки и спрашивает:

— Все в порядке?

Скарлетт пожимает плечами, и Таллула замечает в ее глазах слезы.

— Все о'кей, — говорит она слегка надтреснутым голосом. — Просто типичная охрененно богатая телка второго уровня переживает глупый кризис. Не обращай внимания. Так будет лучше всего.

— Что случилось с твоим парнем? — спрашивает Таллула. Вдруг у Скарлетт разбито сердце? — Тем, что из Мейпола?

Скарлетт качает головой.

— Мы расстались, — сказала она. — Незадолго до Рождества.

— Ой. Извини.

— Не надо извиняться. Все нормально. Я порвала с ним сама. Это тянулось слишком долго. Я его не любила. Но, знаешь, во многих отношениях он сделал меня счастливой. Он оберегал меня. А теперь осталась только я. Если честно, это похоже на автокатастрофу. Я немного страдаю СДВГ, поэтому мне нужен рядом кто-то спокойный. Тот, кто вовремя напомнит мне, как себя вести. Лиам хорошо умел это делать, — вздыхает она. — Мне его недостает.

— Может, вам стоит снова сойтись?

Скарлетт качает головой.

— Нет. Я поступила правильно. Я освободила его. — Она пару секунд молчит. — А ты?

Таллула вопросительно смотрит на нее.

— У тебя есть парень?

— А, — говорит она, — да. Вроде как. Мы расстались год назад, но теперь снова сошлись. Сразу после Нового года.

— И что заставило тебя вернуться к нему?

Таллула начинает было говорить, но останавливается. Слова про ее сына, ее материнство, ее настоящую жизнь вертятся на кончике языка, ожидая, когда их произнесут. Но она никак не может решиться

это сделать. Ведь стоит ей их произнести, она станет Таллулой-мамой, а не Таллулой из автобуса.

— Я не знаю, — отвечает она, помолчав. — Я начинаю думать, что, возможно, это была ошибка.

Скарлетт приподнимает бровь.

— Вот дерьмо.

— Да. Я знаю. Он изменился с тех пор, как мы в последний раз были вместе. У него вошло в привычку... — она прокручивает в уме несколько слов, прежде чем находит подходящее, — ...контролировать меня.

Скарлетт громко втягивает воздух и качает головой.

— Черт возьми, — говорит она. — Только не это. Нет, нет, нет. Мужчины, контролирующие каждый шаг женщины. Хуже их никого нет. Тебе нужно порвать с ним. И чем скорее, тем лучше.

Таллула поворачивается к окну, не говоря того, что ей следует сказать, что все не так просто, что он живет с ней, что у них есть общий ребенок.

— Да, — шепчет она. — Ты права.

* * *

— Кто была эта девушка? На автобусной остановке сегодня утром?

Зак лежит на их двуспальной кровати в своей рабочей одежде. По идее, он должен быть на работе, и, увидев его, она от неожиданности вздрагивает.

— Боже, Зак. — Она прикладывает руку к сердцу. — Что ты здесь делаешь?

— У меня разболелась голова, — говорит он. — Отпросился пораньше.

Она щурится на него.

— Не проще ли было принять таблетку?

— У меня с собой их не было. — Он садится и обнимает колени. — Это была та самая девушка? — спрашивает он. — Та, что на фото в твоём телефоне. С рождественской вечеринки?

— Да. Она живет недалеко отсюда.

— Мне казалось, ты сказала, что она бросила колледж.

Она моргает. Как он вспомнил, что она ему это говорила?

— Да, — говорит она. — Она бросила учебу. Она просто ехала в город.

Он кивает.

— Она тебя лапала.

Таллула пожимает плечами.

— Кажется странным, — продолжает он. — Девушка, которую ты почти не знаешь, но у тебя на телефоне есть селфи с ней, а затем она прижимается к тебе на автобусной остановке, как будто она твоя лучшая подруга.

— Просто она такой человек, — говорит Таллула, расстегивая рюкзак и вынимая папку с заданиями. Ной дремлет в комнате матери, и она надеялась использовать этот тихий час, чтобы сделать домашнюю работу. — Чересчур эмоциональная, понимаешь?

— Где же тогда она живет? Эта эмоциональная девушка?

— Понятия не имею, — отвечает она. Последний слог застревает в ее горле. — Где-то неподалеку. Это все, что я знаю.

Он кивает и медленно поднимается с кровати. Делает пару шагов к ней и выпрямляется во весь рост. Глядя ей в глаза, он приподнимает ее подбородок, поворачивая к себе ее лицо. Его взгляд буквально прожигает ее.

— Ты другая, — говорит он.

Она убирает его руку и отворачивается.

— Неправда.

Он с силой тянет ее за руку.

— Не уходи от меня. Я пытаюсь с тобой поговорить.

От силы его слов она слегка откидывает голову.

— Мне нужно делать домашнее задание. У меня нет времени на это.

— На это? — переспрашивает он. — Ты имеешь в виду нас? У тебя нет времени на нас?

— Нет, — говорит она, чувствуя, как колотится ее сердце, — у меня нет на нас времени. У меня есть время только для Ноя. У меня есть время на колледж. Вот и все. У меня нет времени на нас. Ты прав.

Воцаряется гробовое молчание. Зак переминается с ноги на ногу.

— Что ты хочешь сказать, Лула?

— Ничего. Я не пытаюсь ничего сказать. Ты сказал, что у меня нет времени на нас, и я согласна с тобой. У меня нет времени. Его никогда нет.

— Но... если бы ты действительно хотела, чтобы это сработало, ты бы нашла время. Так в чем же дело? Ты хочешь, чтобы это сработало? Или нет? Потому что у меня есть работа, Лула. Вообще-то я работаю, зарабатываю деньги, приношу их в семью. Каждый день. И я помогаю с Ноем, двадцать четыре часа в сутки семь дней в неделю. И как ни странно, у меня есть время еще и для тебя. Для нас. Так почему же у тебя нет?

— Не знаю, — отвечает она. — Я не знаю.

Секунда молчания, затем Зак вздыхает и притягивает ее к себе, притягивает с такой силой, что она чувствует, как ее грудная клетка сплющивается под давлением, ее легкие сжимаются, а дыхание застревает на полпути к горлу.

Полиция снова оцепила лес. Вид пластиковой ленты, развевающейся на ветру в конце лета, возвращает Ким в прошлое, в подернутый туманной дымкой знойный июньский полдень прошлого года. Она вновь чувствует тяжесть Ноя на руках, бегущий по спине пот, словно наяву видит слепящее белое сияние дома Жаков в Апли-Фолд, кобальтово-синий плавательный бассейн, пустые глаза Мэгс и Саймона, ощущает прокисший запах розового вина из их ртов, слышит нетерпеливое сопенье собак-ищеек, когда они устремились в темноту леса. При мысли обо всем этом она ежится, но тут же выпрямляется и улыбается, когда видит, что из машины без опознавательных знаков вылезает инспектор Дом Маккой.

— Привет, — говорит она.

— Рад видеть вас, Ким, — отвечает он. — Это снова мы.

Она закатывает глаза и говорит:

— Это да.

Он ведет ее к месту подальше от машин, в тень большого дерева.

— Знак исчез. Я с мисс Бек сегодня утром пошел посмотреть его, и он уже был снят. Гвоздь все еще вбит в забор, но сам знак исчез. Правда, к счастью, мисс Бек сообразила сфотографировать его, так что у нас есть снимок и мы можем отправить его на экспертизу. Говорят, она пишет детективные романы, так что, думаю, ее ум работает соответствующим образом.

Ким вопросительно приподнимает бровь.

— Неужели?

— Да. Я знаю. Она не похожа на привычный типаж — совсем не скажешь, что это Агата Кристи, не так ли?

— Верно, не скажешь, — Ким улыбается.

— Как бы то ни было, мы отправили фото на экспертизу почерка и так далее. Но мне определенно кажется, что кто-то активно пытается сделать так, чтобы мы возобновили расследование. Кто-то, кто знал, что приезжает новый директор. Кто-то, кто хотел, чтобы обручальное кольцо было найдено. Кто-то, кому хочется играть с нами в игры.

— Но зачем кому-то это нужно?

Дом вздыхает.

— Ким, людям хочется делать самые разные вещи. Если бы не люди, которые делают то, чего мы с вами никогда бы не сделали, я бы сидел без работы. Моя теория в данный момент заключается в том, что это сделал тот, кто все это время что-то знал, оставаясь в тени. Кто-то, кому известно, что случилось с Таллулой и Заком. Но по какой-то причине молчание ему надоело. Ему стало скучно, что никто не пойман.

Когда он произносит слово «пойман», Ким вздрагивает. «Пойман» предполагает, что кто-то сделал с ее ребенком что-то нехорошее. Говорит о том, что ее ребенок мертв. И ни разу, ни разу почти за пятнадцать месяцев, прошедших с тех пор, как она видела, как ее дочь в обрезанных джинсовых шортах и топике вышла из дома, когда с неуверенной улыбкой на лице она на прощание поцеловала своего маленького сына и шагнула навстречу мягкому теплу солнечной летней ночи, Ким ни разу даже в голову не приходило, что такая возможность окажется чем-то иным, нежели обрывком дурного сна, который легко прогнать силой собственных мыслей.

— К сожалению, система видеонаблюдения школы охватывает не всю территорию. А только ту, что прилегает к жилым корпусам. У мисс Бек и мистера Грея камеры видеонаблюдения установлены на фасаде их коттеджа, но сзади их нет. Сейчас мы просматриваем отснятый материал, и если только мы не найдем кадры, на которых кто-то нахально шагает по кампусу с картонной вывеской, гвоздем и молотком, это будет сродни поискам иголки в стоге сена. Но, — он пожимает плечами и с надеждой улыбается, — не будем зарекаться.

Ким на миг закрывает глаза и заставляет себя улыбнуться.

— Вы в порядке?

— Нет, — говорит она. — Меня тошнит.

— Я не удивлен, — говорит Дом. Он протягивает руку и касается ее руки. — Но, возможно, это он, Ким, — говорит он. — Возможно, это поворотный момент. Крошечная искорка надежды.

— Да, — говорит она. — Может быть.

Вернувшись домой, она звонит Райану и рассказывает ему о действиях полиции в лесу. Сейчас обеденное время, но она не голодна. Она запускает руку в пакет с любимыми хлопьями Ноя и ест их с

ладони, как пони, поедающий кубики сахара. Она смотрит на время. Ноя пора будет забирать из сада через три часа. Дом сказал ей, что он сообщит ей новости ранним вечером. Ее следующая смена в пабе «Лебедь и утки» только завтра. Она обрадовалась, когда на прошлой неделе увидела в своем графике перерыв между сменами, и с нетерпением ждала свободного вечера, но теперь она предпочла бы быть на работе, не думая о болезненных событиях, разворачивающихся за пределами школьной территории.

Она открывает ноутбук и в очередной раз вводит в поисковую строку имя «Скарлетт Жак». И в очередной раз Интернет ей ничего не показывает. Удаленный аккаунт в Инстаграме. Удаленная страница в Фейсбуке. Удаленная страница в Твиттере.

Она набирает имя «Джосс Жак» — вообще по нулям. Она, хоть убей, не может вспомнить имя брата Скарлетт, красивого парня, который почти год назад с пивом в руке открыл ей дверь.

Как весь прошлый год, она пытается позвонить Мими по номеру, который остался на ее телефоне после их разговора, когда Таллула и Зак исчезли. И каждый раз — никакого ответа. Она вздыхает и проводит рукой по волосам. Ключевые игроки, все люди, которые были там той ночью, люди, которые могли знать, что произошло, исчезли. Единственные, кто остался, — это симпатичный парень Лиам, бывший бойфренд Скарлетт, и Лекси Маллиган, которая надолго уезжает из деревни.

Теперь Ким думает, что это не может быть совпадением. Не может быть совпадением то, что все они уехали, покинули дом, платформы социальных сетей, место в колледже, друзей. А теперь вот это: умышленное предъявление миру пропавшего ранее кольца, кто-то намеренно заново запустил двигатели расследования. Но почему? Почему сейчас? И кто?

И когда она думает об этом, она вновь вспоминает милого парня по имени Лиам, большого, похожего на медведя, с легким западным говорком. Она думает о том, почему он все еще здесь, хотя у него есть все причины уйти. Он по-прежнему в деревне, по-прежнему в Мейпол-Хаусе, где работает помощником учителя. Он наверняка знал, что приезжает новый директор. Ему наверняка известно про вход в лес позади директорского коттеджа. И он был там в ту ночь, когда исчезли

Зак и Таллула. Что, если это он нашел кольцо? Вдруг Зак уронил его, а Лиам нашел и по какой-то причине сохранил?

Или же?.. Нет. Вряд ли. Она качает головой. Такой милый парень. С какой стати ему причинять вред Заку или Таллуле? Никаких причин нет. Но вдруг он знает, кто это сделал, и возможно, он устал хранить чужой секрет?

Она включает телефон и набирает сообщение для Дома:

Вы должны снова поговорить с Лиамом Бейли.

Секунду спустя Дом отвечает:

Отличная идея.

Полицейские толпятся у входа в лес. Из окна кухни Софи видит полицейского в канареечном светоотражающем жилете. Он держит поводок бело-коричневого спрингер-спаниеля, на котором точно такой же жилет канареечного цвета. Услышав, как открылась и закрылась входная дверь, она оборачивается и кричит:

— Это ты?

Шон входит в кухню. Вид у него усталый и озабоченный.

— Черт возьми, Соф, — говорит он, снимая ремешок с бейджиком и кладя его на кухонный стол. — Какую кашу ты заварила?

— Это кольцо, — отвечает она. — Оно принадлежало пропавшему юноше. Ну, ты помнишь, та пара, о которой я тебе рассказывала, они пропали из деревни в прошлом году. Он купил в магазине в Мэнтоне кольцо и собирался той ночью сделать своей девушке предложение. А потом они исчезли, а с ними и кольцо, и вот теперь... — Софи выпаливает это на одном дыхании. По какой-то странной причине она чувствует себя виноватой.

— Кто-то хотел, чтобы мы его нашли?

Она моргает, удивленная, что он так быстро догадался.

— Да, — говорит она. — По крайней мере, так это выглядит.

Шон открывает холодильник, достает упаковку ветчины и начинает делать себе сэндвич.

— Хочешь? — предлагает он.

— Нет, — отвечает она. — Я съем что-нибудь попозже. Когда уйдет полиция.

— Боже мой, полиция, — говорит он, — только ее мне здесь не хватило. Новая работа, новый учебный год, гребаные мертвые подростки в лесу, — вздыхает он.

У нее перехватывает дыхание.

— Ты думаешь, они найдут тела?

— Нет. Я сомневаюсь. Похоже, они дважды тщательно прочесали лес год назад, когда эти подростки только исчезли. Но даже если они

ничего не найдут, пресса сразу же ухватится за это, не так ли? А я буду курировать медиацирк. — Он снова вздыхает.

— Ты злишься на меня? — спрашивает она его.

— Нет, я на тебя не злюсь. Но мне интересно, почему ты не рассказала мне про кольцо. Почему ты не сказала мне, что нашла его? Почему не сказала, что собиралась отнести его той женщине, матери?

Он намазывает маслом толстый ломоть белого хлеба. Ей видно, как мускулы его лица напрягаются под кожей, костяшки его пальцев — белые, ярко выраженные. Она вспоминает загорелого мужчину в футболке и шортах, с которым она провела последние несколько летних недель в Лондоне, улыбчивого человека, который не мог поверить в свою удачу. И куда только он исчез всего через неделю этой новой жизни?

— Наверное, я думала, что у тебя есть более важные дела, — говорит она. — Наверное, мне было скучно и я подумала, что было бы интересно разобраться в этой загадке. Просто все зашло чуть дальше, чем я думала. Извини, что это все свалилось на тебя, правда. Надеюсь, вскоре все устаканится.

— Гм, — говорит он, закрывая крышку масленки и ставя ее обратно в холодильник. — Это вряд ли. Они только что попросили разрешения поговорить с одним из сотрудников.

Сердце Софи ёкает.

— С которым? Я имею в виду, с кем именно?

— С Лиамом Бейли. — говорит он. — Он здешний помощник учителя. Кажется, вы с ним встречались на ужине в день регистрации? Судя по всему, он был там в ту ночь, когда исчезла эта парочка.

Он сооружает сэндвич и разрезает его пополам.

— Так что да. Я подозреваю, что это может продлиться какое-то время.

— Но если они узнают, что случилось с теми подростками, то это того стоит, так ведь?

Шон откусывает от сэндвича и прислоняется к кухонному столу. Он стоит, скрестив ноги в щиколотках, пристально глядя на пол у своих ног. Она наблюдает, как он вытирает с уголка рта крошку масла, слышит, как его зубы пережевывают пищу.

— Еще раз извини, — говорит она.

Он отрывает глаза от пола, встречается с ней взглядом, и его лицо расслабляется. Он улыбается ей.

— Не надо извиняться, — говорит он. — Это не твоя вина. И ты права. Если выяснится, что случилось с пропавшими подростками, значит, ты сделала хорошее дело. Просто ты зря мне сразу не сказала, вот и все. Или ты забыла, что теперь мы одна команда? Ты и я. Мы работаем вместе. Ведь так?

Она улыбается, удовлетворенная, что его настроение смягчилось.

— Да, — говорит она. — Я это помню. И я люблю тебя.

Он смотрит на нее и, выдержав крошечную паузу, говорит:

— Я тоже тебя люблю.

— Сообщи мне, — говорит она, когда он ставит тарелку в посудомоечную машину и забирает ремешок, — что там с этим помощником учителя. С Лиамом. Хорошо?

После обеда Софи бродит по кампусу, пытаясь уловить ход текущих событий. Менеджер школьной территории и Керрианна Маллиган наблюдают за поисками в лесу. Заметив эту бурную деятельность, учащиеся в перерывах между уроками замедляют шаг. Она чувствует, как бешено бьется ее пульс, как драма происходящего катится по территории школы. Она вспоминает свою руку на шероховатой деревянной рукоятке садового совка из оранжереи Жаков, скребущие землю пальцы, чувство страха, что она может найти что-то жуткое. Она вспоминает, как одинока была в те минуты, насколько крошечным был этот момент в схеме ее жизни и как странно, что этот крошечный, одинокий момент неким образом превратился вот в это: детективы, собаки, потенциальный цирк с участием газетчиков и телевидения.

Около трех часов Софи чувствует, что наконец-то проголодалась. Она решает, что ей не нравится вид здоровых продуктов в их холодильнике, и направляется к торговому автомату возле школьной столовой. Найдя на дне кошелька несколько монет, она вставляет их в прорезь и нажимает кнопки, которые соответствуют чипсам с солью и уксусом и батончику «Дейри милк» — это единственное, что не вызывает у нее отвращения, — берет их и идет к аркадам позади главного здания. Здесь она садится на ту же скамейку, на которой сидела вечером в день регистрации.

Из-за облака внезапно появляется солнце, и она закрывает глаза от его лучей. Когда же она их открывает, перед ней стоит Лиам. Она вздрагивает.

— Извините, — говорит он. — Я думал, вы видели, что я иду.

Она улыбается, чтобы скрыть смущение. Как же глупо быть замеченной, когда сидишь с закрытыми глазами.

— Нет-нет, все в порядке. Как ваши дела?

Он пожимает плечами.

— Выжат как лимон. Меня только что битый час мурыжили копы. Они почему-то считают, что я имею к найденному кольцу какое-то отношение. — Он озадаченно качает головой.

Софи отодвигается чуть в сторону и жестом приглашает его сесть. Лиам смотрит на окна колледжа, затем снова на нее.

— Я должен вернуться в класс, правда, я уже пропустил целый урок.

— Всего одна минутка. О чем они вас спрашивали? — интересуется она.

— Снова про ту ночь, когда пропали эти двое. Кто был там. Во сколько я уехал. Что я увидел. Чего я не видел. Те же вопросы, на которые я отвечал сто раз после того, как это случилось. Они показали мне кольцо, спросили, видел ли я его раньше. Я сказал им, что вы показывали мне его фото.

Софи вздрагивает.

— Вы им это сказали?

— Да. То есть я лишь хотел ответить на все их вопросы на сто процентов правдиво, и когда они спросили: «Вы когда-нибудь раньше видели это кольцо?», я был вынужден сказать им, что да, видел. Но думаю, в этом нет ничего страшного, вряд ли они сделали какие-то выводы. Во всяком случае, я надеюсь, что это так. Что они не вернуться, чтобы вновь мучить меня своими вопросами, потому что уверяю вас, они лишь зря потратят время. — Он надувает щеки, а затем выдыхает. — Ладно, — добавляет он, — меня ждут дела. Приятного аппетита, — говорит он, глядя на ее чипсы и шоколадный батончик.

— Лиам, — быстро говорит она. — Прежде, чем вы уйдете. Эти Жаки. Вам не приходило в голову, что это могли быть они? Что они неким образом причастны к исчезновению этой пары?

— Конечно, приходило, — отвечает он. — Это единственная теория, которая имеет хотя бы какой-то смысл.

— Но зачем им нужно было это делать? И как им это сошло с рук? А кольцо? Что насчет кольца? Кто его туда положил? И почему?

Он медленно качает головой.

— Я должен идти, — говорит он. — Но, может, мы встретимся в другой раз?

— Да, — говорит она, — да. Пожалуйста.

Он кивает, улыбается ей и уходит. Но затем оборачивается и говорит:

— Забыл сказать! Я заказал ваши книги, целую серию. Они прибыли этим утром. Я тотчас же начал читать первую.

— Это так мило с вашей стороны. Но я вам их не навязываю.

— Знаю, — говорит он. — Просто мне захотелось.

К тому времени, когда Шон в восемь часов вечера возвращается с работы, полиция уже уехала и жизнь в школе возвращалась в обычное русло.

Солнце уже село, и летний день мгновенно превращается в осенний. Софи стоит на коленях в запасной спальне, распаковывая наконец коробки — своего рода молчаливое извинение перед Шоном за то, что она внесла в его первые несколько дней на новой работе дополнительный стресс.

Его дети приезжают на выходные, и ей хочется, чтобы эта комната выглядела для них домом. Шон зовет ее, а она кричит ему в ответ:

— Я в детской! Спустишь через минуту.

Но она слышит его шаги... он поднимается по лестнице, и вот он уже в комнате. Он видит, что она застелила кровати свежими простынями, теми самыми, что украшали их кровати в его запасной спальне в Льюишеме. Он видит, что она повесила на стену картины, сложила на кроватях полотенца, включила в розетки прикроватные лампы, бросила на пол коврики из овчины. При виде ее трудов он смягчается.

— О боже, Соф, большое тебе спасибо. Это висело на мне тяжким грузом. Я собирался это сделать... Я собирался... не знаю. Не знаю, когда я это сделал бы. Я так тебе благодарен. Тебе не нужно было этим заниматься.

— Ничего страшного, — говорит она. — Я сейчас хватаюсь за все и никак не могу приступить к работе. Поэтому хорошо, когда есть что-то бессмысленное, чем можно заняться.

Она поднимается на ноги и оглядывает комнату. Та выглядит симпатично.

— Пойдем в паб? — говорит он, притягивая ее к себе. — Поужинаем?

Она вспоминает чипсы и шоколад, которые ела днем, и понимает, что не отказалась бы от хорошей еды и бокала вина, подальше от этого места, только она и Шон.

— Одну минутку, — говорит она. — Я надену что-нибудь потеплее.

* * *

— Они все были здесь, — говорит она Шону, когда они садятся за столик в углу слева от бара. — Зак и Таллула. Они были здесь с учениками из Мейпол-Хауса. В конце концов все они оказались в доме девушки, недалеко от деревни. С ними был Лиам Бейли. И дочь Керрианны.

Шон кивает.

— Я начинаю видеть полную картину. Все это довольно тревожно.

— Ты говорил об этом с Питером Дуди?

— Да, я звонил ему раньше, когда здесь была полиция. Но он лишь отмахнулся, Мол, все это полная ерунда. Это явно не та тема, которую он хотел бы обсуждать.

— Но он работал в школе? На тот момент? Он знал о существовании связи?

— Да, он был непосредственным участником тех событий. Отвечал за связь с прессой, за имидж школы, как мог успокаивал родителей. Хотя, по большому счету, случившееся не имеет никакого отношения к школе, нашим учащимся или их семьям. К моменту исчезновения пары участники тех событий уже окончили школу, а Лиам и Лекси вернулись домой тем же вечером, еще до того, как что-то случилось. Официально лес не является школьной территорией, и, по

мнению Питера, случившееся не имеет к нам никакого отношения. И он хотел бы, чтобы так оставалось и дальше.

— А как насчет предыдущего директора, Хасинты, или как ее там? Она ведь была здесь, когда все это произошло?

— Да, причем в самой гуще событий. По общему мнению, это был сущий кошмар.

Затем появляется официант. Это тот самый парень, который был за стойкой вместе с Ким, когда Софи в начале недели зашла в паб выпить кофе. Он улыбается ослепительной улыбкой и говорит:

— Привет, ребята! Как ваши дела?

Софи отвечает на его улыбку.

— Замечательно, спасибо. А как у вас?

— Валюсь с ног, — отвечает он. — Устал как собака. — Он закатывает глаза. — Вы уже успели заглянуть в меню?

— Нет, — виновато отвечают они.

— Можно заказать вина? — спрашивает Шон.

— Нет проблем. Кто бы вас за это упрекнул? Ну и денек был сегодня! Полиция на каждом шагу. Опять.

— Правда? — говорит Софи. — Здесь была полиция?

— Да. Ну, вы знаете, те двое подростков, что пропали из деревни прошлым летом. Похоже, это все заново разгребают. С положительной стороны, крутой детектив вернулся. — Он вновь сверкает белыми зубами. — Извините. Вы говорите, вино?

Они заказывают вино и ждут, когда официант вернется за барную стойку. Шон смотрит на Софи и говорит:

— Ну вот, воистину кот среди голубей. Что бы сделали Тайгер и Сюзи?

Она улыбается шутке Шона и пожимает плечами, но про себя размышляет. Она знает, что сделали бы Тайгер и Сюзи. Они поговорили бы с женщиной, которая руководила школой, когда исчезли Зак и Таллула.

Они поговорили бы с Хасинтой Крофт.

Позже тем же вечером Скарлетт пишет Таллуле. Телефон щебечет в ее руке, когда она сидит рядом с Заком на диване, и она чувствует, как его взгляд скользит к экрану ее телефона. Видя имя Скарлетт, она спешит его выключить.

— Кто это был?

— Никто, — говорит она. — Просто Хлоя.

— Что ей нужно?

— Не знаю. Наверное, просто хочет перемыть кому-то косточки.

Она чувствует, как он ошестинивается вопросами, которые хочет задать, но здесь ее мать, а Зак всегда белый и пушистый, когда ее мать рядом.

Она вынуждена ждать двадцать минут, когда Зак выйдет из комнаты, прежде чем ей удастся проверить сообщение. Она кладет телефон на диван и включает его там, чтобы можно было легко убрать его из виду, если Зак вернется.

Привет, Т из А! Можешь прийти в пятницу после колледжа? Моя мать уехала на ночь. Может, останешься у меня ночевать?

Таллула выключает телефон. Сердце бешено стучит под ребрами. Скарлетт считает, что она — обычная восемнадцатилетняя девушка, из числа тех, кто может прийти и уйти, когда им угодно, у кого нет никаких обязательств. А потом Таллула думает об этой другой версии себя. О той, у которой нет никаких обязательств, и она представляет, что думает та, другая, Таллула: завтра мне в колледж не нужно, я могла бы поехать к Скарлетт, мы могли бы немного выпить, посидеть допоздна и на следующее утро с похмелья есть хлопья в ее большой сверкающей кухне. Внезапно ей больше всего на свете хочется жизни этой другой Таллулы. Она поворачивает голову к двери, ведущей в гостиную, проверяя, нет ли Зака, но его не видно, и она торопливо включает экран телефона:

Может быть. Да. Я постараюсь.

Остаток недели Таллула придумывает рассказ про Хлою, которую, как сообщает она матери, третирует группа ребят из колледжа. Хлоя не

может рассказать об этом своей матери, что происходит, потому что мать Хлои, если пожалуется, только усугубит ситуацию. Хлоя склонна к самоубийству. Хлоя говорила о том, что может вскрыть себе вены.

Мать говорит, что ей действительно стоит рассказать кому-нибудь, возможно, кому-нибудь в колледже. Таллула же отвечает, что нет, Хлоя точно не хотела бы, чтобы она рассказала администрации колледжа, она вообще не хочет, чтобы кто бы то ни было говорил с администрацией.

А затем, примерно в четыре часа дня в пятницу, Таллула сообщает матери, что ей только что позвонила Хлоя, сказала, что у нее кризис и что Таллула ей нужна и она просит ее прийти к ней домой.

— Сможешь, пока Зак не вернется с работы, — спрашивает она мать, — присмотреть за Ноем? Не возражаешь?

Мать энергично кивает.

— Конечно... да, конечно. Только, пожалуйста, оставайся на связи. Дай мне знать, если я тебе вдруг понадобится. Пожалуйста, позвони мне, если тебе покажется, что она готова наделать глупостей.

Она касается щеки Таллулы и говорит:

— Ты такая добрая, такая хорошая подруга. Я так горжусь тобой.

Таллуле так стыдно, что ее почти тошнит. Чтобы не выдать обман, она спешит уйти, даже не попрощавшись с Ноем. По пути из деревни она проходит мимо дома Хлои и ненадолго останавливается на тот случай, если кто-то за ней наблюдает, чтобы потом этот человек мог сказать:

— Да-да, я видела Таллулу возле дома Хлои. — В карманах ее куртки — запасная пара трусов, зубная щетка и ее дебетовая карта.

Постояв там пару минут, она едет на велосипеде дальше. Примерно через час Зак будет в автобусе, возвращаясь этой дорогой домой с работы, поэтому она не снимает капюшон и держится в тени и на тротуарах, где те сворачивают с обочины дороги между рядами деревьев. Она со вздохом облегчения сворачивает с главной дороги и едет к воротам «Темного места», где отправляет Скарлетт эсэмеску.

Я здесь, печатает она. Я снаружи.

— Ты сегодня хорошенькая, — говорит Скарлетт, катя ее велосипед, который спрячет за гаражом.

— Ой... нет, — отвечает Таллула. — Ни капельки не хорошенькая. Я буквально напрямиком приехала сюда и даже не посмотрела в зеркало.

— А у меня два зорких глаза, и они оба видят, что ты хорошенькая.

Таллула улыбается и следует за Скарлетт в дом.

Тоби встречает их в холле и увязывается следом за ними в гостиную рядом с огромной кухней.

— Как прошел день в колледже? — спрашивает Скарлетт.

— Я не была там сегодня. Я езжу туда только три раза в неделю.

— Понятно, — говорит Скарлетт. — А почему?

— Такое расписание, — отвечает Таллула. Она умалчивает о том, что тесно сотрудничала с куратором курса, чтобы составить расписание, которое учитывало бы ее роль матери маленького ребенка.

— Значит, все остальное время ты учишься дома?

— Да.

— Это круто, — отвечает Скарлетт. — У тебя есть своя комната?

— Есть, — говорит Таллула. В принципе, это не ложь. Это и вправду ее собственная комната. Просто она делит ее со своим парнем и восьмимесячным ребенком.

— А как выглядит твой дом?

— Он... как бы тебе сказать. Дом как дом. Ну, ты понимаешь. Дверь, несколько окон, лестница, несколько комнат. Не то что... — Она взмахом руки указывает на необычную стеклянную конструкцию, внутри которой они сидят.

— Поняла, не то, что здесь.

— А каким был твой старый дом? Тот, что на Гернси?

— На Гернси? Тоже довольно внушительный. Стоял прямо на краю утеса. С видом на море. Мы все еще владеем им.

— Вот это да! — восклицает Таллула и медленно качает головой, с трудом представляя, как можно владеть не одним, а двумя такими невероятными домами.

— И еще у моего отца есть квартира в Блумсбери.

— У него есть квартира в Лондоне?

— Да. Пентхаус с видом на Британский музей. Это действительно круто.

Таллула снова качает головой.

— Каково это, быть таким богатым? — спрашивает она.

Скарлетт улыбается и поднимается на ноги.

— Полагаю, это приятно. Но, знаешь, было бы неплохо иметь отца, который хочет жить с вами. Мать, которая тебя любит, и брата, у которого всегда найдется для тебя свободная минутка. Было бы неплохо просто быть нормальной семьей. Вроде той, что в сериале «У телика». Ты понимаешь. — Она указывает на бар с напитками позади себя и говорит: — Ром? Или еще рано?

Таллула смотрит на огромные часы, висящие на стене рядом с ней. Сейчас пять часов. Зак заканчивает работу. Примерно через сорок пять минут он придет домой, и ее мать объяснит ему, где сейчас Таллула, и он наверняка попытается ей позвонить. Ей придется проигнорировать его звонок, а затем отправить ему текстовым сообщением какую-нибудь ложь. Не хотелось бы в тот момент быть пьяной. Ей нужно сохранять ясную голову.

— Давай лучше в шесть часов, — говорит она.

Скарлетт улыбается.

— Ты благотворно на меня влияешь, — говорит она, отворачиваясь от бара. — У меня было чувство, что так и будет. Чашку чая?

— От чая не откажусь.

Небо начинает темнеть. Таллула видит, как над верхушками деревьев позади дома расползаются сумерки, и чувствует, что ночь резко сужает ей возможности.

— Ты останешься на ночь? — спрашивает Скарлетт, словно читая ее мысли.

— Пока не знаю. Может быть.

— Может быть? — поддразнивает Скарлетт.

— Да, может быть.

Таллула улыбается и понимает, что делает нечто такое, чего ни разу в жизни не делала. Она флиртует. На миг ей это становится удивительно. Она смотрит на очертания тела Скарлетт, его угловатость, длинную полоску белого запястья, торчащую из-под загнутой манжеты ее потрепанной толстовки, на ее кожу, натянутую на

голые, без капли жира, хрящи и кости. Она смотрит на катышки на спортивных носках Скарлетт, на собачью шерсть, налипшую на колени ее джоггеров. Она смотрит на ее волосы, наполовину свисающие из-под резинки для волос.

Она смотрит на большое пятно на ее линии подбородка и отмечает, что ее губы выглядят сухими и ей нужно нанести на них немного бальзама. Она смотрит на девушку, которая слишком худа и неряшлива, которая, возможно, не принимала душ сегодня утром, а может, даже на этой неделе. Она видит девушку, которая пьет ром, когда она одна. Которая обрывает дружбу, когда эта дружба ей надоедает, и отталкивает парней, когда они становятся слишком хороши для нее. Она видит девушку, которая находится на грани забвения, возможно, ищет что-то такое, за что можно ухватиться, и неким образом знает, что это она сама.

— Что ж, — говорит Скарлетт, наливая в чайник воду из-под крана. — Тогда мне нужно подумать, каким образом убедить тебя.

— Где твоя мать?

— У нее свидание с отцом в Лондоне. У нее привычка нагрязнеть к нему без всякого предупреждения, стоит ей заподозрить, что он завел себе кого-то на стороне. Ну, ты понимаешь.

— Ты имеешь в виду другую женщину?

— Да. Типа того.

— А он?

— Завел ли роман с другой женщиной? — Скарлетт пожимает плечами. — Хрен его знает. Наверное. Он богатый и старый. Богатые старперы получают мегахаляву. — Она фыркает и ставит чайник обратно на подставку. — В любом случае мне плевать. Пусть что хотят, то и делают.

Они сидят со своими кружками чая. Скарлетт включает в акустической системе музыку, и они какое-то время болтают о своей жизни, своих родителях, своих планах. В какой-то момент становится совсем темно, и Таллула удивляется, когда ее телефон наконец звонит.

Она берет его, смотрит на экран, видит имя Зака, блокирует экран, переворачивает телефон.

— Кто это был?

— Никто, — отвечает она. Через несколько секунд телефон гудит снова. На этот раз она берет его и говорит: — Извини, боюсь, я должна

ответить.

В эсэмеске Зака говорится:

Хлоя не твоя проблема. Пусть позвонит «самаритянам». Ты нужна мне. Нужна Ною.

Прежде чем ответить, она пару секунд колеблется.

Буду здесь столько, сколько потребуется. Могу остаться на ночь. Пжлста, больше не пиши мне.

Ее телефон начинает звонить в тот момент, когда она снова блокирует экран. Она отклоняет звонок и переводит телефон в беззвучный режим. Адреналин несется по жилам с такой скоростью, что ей делается муторно. Она делает глубокий вдох, чтобы успокоить сердцебиение.

— Проблемы? — спрашивает Скарлетт.

— Нет, — отвечает она. — Ничего серьезного.

Она снова смотрит на огромные часы на стене. Они показывают без девяти минут шесть.

— Время рома? — говорит она и, приподняв бровь, смотрит на Скарлетт.

— Блин, точно, — говорит Скарлетт, вскакивая на ноги, и идет к бару. — Оно самое.

На следующий день Таллула просыпается в яично-желтом свете утреннего солнца, проникающего сквозь плотные кремовые занавески. Ее телефон говорит ей, что сейчас семь пятнадцать. На подушке слева от нее — нога Скарлетт. Мягкая белая кожа, ухоженные ногти, профессионально выкрашенные в черный цвет, вопреки образу крутой пацанки, которую она так старается изображать. Таллула смотрит на ногти на ногах Скарлетт и представляет ее в пафосном ногтевом салоне возле Мэнтонского вокзала, салоне с розовыми стенами и блестящими подушками. Уткнувшись в свой телефон, она сидит в кожаном кресле, вытянув ноги к девушке-вьетнамке в маске.

Таллула ни разу не делала ни маникюр, ни педикюр. Ей было бы слишком неловко.

Она заставляет себя сесть, и похмелье тотчас с силой дает о себе знать. Она проверяет сообщения на телефоне. Тринадцать от Зака. Она их даже не читает. Одно от матери, отправлено в два часа ночи.

Просто проверяю. Надеюсь, с Хлоей все в порядке. Зак сказал, что ты останешься у нее на ночь. У Ноя все хорошо, Люблю тебя, мама.

Она медленно вылезает из-под тяжелого пуха стеганого одеяла и, соскользнув с огромной кровати, ступает ногами на мягкую овечью шкуру. Голова Скарлетт спрятана под нижним краем пухового одеяла. Таллуле виден лишь небольшой пучок голубых волос. Мозг Таллулы взрывается воспоминаниями: ее пальцы в этой голубой копне волос, ее губы на этих губах, рука Скарлетт...

Она энергично трясет головой.

Нет, думает она. Нет, нет, нет. Этого не произошло.

Ее разум играет с ней злую шутку.

Она снова смотрит на Скарлетт, на ее перевернутую фигуру под одеялом. Почему она лежит ногами на подушке?

Потом она вспоминает, как вчера вечером оттолкнула руку Скарлетт, оторвалась от ее губ, убрала руку с волос и сказала:

— Нет, я не такая.

Скарлетт отстранилась и пристально посмотрела ей в глаза.

— Тогда кто ты, черт возьми, Таллула из автобуса? — спросила она.

И Таллула покачала головой и сказала:

— Я — всего лишь я.

Скарлетт приложила палец к тонким губам, провела им там, где только что их коснулись губы Таллулы, вздохнула и сказала:

— А, ну ладно. Все понятно. Время решает все.

Таллула не поняла, что она имела в виду. Но она точно знала, что попросила Скарлетт вызвать ей такси, что она хотела поехать домой, на что Скарлетт ответила:

— Не глупи, сейчас два часа ночи, останься. — И, положив руку на сердце, добавила: — Мы будем спать валетом. Договорились?

Теперь Таллула вздыхает и, взяв джинсы и телефон, на цыпочках выходит из комнаты.

В ванной, отделанной белым мрамором, она пишет матери:

Только проснулась. Все хорошо. Я буду дома через полчаса. Как Ной?

Ее мать немедленно отвечает:

Все в порядке. Он только что позавтракал. Не спеши. Оставайся столько, сколько тебе нужно. Возвращайся, когда будешь готова!

Она отвечает тремя смайликами в виде сердечек, а затем с тяжелым сердцем открывает сообщения Зака:

Что за фигня.

У тебя нет времени для меня, но у тебя есть время для нее?

Ной плачет и зовет тебя.

Называешь себя матерью?

Что ты себе позволяешь!

Блин, живо иди домой, я серьезно.

В какие игры ты, мать твою, играешь?

Ты гребаная сука, Таллула, ты гребаная сука...

Между эсэмесками — короткие записи голоса плача Ноя. За плачем сына слышны другие звуки, это Зак его шепотом успокаивает: *Все хорошо, малыш, все хорошо. Мама с кем-то, кого она любит больше тебя, но ты не переживай, малыш, папа всегда с тобой, папа любит тебя, никогда этого не забывай...*

Услышав за дверью скрип паркета, она поднимает взгляд и быстро блокирует телефон.

— Лула?

— Да.

— Ты в порядке?

— Я в порядке. Просто в туалете.

— Мне показалось, что я слышала детский плач.

— Странно, — тихо говорит Таллула.

Мгновение тишины, а затем она снова слышит скрип половицы.

— Это да. Странно, — говорит Скарлетт.

Они завтракают вместе, как и представляла себе Таллула. Голые ноги, мешковатые футболки, размазанная косметика, тяжелое дыхание. Небо снаружи грязно-серое, грозящее разразиться снегом. В большом застекленном павильоне в задней части дома холодно. Видя, что Таллула дрожит, Скарлетт бросает ей покрывало из искусственного меха.

Здесь Скарлетт поцеловала ее накануне вечером. Прямо здесь. Таллула протягивает руку, чтобы коснуться кожного квадрата, на котором она сидела, когда Скарлетт скользнула к ней прошлой ночью, приложила руку к ее лицу и сказала: «Разве ты не знаешь, какая ты красивая?»

Она вспоминает дрожь энергии, пронзившей ее, когда она поняла, что происходит.

— Я не... — тихо прошептала она тогда, почти задыхаясь.

— Что не?

Она не ответила, не смогла. Она не знала, кто она такая. Точно она знала лишь одно: рядом со Скарлетт она чувствовала себя так, будто могла быть кем угодно, кем ей хотелось.

И вот теперь Скарлетт снисходительно улыбается ей.

— Господи, — говорит она. — Ты такая милашка.

Таллула улыбается.

— Ты такая странная, — говорит она, затем отбрасывает улыбку и добавляет: — Ты когда-нибудь... В смысле ты лесби?

— Ярлыки, — наигранным тоном говорит Скарлетт. — Скучные, идиотские ярлыки.

— В таком случае я первая девушка?..

— Да. Ты первая девушка. Ой! — внезапно восклицает Скарлетт, хватаясь за щеку. — Помимо всех остальных девушек.

— Правда?

— Да. Правда. Но ты первая девушка за долгое время. За долгое-долгое время.

Телефон Таллулы гудит. Она рассеянно смотрит на него. Очередное сообщение от Зака:

Какого хрена, Таллула?

Телефон гудит снова. На сей раз это фото. Фото Ноя. Лицо Зака прижато к нему и перекошено от злости.

На мгновение Таллуле становится страшно. Зак выглядит так, будто готов сделать Ною больно. Она встает и снова садится. Нет, думает она, нет. Зак никогда не сделает Ною больно. Никогда. Он просто использует Ноя, чтобы давить на нее.

— Все в порядке?

— Да. Я... просто... это мой парень.

— Он наезжает на тебя?

— Да. Немного.

— Не может смириться с тем, что у тебя может быть своя жизнь?

— Да, вроде того.

Скарлетт закатывает глаза.

— Мужчины, — говорит она. — Они такие ничтожества. — Она наклоняется к Таллуле и в упор смотрит на нее своими светло-серыми глазами. — Что бы ты ни делала, — говорит она, — не позволяй ему играть с тобой. Договорились? Стой на своем. Будь сильной.

Таллула кивает. Она уже решила, что поступит именно так.

— Если ты вернешься к нему сейчас, значит, он победил и в следующий раз ему будет намного легче контролировать тебя. Понятно?

Она снова кивает.

Скарлетт откидывается на спинку стула.

— Умница, — говорит она. — Умница.

И когда она произносит эти слова, Таллула чувствует, как внутри ее что-то пузырится. Что-то горячее, жидкое, сырое и красное, и это нечто устремляется из паха через ее сердце к конечностям. Она вскакивает на ноги, шагает к Скарлетт, садится ей на колени, обнимает ее талию голыми ногами и целует.

На следующее утро Софи звонит своему парикмахеру в Дептфорд и назначает встречу на следующий день.

— Сегодня я собираюсь в Лондон, — говорит она Шону, — хочу сделать прическу перед поездкой в Данию.

— Поездкой в Данию?

— Да. Я же говорила тебе. Помнишь? В следующий понедельник? Это только на одну ночь.

Он рассеянно кивает.

— Разве нельзя воспользоваться услугами парикмахера в деревне?

— Нет, — говорит она, — определенно нет. Кроме того, я бы хотела поехать в Лондон. Встретиться кое с кем за обедом. Весело провести день.

Он снова кивает.

— Да, неплохо.

Она подозревает, что если через тридцать минут она попросит его рассказать ей то, что она ему только что сказала, он ничего не вспомнит.

— Что там с полицией сегодня? — спрашивает она, глядя, как он продевает галстук под воротник рубашки. — Они снова придут сюда?

— Понятия не имею. Думаю, узнаю, как только сяду за рабочий стол.

Шон приглаживает воротник, прижимая его к галстуку, а сам галстук поправляет перед зеркалом. Когда-то Софи взволновал вид Шона в костюме и галстуке; проблеск седины в волосах на груди; шикарные кожаные туфли; то, как маленькие люди называли его папой. Она ходила выпить со своими подругами и говорила: «Как хорошо наконец быть со взрослым настоящим мужчиной». И подруги радостно кивали и говорили, как ей повезло. Но вот теперь эта надежная зрелость начала превращаться в нечто иное, в некую жесткость. Кажется, что галстук сидит прямее и туже. Линия подбородка стала тверже. Объятия — короче и как будто резче.

Она подходит к нему и целует в щеку. Он с удивлением смотрит на нее.

— У нас будет прекрасный уик-энд, — говорит она. — С детьми. Да?

— Очень на это надеюсь, — говорит он. — Я очень на это надеюсь.

Найти Хасинту Крофт, бывшую директрису Мейпол-Хауса, оказалось делом несложным. Теперь она руководит большой частной школой для девочек в Пимлико. Ее лицо улыбалось Софи с экрана ее ноутбука в верхней части пресс-релиза о ее новой должности. Нестареющая блондинка в кремовой блузке с золотой цепочкой на шее.

В полдень Софи уходит от парикмахера, садится в поезд, следующий из Дептфорда до Лондонского моста, а затем пересаживается на метро.

Ее окутывает теплый гул лондонского метро, знакомый запах промасленного металла и переработанного дыхания, экземпляры бесплатной газеты «Метро» на сиденьях, убаюкивающее покачивание взад-вперед. Она закрывает глаза и вздыхает.

В Пимлико она следует указаниям на Гугл-картах, направляющим к школе Хасинты. Та расположена в яacobинском здании с двойной подковообразной лестницей, ведущей к парадной двери.

Она нарочно не стала писать Хасинте. Потому что знает: электронное письмо прошло бы через помощника или секретаря и ей бы пришел вежливый ответ, в котором бы говорилось, что, вероятно, лучше оставить это дело в руках полиции. Вместо этого она звонит в звонок и говорит молодой женщине, сидящей за столом внутри, что хотела бы взять рекламный буклет.

Внутри она вовлекает девушку в чересчур подробный разговор о своей падчерице Пикси, которая в следующем месяце приедет в Лондон из Нью-Йорка, чтобы жить с ней и ее отцом. Пикси очень умная, очень креативная, отлично владеет языками, хочет стать юристом. Она задает девушке массу вопросов о школе, а затем спрашивает о новой директрисе. Лицо секретарши буквально светится, и она говорит, что Хасинта — невероятная женщина, она изменила это место до неузнаваемости, все девочки ее любят, она их вдохновляет и служит им во всем примером.

— Боже, это звучит просто потрясающе! — восклицает Софи. — А я не могла бы встретиться с ней, пока я здесь?

— Боюсь, что нет, — говорит секретарша. — Она весь день на собраниях.

— Понимаю. Мой брат тоже директор, в школе в Апфилд-Коммон. Он вечно занят.

— Апфилд-Коммон? — переспрашивает молодая женщина.

— Да. В Суррее. Вы знаете, где это?

— Нет, не совсем, но я почти уверена, что Хасинта была там до того, как приехала сюда. Как называется школа?

— Если я правильно помню, «Мейпол-Хаус».

Девушка хлопает в ладоши.

— Да! «Мейпол-Хаус». Она там раньше работала. Какое совпадение! И вы говорите, что ваш брат сейчас там работает?

— Да, только-только приступил к работе. Вот это да, вот это действительно совпадение!

Софи не имеет ни малейшего представления, куда приведет ее эта уловка, но в тот самый момент, когда в ее голове начинает складываться импровизированный рассказ, молодая женщина оглядывается через плечо, вскакивает на ноги и кричит:

— О! Хасинта!

Софи оборачивается и видит крохотную женщину, шагающую за ней через холл, — в черном джемпере с воротником-поло и красных клетчатых брюках. Светлые волосы уложены на затылке в элегантный пучок. А еще она на невероятно высоких шпильках — явная попытка добавить себе хоть чуточку роста. Она вопросительно улыбается женщине за столом.

— Алиса! — говорит она. — Что такое? Я зачем-то вам понадобилась?

— Извините, я вижу, что вы заняты, но эта женщина просила проспект для своей падчерицы, и мы болтали, и оказалось, что ее брат — новый директор в вашей старой школе.

Глаза Хасинты превращаются в щелочки, и она с любопытством смотрит на Софи. Она трогает цепочку на шее и уточняет:

— Старой школе?.. Извините, еще раз, как ваше имя? Боюсь, я не уловила.

— Сюзи, — поспешно отвечает Софи. — Сюзи Битс.

— Хасинта Крофт. — Она протягивает Софи крошечную фарфоровую ручку. — Приятно познакомиться, Сюзи. Ваш брат директор в «Мейпол-Хаусе», говорите?

— Да, он только приступил в этом семестре, но уже, как говорится, нырнул в работу с головой. Всего пара дней на работе, а территория школы уже кишит полицией.

Она внимательно следит за реакцией Хасинты и видит, как ее веки подергиваются, а под скулой слегка заметен мышечный спазм.

— В самом деле? — говорит она, осторожно уводя Софи от стола в нишу, обшитую деревянными панелями, на которых вырезаны имена директрис.

— Да, — неискренне продолжает Софи. — Судя по всему, в прошлом году рядом со школой пропали дети, и теперь, похоже, полиция нашла на территории школы какие-то новые улики. Я это к тому, что если вы были там в прошлом году, вероятно, вам об этом что-то известно?

Она задает этот последний вопрос, широко раскрыв глаза. Она с таким усердием изображает Сюзи Битс, что от Софи практически ничего не остается.

Мелкокостное лицо Хасинты снова дергается.

— Вы имеете в виду пару подростков?

— Да, — отвечает Софи. — Думаю, да. Мой брат не слишком много мне рассказывал.

— Они были очень молоды. У них родился ребенок. Это было ужасно. — Хасинта качает головой. — Насколько мне известно, полиция так и не нашла их следов. Но боже, какие слухи поползли потом! — Она снова качает головой и кладет руку себе на шею. — Сколько сплетен, столько теорий заговора. Потому что, к сожалению, и я не знаю, в курсе ли ваш брат, но девушка, в доме которой пара была до своего исчезновения, была бывшей ученицей той школы. И там была еще одна бывшая ученица, а также помощник учителя и дочь сестры-хозяйки. Так что на какое-то время все это было довольно неприятно с точки зрения школы, хотя на тот момент никто из этих детей не находился под нашей опекой. Это была одна из причин, почему я решила уйти, — вздыхает она. — Ваш бедный брат, ему не позавидуешь. Кстати, что именно они нашли?

— О, — говорит Софи. — Якобы что-то в лесу, сразу за коттеджем. Кольцо?

— Кольцо? — Хасинта приподнимает бровь. — Как странно. Я думала, вы скажете...

Она умолкает. Софи вопросительно смотрит на нее.

— Ничего, — продолжает она. — Просто я не понимаю, каким образом кольцо может вернуть это дело на поверхность. — Ее взгляд упирается в часы на стене позади Софи. — Мне правда жаль, — говорит она. — Но мне нужно идти. Пожалуйста, пожелайте вашему брату удачи на новой работе.

Софи улыбается и еще раз благодарит Хасинту. Затем поворачивается, чтобы уйти, и машет девушке по имени Алиса, сидящей за столом.

Она уже направляется к раздвижной стеклянной двери, когда Алиса зовет ее:

— Миссис Битс. Не забудьте свой проспект. Для Пикси.

Софи оборачивается и берет из рук женщины глянцевую брошюру.

— Спасибо, — бодро говорит она. — Не могу поверить, что чуть было не забыла его!

* * *

Софи тяжело вздыхает, сворачивает за угол и снова выходит на Воксхолл-Бридж-роуд. Она находит мусорный бак и бросает в него проспект. Затем смотрит на время и понимает, что еще рано. Она совсем не торопится возвращаться в Апфилд-Коммон, поэтому пишет своей подруге Молли, которая работает в Виктории, и предлагает пообедать вместе, если она свободна. Молли мгновенно отвечает, что согласна.

Опустившись несколько минут спустя на мягкую кожаную банкетку оживленного пивного бара, декорированного в фисташковых тонах, она чувствует, как все это начинает удаляться от нее: ее переезд в деревню, ночная тишина под косым потолком их спальни в коттедже рядом с лесом, маленький розовый куст за автобусной остановкой, печальное лицо Ким Нокс, протирающей стаканы за стойкой паба

«Лебедь и утки», нервозность Шона, его аккуратно повязанный галстук, его улыбка, которую она не видела вот уже несколько дней. Внезапно ей кажется, что она никуда не уезжала, что ничего этого не существует; что есть только она и Молли, бокал вина и трое бизнесменов за столиком через проход, алчно пожирающие их глазами. И когда обед подходит к концу, Софи почти с ужасом понимает, что вместо того, чтобы вернуться в свою квартиру в Дептфорде, она должна сесть на неуклюжий скрипучий поезд, что отходит от вокзала Виктория, и просидеть в нем сорок пять минут, наблюдая, как Лондон исчезает вдаль.

— Знаешь, — говорит она Молли, когда они надевают куртки и собираются уйти, — я так скучаю по Лондону.

— Чужая трава всегда зеленее, — отвечает Молли. — Я бы отдала все на свете, чтобы переехать жить в деревню. С красавчиком директором. И никакой квартплаты.

Софи натянуто улыбается.

— Знаю, — говорит она. — Знаю. Просто... я чувствую себя слегка потерянной.

— Ты справишься, — уверяет ее Молли. — Еще не прошло и двух недель. Ты непременно найдешь способ. Ты гибкий человек, Соф. Ты всегда была такой.

Когда Софи и Молли выходят из ресторана, на часах уже почти полтретьего. На мгновение Софи застывает на месте, ее ноги как будто приклеены к тротуару. Она смотрит через улицу на темный силуэт вокзала Виктория. Она еще не готова вернуться. Еще нет. Она садится в метро и едет до Оксфорд-серкус и целый час бродит туда-сюда по тротуарам, забитым толпами людей, идущих либо слишком медленно, либо слишком быстро. Она вслепую блуждает вокруг аутлета «Зара», аутлета «Гэп», входит в двери с одной стороны «Селфриджес» и выходит в другие, ни на что не глядя. Ее голова кружится от всего и от ничего. Ей не хочется возвращаться в Апфилд-Коммон, эта мысль пугает ее.

Она продолжает идти вперед. Она сидит в «Старбаксе» и пьет из бумажного стаканчика крепкий чай. Она смотрит на книги в книжном магазине, проверяет корешки в разделе «Художественная литература» на полках с буквой «Ф», находит один-единственный экземпляр одной-единственной книги П. Дж. Фокса и вздыхает. Не удивительно, что она

плохо продается, если в магазинах нет ее книг. Софи движется по спирали через огромный «Праймарк» рядом с Марбл-Арч и выходит с тремя парами кружевных трусиков, купленными за семь фунтов.

Сейчас полпятого. Ей все еще не хочется возвращаться домой.

Она петляет по закоулкам Мейфэра, выходит на Парк-лейн, и ее мысли возвращаются к Хасинте Крофт. В какой-то момент их разговора та умолкла. В тот момент, когда Софи рассказала ей о кольце. Что именно она тогда сказала? Что-то вроде того, что она ожидала, что в лесу откопают что-то еще?

Софи находит в Гугле номер школы Хасинты и звонит по нему. К ее удивлению, ее мгновенно соединяют, и ее приветствует теплый, но профессионально деловитый голос Хасинты.

— У меня было предчувствие, что я еще услышу вас, — говорит она.

Телефон Ким звонит. Она поднимает его с края кухонной раковины, где он балансировал, и видит имя Мэгс.

— Что от меня нужно Мэгс? — недоумевает она, а потом вспоминает. Она нажимает кнопку ответа и здоровается.

— Ким. Это Мэгс.

— Да, — говорит она. — Я полагаю, ты говорила с Домом?

— Да, он звонил вчера. В чем дело?

— Он рассказал тебе про кольцо?

— Да. Он рассказал мне про кольцо. По его словам, они снова обыскали этот чертов лес. Вот и все. Есть еще что-то новое?

Ким вздыхает.

— Ничего. Они снова поговорили с Лиамом, поговорили с дочкой Керрианны. А еще у них есть графолог, специалист по почеркам, он изучает надпись на табличке рядом с кольцом.

— Отпечатки пальцев? — спрашивает Мэгс. — На кольце? Они нашли что-нибудь?

— Оно у полиции. Я уверена, они будут искать отпечатки. Но женщина, которая его нашла, была вынуждена очистить футляр, чтобы найти имя ювелира, так что маловероятно, что на нем что-то осталось.

Мэгс бормочет в трубку.

— Как вы там? — внезапно спрашивает она.

Ким слегка вздрагивает. Она не ожидала светской беседы.

— Вроде все в порядке. Ну, разве что немного напуганы.

— Это да, — говорит Мэгс. — Это все как-то странно, правда?

Пауза. Ким намеренно оставляет ее пустой, чтобы дать Мэгс возможность спросить про своего внука. Но Мэгс не спрашивает.

— В любом случае, — говорит она вместо этого, — держи меня в курсе. Мне плохо верится, что мы наконец узнаем, что произошло на самом деле.

— Мне тоже, — говорит Ким. Затем, почувствовав в тоне Мэгс намек на мягкость, спрашивает: — Как вы там? Справляетесь нормально?

Ей слышно, как Мэгс вздыхает.

— Нет, — в конце концов отвечает она. — Нет. Не совсем. Но это то, что есть, не так ли? Просто нужно натянуть штаны взрослой девочки и жить дальше.

— Тебе в голову приходили какие-нибудь мысли? — спрашивает Ким. — Какие-нибудь теории? По поводу того, что случилось? Потому что ты всегда считала, что они просто сбежали вместе. Верно? — Она задает этот вопрос осторожно, как будто это крошечное яйцо, которое она боится расколоть.

— Ну да. Я действительно так думала. И, честно говоря, отчасти до сих пор думаю. Ведь это единственное, что имеет хоть какой-то смысл.

— Понимаю, — осторожно продолжает Ким. — Я понимаю, некоторые люди могут подумать, что мать и отец просто бросили своего сына, чтобы вместе уйти в закат, и да, я согласна, что такое могло произойти. Некоторые люди могли бы так поступить. Но только не Таллула. И не Зак. Он боготворил Ноя. Он собирался сделать Таллуле предложение. Он копил на задаток за квартиру для них троих. Так что я знаю, Мэгс: конечно, легче представить, что они где-то счастливы вместе и не хотят, чтобы их нашли, но это не значит, что тут есть смысл. Потому что на самом деле это не так.

— Иногда я задаюсь вопросом... — начинает Мэгс и на миг умолкает. — Не знаю, — продолжает она. — Ты когда-нибудь задумывалась, а точно ли это ребенок от Зака?

В голове Ким как будто что-то с грохотом рушится. Она ничего не говорит, потому что не может подобрать слов.

— Я имею в виду, это всего лишь предположение. Но оно могло бы все объяснить.

— Что именно объяснить?

— То, что случилось той ночью, что бы это ни было. Может, Зак узнал, что не он отец, и они поссорились. Может, он был так унижен, что, хлопнув дверью, ушел прочь и ему было слишком стыдно возвращаться домой. А может, там, в темноте, с Таллулой что-то случилось. Или же это ей было слишком стыдно. Что-то в этом духе.

Ким хочет возразить, но не может. Мэгс между тем продолжает:

— Потому что я никогда не считала, что Ной очень похож на Зака, а ведь обычно младенцы похожи на своих отцов, верно? А Ной, он

никогда не был на него похож. Я никогда не ощущала того чувства связи, как то бывало с моими другими внуками. Я...

Ким тычет пальцем в экран телефона, чтобы завершить звонок, и роняет его на кухонный стол, как будто он обжег ей пальцы. Она слегка откидывается назад, на край стола.

Вот оно, думает она. Наконец-то. Мэгс не верит, что Ной — сын Зака. Она считает, что Таллула переспала с другим парнем и забеременела, а затем соврала Заку, будто ребенок от него, чтобы он взял на себя заботу о них. И это при том, что Зак фактически был вынужден просить ее целых полгода, чтобы ему разрешили стать частью семьи. И не только это. Мэгс считает, что исчезновение Зака и исчезновение Таллулы — совершенно несвязанные события. Это бедный рогоносец Зак ушел, бросив Таллулу, и она либо была убита в темноте, либо от стыда сбежала от своего ребенка.

Ким оглядывает свою кухню. Она видит призраки мгновений, канувших в невообразимое прошлое. Крошечный розовощекий Ной на своем высоком стульчике с радостью стучит кулачком по подносу, обнаружив, что он может пукать ртом. Таллула снимала его на свой телефон и хохотала до слез. Чистая, раскаленная добела любовь, соединявшая их троих. То, как она наполняла собой крошечную кухню Ким до самых дальних ее уголков!

А теперь Таллулы больше нет, а Ной — шумный, одержимый мультиками двухлетний мальчик, который проводит дни либо вдали от дома в детском саду, либо здесь, изо всех сил нажимая на кнопки Ким, который пукает ртом не потому, что научился это делать, а потому, что хочет выразить свое отвращение к миру, который Ким, когда его мать исчезла той ночью, создала для него из остатков того, прежнего. Ким так одинока, и ее мир кажется совсем крошечным. Ей хочется вернуть все, всю прежнюю жизнь.

Она роняет голову на грудь и плачет, пока не заканчиваются слезы.

Скарлетт возвращается в Мэнтонский колледж в начале марта. Таллула наблюдает за тем, как мать высаживает ее из черной «Теслы». Она видит на водительском сиденье очертания черных солнцезащитных очков поверх темных блестящих волос, блеск драгоценных камней на когтистых пальцах, сжимающих руль, а затем безошибочный силуэт встающей с пассажирского сиденья Скарлетт. Поднятый капюшон, поникшие плечи. Дверь хлопает, «Тесла» отъезжает, и взгляд Скарлетт встречается с глазами Таллулы.

— Привет!

При виде нее у Таллулы сводит живот. После их ночевки прошло десять дней, и все это время она избегала звонков Скарлетт, ее эсэмесок, голосовой почты, слегка безумной череды совершенно бессмысленных гифок с танцующими, умоляющими, целующимися, скачущими, кружащимися, обнимающимися человечками, которыми бомбардировала ее Скарлетт.

Она игнорировала ее селфи с грустным лицом, фотки сенбернара Тоби, сопровождаемые словами: «Куда делась милая человечка?» Она постоянно держит свой телефон в беззвучном режиме, чтобы Зак не задавался вопросом, что, черт возьми, происходит.

— Э-э-э... — начинает она, — привет?

— Это все моя мать, — начинает Скарлетт. — Она сказала, что если я не вернусь, она отправит меня жить к бабушке. Она позвонила, и вот я здесь.

Таллула слегка переминается на месте. Утро очень холодное, и в воздухе висят капли ледяного дождя, который больно жалит кожу на тыльной стороне ее рук. Она сует их в карманы пальто.

— Извини, что не отвечала.

Скарлетт пожимает плечами, но молчит.

— Это все Зак. Ты сама знаешь. Он вечно рядом.

— Ты могла бы приехать в воскресенье. Когда он играет в футбол. В голосе Скарлетт проскальзывают обиженные нотки.

— Он все еще злится из-за того пятничного вечера. — Таллуле ненавистен звук этих слов на ее губах. Она знает, что выглядит жалкой.

— Какая разница? — парирует Скарлетт. — Какая разница, что думает Зак? Тебе восемнадцать, Таллула. Ты не старая замужняя тетка. Просто скажи ему, что тебе все это нафиг не нужно. Скажи ему, чтобы он отвалил от тебя.

— Я не могу.

— Почему нет? Как ты думаешь, что произойдет?

— Ничего, — говорит она, представляя, как его пальцы сжимаются вокруг ее запястий, как он слишком сильно дергает ее за волосы. — Ничего.

Они вместе идут к территории колледжа и некоторое время молчат.

— Так что за уговор между тобой и мной? — внезапно спрашивает Скарлетт.

Таллула оглядывается, чтобы убедиться, что их никого не слышит.

— Я не знаю. Я... — Она останавливается, поворачивается к Скарлетт и говорит приглушенным шепотом: — Не знаю, как я к этому отношусь. Я не знаю, что мне думать.

— Что ж, бегство от этого тебе ничем не поможет.

— Я знаю. Просто... мне нужно время. Для меня это все в новинку.

Лицо Скарлетт смягчается.

— Кстати, я соврала о моей матери. Она не заставляла меня вернуться в колледж. Я сама попросилась вернуться.

Таллула вопросительно смотрит на нее.

— Я просто подумала, что так мы сможем тусоваться вместе. И никакой Зак Мошонкин не сможет приказывать, что тебе можно, а чего нельзя.

Таллула подавляет смех. *Зак Мошонкин*. А затем говорит уже более серьезно:

— Мне пора идти. Я уже опаздываю.

— Увидимся тогда в обеденный перерыв, например в столовой? Хорошо?

Таллула чувствует, как вся ее решимость, на укрепление которой она потратила всю последнюю неделю, начинает трещать по швам и

рушиться под натиском ясноглазой уверенности Скарлетт, что они встретятся в обеденный перерыв и что между ними наверняка что-то будет.

— Скарлетт, — говорит она, когда та поворачивается, чтобы уйти.

— Да.

Таллула понижает голос до шепота.

— Это, — говорит она, показывая между ними рукой. — Это секрет, да? Его знаем только мы? И больше никто?

Скарлетт кивает и прикладывает к щеке два пальца.

— Слово скаута, — шепчет она. — Только ты и я. И больше никто.

Она прижимает пальцы к губам и целует их, поворачивает к Таллуле и дует на них. Она одними губами произносит слова «увидимся позже» и уходит.

В течение следующих нескольких недель у Таллулы и Скарлетт складывается своего рода распорядок дня. По понедельникам мать Скарлетт по дороге на занятия йогой в развлекательном центре подвозит ее в колледж, и они с Таллулой встречаются возле входа и вместе идут внутрь. По средам и четвергам Скарлетт встречает Таллулу на автобусной остановке в Апфилд-Коммон, они садятся на заднее сиденье и болтают-болтают-болтают. В обеденный перерыв они иногда сидят в столовой, где Таллула играет роль тихой новой подруги Скарлетт. Остальные, Мими, Ру, Джейден и Рокки, разговаривают и ведут себя так, как будто ее нет рядом. Она не винит их, так как изо всех сил старается быть незаметной, чтобы, не дай бог, кто-то не подумал, что она что-то значит в жизни Скарлетт.

В понедельник во второй половине дня, когда и Таллула и Скарлетт заканчивают рано, а Зак работает допоздна, они после занятий встречаются на углу следующей улицы и идут в забавную чайную на главной улице, куда ходят все местные старушки, но никто из учащихся колледжа. Здесь они заказывают по кусочку домашнего морковного торта и по кружке чая и сидят в самой дальней кабинке. Здесь они могут смотреть друг дружке в глаза, теревить руки друг друга, хватать друг друга под столом за ноги и никто этого не увидит, но даже если бы и увидел, то все равно никому бы не рассказал, потому что никто в чайной не знает, кто они такие.

А затем по воскресеньям, пока Зак играет в футбол, а мать Скарлетт проводит время в развлекательном центре в Мэнтоне и встречается с подругой, чтобы вместе поплавать в бассейне, Таллула берет велосипед матери и колесит по проселочным дорогам, чувствуя, как сердце трепещет от предвкушения, нервов, волнения и ликования. Скарлетт встречает ее у дверей «Темного места», и они торопливо, горячо, безумно, спотыкаясь, поднимаются наверх, в спальню Скарлетт, и падают на ее кровать, и Таллула чувствует, как все, что словно кандалы удерживало ее всю неделю, растворяется в золотых чертогах, где они встречаются в объятиях.

Они мягкими губами что-то шепчут друг другу на ушко, они складываются вместе и блокируют друг с дружкой внешний мир, и после этого Таллула не хочет принимать душ, не хочет смывать со своей кожи прекрасное пятно прикосновения Скарлетт. Поэтому она едет домой, к своему парню и своему ребенку, источая запах губ Скарлетт, запах постельного белья, старомодных французских духов Скарлетт, которые ее тетка дарит ей каждый год на день рождения, потому что однажды, когда ей было пять лет, Скарлетт сказала, что они ей нравятся. И никто не замечает. Даже Зак. Более того, теперь он даже одобряет новое хобби Таллулы: ее воскресные утренние поездки на велосипеде по проселочным дорогам, призванные привести ее в форму, помочь ей избавиться от дряблого живота. Он думает, что исходящий от нее запах пота — это запах физических упражнений. Он думает, что румянцем на щеках она обязана деревенскому воздуху.

В эти недели, когда зима сменяется весной, Таллула чувствует, как начинает цвести и расти. Теперь жизнь дарят ей два источника радости. Ее маленький сын. Ее тайная подруга. Дни становятся длиннее, ночи теплее, Ной становится больше и учится обниматься, Скарлетт красит волосы в сиреневый цвет и сбоку ступни наносит татуировку — инициалы Таллулы.

ТМ.

— Если кто-нибудь спросит, — говорит она, — я отвечу, что это «товарный знак».

Но Зак все еще в жизни Таллулы, и Зак не является для нее источником радости. Он работает сверхурочно на складе стройматериалов, отчаянно пытаясь накопить денег, чтобы им вместе обустроиться в собственном гнездышке. У него составлена таблица, и

он требует, чтобы Таллула каждый вечер садилась и просматривала ее вместе с ним.

— Смотри, — говорит он, указывая на цифры на экране и прокручивая их вверх и вниз. — Если меня в следующем месяце повысят до помощника менеджера отдела, то будет прибавка в шестьдесят восемь фунтов в неделю. Плюс сверхурочные. Плюс моя мать говорит, что может одолжить нам пару тысяч, так что к лету, я думаю, взгляни... у нас будет 13 559 фунтов. В банке. Скорее всего, это будет доленая собственность, но есть несколько действительно хороших предложений, рядом с Рейгейтом. Смотри. — Он переключает экран на новую вкладку, где у него есть картинки нескольких крошечных квартир-коробочек, без внешнего пространства для Ноя, за много миль отсюда, от ее матери, от Мэнтона, от Скарлетт, и Таллула кивает, натужно улыбается и говорит:

— Да, очень мило. — А про себя думает: «Нет, нет, нет. Нет, я не хочу там с тобой жить!»

Вместо этого она думает о мире без Зака в нем, пытается представить себе контуры этого мира, каким гладким и совершенным тот был бы, если бы она могла существовать лишь для Ноя и Скарлетт, а не для кого-то еще.

В начале апреля, когда ей уже девятнадцать и Заку тоже девятнадцать, у них была совместная вечеринка — скромная вечеринка в американском ресторане в Мэнтоне, только семья, никаких друзей, так как нужно копить деньги на квартиру, в которую Таллула не собирается даже въезжать, потому что она не собирается жить такой жизнью, и Зак заказывает на субботнее утро просмотр одной из квартир из своего шорт-листа.

Он талдычит об этом все утро, пока принимает душ и одевается.

— Девятнадцать лет, — говорит он. — Девятнадцать лет, и я собираюсь купить свою первую недвижимость. Ха!

Мать Таллулы везет их к жилому комплексу, и все они смотрят в окно на недостроенные многоквартирные дома, что выстроились вдоль трассы A25. Все как один из темного кирпича с участками темно-серой пластиковой облицовки, призванной выглядеть как дерево. Каждый дом построен вокруг внутреннего двора с крошечными саженцами, обнесенными деревянным заборчиком, и юной травой, покрытой сеткой. Женщина в стеклянном офисе радостно приветствует их,

выражает удивление их юному возрасту, восторгается красотой Ноя, одобрительно щебечет по поводу их желания приобрести свою первую крышу над головой.

Она показывает им три квартиры. Все три ледяные, пахнут краской и клеем для ламината, и, когда они говорят, их голоса отлетают эхом от стен. Из окон одной открывается вид на автомагистраль А25, из другой — на центральный двор, из третьей — на убогие окраины пригородов Рейгейта. Кухни блестящие и белые, они явно призваны имитировать огромные сверкающие кухни в особняках богатых людей, но в десять раз меньше размером. Вокруг ванны — плитка темно-серого цвета, в тон внешней облицовке здания. Все очень хорошо продумано. Все очень современно. И все не то, чего хочет Таллула.

Но ее мать издает всевозможные позитивные звуки, над головой Таллулы гудит разговор между Заком, продавщицей и матерью о планировках, о возможностях, о том, какая комната будет комнатой Ноя, в какой цвет можно покрасить стены, о плюсах района, о новом супермаркете, что вот-вот откроется через дорогу. Таллула цепенеет. Ей страшно, что она позволяет этому случиться с ней. Она злится, что ей девятнадцать лет и она влюблена в Скарлетт Жак, но она смотрит квартиры в холодном доме на пару с парнем, которого предпочла бы видеть мертвым.

В машине по дороге домой она сидит сзади и, пока Ной спит, держит его за руку. Впереди Зак и ее мать оживленно болтают. В какой-то миг мать поворачивается к Таллуле и спрашивает:

— Что ты думаешь, милая?

— Да, они симпатичные.

— Какая из них тебе больше всего понравилась?

— Та, что выходит во двор, — покорно отвечает она, поскольку знает, что это та, которая больше всего нравится Заку и это отвлечет от нее разговор.

В ту ночь в постели, в теплом, безвоздушном пространстве между спящими телами Ноя и Зака, Таллула решает, что, когда она на следующий день увидит Скарлетт, она расскажет ей о Ное. Она признается Скарлетт, что она мать, что у нее есть ребенок, что растяжки, по которым Скарлетт водила кончиками пальцев, появились не потому, что она «раньше была толстой», а потому, что когда-то

внутри ее вырос ребенок весом в 8 фунтов 2 унции. А потом она попросит Скарлетт перестать быть ее тайной подружкой и стать настоящей и скажет, что собирается рассказать об этом своей матери и Заку. Она не даст своей жизни свернуть туда, к квартире у шумного шоссе, к парню, который вечно указывает ей, к тайнам и секретам. Она будет хозяйкой своей судьбы, своего «я». Она будет правдивой, настоящей и честной, своим самым лучшим, самым подлинным и чистым «я».

На следующий день она наблюдает из окна своей спальни, как Зак уходит с сумкой для футбольного снаряжения через плечо, затем бросает свои вещи в сумку, бежит на кухню, целует Ноя и мать, хватая велосипед, застегивает шлем и, с удвоенной силой крутя педали, едет на нем в «Темное место».

Но у входной двери она видит другой велосипед. Кто-то прислонил его к тому месту, где она обычно оставляет свой. Она оглядывается по сторонам, но никого не видит. Возможно, думает она, это садовник, или уборщица, или кто-то пришедший убрать листья из бассейна. Она звонит в дверной звонок. От стремительной езды, от предвкушения встречи со Скарлетт ее сердце бешено колотится о ребра. Дверь открывается, и перед ней появляется Скарлетт, все еще в пижаме, волосы собраны в лохматый пучок. С ней рядом — молодой человек, в джинсах и старомодном темно-синем джемпере с высоким воротником на молнии.

Скарлетт смотрит на Таллулу, затем на парня и говорит:

— Лула. Это Лиам. Лиам, это Таллула.

Таллула вопросительно смотрит на Скарлетт. И видит, как рука Скарлетт скользит к шее, чтобы закрыть какое-то пятно. Она видит, что под пижамой Скарлетт без бюстгалтера. Она смотрит на Лиам, который в свою очередь странно смотрит на нее и лишь потом говорит:

— Приятно познакомиться.

Он босиком, и его обуви нигде не видно.

— Лиам пришел вчера вечером, — говорит Скарлетт, все еще прикрывая шею рукой. — У меня была паническая атака, а матери дома не было. Он решил... и мы...

— Да, это полностью моя идея, — вмешивается Лиам. — Я решил остаться на ночь, потому что мы немного выпили...

— Да. Так было безопаснее. Итак, он остался.

— Да. И я остался. А теперь, — говорит он, — я уйду, как только вспомню, где я поставил свои ботинки. — Он идет в коридор в поисках ботинок, а Таллула смотрит на Скарлетт.

— Какого черта? — шепчет Таллула.

Скарлетт пожимает плечами.

— Мне нельзя звонить тебе. Я позвонила ему.

Таллула отрывает пальцы Скарлетт от ее шеи и видит красное пятно засоса. Пальцы Скарлетт возвращаются на прежнее место.

— Это была дурацкая ночь, — говорит она. — У нас не было секса. Мы просто... ну, ты знаешь...

Таллула хочет что-то сказать, но, видя, что Лиам появляется снова с парой кожаных походных ботинок, тотчас осекается. Она чувствует, как по ее носовым пазухам текут слезы. Ей хочется плакать, ей мучительно. Они молча стоят, ждут, когда Лиам зашнурует ботинки и уйдет. Она смотрит, как он наклоняется и быстро целует Скарлетт в щеку. Скарлетт откашливается, натянуто улыбается и говорит:

— Спасибо, что пришел. Ты звезда.

— Пока, Таллула, — говорит он, — рад был познакомиться.

— Да, — отвечает она напряженным высоким голосом, — я тоже.

А потом он уходит, и в коридоре только она и Скарлетт. Скарлетт подходит к ней, чтобы прикоснуться, и Таллула вздрагивает. Скарлетт цокает языком.

— Клянусь, — говорит она, — ничего такого не было. Просто Лиам — это Лиам. Я и он. Мы с ним давно. Наверное, мы слишком много выпили и, ну ты понимаешь, начали валять дурака.

Таллула не может подобрать слов. Она стоит, скрестив руки на груди, и смотрит в пол.

— Прекрати, Таллула. Ты не в состоянии судить. Ты живешь со своим гребаным парнем. И не говори мне, что ты не занимаешься с ним сексом, потому что я знаю, что ты им занимаешься.

Таллула думает о торопливых моментах близости, которые она предлагает Заку, потому что знает: если этого не делать, он начнет приставать к ней в момент, который будет еще хуже. Обычно в таких случаях она говорит ему:

— Давай, мама пошла с Ноем к пруду, у нас пять минут. Но только побыстрее.

И он делает это быстро, а она тем самым покупает себе еще пару недель, чтобы он не приставал к ней и ей не нужно было думать об этом. Так что да, они занимаются сексом, но нет, это ничто по сравнению с воскресным утром, которое они со Скарлетт проводят в королевской кровати Скарлетт на ее хлопковых простынях плотностью 800 нитей. Вообще ничто.

— Это не то же самое, — говорит она.

— Конечно, то же самое. Это комфорт. Привычка. Это способ держать их рядом. Потому что нам нужно держать их рядом.

— Ого.

— Что — ого? Прекрати, Лула. Ты знаешь, что это правда. Твой Зак, для чего он тебе? Что такого он дает тебе, что ты не хочешь разрывать с ним отношения, что ты все еще с ним спишь? Должно быть что-то.

— Ничего нет, — говорит она. — Зак мне ничего не дает.

— Тогда почему ты хочешь остаться с ним?

— Я не хочу, — говорит Таллула. — Я хочу уйти от него. Но мы вместе с детства. Он единственный парень, с которым я... — Она ненадолго умолкает, и к ее глазам подкатываются слезы. — Я сплю с ним, потому что я должна. По причинам, которые ты даже не смогла бы представить. А ты сама? Тебе не нужно было делать то, что ты делала прошлой ночью с Лиамом. Ты не состоишь с ним в отношениях. Он знает, что ты его не любишь, что все кончено. Так почему?

Скарлетт вздыхает и бросает на Таллулу раздражающе нежный взгляд.

— Просто... потому что?

— Потому что?

— Послушай, я не совсем... в смысле, я могу расставлять приоритеты среди людей, но никогда полностью их ограничивать.

— Ограничивать?

— Да, ты мой приоритет. Ты на сто процентов самый важный человек в моей жизни, чем кто-либо когда-либо. Но это не значит, что в моей жизни не будет других людей. Которые не так важны, как ты. К кому я не питаю тех чувств, какие я питаю к тебе. Но они есть, и я не собираюсь от них избавляться.

— Ты хочешь сказать, ты не придерживаешься моногамии?

— Пожалуй, если ты хочешь так выразиться. Но если честно, прошу тебя. Просто забудь об этом. — Она указывает на входную дверь. — Давай начнем сначала. Ну, давай. На кухне есть слойки с орехами. Они вчерашние, но все еще очень-очень хороши. Пожалуйста. Я так по тебе скучала...

Сидеть в огромной стеклянной кухне Скарлетт под пушистым одеялом на синем диване и слизывать глазурь с датских ореховых слоев, а затем исследовать углы тела Скарлетт в ее спальне, а затем вместе с ней сидеть с псом и обсуждать, какие его части им нравятся, — все это кажется ей пределом мечтаний.

Но она пришла сюда не ради этого. Она пришла отжаться Скарлетт на все сто процентов. Но теперь она знает: у нее никогда не будет ста процентов Скарлетт, у Скарлетт всегда будут интимные промежутки и пространства, в которые вписываются другие люди, и это не то, чего она хочет для себя, для Ноя или для своего будущего. И она понимает, что никогда не была для Скарлетт чем-то большим, нежели очередной опыт, как и Лиам. Эксперимент. Что-то такое, что нужно сделать, а потом попытаться решить, нравится ей это или нет, и в один прекрасный день она скажет тому, с кем решит провести свою жизнь, что в юности она попробовала шикарного парня-фермера, обожавшего джемперы на молнии, а потом, когда это ей надоело, — деревенскую девушку из тупика, которая училась на социального работника. И что после нее был кто-то или что-то еще.

Поэтому она смотрит на Скарлетт глазами, полными слез, и говорит:

— Нет. Я иду домой. Забудь. Забудь об этом. Я стою большего.

Она захлопывает за собой дверь, садится на велосипед и, с силой крутя педали, едет домой. Всю дорогу глаза ей заливают слезы. Она думает о своих последних словах Скарлетт и мучается вопросом, так ли это на самом деле.

В шесть вечера Софи встречает Хасинту Крофт в небольшом винном баре на улице за углом от вокзала Виктория. У нее на телефоне есть сообщения от Шона, в которых он спрашивает, где она. Она собирается ответить ему, но поднимает взгляд и видит приближающуюся Хасинту.

— Я ненадолго, — говорит та, снимая с плеча огромную кожаную сумку и ставя ее на стол перед собой.

— Я тоже, — говорит Софи. — Мой поезд отходит через тридцать минут.

— Хорошо, тогда давайте выпьем вина.

Она подзывает официантку и, не спрашивая Софи, чего той хочется, заказывает два небольших бокала чего-то французского, а затем вновь поворачивается к ней лицом и говорит:

— Итак, Сюзи Битс, я погуглила вас после того, как вы ушли. Что-то в вас не совсем складывалось.

— Понятно.

— Как я понимаю, на самом деле вы не вымышленный детектив из популярной серии книг, написанных кем-то по имени П. Джей Фокс. Смею предположить, что на самом деле вы и есть та самая П. Джей Фокс, также известная как Софи Бек, что родилась на юго-востоке Лондона в Хизер-Грин в 1984 году. — Она произносит это с кривой улыбкой.

— Да. Извините. Я...

— Послушайте. Я работаю в частном образовании. Нет ничего, чего бы я не видела и чего не встречала. Но почему вы солгали?

— Полагаю, не хотела вызывать лишних вопросов, — говорит Софи. — На самом деле новый директор — мой бойфренд, а не брат. И это я нашла в саду кольцо.

Приносят их вино. Хасинта тотчас берет бокал и делает большой глоток, с любопытством глядя поверх ободка на Софи.

— Послушайте, мне не каждый день выпадает болтать с авторами детективов, ставшими по совместительству сыщиками-любителями, и,

к сожалению, я не могу сообщить вам многого, чего вы еще не знаете, но когда вы сказали, что в лесу за колледжем что-то нашли, я предположила, что вы скажете что-то еще.

— Да?

— По-видимому, там есть подземный ход, — продолжает Хасинта, — который идет от большого дома, где раньше жила Скарлетт Жак.

— Я что-то читала об этом. Его выкопали во время гражданской войны?

— Верно, — говорит Хасинта. — И меня всегда мучили мысли об этом проходе. Когда все это происходило, я думала про этот туннель. Я рассказала о нем полиции, и они пообещали его найти, но семья Скарлетт Жак так и не нашла этот вход, как и семья, которая жила там до них, а до этого дом долгое время пустовал. Они даже пригласили историка, чтобы тот помог с поисками, но безрезультатно. Вот и все. Но я до сих пор думаю... Я имею в виду, что эта семья, Жак, они были... как бы это точнее выразиться... — настоящей бандой нарциссов. Все они. До единого.

— В каком смысле?

— Видите ли, та девушка, Скарлетт, на момент их исчезновения не была ученицей «Мейпола», но она училась там два года до этого и была очень хорошенькой. «Но она такая испорченная девочка», — думала я. Она умела помыкать людьми, заставляя их думать, будто они ей нужны, заставляла их думать, что она — такая беспомощная и что без них она рассыплется. Но под всем этим я всегда чувствовала, что она точно знает, что делает. А ее мать — жуткая женщина. Внешне красивая, ухоженная кукла, а внутри пустота. Отца я видела только однажды, на первом собеседовании Скарлетт. Он исчез в середине собеседования, чтобы ответить на чей-то звонок. Он был очень отстраненным. Холодным. Вся семья была похожа на группку льдин, которые просто плывут, не касаясь друг друга. Поэтому когда эта пара пропала и я услышала, что в последний раз их видели в доме Жаков, знаете, я совсем не удивилась.

— Но ведь никакой связи не было? То есть, судя по тому, что я читала, пара познакомилась с учениками «Мейпола» только тем вечером.

— Не совсем. Помните, Скарлетт и та девушка вместе учились в Мэнтонском колледже.

— Да, но, по словам других подростков, они не очень хорошо знали друг друга.

— Это не совсем так. Там была девушка по имени Руби, тоже бывшая ученица «Мейпол-Хауса». В ту ночь на вечеринке у бассейна ее не было, но она сказала полиции, что ей казалось, что между девушками явно что-то было... я не могу вспомнить имя этой второй?

— Таллула.

— Да, конечно. Таллула. Ей казалось, что между Скарлетт и Таллулой что-то происходит. Судя по всему, Скарлетт была бисексуалкой, и, вероятно, между ней и Руби, когда они были моложе, тоже что-то было. Владелица кондитерской в Мэнтоне, что находится недалеко от колледжа, сказала, что несколько раз в том же году видела там Таллулу с девушкой, по описанию похожей на Скарлетт. Но Скарлетт это отрицала, сказав, что в колледже множество девушек, похожих на нее. — Хасинта закатывает глаза, подносит стакан ко рту, но, так и не сделав глотка, ставит его снова и спрашивает: — А парень Скарлетт, Лиам. Вы его видели?

— Да. Да, видела. — При упоминании его имени Софи слегка краснеет.

— Он был там той ночью и утверждает, что никогда раньше не встречал Таллулу, но... — Хасинта вздыхает. — Я не совсем уверена. Мне всегда казалось, что он что-то скрывает. Я всегда полагала, что, возможно, он неким образом защищал Скарлетт, ведь он был влюблен в эту девушку, безумно, до помешательства влюблен в нее. И когда она порвала с ним отношения, его сердце было разбито. Даже мы, учителя в школе, мы все знали об этом и очень переживали за него... вы понимаете?

— Да, — говорит Софи. — Когда Лиам рассказал мне об этом, он признался, что это даже к лучшему, что все закончилось.

— Значит, он вам солгал. Я была там. Мы все видели, как он бродил по колледжу. Он был совершенно убит горем.

Хасинта обводит пальцем дно бокала.

— Знаете, — говорит она, — наверно, это был худший год в моей жизни. Бесконечный стресс. Я узнала, что у моего мужа в том году был роман, мы расстались, а затем однажды днем он пошел прогуляться и

больше не вернулся. Если честно, в то время у нас с ним был кризис. Мы разводились. Он бывал там только по выходным. Так что, когда он не вернулся, я сначала не сильно волновалась. Я предположила, что он, не попрощавшись, просто вернулся в свою квартиру.

Но затем, когда в ту ночь или на следующий вечер он не позвонил нашему сыну, когда он не ответил ни на одно из его текстовых сообщений и не спросил о собаке, я сообщила в полицию, что он пропал без вести. Они отправили в лес собак-ищеек, но ничего не нашли. И в конце концов со временем я была вынуждена признать, что он просто не хотел больше быть частью нашей жизни. Что он хотел уйти. К этой другой женщине. Чтобы быть с ней. — Она тяжело вздыхает и продолжает: — А потом без вести пропали те двое подростков, и это стало последней каплей. Мой *annus horribilis*. Худший год в моей жизни. Я поняла: мне нужно уйти.

Софи возвращается в коттедж без нескольких минут восемь. Шон только что пришел с работы и выглядит обессиленным. Он ищет во все еще незнакомых ему кухонных шкафчиках стакан для воды. Она подходит к нему сзади, обнимает за талию и зарывается губами в мятую хлопчатобумажную ткань ниже его лопатки.

— Я вернулась, — сообщает она.

— Я уже понял, — говорит он, не поворачиваясь, чтобы ответить на ее полуобъятие. — Как тебе в городе?

— Очень хорошо. — Она отстраняется от него и говорит: — Посмотри на мои прекрасные волосы.

Он поворачивается и касается их концов — те все еще торчат наружу после того, как она высушила их феном.

— Очень красиво, — рассеянно говорит он. — Я рад, что у тебя был хороший день.

Софи не рассказала ему о настоящем содержании своего дня. Она была бы рада поделиться с ним всем, но очень остро чувствует, что он этого не одобрит.

— Это да, — говорит она. — Было приятно погулять.

Он с любопытством смотрит на нее.

— С тобой все в порядке? — спрашивает он.

— Да. Все в порядке.

— Я имею в виду, вот это. Я имею в виду нас. Переезд. Ты не разочаровалась?

— Да, я это и имею в виду. Это не... я не знаю. Я не...

Он перебивает ее:

— Ты жалеешь о своем решении? Что приехала со мной сюда?

— Нет, — решительно говорит она. — Нет. Нисколько не жалею.

Она по его лицу видит, что у него отлегло от души.

— Хорошо, — говорит он.

— Я знала, на что подписываюсь, — говорит она. — Я знала все.

И это нормально. Честное слово. Я просто хочу, чтобы ты сосредоточился на своей работе и не беспокоился обо мне. Пожалуйста.

Он вздыхает, улыбается и притягивает ее к себе, в объятия, полные сожаления, вины и страха, потому что, несмотря на слова, которые только что были сказаны между ними, в глубине души оба знают: это не сработает. То, что сблизило их в Лондоне — романтика отдельных домов, разных друзей и разной работы, которую оба умели делать, не слишком о ней задумываясь, — всего этого больше нет. Они, словно в омут, бросились в эту авантюру, соблазненные сексом, летом и романтическими представлениями об английской сельской местности, ухоженных лужайках и иностранных принцессах, и вот теперь они барахтаются в ней.

Телефон Шона звонит на столе позади него, и он идет посмотреть. Он никогда не игнорирует звонки, потому что не живет со своими детьми, и Софи это прекрасно понимает.

— Это Керрианна, — говорит он. — Она хочет, чтобы я пришел к ней в ее квартиру. Говорит, что это срочно.

— Мне тоже пойти?

Она видит в его глазах нерешительность. Он должен сказать «нет». Но в свете только что состоявшегося разговора он кивает и говорит:

— Конечно. Конечно.

Когда они, хрустя гравием, пересекают дорожку, что ведет к спальному корпусу, небо только едва начинает темнеть. Это первый холодный вечер осени, и Софи зябко в тонком кардигане и с голыми ногами.

Керрианна ждет рядом с дверью своего корпуса, скрестив на груди руки. Увидев приближающихся Шона и Софи, она с облегчением вздыхает.

— Извините, что беспокою вас в ваше свободное время, — говорит он. — Право, мне очень неудобно. Но вам нужно это увидеть.

Она ведет их к передней части здания, где с балконов открывается вид на лес, а ее собственная большая терраса нависает над местом, где они стоят, и показывает на клумбы.

— Я этого не видела. Только Лекси. Она недавно вернулась из Флориды. Она в обед курила на террасе и увидела эту вещь. Она ее не трогала. Слава богу, я уже рассказала ей обо всем, что у нас тут происходит, так что она знала, что это значит.

За цветочными клумбами простирается небольшой неухоженный участок лужайки, широкая гравийная дорожка, а за ней — вторые ворота в лесной массив. Но там, спрятанный, но, судя по всему, видимый с балконов, прибит к основанию дерева кусок картона со словами «Копать здесь», написанными черным маркером, и стрелкой, указывающей на землю под ним.

Ной засыпает, как только Ким укладывает его спать. Он весь вечер капризничал. Ким не может вспомнить, какими были ее двое собственных детей в этом возрасте. В ее памяти все перепуталось. Она знает, что у одного из них были истерики в супермаркете, и она подозревает, что это была Таллула, но это подозрение развеялось за последние пятнадцать месяцев, потому что Ким не может вспомнить о Таллуле ничего плохого.

Она ничего не помнит, кроме повернутого к ней лица дочери в ее спальне, когда перед рождественской вечеринкой в колледже она рисовала на ее веках черные жидкие стрелки: бледное свечение ее кожи, идеальная линия носа, губы как два розовых бутона, хрупкая, едва заметная красота, которая всегда казалась их общей тайной. Она не может соотнести эту спокойную, славную девочку с орущей в супермаркете двухлеткой. Они не могут быть одним и тем же человеком, поэтому Ким склонна думать, что на самом деле этого не было, или же это был Райан, или даже чей-то чужой ребенок. Но не она. Не Таллула.

Но на ее мнении о внуке нет этой призрачной вуали. Нет, она любит его, но, боже, как же ей с ним тяжело! Она не хотела третьего ребенка. У нее была такая возможность. Примерно через год после того, как они с Джимом расстались, в ее жизни появился мужчина, который сказал, что подарит ей ребенка. Ей было чуть больше тридцати. Райан как раз заканчивал начальную школу, и на мгновение казалось, будто для этого идеальное время. Но стоило ей представить перспективу бессонных ночей, тревог и еще восемнадцати дополнительных лет по пути материнства, как желание тотчас пропало. Она представила себя в том возрасте, в каком она сейчас, в сорок лет, с двумя взрослыми детьми, и эта идея ей понравилась. Так что она сказала «нет» хорошему мужчине, который хотел подарить ей ребенка, и они сошли с дистанции как любовники, а затем он ушел, поняв, что хочет большего, и все. Она сознательно решила не заводить

третьего ребенка, и вот теперь у нее есть ребенок, капризный и сердитый, и она валится с ног от хронической усталости. Постоянно.

Но сейчас он спит, и они вместе перешли мост очередного дня, и ее любовь к нему такая же всеобъемлющая, как и ее любовь к двум детям, которых она родила сама, особенно сейчас, когда он рядом, но не бодрствует, когда у нее есть двенадцать часов, чтобы побыть самой собой.

Она открывает бутылку вина и наливает себе немного в бокал. Холодный поцелуй вина, когда оно попадает в нижнюю часть ее желудка, доставляет ей мгновенное удовольствие. Она делает еще один глоток и берет телефон, собираясь провести некоторое время, бездумно просматривая свою ленту в Фейсбуке. Но как только ее большой палец касается синего значка на экране, его стирает входящий телефонный звонок.

Дом Маккой.

Она прочищает горло и нажимает на иконку ответа.

— Ким. Это я, Дом. У нас есть кое-что новое. В Мейпол-Хаусе. Можете приехать?

У Ким перехватывает дыхание.

— Хм. Я только что уложила ребенка. Я одна. Мне не на кого оставить его. Можете мне просто сказать, что такое?

Секунда молчания, а затем он говорит:

— Хорошо, Ким, дайте мне пять минут. Десять. Я приеду к вам сам. Ждите.

Десять минут растягиваются в восемнадцать, прежде чем по стеклянным панелям ее входной двери наконец скользит тень Дома. Ким открывает ему еще до того, как он звонит в звонок, и ведет его в гостиную. Пока она ждала, она перелила вино обратно в бутылку и поставила его в холодильник. Она взбила подушки и убрала игрушки Ноя. Она собрала волосы назад и надела носки, чтобы Дом не видел ее неухоженных ногтей на ногах.

— Как ваши дела? — начинает Дом, садясь в синее, обтянутое джинсовой тканью кресло, в которое он всегда садится, когда приходит к Ким с новостями.

— Я в порядке, — говорит она. — Просто устала. Ну, вы понимаете.

— Да, — говорит Дом, — и полностью вам сочувствую.

Он больше не носит обручального кольца. Ким впервые заметила это около шести месяцев назад. И он похудел. Она нетерпеливо смотрит на него, ожидая услышать что-то хорошее.

— Керрианна Маллиган позвонила нам около часа назад. Ее дочь увидела со своего балкона что-то на территории колледжа. Она пошла посмотреть и нашла вот это.

Он поворачивает к ней свой телефон и показывает ей снимок. На нем что-то вроде той прибитой к забору картонной таблички, которую подруга директора школы обнаружила неделю назад.

— Что это? — хрипло спрашивает она. — Что это было?

Он поворачивает телефон к себе, проводит пальцем влево по экрану и снова поворачивает его к ней. Она смотрит на изображение. Это какой-то предмет в прозрачном пакете с надписью. В этом нет никакого смысла.

— Что это? — спрашивает она.

— Что ж, — говорит Дом, — я надеялся, что вы нам это скажете.

Она кончиками пальцев увеличивает на экране изображение. Это странный металлический инструмент с загнутым концом и U-образной выемкой, похожий на маленькую садовую лопатку.

— Я не знаю, что это такое. Я понятия не имею.

Она видит, как по лицу Дома промелькнуло разочарование.

— Что ж, — говорит он, — эту вещь отправили на экспертизу, так что, надеюсь, там поймут, что это такое. А пока мы все еще ждем ответа криминалистов по поводу отпечатков пальцев на кольце и коробке, но буду с вами честен, Ким, там все выглядит не слишком оптимистично. И, похоже, уже пришел анализ почерка, так что завтра я первым делом займусь им. В общем, еще есть над чем поломать голову.

Он улыбается ей, и она знает: он пытается казаться оптимистичным. Но вместе с тем она знает, что все идет не так, как он надеялся, потому что, хотя речь идет об исчезновении ее дочери, его неспособность раскрыть загадку ее исчезновения очень глубоко расстраивает Дома.

— Спасибо, Дом. Спасибо вам за все, — с улыбкой говорит она.

— Я бы рад взвалить на себя больше дел, — отвечает он. — Мне кажется, что я вечно сижу сложа руки. Но это, — говорит он, засовывая телефон в карман, — лучше, чем ничего. Кто-то что-то

знает, и этот кто-то хочет, чтобы мы знали то, что знает он. Так что держите ушки на макушке, Ким. Будьте бдительны. Если вдруг услышите что-то от кого-то, если кто-то скажет вам, что видел что-то странное, немедленно дайте мне знать. Договорились?

Он серьезно смотрит на нее. Она улыбается и говорит:

— Конечно.

И на мгновение ей кажется, что она может добавить: «У меня есть вино. У вас есть время?» Но тотчас понимает, что, конечно же, у него нет времени, что он занят работой, что он за рулем и ему еще ехать домой. У него своя собственная жизнь, дети, которых нужно уложить в постель, и он сделал то, ради чего пришел сюда, и, конечно, вряд ли захочет остаться и пить вино с уставшей, печальной женщиной. Поэтому она тоже встает и провожает его до двери.

— Завтра я первым делом снова свяжусь с вами. Берегите себя, Ким.

— Да, — говорит она, хватаясь за край двери. Она ощущает острую потребность быть ближе к другому человеку, потребность чего-то большего, нежели только она, Ной, этот дом и все эти вопросы, что до сих пор остаются без ответа. Затем она закрывает за ним дверь и тотчас сует в рот кулак, чтобы сдержать слезы.

Весна приближается к лету в однообразной череде утомительных студенческих дней и скучных ночей, проведенных рядом с Заком на диване, пока на столе рядом с ними мигает «радионяня». Ной дорос до той стадии, когда его голова слишком велика для его тела, и они шутят, что он выглядит как игрушечный болванчик, и когда он засыпает на заднем сиденье машины, им приходится подпирать его огромную голову подушками.

Квартира на кольцевой дороге в Рейгейте накрылась медным тазом, так как банк отказал им в ипотеке, и Зак с видом мрачного негодования возвращается к своим таблицам и банковским выпискам. Такое впечатление, что покупка недвижимости — единственное, что для него по-настоящему важно, что быть домовладельцем в девятнадцать лет — это своего рода знак чести, который даст ему почувствовать себя победителем.

Теперь они занимаются сексом по средам после обеда, когда Зак рано возвращается домой, Ким на работе, Райан в школе, а Ной днем спит. Каждый раз одно и то же, отработанная серия движений, которая заканчивается примерно через десять минут, когда Зак беззвучно кончает, уткнувшись лицом в подушку, а Таллула на цыпочках бежит в ванную, где рассматривает себя в зеркало, гадая, кто эта голая девушка с пустыми глазами и помятой грудью. Но вместе с тем она испытывает облегчение, ощущение, что это сделано и теперь у нее есть неделя, в течение которой ее тело принадлежит только ей.

Проходят недели, дни становятся длиннее. Летние экзамены все ближе, и Таллула больше времени проводит дома, повторяя пройденный материал, а не сидит на диване с Заком, который, когда она занимается, то и дело заглядывает в спальню, находя глупые предлоги, чтобы отвлечь ее.

В колледже она видит Скарлетт почти каждый день, но они научились игнорировать друг друга до такой степени, что Таллуле иногда кажется, что, возможно, ничего из этого никогда не было, что все это ей приснилось. Подружки Скарлетт никогда не принимали ее

как часть жизни Скарлетт и, похоже, рады тому, что ее там больше нет. Они машут ей, когда проходят мимо, кричат: «Привет, Лула», и Таллула отвечает им: «Привет». Но в обеденное время в столовой Таллула сидит с ребятами со своего курса социальной работы или одна. Они со Скарлетт не разговаривали друг с другом с утра воскресенья, когда Таллула, приехав к ней, застала ее с засосом на шее, поставленным бывшим парнем. Скарлетт несколько дней присылала ей по Ватсапу жалобные сообщения, но Таллула просто удалила их все, а затем и вовсе заблокировала ее.

Но неважно, сколько времени прошло или насколько успешно они могут притворяться, что не знают друг друга. Ее все еще тянет к Скарлетт, и чувство это такое же грубое, такое же красное, такое же реальное, каким оно было, когда они были вместе. Таллула испытывает почти физическую боль, стоит ей вспомнить ощущение руки Скарлетт на своей руке под столом в их тайной кондитерской для пожилых леди, вспомнить те воскресные утра. Стоит ей закрыть глаза, как она ощущает запах ароматической свечи в спальне Скарлетт, жар ее губ на своей коже, чувствует, как ее щеки горели румянцем еще в течение нескольких часов после того, как она возвращалась домой. Ей хочется все это вернуть. Но, увы, это невозможно, потому что она — мать, у нее есть ребенок, и у нее есть обязанности, и она не может возложить их на плечи той, кто не понимает, что нехорошо позволять бывшему бойфренду оставлять на шее засосы, зная, что нынешняя любовь едет к ней на велосипеде. Она просто обязана дать Ною прочную, надежную основу, а Скарлетт — это все что угодно, но только не надежность.

Но затем, одним солнечным утром во вторник, когда Таллула, засунув в коляску небольшой пластиковый пакет с ломтиками черствого хлеба, везет сидящего в ней Ноя к пруду, она видит на другом конце луга знакомую фигуру. По вторникам Скарлетт весь день в колледже. Ее здесь не должно быть. Она не может стоять на другом конце луга и смотреть прямо на Таллулу.

Таллула в панике. На миг ее охватывает желание развернуть коляску с Ноем на сто восемьдесят градусов и поспешить домой, но Скарлетт ускорила шаг и теперь направляется прямо к ней. Таллуле видно, как она в замешательстве хмурит лоб, как ее взгляд мечется между Таллулой и коляской.

Таллула опускает голову, глубоко вздыхает и идет через луг навстречу Скарлетт.

— Боже мой, он твой?

Таллула кивает.

— Да. Это Ной. Он мой.

Скарлетт недоверчиво смотрит на нее. Затем приседает и тянется к коляске. На мгновение сердце Таллулы начинает бешено колотиться; ей страшно: вдруг Скарлетт схватит его, ущипнет, причинит ему боль. Она подтягивает коляску к себе, но Скарлетт просто здоровается с Ноем.

— Привет, красавчик, — говорит она, глядя ладонью щеку Ноя. Тот смотрит на нее широко раскрытыми глазами, но без страха. Скарлетт поднимает взгляд на Таллулу. — Боже мой, — говорит она. — Он такой красивый.

— Спасибо.

Скарлетт издает нервный смешок.

— Боже мой, Лула. Ты мамочка.

Таллула вздыхает и кивает.

— Почему ты мне, мать твою, ничего не сказала?

— Не могла бы ты... — начинает Таллула, ненавидя себя за то, что она это говорит, но ей нужно это сказать, потому что эти слова причиняют ей физическую боль, когда она находится рядом с ребенком, — Не могла бы ты не ругаться? Ты не возражаешь?

Скарлетт зажимает себе ладонями рот.

— Вот же дерьмо, — говорит она. — Извини.

— Ладно. Просто он в том возрасте, когда начинает пытаться говорить. И я бы не знала, что мне с ним делать, если бы это было его первое слово. Ну, ты понимаешь.

Скарлетт кивает и улыбается.

— Боже. Да. Конечно. — Она снова встает и засовывает руки в карманы пестрого блузона в стиле лоскутного одеяла. Ее волосы короткие и растрепанные, вокруг рта — россыпь прыщей. И все же у Таллулы перехватывает дыхание. — Почему ты мне не сказала? — снова спрашивает она.

Таллула пожимает плечами.

— Честное слово, не знаю.

— Так вот почему ты прицепилась к этому лузеру. Теперь мне понятно.

Таллула мгновенно ощетиливается.

— Он не лузер.

Скарлетт пожимает плечами.

— Да кто угодно.

Они стоят и пару мгновений смотрят друг на друга. Ной начинает тихонько хныкать и брыкаться.

— Мы с ним идем к пруду, — говорит Таллула. Она не добавляет: «Хочешь пойти с нами?» Но Скарлетт все равно идет за ней.

— Отказываюсь поверить тебе, Лула. Ты послала меня, потому что я целовалась со своим бывшим, а у тебя самой все это время был тайный гребанный ребенок.

Таллула строго смотрит на нее, и Скарлетт говорит:

— Боже. Извини, да. Просто я не могу... я хочу сказать, никто в колледже не знает, что у тебя есть ребенок. Я не понимаю, почему ты даже словом не обмолвилась об этом?

— Вообще-то это неправда. В колледже много людей, которые знают, что у меня есть ребенок, но это не те люди, с которыми ты когда-либо заговорила бы.

Скарлетт фыркает.

— О да! Главная злодейка — это я. Как всегда я, верно? И никогда кто-то другой. В любом случае кого это волнует. Главное, что ты хранила этот огромный секрет от меня, я же никогда ничего от тебя не скрывала. Никогда. Я всегда была с тобой абсолютно честна. Даже в то последнее воскресенье. Я могла бы выгнать Лиама, сделать так, чтобы ваши пути не пересеклись бы. Но я этого не сделала. Потому что хотя то, что я сделала, и было слегка подозрительным, я не хотела тебя обманывать. Я не могла тебе солгать. Я вообще не умею лгать. Это одна из моих самых больших проблем. Итак... это же надо... я имею в виду, вот это... — Она указывает на коляску. — Это просто... чудо.

Наконец они доходят до пруда. Таллула ставит коляску на тормоз и наклоняется, чтобы расстегнуть на Ное ремни и вытащить его.

— Это не одно и то же, — кратко отвечает она. — Совсем не то же самое.

Она достает из пакета ломтик черствого хлеба и отламывает кусочек. Ной выхватывает его из ее руки и пытается бросить в пруд, но

хлеб падает к ногам Скарлетт. Скарлетт берет его, возвращает ему и говорит:

— Попробуй еще раз, дружище.

Она берет его руку и осторожно направляет ее в правильном броске. Хлеб падает на поверхность пруда, и она радостно восклицает.

— Дай пять! — говорит она, касаясь ладонью его ладошки. Ной с удивлением смотрит на нее. — Ты знаешь, Лула, я просто обожаю детей. Я даже говорила тебе, что люблю детей. Просто я ничего из этого не понимаю.

Таллула отламывает еще один кусок хлеба и вкладывает его в руку Ноя.

— Да, — говорит она. — Мне следовало тебе сказать. Ты права. Но я не сделала этого, потому что не хотела, чтобы ты... — Она умолкает, пытаюсь подобрать слова, которые не выдадут ее обиды. — Я хотела, чтобы ты думала, что я такая же, как ты. В смысле такой же вольный дух.

— Но у тебя есть твой чертов парень! Может ли что-то ограничивать твою свободу больше, чем это?

— Да, но парень — это не навсегда. Ребенок — он да, навсегда. Куда пойду я, туда пойдет и он. Что бы я ни делала, я его мать. Каждый час, каждый день. На всю оставшуюся жизнь. А это, как ты понимаешь, ко многому обязывает.

— Черт возьми, Лула. Жизнь вообще ко многому обязывает. Ты и я, у нас были отношения, потрясающие, удивительные отношения, они были для меня самым важным, что когда-либо происходило со мной в этой жизни. С первой минуты в тот день в автобусе, когда я увидела тебя, я знала, я тотчас поняла, что будет дальше, что нам с тобой суждено быть вместе. А потом мы были вместе, и ты подарила мне такое, мать его... — Она смотрит на Ноя и умолкает. — Ты подарила мне такое счастье. И я знаю, знаю, что то, что я делала с Лиамом, это некрасиво с моей стороны. Но, наверно, я просто подумала, что раз в твоей жизни был Зак, раз уже ты делала секрет из нас с тобой, — она указывает сначала на себя, затем на Таллулу, — значит, между нами нет ничего серьезного.

Они обе хлопают в ладоши, видя, что следующая попытка Ноя бросить хлеб оказалась успешной и к нему быстро приближается стая уток. Скарлетт протягивает руку и гладит Ноя по головке.

— Боже, — говорит она. — Он просто чудо. Такое маленькое чудо.

Таллула чувствует внутри волну удовольствия, но вместе с тем страха. Она притягивает Ноя немного ближе к себе, и Скарлетт убирает с его головы руку.

— Знаешь, — говорит она, — мы могли бы это сделать. Мы могли бы. Мне кажется, ты думаешь, что я просто красивая идиотка, не так ли? И я знаю, что я этому подыгрываю. Да-да. С людьми легче общаться, если они тебя недооценивают. Но я не идиотка, Лула. Я не первый день живу на свете и кое-что видела, видела гадкие вещи. Я выросла, извлекла для себя урок и... и... повзрослела. Младенец мне не помеха. Главное, быть с тобой. Но вопрос в том... готова ли ты быть честной в том, что касается нас?

Таллула вопросительно смотрит на нее.

— Ты имеешь в виду, рассказать людям?

Скарлетт кивает. Таллула снова смотрит на воду, на головы уток, ныряющих за намокшим хлебом, и пытается представить себя, как рассказывает разным людям о своей жизни. Мать восприняла бы все спокойно. Райан удивился бы, но осуждать бы не стал. Практически все, кого она знает в колледже, не стали бы ее осуждать. Есть только один человек, которому она не может это сказать.

— Я не смогу сказать Заку, — говорит она. — Он убьет меня.

— Убьет тебя? — Скарлетт делает большие глаза.

— Да, убьет.

— Ты это серьезно?

Таллула закрывает глаза.

Она представляет себе его лицо, то, как он стискивает зубы, когда чем-то недоволен, как бьет кулаком по неодушевленным предметам, когда чем-то раздражен, как раздуваются его ноздри, как он скидывает подбородок, глядя сверху вниз на объект своего недовольства. А еще она помнит, как он крепко сжал ее руки, когда она сказала ему, что у нее нет на него времени, и представляет себе, как он сожмет их еще в десять раз крепче, скажи она ему, что бросает его ради девушки. Зак не либерал. У него нет времени на политкорректность. Он сын своей матери: зашоренный, эгоцентричный, заикленный на самом себе, немного расист, немного гомофоб, немного женоненавистник. Все те вещи, которые не имеют

значения, когда вам четырнадцать и вы влюблены, с годами, когда вы из ребенка превращаетесь во взрослого человека, начинают коварно прорастать на поверхность, и даже если сейчас все это пока не вырвалось наружу, она знает Зака достаточно хорошо и потому понимает: все это там есть. Она знает его достаточно хорошо и потому понимает: узнай он про ее роман со Скарлетт, он бы счел себя оплеванным, и это унижение наверняка выльется в ярость, и Зак силен и находится всего в одной вспышке гнева от того, чтобы делать ей больно, причем постоянно.

— Да, — отвечает она, открывая глаза. — Да. Я думаю, он бы это сделал.

— Боже мой, Лула. Он когда-нибудь бил тебя?

Она качает головой.

— Не совсем.

— Не совсем?

— Нет. Нет, не бил.

Скарлетт запускает пальцы в свои короткие волосы и взъерошивает их, отступает на пару шагов и снова делает пару шагов вперед.

— Боже мой, Лула. Это просто кошмар. Ты его вообще любишь?

— Раньше да.

— А сейчас?

Она пожимает плечами и шмыгает носом.

— Нет, — тихо отвечает она. — Уже нет. Не совсем.

— И ты хочешь провести с ним остаток своей жизни?

Таллула с силой трясет головой. Она чувствует, как ей на глаза наворачиваются слезы, и пытается их сдержать.

— Нет, — говорит она сдавленным голосом. — Нет. Не хочу.

— Тогда, Таллула, тебе нужно нафиг разобраться с этим. Тебе нужно от него избавиться. Потому что так жить нельзя. Ты не можешь прожить свою жизнь в страхе.

— Но как мне от него избавиться? — говорит Таллула. — Как?

Часть третья

На следующий день, вернувшись домой из колледжа, Таллула берет Ноя на прогулку по деревне примерно в то время, когда она обычно укладывает его вздремнуть, а сама занимается с Заком сексом. Она переводит свой телефон в беззвучный режим, вставляет наушники и ставит музыку на полную громкость, не давая образу возвращающегося с работы в пустой дом Зака омрачить ее мысли.

Она заходит с коляской в «Ко-Оп» и ищет глазами Кезию. Она замечает ее в проходе с бакалеей, где Кезия ставит на полки упаковки с мукой.

— Привет, — говорит она.

Кезия оборачивается. Она смотрит на Таллулу, а затем на коляску. Увидев Ноя, она прижимает ладони ко рту и издает приглушенный писк.

— О. Мой. Бог. — Она убирает руки ото рта. — О мой бог, Лула. Он такой красивый.

Таллула улыбается, чувствуя приятное волнение в животе, которое она испытывает каждый раз, когда кто-то говорит ей, что ее сын красив.

— Спасибо, — говорит она. — Извини, что он спит. Но я обещала привезти его, чтобы показать тебе.

— Сколько ему сейчас?

— Одиннадцать месяцев.

— О мой бог. Как быстро летит время! Кажется, всего пять минут назад ты была беременна!

Таллула снова улыбается.

— Как Зак?

— Нормально. Ну, ты понимаешь.

— Все еще вместе?

— Пока вроде бы да, — сухо смеется она.

— С младенцем это тяжело, не правда ли?

— Да, — отвечает она. — Всякое бывает. Особенно когда живешь вместе. Вообще-то, я собиралась сказать: помнишь, ты говорила про

встречу с остальными? Из школы?

— Да! — Лицо Кезии сияет улыбкой. — Конечно. Кстати, завтра мы собираемся пойти куда-нибудь. Просто в паб. Не хочешь с нами?

— С удовольствием, — бодро отвечает Таллула, чувствуя, что ее план сбывается. — Было бы здорово. Во сколько?

— После семи? Или когда ты там сможешь уйти. Все-таки на тебе ребенок и все такое прочее. — Кезия вновь делает то же страдальческое лицо, лицо, которое она корчит всякий раз, когда смотрит на Ноя, как будто его красота — это некая ужасная болезнь.

— Отлично, — говорит Таллула. — Увидимся позже!

Она выталкивает коляску обратно из магазина, а затем в течение часа идет сначала до другого конца деревни, а потом задними дорожками назад, к деревенскому лугу. Она рассчитывает время своей прогулки так, чтобы вернуться за полчаса до возвращения матери и Райана. Этого должно хватить, чтобы ссора закончилась. Когда она приближается к тупику, ее сердце бешено колотится от предвкушения. Она поворачивает ключ в замке и толкает дверь.

— Привет! — кричит она. Ной все еще спит. Она оставляет его в коляске в коридоре, а сама заглядывает в дверь гостиной.

Зак сидит на диване с телефоном руке и колючим взглядом смотрит на нее.

— Где тебя, черт возьми, носило?

Она закрывает за собой дверь.

— Взяла Ноя на прогулку. В такую погоду просто грех сидеть дома, к тому же я уже закончила повторять материал.

— Я звонил тебе раз сто. Почему ты, мать твою, не берешь трубку?

Она достает из кармана толстовки телефон и смотрит на экран.

— Ой, — говорит она. — Блин. Извини. Он был на беззвучном режиме.

— Блин. Извини. Он был на беззвучном режиме, — передразнивает он ее. — Что это за мать, что выходит из дома, никого не предупредив, а телефон оставляет без звука?

— Наверное, я. — Ее тон бойкий, но под грудной клеткой бешено колотится сердце.

— Я в буквальном смысле понятия не имел, где вы оба. Вдруг вас обоих уже нет в живых?

— Как видишь, мы оба живы. Так что все в порядке.

Зак качает головой.

— Невероятно, — говорит он. — Совершенно невероятно. И не только это, но ведь сегодня среда. Между прочим, *наша* среда.

— Вот дерьмо, — говорит она. — Господи. Я забыла. Извини.

— Неправда. Тебе наплевать. Я это вижу.

— Нет, мне действительно стыдно. Честно. Я только что закончила повторять материал, и на улице было так великолепно, и Ной закапризничал, потому что захотел спать, и я подумала, как хорошо немного погулять, и совершенно забыла, что сегодня среда.

— Ты забыла, что сегодня среда? — Он стонет и закатывает глаза. — Опять двадцать пять. Как раз тогда, когда я подумал, что мы наконец-то пришли к согласию, что ты наконец воспринимаешь это всерьез. И как я это сразу не понял? Для тебя это просто шутка, не так ли? Вот это, — он указывает на них двоих. — Я. Ты. Ной. Всего лишь игра. Знаешь, иногда мне кажется, что подвернись тебе что-то получше, ты бы просто бросила Ноя и меня, потому что тебе наплевать на кого бы то ни было, кроме себя самой.

Таллула подавляет приступ ярости. Бросить Ноя? Эта мысль чудовищна, невообразима. Она слегка наклоняет голову и говорит:

— Думай что хочешь.

— Что значит думай что хочешь?

— Да. Думай что хочешь. Ты четко определил свое мнение обо мне, о том, что я за человек, чего я хочу и чего не хочу. И я не намерена с тобой спорить. — Она вздыхает. — Хочу налить себе чашку чая, — говорит она, поворачиваясь к кухне. — Хочешь чего-нибудь?

Он решительно мотает головой, и она видит, как мускул на его щеке пульсирует от гнева.

— Кстати, — кричит она ему, — забыла сказать. Я только что столкнулась с Кезией. Помнишь Кезию, с которой я ходила в начальную школу? Она пригласила меня на девичник, в нашем пабе. Завтра вечером. Ты не против посидеть с Ноем?

Из гостиной не доносится ни звука, и Таллула задерживает дыхание. Мгновение спустя Зак уже стоит в дверях кухни, сжимая и разжимая кулаки.

— Извини, — говорит он. — Кто такая Кезия?

— Кезия Уитмор. Мы вместе ходили в начальную школу. Сейчас она работает в «Ко-Опе».

— Верно. Так. Давай начистоту. Я знаю тебя почти пять лет, и я никогда раньше не слышал ни о какой Кезии, а теперь ты идешь с ней выпить.

— Да, — говорит она, закрывая дверцу холодильника. — Завтра вечером.

— И как ты собираешься за это платить?

Она пожимает плечами.

— Я не знаю. Наверное, мать даст мне немного денег.

— Итак, я изо дня в день работаю, вкалываю как проклятый, никогда не трачу ни на что ни пенса, ни гроша. В одиночку пытаюсь заработать для нас на крышу над головой, а ты просто идешь в паб с какой-то шалавой по имени Кезия, о которой я, блин, даже слыхом не слыхивал.

— Я не прошу тебя так много работать, — спокойно отвечает она. — Я не требую, чтобы ты ни на что не тратил деньги. Я не запрещаю тебе проводить время с друзьями. И, честно говоря, я даже не хочу, чтобы мы покупали квартиру. Мне нравится жить здесь, с мамой.

Она бросает на него быстрый взгляд. И видит, как стиснутые челюсти начинают скрежетать.

— Не понял?

— Я не хочу съезжать. Я хочу остаться здесь, с мамой.

Он фыркает.

— Господи, ты по-прежнему гребанный ребенок, Таллула. Когда ты, наконец, повзрослеешь? Ты все еще думаешь, что жизнь — это одни удовольствия: заниматься тем, что тебе нравится, ходить в паб, тусоваться с мамой. Это не так, скажу я тебе. У нас есть ребенок. У нас есть обязанности. Мы больше не дети, Таллула. Тебе пора стать взрослой.

Он нависает над ней, и она чувствует на своем лице жар его дыхания.

— Думаю, тебе следует съехать, — говорит она.

На миг воцаряется напряженное молчание.

— Что?

— Думаю, нам следует расстаться. Я не хочу больше быть с тобой.

Взгляд Таллулы устремлен в пол, но она чувствует, как воздух вокруг нее накаляется от ярости Зака.

Снова воцаряется затяжное молчание, и Таллула ждет. Ждет, что он сейчас ударит ее, ждет, что накричит, ждет, когда гнев, скопившийся слишком близко к натянутым швам психики Зака, наконец вырвется наружу. Но этого не происходит. Спустя несколько секунд она чувствует, как он смягчается, остывает и понурив голову уходит.

Она следует за ним в коридор. Он склоняется над спящим Ноем в его коляске и что-то шепчет ему. По спине Таллулы пробегает пугающий холодок. Она подходит ближе и наблюдает. Ее тело напряжено и готово сделать все возможное, чтобы защитить Ноя от Зака. Она слышит щелчок отстегнутых ремней безопасности, видит, как Зак осторожно вынимает Ноя из коляски и берет его на руки. Ной не шевелится, он крепко спит. Его большая голова мягко плюхается на изгиб шеи Зака, и Зак нежно целует его в макушку.

Он встречается взглядом с Таллулой поверх головы их сына и твердо и решительно говорит:

— Я никуда не уйду, Таллула, я никуда не уйду.

Софи сидит за своим столом в прихожей коттеджа, рядом с входной дверью. Странный запах горящего бензина, витавший здесь с тех пор, как они въехали, наконец начал исчезать, и она перенесла свою рабочую зону сюда, к окну, выходящему на кампус школы, чтобы наблюдать за передвижениями по ее территории. Накануне вечером Шон рассказал ей, что детективы нашли предмет, закопанный в клумбе возле жилого корпуса. По его словам, это какой-то рычаг, кусок металла с ручкой и загнутым концом, по-видимому очень старый. Никто не знает, что это такое, и почему оно здесь, и кто его закопал. Это полная загадка.

Но мысли Софи гложет еще одна загадка. Картонную табличку заметила Лекси Маллиган, дочь Керрианны, всего через несколько часов после того, как она вернулась домой из Флориды. Лекси утверждает, что увидела ее, когда стояла на балконе матери и курила вейп. Ранее сегодня утром Софи пошла прогуляться вокруг жилого корпуса. Посмотрев вверх, на балкон Керрианны Маллиган, она ощутила толчок в животе. Внезапно до нее дошло: балкон расположен слишком низко, чтобы с него через клумбу можно было увидеть то место, где оставили картонную табличку. То есть, сделала она вывод, по какой-то причине Лекси солгала.

Софи открывает крышку ноутбука и ищет в интернете Лекси Маллиган. Найдя, она нажимает ссылку на ее Инстаграм-аккаунт, который называется @lexiegoes. На фотографиях Лекси выглядит совсем не так, как в реальной жизни. В жизни она привлекательна, хотя в ее чертах есть некоторая тяжесть, отсутствие изящества, но на этих кадрах она выглядит как фотомоделль. Вот она в черном атласном халате с орнаментом из алых роз, скрестив ноги, сидит, потягивая коктейль, на балконе во Флориде на фоне бассейна в форме сердца. Сопроводительный текст представляет собой слегка завуалированную рекламу отеля, в которой полно хэштегов, относящихся к отелю и его материнской компании.

Софи смотрит на верх страницы и видит, что у Лекси 72 тысячи подписчиков. Она предполагает, что отель был халявой в качестве компенсации за рекламу. По всей видимости, с таким большим количеством подписчиков (у самой Софи их 812) Лекси получает массу бонусов и выплат от компаний, которые она продвигает. Софи невольно задается вопросом: почему взрослая женщина, которая, похоже, сделала блестящую карьеру, по-прежнему живет с матерью в крошечной квартирке в школе-интернате в Суррее?

Думая об этом, она снова смотрит в окно и видит, что по кампусу собственной персоной шагает Лекси. В легинсах и черной толстовке с капюшоном, волосы заплетены в две косы. В руках у нее пакет вроде тех, что дают в «Ко-Опе», и она выглядит за миллион миль от девушки в постах Инстаграма. Софи наблюдает, как она направляется к жилому корпусу. Через несколько минут она видит, как дверь на террасу Керрианны открывается и появляется Лекси с кружкой чая. Пару секунд она смотрит через весь кампус на простирающийся за ним лес, затем поворачивается и снова уходит внутрь.

Почему-то в том, как она это делает, есть что-то тревожное, что-то слегка детективное. Софи снова смотрит на ленту Лекси в Инстаграме и прокручивает ее вниз и вниз, через Кубу, Колумбию, Квебек, Сен-Бартс, Копенгаген, Белфаст, Гебриды, Пекин, Непал, Ливерпуль, Москву. Ее голова кружится от размаха путешествий Лекси. Она продолжает прокручивать, пока не добирается до чего-то более знакомого: это Лекси перед красивыми главными дверями школы. За ее спиной свет от витражей вестибюля падает разноцветными пятнами на кафельный пол. На ней пальто из искусственного меха до щиколоток и зеленая шерстяная шапка с пушистым помпоном. Рядом пара огромных чемоданов. Подпись гласит: «Дом, милый дом».

Софи всматривается внимательнее. Она прокручивает комментарии и видит, что подписчики Лекси думают, что это двери в ее дом. Что она здесь живет. И Лекси ничего не делает, чтобы исправить эти заблуждения. Она позволяет своим подписчикам верить, что да, она здесь живет. Софи видит комментарий от @kerryannemulligan: «И твоя мама так рада, что ты вернулась!» Она моргает. Керрианна, похоже, поддерживает иллюзию, будто Лекси живет в георгианском особняке.

Она уже готова просматривать ленту Лекси дальше, когда слышит стук в заднюю дверь. Она закрывает ноутбук и идет к входной двери.

— Иду! — кричит она.

— Привет, Софи, это я, Лиам.

У Софи перехватывает дыхание.

— Ой, — говорит она. — Привет. Одну минуту.

Она смотрит на свое отражение в настенном зеркале и убирает с лица волосы. Затем открывает дверь и с улыбкой приветствует Лиам.

Он стоит перед ней, сжимая в руках книгу. Она смотрит вниз и видит, что это ее роман, первый из серии, тот, который она написала, когда еще была ассистентом учителя. Софи даже не надеялась, что кто-нибудь когда-нибудь его прочтет. А теперь вот он, в хороших сильных руках красивого парня по имени Лиам, и внезапно Софи понимает, что у него в голове были ее слова.

— Извините, что беспокою вас, — говорит Лиам, прерывая ее ход мыслей, — но я вчера вечером дочитал вашу книгу. И она мне... очень понравилась. Честное слово, очень, очень понравилась. И я подумал, если у вас найдется минутка, я бы хотел задать вам о ней один вопрос. Но я могу вернуться в другой раз, если вы сейчас заняты.

Она секунду смотрит на него, затем легонько качает головой и говорит:

— О! Спасибо. Я не ожидала... в смысле да, извините. Пожалуйста, входите.

Он следует за ней на кухню и пару раз похлопывает корешком ее книги по ладони другой руки.

— Я вас не задержу. Просто я... Но ваша книга, я хотел вас кое о чем спросить. Сюзи Битс. Это вы?

Софи моргает. Это не тот вопрос, который она ожидала.

— Я это к тому, — продолжает он, — что у вас те же инициалы. Она блондинка, ей за тридцать, она родом из южного Лондона и раньше была школьной учительницей.

— Нет, — говорит Софи. — Нет. Она не я. Скорее она настоящий хороший друг. Или сестра, которой у меня никогда не было. — Это стандартный ответ, но она продолжает: — Во всяком случае, у Тайгера моих черт характера и моих взглядов куда больше.

— Правда? — говорит Лиам, и его лицо светится. — Вот это да! Это так интересно. Потому что, не знаю, когда я все это представлял

себе в голове, мне казалось, что я читаю про вас. Я видел, как вы делаете все, что делает Сюзи. Вплоть до обуви.

— Вплоть до обуви? — Они оба смотрят на ее ноги. На ней белые кроссовки, почти как всегда.

— Я имею в виду, вы никогда не описываете ее обувь, но я представлял ее в белых кроссовках. Потому что это то, что носите вы.

Софи не знает, что на это ответить.

— Разве я не описываю ее обувь? — спрашивает она.

Лиам качает головой.

— Нет. Никогда.

— Что ж, — говорит она, слегка запыхавшись. — Спасибо, что указали на это. В следующий раз, когда я буду описывать, что на ней надето, я специально для вас добавлю описание ее обуви.

— Серьезно? — говорит он.

— Да. Совершенно серьезно.

— Вот это да! И в какой книге это будет? В той, что вы сейчас пишете?

Софи оглядывается на свой ноутбук на столе в прихожей.

— Технически да. Но, если честно, я не написала ни слова с тех пор, как переехала сюда. Несмотря на все мои благие намерения.

— Творческий кризис?

— Нет, не совсем. Творческий кризис — серьезная психологическая проблема. Он может длиться годами. Вечно в особо трагических случаях.

— Тогда почему, как вы думаете, у вас не получается писать?

— Как вам сказать, — говорит она. — По множеству причин. Но в основном, я думаю, из-за того, что я нашла это кольцо. А теперь происходит все остальное.

Лиам кивает.

— Это все немного странно, не так ли? — Он снова стучит ее книгой по ладони другой руки и переминается с ноги на ногу. Он как будто чем-то встревожен. — Думаю, со временем все прояснится. Интересно, что они обнаружат еще? Вдруг, пока мы тут с вами разговариваем, кто-то зарывает очередной маленький сюрприз, в надежде на то, что кто-то его откроет.

— Как пасхальное яйцо.

— Да, — говорит он. — Полагаю, что да. Просто я... — Он перестает постукивать книгой и свободной рукой трет затылок. — Просто я не понимаю. Я ничего не понимаю. Если кто-то знает, что случилось с этой парой, то не проще ли просто пойти в полицию и рассказать все как есть?

— Не потому ли, что он или она сам к этому причастен?

Она замечает, как он слегка вздрагивает.

— Меня это пугает, — говорит он. — Ужасно пугает. Ладно, в любом случае... — похоже, он берет себя в руки, — ...не буду больше вам мешать. Я просто хотел спросить вас. Про Сюзи Битс. Насчет обуви.

Он еще раз стучит корешком книги по руке, затем поворачивается и идет к двери.

Лиам уходит, а Софи возвращается к своему столу и некоторое время сидит, представляя, как красавчик Лиам один в своей комнате читает ее книгу. Она пытается вспомнить содержание книги, но не может. Она идет в свою спальню, чтобы найти коробку, в которой лежат книги П. Дж. Фокса. Она разрезает клейкую ленту и роется в содержимом, пока не находит ту, которую ищет: первую в серии. Присев на край кровати, она листает страницы, пробегая по ним глазами. И внезапно она видит это. То, что витало в ее подсознании с того дня, как она сюда приехала. Она широко раскрывает книгу и читает:

«Сюзи открыла скрипучую калитку и оглядела главную улицу. Уже смеркалось, и в свете уличных фонарей мокрые тротуары светились теплым янтарем. Она плотнее стянула полы своего мехового пальто и уже собралась вернуться в ночь, когда краем глаза заметила что-то на цветочной клумбе слева от нее. Как оказалось, кусок картона, прибитый к деревянному забору. Кто-то нацарапал черным маркером слова «Копать здесь» и стрелку, направленную вниз, в землю...»

Зак сидит на краю кровати и смотрит, как Таллула собирается в паб.

— Это курам на смех, — говорит он.

— Может, хватит тарашиться на меня, пожалуйста?

— Да как хочешь. Можно подумать, кто-то заметит, если ты там не появишься. Да им всем наплевать.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что всем накласть. Все расхаживают вокруг, думая, что они пуп гребаной вселенной и что другие будут переживать, если они куда-то не явятся, но на самом деле всем до лампочки.

— То есть если бы в одно воскресенье ты не пришел на футбол, думаешь, никто бы этого не заметил?

— Это другое. Это команда. Для команды нужно определенное число людей. Вам не нужно определенное число, чтобы сидеть в гребаном пабе.

Таллула не отвечает. Вместо этого она переключает внимание на сережки, заменяя простые серебряные гвоздики и колечки, которые она обычно носит, на причудливый набор, соединенный цепочками от верхней части уха до мочки. Они похожи на серьги, которые носит Скарлетт.

— Что это за фигня?

Она испепеляюще смотрит на отражение Зака в зеркале, но не отвечает.

— Ты собираешься купать Ноя? — спрашивает она. — А то уже поздно.

— Что-то подсказывает мне, что ты не можешь диктовать мне наш график, потому что тебя здесь даже не будет.

Таллула закатывает глаза.

— Не могу поверить, что ты так психуешь из-за того, что я выхожу из дома.

— Дело не в том, что ты выходишь из дома. Ты все время выходишь из дома. А в том, что ты тратишь деньги. Когда мы

пытаемся экономить.

Она поворачивается и в упор смотрит на него.

— Я же сказала тебе, — говорит она. — Я не хочу никуда съезжать. Я не хочу покупать квартиру. Я хочу остаться здесь.

— Меня не особо интересует, чего ты хочешь или не хочешь. Это не ради тебя. Это ради Ноя.

— Ной тоже не хочет жить в коробке на обочине шумной дороги. Он хочет остаться здесь. Здесь хорошо. Луг прямо у нашего порога. Сад на той стороне площади. Его бабушка. Его дядя. Твоя мама.

На миг воцаряется молчание. Зак прищуривается, глядя на нее.

— Между прочим, моя мать считает, что Ной не мой.

Таллула замирает как вкопанная.

— Она считает, что я тебе нужен только ради денег. И знаешь, когда я думаю об этом, я понимаю, что, по большому счету, она права. Вспомни все те месяцы, когда ты не хотела, чтобы я был рядом с тобой. Все те месяцы, когда ты не подпускала меня к себе, держала на расстоянии вытянутой руки...

— Ты бросил меня, когда я была беременна, — цедит она сквозь зубы.

— А как ты думаешь, почему?

— Не знаю, — говорит она. — Расскажи мне.

— Потому что я тебе не поверил. Вот почему. Я не поверил, что ты и вправду беременна, я думал, ты просто пытаешься меня захомутать. Потому что мы были осторожны, и я знал, что мы были осторожны, и я не мог понять, как это могло случиться, а затем я начал думать про те разы, когда ты говорила, что готовишься к выпускным экзаменам, про те разы, когда ты была слишком занята, чтобы встречаться со мной. Я подумал, что не удивился бы, если бы ты была с кем-то другим. И поэтому залетела. Потому что это не мог быть я.

— Так ты бросил меня, потому что решил, что я беременна от кого-то другого?

— В общем, да.

— О господи!

— А потом я увидел тебя с младенцем, и ты выглядела такой счастливой и такой красивой, а ребенок был самым красивым, какого я только видел, и я подумал... — Его голос срывается. — Я подумал, что не почувствовал бы ничего такого, если бы он был не мой. Мне

казалось, я бы догадался. Я бы знал, будь он от кого-то еще. И каждый раз, когда я видел его, я просто все больше и больше влюблялся в него, и хотя он на самом деле не похож на меня, я мог сказать, что он мой. Ну, ты понимаешь? Например, вот здесь, — он бьет себя кулаком в грудь. — Мой. И я думаю, что моя мать не права. То есть я знаю, что она не права. Потому что он мой. Ведь так? Он мой?

Глаза Зака полны слез. Он выглядит несчастным, жалким. На миг сердце Таллулы наполняется чем-то вроде жалостливой любви к нему. Она ловит себя на том, что делает шаг к тому месту, где он сидит на краю кровати, обнимает его за шею и шепчет ему на ухо:

— Боже, конечно, он твой, конечно же, твой. Твой. Клянусь тебе, он твой.

И его руки обнимают ее и крепко прижимают к себе, и она чувствует на своей щеке влагу его слез.

— Пожалуйста, Лула, — шепчет он. — Я очень прошу, не уходи никуда сегодня вечером. Пожалуйста, останься дома. Я пойду и принесу нам бутылку вина. И немного чипсов «Доритос». Только ты и я. Пожалуйста.

Таллула думает о Кезии и ее странной маленькой компании местных подруг. Какие же чужие они для нее с их едва начавшейся самостоятельной жизнью и скромной, но надежной работой! Все как одна мечтают встретить своего парня и завести детей, как будто это все, что есть важного в жизни. Она вспоминает, что все они смотрят на нее как на экспонат в зоопарке, как говорят о материнстве и сожительстве, как если бы это была заветная цель, а не место, в которое вы можете случайно попасть.

Она представляет, как они чопорно сидят на бархатных диванах в «Лебеде и утках». Как потягивают дешевое просекко и смеются высокими голосами над вещами, которые не особенно-то и смешны. Она думает о том, что, может быть, стоит выпить вина с Заком, чтобы после всех этих недель обоюдной неприязни и резких комментариев, когда она оттаскивала Зака от края пропасти, убеждая его, что он может вернуться к матери, извлечь выгоду из этого редкого момента нежности и просто посидеть, как родители, мирно, по-дружески, как то бывало до того, как он переехал к ней.

Она думает, что если сегодня вечером они будут приветливы друг с другом, возможно, они смогут переместиться в такое место, где

никто не злится и каждый получает то, что хочет. И больше всего они оба хотят счастья для Ноя. И, возможно, Зак свыкнется с тем, что этого достаточно, что Таллула ему не нужна, что ему не нужна нуклеарная семья, что есть другие девушки, которые будут любить его таким, какой он есть, а не просто терпеть его ради счастливой семьи. Девушки, которые хотели бы связать с ним свое будущее, которые хотели бы заниматься с ним сексом чаще, чем раз в неделю, девушки, которым не нравятся другие девушки.

Поэтому она кивает и говорит:

— Да. Давай это сделаем. Это будет классно. Я сейчас отправлю Кезии сообщение. Мы можем остаться дома. Мы можем остаться дома.

На следующее утро Софи остается в постели, а Шон встает и собирается на работу. Она спала плохо. Она нервничает из-за того, что сегодня вечером приедут его дети. Их привезет бывшая жена Шона, Пиппа, и ей предстоит неловкая церемония передачи их с рук на руки. Она знает, что с близнецами все будет в порядке, это здоровые и несложные в общении дети, в основном потому, подозревает она, что они близнецы. И все равно она жутко нервничает из-за того, что две ночи и два дня ей придется играть роль матери, сосредоточив внимание на ком-то другом после всех этих дней, когда ее голова была забита загадочным исчезновением Таллулы и Зака. Согласно прогнозам, все выходные будет лить дождь, а значит, все те прекрасные вещи, которые, как она думала, они могли бы делать вместе, не состоятся и они застрянут в четырех стенах или в лучшем случае пойдут пообедать в паб на той стороне деревенского луга. Но главным образом она не спала из-за своей пугающей встречи с Лиамом и того отрывка, который она нашла в своей собственной книге.

После того как он ушел, она провела некоторое время в Инстаграме, занимаясь его поисками, и наконец, хорошенько прошерстив, нашла его аккаунт. На фото его профиля было его лицо, а его имя — @BoobsBailey, что показалось Софи весьма странным. У него было очень мало постов, всего десятка два-три. Но один бросился Софи в глаза. Фотография, датированная июнем 2017 года. Судя по всему, снимок был сделан в садике во внутреннем дворе позади паба «Лебедь и утки». Софи узнала большие часы из кованого железа, что висят там на стене. На фото были Лиам, Скарлетт и Лекси. Все они обнимали друг друга, а Скарлетт высунула язык — серебряный пирсинг поблескивал на солнце. Под фото Лиам написал слово «красотки».

Выходит, Лиам и Лекси были друзьями. У поста было семь лайков, и Софи нажала на них, чтобы узнать, от кого они, вдруг от тех, кого она знала. Один был от Керрианны Маллиган, другой — от кого-то по имени @AmeliaDisparue. Кликнув на него, она открыла страницу

юной девушки с тонкими светлыми волосами и эльфийским личиком. Ее био описывало ее как Кожа-да-кости, Застрявшая в Гребаном Неизвестно Где.

Ее лента состояла из нескольких странноватых, абстрактных снимков пейзажей, а последний пост был датирован 16 июня 2017 года. Сердце Софи екнуло. Темное мерцание подсвеченной воды в бассейне, контуры ярко-розового фламинго, попавшая в кадр рука с зажженной сигаретой, размытые очертания фигур, сбившихся в кучу под пледом. Она щелкнула изображение и увеличила его, но сказать, кто эти люди на заднем плане, было невозможно. Снимок без подписи, без лайков и комментариев. Он просто висел там подвешенный, как пустой мысленный пузырь, без контекста и смысла. Но это явно был — Софи в этом почти не сомневалась — мучительно загадочный фрагмент той ночи, в которую пропали Зак и Таллула.

Затем ее отвлекла лавина писем в ее почтовом ящике — обычное явление в это время дня, когда работавшие в офисах люди, перед тем как идти домой, спешили доделать недоделанные дела. А потом вернулся Шон. В ту ночь в постели ее голова шла кругом от разрозненных фрагментов информации, противоречивых чувств к ключевым игрокам и оставшихся без ответа вопросов. Ей снился бассейн, надувные фламинго, странные металлические рычаги и Лиам Бейли, пишущий на ее кроссовках розовой ручкой-маркером, что ей нужно побрить ноги.

Теперь она сидит в постели и бездумно просматривает сообщения в своем телефоне. У нее в десять доставка еды, масса хороших здоровых продуктов для близнецов, немного вина, немного сладостей, на которые близнецы будут смотреть с трепетом и вожделением, как будто они никогда раньше не видели шоколадных рисовых пирожных, плюс молоко для хлопьев. Не считая этого, у нее свободный день. Ей следует собираться в Данию. Она уезжает рано в понедельник утром. У нее заказана машина, которая в четыре тридцать утра отвезет ее в Гатвик, а дети пробудут здесь до раннего вечера воскресенья. Ей следует использовать день с умом: очистить свой почтовый ящик, подготовиться к поездке и расслабиться перед прибытием детей.

Но она чувствует это внутри себя как поставленное на постоянный повтор странное музыкальное произведение, эту необходимость копать дальше, как в прямом, так и в переносном

смысле. Она гуглит Dispare. В ту ночь девушка по имени Мими была единственной в «Темном месте» помимо Лиама, Лекси и матери Скарлетт. Как и Скарлетт и ее семья, Мими также удалила свое присутствие в Интернете. «Диспарю» по-французски означает «исчезнувший», а Мими вполне может быть сокращением от Амелии.

В результатах поиска всплывает аккаунт в YouTube кого-то по имени Мими Мелия. Софи нажимает на ссылку.

И резко садится в постели.

На экране все та же молодая женщина с тонкими светлыми волосами и эльфийским личиком. Кажется, она в спальне. Она регулирует угол наклона камеры, которую использует для записи самой себя, и затем говорит:

— Привет, друзья, добро пожаловать на мой канал. Меня зовут Амелия. Или Мими. Или все, что вам самим нравится, в данный момент... кого это волнует? Я собиралась рассказать вам сегодня о своей борьбе с целиакией, или глютеновой болезнью. Но, как некоторые из вас знают, в течение последнего года, а точнее, пятнадцати месяцев, в моей жизни была еще одна борьба. Посттравматический стресс, вызванный одним случаем, что произошел прошлым летом, о котором я до сих пор не говорила, чтобы защитить кое-кого очень близкого мне. Но недавно я обнаружила, что этот человек совсем не тот, кем я его считала, и...

Затем она умолкает. Ее взгляд отрывается от камеры и устремляется куда-то в нижнюю часть экрана. На ней белый топик без рукавов, а ее руки очень бледные и худые. Ее взгляд возвращается к камере.

— Итак, — начинает она. — Вряд ли я могу сказать слишком много. На самом деле я ничего не могу сказать. Но... — она выдерживает для пущего эффекта драматическую паузу, — ...похоже, то, что не может быть названо, наконец, наконец, наконец... — она скрещивает две пары пальцев, — ...вот-вот выплеснет свои кишки. Просто подождите, просто подождите, когда это произойдет. — Она сжимает руки в два кулака, один рядом с другим, а затем взрывает их. — Пьюу, — говорит она. — Пьюу!

На этом видео заканчивается. Софи сидит онемевшая, с отвисшей челюстью. Затем просматривает ролик снова. Дата на видео — вчерашняя.

Софи понятия не имеет, та ли это девушка по имени Мими, которая была там в ночь исчезновения Зака и Таллулы. Но эта девушка когда-то поставила лайк под фотографией Лиама, Лекси и Скарлетт, сделанной в «Лебеде и утках», и теперь она обсуждает событие, произошедшее более года назад, которое ей не разрешали обсуждать, но которое оставило ее с посттравматическим стрессовым расстройством. Софи кладет телефон, вскакивает с кровати и идет в душ.

* * *

Двадцать минут спустя она уже стоит у дома Ким Нокс.

Ким подходит к двери, держа в одной руке тубик туши и щеточку — в другой. Софи слышит, как позади нее ее внук что-то кричит. Ким закрывает глаза, поворачивает голову и вздыхает, затем вновь открывает их и в упор смотрит на Софи.

— Ой, — говорит она. — Извините. Я думала, это доставка с «Амазона».

— Извините, что побеспокоила вас так рано, Ким. Вижу, вы заняты, но я просто хотела поскорее кое-что вам показать. У вас найдется минутка?

— Да, конечно. Заходите. Извините, тут у нас небольшой хаос, как обычно по утрам. У вас есть дети?

— Нет, — отвечает Софи. — Нет. Вернее, есть, пасынки. Вроде как есть, вроде как. Не совсем, но типа того. Они приедут на этих выходных, так что, думаю, тогда я тоже буду погружена в хаос.

У Ким милый дом, стены выкрашены в мягкие оттенки серого и перламутрово-розового, как раковина устрицы, с вкраплениями безумных обоев с райскими птицами и медных светильников. Но в нем царит кавардак. На полу валяется обувь, игрушки и пустые картонные коробки. В гостиной орет телевизор, и мальчик кричит все громче. Он сидит в кухне на голубом стуле за белым столом с пластиковым покрытием и пластиковой ложкой ест хлопья.

— Давай, Ной, доедай. Мы должны выйти из дома через десять минут.

— Нет! — кричит он. — Не хочу в сад!

Он швыряет пластиковую ложку на стол, разбрызгивая вокруг молоко. Ким берет с раковины влажную тряпку и вытирает лужицы, затем берет у мальчика миску с хлопьями и несет ее к посудомоечной машине.

— Нет! — вопит мальчик. — Нет! Отдай обратно!

— Хорошо, — говорит Ким. — Но ты должен пообещать, что съешь это быстро и аккуратно. Договорились?

Он серьезно кивает. Ким вновь ставит перед ним миску, после чего он медленно и нарочно двигает ее по столу, пока она почти не свисает с края. Ким хватается ее за секунду до падения, убирает ее от него и говорит:

— Извини. Это твой последний шанс. Теперь допивай сок, и нам нужно готовиться выйти из дома.

— Нет! — кричит он. — Я никуда не пойду!

— Я могу прийти позже, если вы не против, — говорит Софи.

Ким вздыхает.

— Вы можете просто сказать мне, в чем дело?

— Я тут просматривала социальные сети, — нерешительно начинает Софи. — Странички всех, кто был в «Темном месте» той ночью. И я нашла на YouTube канал одной девушки. Ее зовут Амелия, но она сокращает имя до Мими. И я подумала: вдруг это она?

— Мими? Мими Родс?

— Да. И эта девушка, она вчера что-то опубликовала, нечто странное. Я хотела, чтобы вы это посмотрели, чтобы вы могли сказать мне, она это или нет. В смысле Мими.

— Послушайте, — говорит Ким. — Я сейчас угомоню малыша и встречу вас на улице. Мы можем вместе пойти в ясли. У вас есть время?

— Да, да. У меня есть время. У меня куча времени. Увидимся через минуту.

Софи выходит из дома. Вопли яростной истерики внука Ким все еще звучат в ее ушах. Она несколько минут терпеливо ждет на краю деревенского луга. Наконец появляется Ким. Ее волосы собраны на макушке в лохматый пучок. В очках в черной оправе и без макияжа, она толкает коляску с орущим мальчиком.

Постепенно он успокаивается. Софи смотрит на него, затем на Ким и спрашивает:

— Все в порядке?

Ким кивает.

— Да. В конце концов мы добрались до цели. У нас есть таблица вознаграждений. Не так ли, Ной? И что мы получим, если поднимемся на вершину радуги?

— «Леголенд»!

— Да. Нам нужно добраться до «Леголенда». И как высоко мы поднялись по лестнице?

— Наполовину.

— Да. Мы на полпути. Так что нам просто нужно и дальше стараться вести себя хорошо, особенно по утрам, чтобы не опаздывать в ясли. Да?

— Да, — кивает он. — Да. А потом... «Леголенд»!

Они прошли уже половину площади, собираются обогнуть пруд с утками. Софи достает телефон, включает видео на полный экран, переворачивает телефон набок, и они на ходу смотрят его.

— Это она? Это Мими Родс?

— Боже. Я не уверена на все сто. Я видела ее всего пару раз в полицейском участке. И тогда у нее были рыжие волосы, а здесь она блондинка. Но да, очень похоже на нее.

— А мне? — канючит Ной.

Ким вздыхает и говорит Софи:

— Не возражаете? Он всегда должен все видеть. Все.

Софи передает телефон Ною. Он хватает его и смотрит на девушку.

— Ей грустно, — говорит Ной, — Грустная тетя.

— Да. Пожалуй, — говорит Ким. — Пожалуй, да, грустная.

В следующий момент они оказываются у крошечной начальной школы, притулившейся в переулке позади паба «Лебедь и утки». Маленькие дети в серой и синей форме гурьбой проходят мимо них в ворота, и в душе Софи тотчас оживают отголоски того времени, когда она работала помощницей учителя. Напротив главных ворот стоит небольшой сборный дом, окруженный собственным штакетником. Это ясли. Они ведут Ноя через дверь, где отдают на попечение молодой девушке с широкой улыбкой, а затем смотрят друг на друга.

— Может, выпьем кофе? — спрашивает Ким. — В «Утках»?

— Конечно.

Они садятся за столик и вместе смотрят видео целиком.

— Что ж, — говорит Ким. — Это наверняка она. Иначе просто быть не может. Можете прислать мне ссылку? Чтобы я отправила ее детективу, который ведет это дело?

— Конечно, дайте мне ваш номер.

Она по Ватсапу отправляет ссылку Ким, и они ждут, пока та попадет в ее почтовый ящик, после чего кладут свои телефоны на стол.

— Значит, вас интересует эта история? — спрашивает Ким, вращая чашку с кофе на блюде.

— Да. Я имею в виду, что как только я увидела табличку с надписью «Копать здесь», во мне проснулось любопытство. Не хочу показаться корыстной, но я пишу детективные романы, так что я в некотором смысле запрограммирована на подобные вещи. Ну, вы понимаете? А потом, когда Керрианна рассказала мне о пропавших без вести...

— Керрианна? Керрианна Маллиган?

— Да. — Она умолкает, понимая, что только что выдала Керрианну. — Вероятно, это было слегка бестактно с ее стороны, но когда я упомянула, что пишу детективные романы, она сказала, что прошлым летом тот лес несколько раз обыскивали. И я подумала, вдруг знак, который я видела рядом с лесом, имеет некое отношение к... Таллуне. А потом... остальное вы знаете. Но есть одна вещь... странная вещь.

Ким смотрит на нее и перестает крутить чашку.

— Вы знаете, что они нашли какое-то странное орудие? На клумбе? Рядом с жилым корпусом?

Ким кивает.

— Я, конечно, могу ошибаться, но картонная табличка... мне не верится, что дочь Керрианны смогла увидеть ее с края собственного балкона. Не могу избавиться от мысли, что она находилась в чьей-то комнате, когда увидела ее.

— И в чьей же?

— Лиама Бейли? Может быть такое? — Она показывает ей фотографию Лиама и Лекси в саду паба «Лебедь и утки». — Смотрите, — говорит она. — Они друзья. Я этого не знала. Так что, возможно, она находилась в его квартире, а не в своей, когда это увидела. Я просто думаю... — Она умолкает, потому что на самом

деле не знает, что думать. — Я просто подумала: если бы вы поговорили с детективом, может, вы бы упомянули об этом? На тот случай, если они сами не додумались. Хотя я уверена, что додумались. Должны были додуматься.

Ким снова кивает.

— Почему кто-то так поступает со мной? — спрашивает она.

Софи вздрагивает от ее резкого голоса.

— Почему кто-то не говорит мне всего, что знает? Почему они такие жестокие? И эта девушка, эта Мими. Она явно разговаривала с кем-то в деревне. Это единственный способ узнать, что здесь происходит. Значит, это тот человек, что оставляет улики. И это полная бессмыслица. Как такое может быть, что половина людей, которые были там той ночью, растворились в воздухе, а вторая половина все еще здесь и по какой-то неизвестной причине ведет нас всех по гребаной садовой дорожке.

Она почти срывается на крик, и женщина за стойкой бросает на них взгляд.

— У тебя все нормально, Ким? — кричит она.

Ким кивает и вздыхает.

— Да, все нормально, — говорит она. — Все нормально. — Она берет телефон и кладет его в сумочку. — Я поговорю с Домом про видео. Посмотрю, что еще он может мне сказать.

— Дом?

— Детектив.

— А-а-а, — улыбается Софи. — Настоящий детектив.

Ким тоже улыбается.

— Да. Настоящий детектив, — говорит она и добавляет: — Мне очень стыдно, но я не читаю книг. Если честно, я не прочла ни одной после девятнадцати лет. Еще до того, как родилась Таллула. В противном случае я бы спросила, как называются ваши книги. Но я бы все равно о них не слышала.

Софи думает, а не рассказать ли Ким про отрывок из своей собственной книги, которую кто-то, похоже, копирует; книги, с которой Лиам Бейли вчера домой пришел к ней домой, постукивая корешком по ладони, — жест, который теперь ей кажется смутно зловещим, — но затем решает не делать этого. Это откровение лишит

ее беспристрастности, а беспристрастность, как ей кажется, — это ключик к доверию Ким.

— Нет, — отвечает Софи с обнадеживающей улыбкой. — Нет. Вероятно, нет.

Скарлетт направляется навстречу Таллуле от корпуса факультета изящных искусств. Она прижимает к груди маленькое портфолио и выглядит так, будто ей поручена некая важная миссия. Таллула поворачивается и прыгает в тень, но, увы, слишком поздно, Скарлетт ее заметила. Она шагает к ней, хватая ее за руку и осторожно тянет на дорожку за корпусом факультета.

— Ну? — спрашивает Скарлетт, и ее глаза широко раскрыты от отчаяния. — Ты это сделала? Тебе это удалось? Что случилось? С тобой все в порядке?

Таллула смотрит на свои ноги. За корпусом прохладно и сыро, асфальтированная дорожка зеленая от плесени и мха.

— Со мной все в порядке, — говорит она. — Я работаю над этим. Я знаю, что я делаю.

Скарлетт недоверчиво смотрит на нее.

— О боже, — говорит она. — Ты струсила? Черт возьми, Таллула. Что случилось?

— Я просто... я не знаю. То есть я сказала ему, что хочу расстаться. Я сказала ему, что не хочу больше с ним жить, не хочу никуда переезжать, не хочу быть с ним, и я думала, что он наорет на меня. Но он этого не сделал. Он... — Она вздрагивает при воспоминании. — Он просто взял ребенка на руки и держал его вот так, прямо перед лицом, и сказал, что никуда не собирается уходить. И это было похоже на угрозу. Ну, ты понимаешь? Как будто если я заставлю его уйти, он сделает Ною больно. И поэтому я просто прекратила этот разговор, не хотела на него давить. А потом прошлой ночью... — Она шумно втягивает в себя воздух. — Я должна была пойти в паб, и он расплакался, сказал, что боялся, что Ной не его и как сильно он его любит, и поэтому я не пошла в паб, я осталась, и мы просто поговорили с ним всю ночь. Ну, ты знаешь? Мы выпили вина и просто говорили, как будто не разговаривали сто лет. И я сказала ему, что я чувствую и что я больше не хочу быть с ним в паре, но я хочу

воспитать Ноя вместе с ним, и он, похоже, очень хорошо это воспринял.

— Значит, он съезжает?

Таллула неловко переминается с ноги на ногу.

— Нет. Во всяком случае, пока нет. Он говорит, что собирается купить квартиру, даже если мы там не будем жить, чтобы ему было где жить самостоятельно и куда он сможет брать Ноя. Потому что он совершенно не хочет возвращаться к своей матери, и, честно говоря, я его не виню, потому что его мать противная тетка, а папаша полный подонок, поэтому я сказала, что пока у него нет своей крыши над головой, он может остаться.

— Остаться... в твоей постели?

— Ну да. Но это ерунда. Мы просто положим посередине подушку. Не вижу в этом ничего страшного. Ведь мы вместе с четырнадцати лет. Можно сказать, знали друг друга еще детьми. И это ненадолго. Он уже скопил денег. Это не продлится больше нескольких недель.

— А как насчет ваших послеобеденных утех в среду? Ты сохранишь с ним отношения?..

— Нет, — с вызовом говорит Таллула. — Нет. Этого больше не будет. Лишь чисто платонические отношения. Чисто родительские. Еще несколько недель. А потом он уйдет.

— А потом?

Таллула вопросительно смотрит на нее.

— Что потом? Когда он уйдет? Мы с тобой? Мы сможем?..

Таллула вздыхает.

— Я не могу просто взять и во что-то прыгнуть. А ты по-прежнему натуралка, или кто ты там на самом деле. Все еще трахаешься с парнями. У меня есть ребенок, о котором нужно заботиться, и если я собираюсь связать себя с тобой отношениями, это должно быть серьезно. Но я не думаю, что ты на это способна. Честное слово, не думаю.

Она видит, как Скарлетт вздрагивает при этих словах, но быстро берет себя в руки.

— Ты права, — говорит она. — Права. Я идиотка. Я всегда была идиоткой. Но я могу измениться. — Она говорит это нарочито обиженным голосом, что вызывает у Таллулы улыбку, но тут же

становится серьезной и кладет руку на плечо Таллулы. — Я дура набитая, Лула, но я могу попробовать измениться. Шутки в сторону. То есть мне почти двадцать. Я больше не ребенок. Я не ребенок. Ты дашь мне еще один шанс? Пожалуйста?

При звуке голосов, приближающихся к началу тропы, Таллула отстраняется от ее прикосновения. Когда же голоса замолкают и люди уходят, она вновь поворачивается к Скарлетт.

— Не знаю, — говорит она. — Я не могу ясно думать. Пока что мне нужно разобраться с Заком. Я должна убрать его из дома и вернуть себе мою жизнь. Тогда я смогу разобраться с собственной головой. Но сейчас я не могу этого сделать. Честное слово, не могу. Извини.

Скарлетт кивает.

— Конечно, — говорит она. — Я понимаю. Это справедливо. Но я буду ждать тебя. Клянусь. Я буду для тебя как монахиня. Я буду для тебя как десять монахинь. Seriously, Лула, только не позволяй ему манипулировать тобой. Договорились? Не дай ему обманом вынудить тебя остаться с ним. Потому что он наверняка попробует.

— Клянусь, он этого не сделает. Я могу сказать. Он это серьезно.

Скарлетт с прищуром скептически смотрит на Таллулу.

— Клянусь.

Скарлетт кивает, всего один раз, кончиками пальцев правой руки касается щеки Таллулы, затем поворачивается и уходит, оставляя ее стоять одну. Ее прикосновение оставляет после себя на коже Таллулы румянец безымянного страха.

— Привет, Дом. Это я, — говорит Ким. — Хочу спросить, вы успели посмотреть ссылку, которую я вам отправила, на эту девушку на ютубе?

— Нет, — отвечает он. — Еще нет. Извините. Я сейчас посмотрю на нее и перезвоню вам. Но у нас есть неплохие подвижки. Наконец-то мы разыскали Мартина Жака, отца Скарлетт. Или, по крайней мере, у нас есть его личный помощник, который постоянно говорит, что он свяжется с нами, но дела держат его в Абу-Даби. Мы все еще пытаемся найти остальных членов семьи. Они были на Гернси, но, похоже, пару недель их никто не видел. Но, Ким, я прошу, поверьте мне. Мы делаем все, что в наших силах. Что-то происходит. Дело движется. Да, в некоторых случаях чересчур медленно, я согласен. Но в наши дни, когда правительство урезало все, что только можно, чтобы что-то сделать, требуется уйма времени, а в случае «холодных дел» и того больше...

Когда кости уже ледяные, думает Ким. Когда кровь засохла накрепко. Когда уже поздно кого-то спасти.

— Я изо всех сил пытаюсь сдвинуть расследование с мертвой точки, Ким. Я только этим и занимаюсь. Это все, о чем я думаю. Клянусь.

Она слышит в его голосе досаду и разочарование и чувствует, как они отражаются в ее собственной душе. Она проглатывает их и говорит:

— Да. Конечно, Дом. Я знаю. Можете не объяснять. Просто я так...

— Да, — говорит Дом. — Да. Я знаю.

В этих словах она чувствует некий жар, рожденный энергией отчаяния, утраты, разочарования и ложной надежды, но и близостью, что возникла между ними двумя, когда все остальное отпало от них, и тем, что их объединяет. Она вздыхает.

— Спасибо, Дом. Спасибо за все, что вы делаете.

— Рад вам помочь, Ким. Всегда.

Он заканчивает разговор, и Ким пару секунд стоит, глядя в окно кухни на деревья в конце сада. Она думает о тощей грустной девушке, работающей на камеру в какой-то комнате, девушке, которая что-то знает о том, что сейчас происходит в «Мейпол-Хаусе». А затем ясно, как будто наяву, вспоминает тот жаркий июньский полдень, когда она шла в «Темное место», струйку пота по своей спине, Райана, качающего Ноя в его коляске, капли воды из бассейна на плече Скарлетт, как они сливаются и падают, красивого сына хозяйки с упаковкой пива в руке, хрупкую мать в белом сарафане, то, как Скарлетт отказывалась посмотреть ей в глаза, и, наконец, то, как она произнесла имя ее дочери. Лула.

Во всех остальных отношениях она была холодной и отстраненной, но когда она произнесла имя Таллулы, ее голос прозвучал хрипло и тяжело, как будто это имя что-то для нее значило. Она думает о той ночи, которую Таллула, по ее словам, якобы провела у Хлои, потому что Хлоя якобы склонялась к самоубийству, и вновь задается вопросом, где она была. Ким вспоминает все те воскресные утра, когда Зак играл в футбол, а Таллула брала свой велосипед и отправлялась кататься по окружающей местности. Она думает о том, как всякий раз дочь возвращалась, сияя улыбкой и румянцем, и выглядела полной загадок и тайн. Она даже помнит, как однажды спросила Таллулу: «Куда ты на самом деле едешь на велосипеде? Когда ты возвращаешься, у тебя такой вид, будто ты только что побывала в некоем волшебном месте». И Таллула улыбнулась и сказала:

— Просто каталась по сельским дорогам, где нет пробок. Это великолепно.

— А ты делаешь остановки? — спросила она. — Чтобы посмотреть и исследовать местность?

— Да, — ответила дочь, снимая с Ноя слюнявчик. — Я делаю остановки и исследую местность.

Ее тон был полон эмоций, таких же эмоций, какие она слышала в голосе Скарлетт, когда та произнесла имя Таллулы. И когда она думает об этом, в ее голове всплывает еще одно воспоминание о Скарлетт, завернутой в черное полотенце. Она видит, как вода из бассейна струится ручейками с ее мокрых волос, как ее пальцы сжимают ее узкие ступни, а затем, буквально на долю секунды, перед ее мысленным взором мелькает крошечная татуировка чуть ниже ее

лодыжки, буквы ТМ. На каком-то подсознательном уровне Ким замечает ее и одновременно не замечает, потому что с чего вдруг у этой девушки, о которой она раньше и не слышала, на ноге могут быть вытатуированы инициалы ее дочери? Помнится, ее рука снова соскользнула вниз, чтобы прикрыть эти буквы, и Ким их и видела, и не видела, но они все время были там, как солнечное пятно.

Она хватает телефон, находит в Ватсапе номер Софи и с невероятной быстротой набирает ей сообщение:

Это я, Ким. Вы заняты? Могу я поговорить с вами кое о чем?

Ответ приходит мгновенно:

Совсем не занята. Могу говорить прямо сейчас.

В течение нескольких дней после ночи, когда Таллула и Зак пили вино и разговаривали, между ними все идет хорошо. Зак расслаблен и весел. Он готовит для них ужины, он купает Ноя и развлекает его, он тихо сидит за своими таблицами, жонглирует своими финансами и не пристаёт к Таллуле с вечными просьбами взглянуть. Он даёт Таллуле возможность учиться и просто быть. Ночью они спят в её постели с младенцем между ними, и он не пытается проявлять к ней физическую нежность. Каждое утро он тихо встает на работу и каждый вечер тихо возвращается домой, и все в порядке.

Затем, в начале июня, сразу после первого дня рождения Ноя, Скарлетт отправляет Таллуле сообщение с просьбой подождать её после занятий, чтобы им вместе поехать домой на автобусе. Они встречаются на тротуаре возле колледжа. У Скарлетт в разгаре летняя сессия. Она целых два дня пишет натюрморт.

— Артишок и кость, — говорит она, когда они вместе идут к автобусной остановке. — Нет, я совершенно серьезно. Я провела два дня, глядя на артишок и кость.

— Что они символизируют?

— Да так, ничего. Просто вещи, которые я подобрала, когда выходила из дома. Кость принадлежит Тоби. Его она не впечатлила. Но выглядят эти штуки довольно круто. Я положила их на черный бархат, и они смотрятся прямо как с полотна голландского мастера.

— Когда твой последний экзамен?

— В среду на следующей неделе. Затем в четверг я должна сдать свое портфолио, а затем будет пятница, и я пойду в паб, чтобы выпить в хлам.

— С кем ты идешь?

— Как обычно. Плюс, возможно, Лиам. — Она искоса смотрит на Таллулу, чтобы оценить её реакцию. Но Таллула лишь пожимает плечами и говорит:

— Как хочешь. Это не мое дело.

— Нет, серьезно. Просто как друзья. Потому что мы просто хорошие друзья. Честно. То, что произошло той ночью, было просто глупо. Просто глупо, глупо, потому что я глупый, глупый человек.

— Скарлетт, все в порядке. Тебе не нужно ничего объяснять.

— Да, но я должна. Я должна все объяснить. В любом случае я должна все объяснить самой себе. Я всегда жила по принципу «сначала сделай, потом думай». Я никогда не думаю о последствиях того, что делаю. Послушай... — Она втягивает воздух в легкие и поворачивается к ней лицом. — Я знаю, ты думаешь, мол, у меня была такая беззаботная жизнь и со мной никогда не случилось ничего плохого. Но со мной случилось что-то очень плохое. Что-то в высшей степени плохое. Вскоре после того, как мы с тобой познакомились. Вот почему я бросила колледж. Вот почему я так долго не могла ни на кого смотреть.

Таллула вопрошающе смотрит на нее и ждет, пока она продолжит. Скарлетт вздыхает и говорит:

— Может, пойдешь со мной в паб? Когда выйдем из автобуса? Я тебе все расскажу.

Они садятся в тихий уголок паба «Лебедь и утки», заказав диетическую колу для Таллулы и горячий шоколад с рюмкой рома для Скарлетт. Паб в это время дня практически пуст, в окна светит летнее солнце. У стойки бара сидит мужчина, у его ног собака породы бигль. Скарлетт указывает на него и говорит, как и обо всех собаках, которых она видит:

— Хороший пес.

— Ладно, — говорит Таллула, — я готова выслушать твое темное признание.

Скарлетт слегка ёрзает.

— Не могу поверить, что я сейчас расскажу тебе все. Ты наверняка возненавидишь меня еще больше, чем ты уже ненавидишь.

— Я не ненавижу тебя.

— Хорошо. Просто пообещай мне, что ты никогда, никогда не расскажешь ни единой живой душе то, что я сейчас тебе расскажу. Никогда-никогда.

— Обещаю.

— Я серьезно. Никогда.

— Никогда.

Скарлетт медленно моргает и берет себя в руки.

— В начале прошлого лета, — начинает она, — в самом начале каникул я была очень одна. Лиам вернулся на свою ферму. Мать моталась в Лондон и обратно. Все были в отъезде, и мне было очень тоскливо и очень одиноко. Я имею в виду, очень-очень одиноко. И однажды я пошла в школу, — она указывает на «Мейпол-Хаус» по другую сторону от деревенской площади, — просто чтобы пойти и поздороваться с Лекси Маллиган. Потому что мне очень хотелось с кем-то поговорить. Я взяла собаку, и мы пошли по лесу. Это был потрясающий день. На мне было платье-комбинация и ботинки, и я вспотела даже в тени деревьев. А потом я поняла, что навстречу мне идет какой-то мужчина, и я слегка струсила и даже пожалела, что со мной не гребаный ротвейлер, а слюнявый сенбернар и что на мне слишком мало одежды. Но потом он подошел ближе, и я узнала его. Его лицо было знакомо. А потом я увидела его собаку и поняла, что это мистер Крофт.

— Мистер Крофт?

— Да. Муж Хасинты Крофт. Нашей директрисы. Ну, такая крошечная худышка, похожа на Полли Покет, героиню мультика.

Таллула качает головой. Она никогда не обращала внимания ни на что, что там происходит, в «Мейпол-Хаусе».

— Ты бы узнала ее, если бы увидела. В общем, она замужем за Гаем. Он такой высокий, лысый и тихий. Веб-дизайнер. Работает из дома. Заботится об их ребенке. Держится особняком. И, клянусь, до того дня я даже толком не замечала его. Я узнала его только по собаке. Черный лабрадор. Нельсон. Буквально самый красивый пес на свете.

Таллула краем глаза смотрит на время в телефоне. Уже почти четыре. Обычно она бывает дома примерно в четыре пятнадцать. Она чувствует, как ее окошко свободы сжимается, а Скарлетт между тем рассказывает ей про собаку по кличке Нельсон.

— Тоби, конечно же, потащил меня поздороваться с Нельсоном, и пока Тоби и Нельсон «болтали», мы с мистером Крофтом тоже разболтались, и он сказал мне, что он дома один, что Хасинта сейчас в их лондонском доме с сыном, что она уехала на несколько недель и он собирался присоединиться к ним летом, что ему нужно закончить проект, бла-бла-бла. И пока он говорил, я видела, что он тарашится на

мои сиськи, и я не знаю почему, потому что, по идее, это должно было меня напугать, но по какой-то причине это меня просто возбудило.

Таллула со стуком ставит стакан колы на стол и кашляет, потому что жидкость попала ей не в то горло.

— Боже мой, — задыхается она. — Пожалуйста, прекрати. Я не хочу больше ничего слышать.

— Я знаю, извини. Это мерзко. Но потерпи немного. Дальше будет еще хуже.

— О боже, Скарлетт. Я не уверена, что смогу.

— В общем, да, мы болтали про разное скучное дерьмо, и я подумала: я хочу трахнуть с ним, и у меня, вероятно, была овуляция или что-то в этом роде, я не знаю, но я посмотрела на него и подумала: «А теперь давай, сделай это со мной. И...»

Таллула кладет между ними руку и закрывает глаза.

— Честно. Я не могу...

— Пожалуйста, — говорит Скарлетт. — Я должна рассказать все как было. Это важно.

Таллула снова вздыхает.

— Тогда давай.

— Я видела, что он тоже это чувствовал. А если серьезно, ему где-то за сорок. И он лысый. И даже не красавец. И я сказала ему, что иду в школу, и он сказал, что пойдет со мной, и мы болтали, и сексуальное напряжение нарастало, а затем мы вышли из леса и оказались перед задней дверью его дома на территории школы, и он сказал: «Заходи на стакан воды». Вот и все.

Таллула бросает на нее потрясенный взгляд. Она не знает, что на это сказать.

Скарлетт между тем продолжает:

— Мы трахались целый месяц. Буквально это единственное, чем я тогда занималась. Шла с собакой через лес, стучала в заднюю дверь дома миссис Крофт, он впускал меня, и мы трахались. Потом я уходила. И это было потрясающе. Вроде как грязно, но потрясающе. Просто секс, если задуматься о его технике, это такая странная и глупая вещь. Если задуматься о том, что делает мужчина и что делает женщина и для чего это нужно. И если думать об этом слишком долго, то больше не захочется повторять это снова, потому что это омерзительно. Но в том-то и дело. Никто из нас не думал. Нам было

просто скучно, одиноко, и нам хотелось секса. Я не могу объяснить это иначе. Когда я оглядываюсь назад, я даже не понимаю. Не знаю, о чем я думала. Это было похоже на жутко извращенный курортный роман. Как бы то ни было, через несколько недель он уехал в Лондон, и я отправилась на яхте с Рексом и матерью, а затем наступил сентябрь, и Лиам вернулся в колледж, а я начала учиться в колледже в Мэнтоне, и я и Гай оба согласились завязать и жить каждый своей жизнью. И какое-то время так и было. Я его не видела, он не выходил на связь. Но потом, примерно в то время, когда я впервые встретила тебя, в тот день в автобусе, он был в «Ко-Опе», и я была в «Ко-Опе», и наши взгляды встретились, и мы завели какую-то глупую светскую беседу, и я убежала, чувствуя себя совершенно растерянной. А потом он прислал мне эту чертову картинку с членом.

Таллула снова ахает и прикрывает ладонями рот.

— Нет, — шепчет она сквозь пальцы.

— Да. И я сразу удалила ее и набрала «НЕТ». Заглавными буквами. А потом на какое-то время все снова затихло, а затем однажды ночью, когда он, должно быть, был пьян, он буквально начал бомбардировать меня эсэмесками, фотками членов, признаниями в любви и ненависти и всем остальным. Он сказал, что миссис Крофт никогда не бывает дома, а его сын учится в школе-интернате, а он сам страшно скучает по мне и не может без меня жить. И я просто удалила все и перестала отвечать, а затем в ночь рождественской вечеринки в колледже, после того как я встретила тебя, у меня просто снесло крышу. Ты просто взорвала меня, а мой почтовый ящик был полон всей этой дикой хрени от мистера Крофта, и мне даже не хотелось приближаться к «Мейпол-Хаусу» или деревне. Я хотела держаться подальше от всего и всех, поэтому я пару дней спустя порвала с Лиамом, а затем наступило Рождество, и я, совершенно расстроенная, просто сидела дома со своей семьей. Я собиралась вернуться в колледж в январе. Новый старт. Голова ясная.

Но однажды, в эту странную неделю между Рождеством и Новым годом, я взяла Тоби в лес, и на мне были наушники, и это еще был день, и только начинало темнеть, но в лесу еще темнее, и я была близко к дому, и поэтому я думала, что я в безопасности, как вдруг внезапно... — Она замолкает, и ее взгляд падает на стол. — Кто-то подошел ко мне сзади, зажал мне рот рукой, вот так, и потащил меня

назад, и я чуть не умерла от чертова сердечного приступа. И конечно, это был он, мистер Крофт, Гай. И он улыбался мне, как будто это была милая шутка. Он указал на мои наушники, требуя их вытащить из ушей, делая вид, будто это нормально, когда в лесу в темноте кто-то зажимает девушке-подростку рот. Я вынула их и сказала: «Какого хрена?» И он в ответ: «Я ухожу от нее». И я сказала: «Не поняла?» И он: «Я ухожу от Хасинты. Между нами ничего не осталось. Все кончено. У меня есть квартира. Пойдем со мной».

И я как бы рассмеялась и сказала: «Мне восемнадцать лет. Я студентка. Я живу с мамой. Я ни с кем никуда не хожу». Возможно, это прозвучало легкомысленно, не знаю. А если серьезно, это было просто безумие. И тогда он заплакал, а Тоби начал скулить, потому что он всегда скулит, когда люди плачут, и это рассмешило меня, потому что, блин, когда взрослый мужик плачет, а сенбернар скулит — это смешно. А потом он посмотрел на меня взглядом, который говорил «Заткнись», и набросился на меня с поцелуями, грубо и отчаянно. И я просто впала в транс. Я не могу этого объяснить. Я впала в транс и просто совершала движения. Просто совершала движения, как запрограммированная кукла.

Я просто подумала: ладно, пусть это произойдет. Просто позволь этому случиться. Думаю, что в некотором смысле я не давала этому стать изнасилованием, потому что, будь это настоящее изнасилование, я бы этого не пережила. Так что я мысленно превратила это в секс. А потом... — Она умолкает и переводит дыхание. Таллула слышит, как в ее горле застревают слезы. — После этого он испуганно посмотрел на меня и сказал: «Я пойду». Я лишь кивнула, и он ушел, и я могла сказать, что он и вправду был напуган, потому что то, что мы только что сделали, эта странная вещь, она была в серой зоне, ну, ты понимаешь, такой двусмысленной, и невозможно было понять, где тут было согласие или было ли оно вообще. И он это знал, и я это знала, но никто из нас этого не признал вслух. А потом он ушел. И больше я его никогда не видела.

Таллула не знает, что сказать.

— Боже, это ужасно. Как ты себя чувствуешь?

Скарлетт перемешивает горячий шоколад и пожимает плечами.

— Не знаю. Я чувствовала себя омерзительно... избитой, истерзанной. Я не знала, кто я и что я. Я все думала, что проснусь на

следующее утро и буду чувствовать себя нормально, но этого не случилось. Я не могла рассказать матери. Я не могла рассказать никому. Однажды я не выдержала, я подумала, что у меня нервный срыв, и я позвонила Лиаму, умоляла его приехать. Я хотела рассказать ему все. Но потом он приехал, и все, что я хотела, это просто забраться к нему на руки, прижаться к нему, чтобы он меня качал, как ребенка. Но стоило мне закрыть глаза, как я чувствовала, как рука Гая зажимает мне рот. Я чувствовала его на себе. Каждый раз, когда я смотрела на Тоби, я думала: ты там. Ты был свидетелем. Что ты видел? Что ты думал? Он меня изнасиловал? Я жертва? Или я шлюха?..

Скарлетт вытирает слезы тыльной стороной ладони. Она вздыхает, роняет чайную ложку, берет горячий шоколад и пьет. Таллула кладет руку ей на плечо.

— Это похоже на кошмар, — говорит она.

Скарлетт кивает в знак согласия.

— Да, — отвечает она. — Да. Именно. Точно. Лес, сумерки. То, как он внезапно напал на меня. То, как потом исчез. О нем никто больше не говорил. Я ни разу не слышала, чтобы кто-то упомянул его имя. Как будто его никогда не существовало. Как будто он был просто плодом моего воображения. Это было скорее похоже на тревожный сон, какой потом преследует вас в течение нескольких дней, и я была подавлена, полностью подавлена, как вдруг спустя несколько недель в воскресенье утром раздался звонок в дверь и там была ты. Таллула из автобуса, которая пришла, чтобы спасти меня.

Она умолкает, и Таллула с любопытством смотрит на нее. Почему-то ей кажется, что Скарлетт недоговаривает, как будто еще не закончила изливать душу.

— И это все?

Скарлетт энергично кивает.

— Да, — говорит она. — И это все.

Когда Таллула выходит из паба, уже почти половина пятого. Она чувствует себя разбитой и подавленной. Она быстро смотрит на свой телефон, чтобы убедиться, что никто не пытался до нее дозвониться, кладет его в карман джинсов и отправляется к другому концу широкого деревенского луга. Шагая через него, она бросает взгляд в сторону «Мейпол-Хауса». Где-то там, размышляет она, Хасинта Крофт, женщина, с чьим мужем у Скарлетт прошлым летом был

грязный роман. Где-то там — Лиам Бейли, парень, которому Скарлетт изменяла с мужем директрисы школы.

И вот она, Таллула Мюррей, местная мама-подросток, у которой ее первый лесби-роман, а там — она бросает взгляд на свой дом — парень по имени Зак Аллистер, отец ее ребенка. А где-то там ее собственный отец, который любит свою мать больше, чем жену и детей, а вон там — она смотрит на ведущую из деревни дорогу — Мэгс и Саймон Аллистер, родители пятерых детей, ни одного из которых они не любят по-настоящему. А там, за деревней, лес: темный мир, где Скарлетт, возможно, изнасиловал, а может и нет, мужчина, который годится ей в отцы. И нигде никаких ответов, никаких ясных путей. Единственное, думает она, шагая, единственное, что ясно, ясно и просто, — это Ной.

Приближаясь к дому, она ускоряет шаг, ей не терпится поскорее взять его на руки. Спеша к тупику, она слышит знакомый грохот автобуса, подъезжающего к остановке рядом с «Мейпол-Хаусом». Двери с шипением открываются, и она видит, как из автобуса выходит знакомая фигура и поворачивает налево. Это Зак. Он возвращается с работы позже обычного. Она думала, что он уже вернулся. Это объясняет, почему она не получала от него сообщений или пропущенных звонков. Она ускоряет шаг и догоняет его. Когда он поворачивается и смотрит на нее, его лицо слегка искажается, и она видит, как он что-то быстро засовывает в карман пиджака, какой-то небольшой пакет. Она делает вид, что не заметила, и с улыбкой шагает к нему. Похоже, он слишком взволнован тем, что она почти застукала его за чем-то подозрительным, и даже не замечает, что она возвращается домой поздно и не с того направления.

— Ты опоздал, — говорит она.

— Это да. После работы ездил в город. Нужно было купить новое зарядное устройство для телефона.

Прежде чем перейти дорогу, они останавливаются, чтобы пропустить машину. Это Керрианна Маллиган, сестра-хозяйка из «Мейпол-Хауса». Она знает всех, и все знают ее. Она поднимает руку и машет им из окна. Они машут в ответ. Когда они входят в дом, Зак снимает куртку, вешает ее на крючок и идет прямо в гостиную, и Таллула слышит, как он воркует с Ноем.

Она быстро засовывает руку в карман куртки Зака и вытаскивает пакет. Это темно-зеленый пластиковый пакет с надписью «Мейсон и сын. Ювелирные изделия». Она заглядывает внутрь и видит небольшую черную коробочку с тем же логотипом, напечатанным золотом. Она собирается открыть коробочку, когда чувствует, что в коридор кто-то вышел. Она запихивает пакет обратно в карман и поднимает глаза. Это ее мать.

— Все в порядке, детка? Ты припозднилась.

Таллула заставляет себя улыбнуться.

— Все в порядке, — говорит она. — Экзамен начался поздно и слегка затянулся. — Она снова улыбается, отодвигается от куртки Зака — та теперь как будто излучает радиоактивные частицы, которые могут испепелить ее плоть, — и направляется в гостиную, где Ной сидит в руках Зака и Зак целует его пальчики и дует ему в ладошку. И хотя она не открывала коробку, она знает, что в ней, и на мгновение ей кажется, что она не может дышать, как будто кто-то сидит у нее на груди, потому что она знает, что это значит, знает, что Зак никогда не уйдет от нее, что он просто притворяется, будто строит планы уйти. Она понимает, что он играет с ней в игру, что он нарочно старается не ссориться с ней, удерживает ее рядом, выжидая своего часа.

Ной видит Таллулу. Его пухлое личико тотчас расплывается в широкой беззубой улыбке, и он протягивает к ней ручки. Она выхватывает его у Зака и пытается не отшатнуться, когда Зак заключает их всех троих в свои объятия, пытаясь создать из них семью, пытаясь сделать их единым целым.

В коттедже Софи звонит дверной звонок. Это старомодный звонок, такой нечасто услышишь в наши дни разных навороченных гаджетов и электрических колокольчиков. Он невероятно громкий, и каждый раз, когда она слышит его, Софи испуганно вздрагивает. Вот и сейчас она хватается за сердце. На пороге стоит Ким.

— Извините, — говорит Софи, открывая дверь, — от этого звонка вечно вздрагиваю. Извините. Заходите.

Ким следует за Софи на кухню и смотрит, как та из-под крана наполняет чайник.

— Я только что говорила с Домом, — сообщает она. — Он все еще не посмотрел клип с той девушкой, Амелией. Я жутко расстроена. Нет, я знаю, полиция делает все возможное, но чем больше времени проходит, тем медленнее движется расследование. Я просто подумала, у вас, похоже, иной взгляд на вещи. Я имею в виду, вы ведь нашли это видео с Мими и сами пишете детективные романы... — Она кисло улыбается. — Я же... я просто пытаюсь собрать в своей голове разрозненные фрагменты. Всякую всячину.

— Например?

— Видите ли, на следующий день после того, как они пропали, я пошла поговорить с подругой Таллулы по колледжу. Ее зовут Хлоя, и она живет на дороге, что ведет из деревни. Церковный переулок. Я всегда думала, что они с Таллулой подружки. Однажды ночью Таллула даже ночевала у нее, потому что думала, что Хлоя склонна к самоубийству. Естественно, она первая пришла мне в голову, когда я подумала, кого я могу расспросить.

Знаете, у Таллулы было не так много друзей. Она была зациклена на Ное — и в некотором роде на Заке тоже. Как бы то ни было, я поговорила с Хлоей, и она сказала, что они с Таллулой не только больше не подружки, но Таллула к тому же никогда не ночевала в ее доме и что год назад на рождественской вечеринке Таллула ушла со Скарлетт Жак. И все же Скарлетт уверяла, что они с Таллулой на самом деле не знали друг друга до той ночи. А затем, прямо сейчас,

перед тем как написать вам, я кое-что вспомнила. Тогда я не придавала этому особого значения. Накануне я пошла к этим Жакам, и Скарлетт только что вылезла из бассейна, она сидела, завернувшись в полотенце, и я заметила, вот здесь, — Ким указывает на бок ступни, — у нее была татуировка, очень четкие инициалы ТМ.

Софи недоуменно смотрит на Ким.

— ТМ. Таллула Мюррей. И теперь моя голова идет кругом, я перебираю события, смотрю на все под другим углом, потому что... вдруг у Таллулы и Скарлетт был роман? А Зак об этом узнал? И все это выяснилось той ночью, в доме Скарлетт? И что, если... — Она умолкает. — В любом случае, что-то происходит. Я знаю, что-то происходит. Рычаг, который нашли на клумбе. Я уверена, он как-то с этим связан. Я знаю, что полиция пытается отследить семью Жак, и я знаю, что происходит много-много всего, и мне кажется, что мы уже близки к разгадке, но я не могу толкать Дома сильнее, и мне просто нужен кто-то, кто бы меня поддержал. А у меня больше никого нет. Нет, поймите меня правильно, у меня есть друзья. У меня есть сын. Но у меня нет никого, кто согласился бы вникать во все это вместе со мной. И я подумала: как вы отнесетесь к тому, чтобы мне помочь? Я знаю, моя просьба может показаться немного странной...

— Нет, — энергично перебивает ее Софи. — Нет, это не звучит странно, вовсе нет, это звучит великолепно. Если честно, я хотела помочь вам, но не хотела, чтобы вы подумали, что у меня на уме одни только черные мысли.

Ким улыбается.

— Я буду благодарна, если вы мне поможет. Честное слово. И я подумала: вы ведь хорошо разбираетесь в соцсетях и в подобных вещах? Давайте посмотрим, что еще мы сможем найти. Вдруг мы сможем добраться до этих Жаков раньше полиции?

Софи кивает.

— Да, — говорит она, и от возбуждения ее сердце начинает биться чуть быстрее. — Да. — Она идет в коридор, берет ноутбук, переносит его на кухонный стол и широко открывает. — Давайте найдем этих людей.

Ким и Софи сидят бок о бок за кухонным столом, перед Софи ее ноутбук. Они снова смотрят видео Мими на ютубе и прокручивают страницу вниз, чтобы узнать, есть ли новые комментарии. Есть, целых

три. Они быстро их читают. Последний их пугает. Он от кого-то по имени Черри, и в нем сказано:

Удали это НЕМЕДЛЕННО.

В течение следующих нескольких дней небольшие жесты физической нежности начинают множиться.

Зак заправляет ей за ухо прядь волос, нежно проводит пальцами по ее затылку, ночью в постели перебрасывает руку через ребенка, чтобы неким образом обнять и ее тоже. Жесты эти не сексуальны и мимолетны, так что она едва успевает их заметить и пожаловаться. Иногда она видит лицо матери, когда та мельком замечает проявления его нежности, как оно озаряется теплой улыбкой. Вне всякого сомнения, мать думает, Таллуле крупно повезло, что в ее жизни есть такой любящий, заботливый мужчина.

Но от этих жестов у Таллулы по коже ползут мурашки. Она хочет оттолкнуть его руку, процедить сквозь зубы, чтобы он отвалил. И все это время в ее сознании пульсирует воспоминание о маленькой черной коробочке в кармане его куртки, словно тихий, но настойчивый сигнал тревоги, срабатывающий где-то вдалеке. Она чувствует его в воздухе, он все ближе и ближе. Каждый раз, когда Зак прочищает горло или зовет ее по имени, у нее перехватывает дыхание, ей страшно, что он сейчас сделает ей предложение.

А потом, одним солнечным июньским днем, он смотрит на нее с кровати, где лежит со своим ноутбуком, и говорит:

— Знаешь, я тут подумал. Я был слишком зациклен на этой квартире. Слишком зациклен на том, чтобы накопить денег. И теперь мне кажется, что неплохо бы их немного потратить. — Его тон — легкий и игривый, на лице улыбка. — Как ты смотришь на то, чтобы провести вечерок в пабе? Ты и я? Я угощаю.

— Видишь ли, — осторожно начинает она, — сейчас я не могу. У меня еще куча работы перед экзаменами.

Он садится прямо и нетерпеливо смотрит на нее.

— А когда твой последний экзамен?

Она пожимает плечами.

— В пятницу на следующей неделе.

— Хорошо, — говорит он, — тогда в пятницу. Мы идем в паб. Я попрошу твою мать посидеть с Ноем. И закажу нам столик.

Ее сердце пропускает один удар. Вот оно.

— Ой, — игриво говорит она. — Честное слово. Не трать на меня деньги. В пятницу вечером я буду никакая. Со мной будет скучно. Может, тебе лучше пойти со своими приятелями?

Он качает головой.

— Ни за что! С какой стати мне их поить? Нет, только ты и я. Это свидание.

Ее взгляд, должно быть, выдал ее мысли. Он садится прямо и тянется к ней через кровать.

— Никакого давления, — говорит он, беря ее руки в свои. — Ничего такого. Просто приятно проведем вечер. Ведь мы это заслужили. Согласна?

У нее нет сил возражать ему, поэтому она кивает, и заставляет себя улыбнуться, и думает, что перейдет этот мост, когда доберется до него. По крайней мере, так она не будет жить на нервах, в любой момент ожидая его предложения. Так у нее будет небольшая передышка, время на подготовку. Он целует ее руки и отпускает их.

— Ладно, не буду тебе мешать, — говорит он. — Пойду приготовлю Ною чай. Хорошо?

Она кивает.

— Да, — говорит она. — Да, пожалуйста. Спасибо.

Он выходит из комнаты и тихо прикрывает за собой дверь. Это совершенно не похоже на Зака, поскольку обычно он с силой стучит и гремит неодушевленными предметами, так что ей становится не по себе.

* * *

На следующий день в колледже Таллула в обеденный перерыв находит Скарлетт. Она отводит ее на тропинку позади корпуса и говорит:

— Кажется, Зак собрался сделать мне предложение.

— Что?

— Он купил кольцо. Я нашла его у него в кармане. А теперь на следующей неделе он хочет пригласить меня на свидание. И он просто приторно нежный, заботливый и милый.

— Блин, Лула. Что ты намерена делать? Пожалуйста, скажи мне, что ты ответишь «нет».

— Конечно, я скажу «нет». Как же иначе? Но что потом? Он психанет. Пригрозит забрать у меня Ноя. Он превратит мою жизнь в ад. Единственная причина, по которой он сейчас такой милый, — это надежда, что я скажу ему «да». Или же, если я скажу «нет», он будет вправе психануть.

— Это неважно, — говорит Скарлетт, сжимая руку Таллулы. — Неважно, что он говорит, что он думает или как реагирует. Ты ему ничего не должна. Этот ребенок твой. Твоя судьба принадлежит тебе одной. Он просто должен будет признать, что «нет» означает «нет», и двигаться дальше.

Таллула кивает. Но она не убеждена. Ной ее сын, но вместе с тем и сын Зака. А Зак — тот отец, рядом с которым должен расти мальчик: физически развитый, ласковый, любящий, трудолюбивый, верный, надежный, хороший образец для подражания. В какой-то безумный момент ей хочется, чтобы Зак был больше похож на молодых отцов-пофигистов, столь любимых бульварной прессой, тех, что фонтанируют своим семенем направо и налево и движутся дальше; тех, что забывают дни рождения и не приходят проведать своих чад. Тогда она без зазрения совести убрала бы Ноя из его жизни. Она не чувствовала бы себя виноватой из-за того, что заставила их жить порознь, за то, что свела отношения Зака с собственным сыном к торопливым визитам по выходным в одинокую квартиру.

— А если он не может двигаться дальше? — говорит она. — Что, если он не примет «нет» в качестве ответа? Что, если он закатит скандал? Что, если Ной никогда меня не простит? Что, если я пожалею об этом?

— Пожалеешь об этом? — не веря своим ушам, повторяет Скарлетт. — Как можно пожалеть, что ты не вышла замуж за парня, которого не любишь? Который хочет запереть тебя в бетонной коробке? Ты рехнулась?

Таллула качает головой.

— Нет, просто я... я не знаю. Подумай, сколько женщин, девочек, хотели бы иметь настоящую семью. Да они бы зубами вцепились в парня, который готов поставить семью превыше всего. И если я скажу «нет», это все равно что сказать «нет» мечте некоторых людей.

— Да. Но это не твоя мечта, честное слово. Не твоя мечта, Таллула. — Скарлетт пристально смотрит на нее. — Чего ты хочешь? Какая у тебя цель в жизни? Когда ты окончишь колледж? Когда ваш ребенок пойдет в детский сад, где ты себя видишь?

Таллула поднимает взгляд к небу. Ей кажется, что она начинает пузыриться, словно патока на сковородке, что она вот-вот загорится. Над головой, закрывая солнце, медленно ползет белое облако. Она смотрит в его середину, туда, где солнце прожигает сквозь него бледную дыру. Она сжимает кулаки, разжимает их снова. Это вопрос, который она всегда боялась себе задать.

Всю свою жизнь она была пассивной. В ее школьном табеле всегда говорилось, что она прилежная ученица, но учитель хотел бы, чтобы она была активней на уроках, хотел бы слышать ее голос. В начальной школе она позволяла втянуть себя в дружбу с детьми, которые ей не очень нравились. А затем в трудном возрасте она встретила Зака, в возрасте, когда другие девочки жаловались на то, что их планы на субботний вечер не сбываются, жаловались на мальчиков, которые не отвечают на их эсэмески достаточно быстро, или на подружек, поливающих их дерьмом за их же спиной.

Наличие постоянного парня просто позволило ей продолжить учебу, продолжить жизнь, продолжить ставить одну ногу впереди другой, бездумно, машинально, день за днем. До того дня, в начале второго года обучения в шестом классе, когда она поняла, что у нее больше месяца не было месячных. Тогда она купила через Интернет тест и сделала его во вторник утром, перед тем как идти в школу, и увидела две полоски, а сразу за этим тестом еще один, и подумала: «Ну, вот и все. Я беременна». Она мысленно рассчитала дату родов... гораздо позже даты ее последнего выпускного экзамена, и подумала: «Наверно, я успею его сдать». Потому что такой девушкой была она, Таллула. Возможно, ее мать из лучших побуждений дала ей имя реки, бунтарки и кинозвезды [\[3\]](#), но она так и не смогла стать достойной своего имени. За всю свою жизнь она не сделала ни одного смелого шага — до того момента, когда этим утром после их совместной ночи

она прошла через кухню к Скарлетт и поцеловала ее. Она знала: это был единственный момент в ее жизни, который произошел по ее воле.

Она отрывает взгляд от неба и вновь смотрит на Скарлетт.

— Я не знаю, — говорит она виноватым шепотом.

— Я нужна тебе?

Она кивает, но не может заставить себя сказать слово «да».

— Что еще тебе нужно?

— Ной.

— И?

— Я не знаю. Я просто хочу... Я просто хочу быть свободной.

— Да — говорит Скарлетт. — Да. Именно. Это именно то, что тебе нужно. Свобода. Тебе девятнадцать. Ты прекрасна. Ты хороший человек. Ты хочешь быть свободной. И ребенок не должен мешать тебе быть свободной. Наши отношения не должны мешать тебе быть свободной. Ничто не должно мешать тебе быть свободной. Последнее, что тебе нужно на данном этапе жизни, — кольцо на пальце. Тебе нужно отрезать себя от него. И, я думаю, это прекрасная возможность. Пусть он сделает предложение. Скажи «нет». Это что-то вроде точки невозврата. Выход в одну сторону. Я серьезно. Пусть он это сделает. Скажи «нет». И тогда твоя жизнь может начаться.

Скарлетт говорит, и Таллула кивает все энергичнее и энергичнее. Когда она умолкает, Таллуле кажется, что она чувствует все элементы своего существа, через нее проходит волна электрической энергии. Она бросается к Скарлетт, прижимает ее к стене и крепко целует. Через минуту, задыхаясь, она отстраняется. Она смотрит на Скарлетт и видит яркие огни, танцующие в ее глазах, застывшее на ее лице изумление, чувствует жар ее дыхания на своей коже. Она чувствует себя ослепленной, сверх всего, сверх любых слов и воображения, ее красотой и думает: «Я люблю ее. Я люблю ее. Я люблю ее».

— Я бы хотела, — говорит она, обводя пальцами контуры лица Скарлетт, — я бы хотела, чтобы никакого Зака вообще не было. Чтобы он просто... ну, ты понимаешь. Исчез.

Ким наблюдает, как Софи порхает по Интернету, ее пальцы играючи шелкают по клавиатуре, преследуя человека по имени Черри.

— Черри, — говорит Софи. — Это ведь должна быть Скарлетт, не так ли?

Ким тупо смотрит на нее.

— Красный цвет, — говорит Софи. — И то и другое [\[4\]](#).

— О господи! — шепчет Ким, когда до нее доходит. — Конечно. Сказать что-нибудь Дому?

Софи вздыхает.

— Если честно, не знаю. Полиция использует собственные методы, чтобы установить местонахождение Скарлетт и ее семьи. Может, нам пока не стоит торопиться. Давайте не будем им мешать.

Ким кивает. Она инстинктивно чувствует, что Софи права.

Софи вновь листает инстаграм-аккаунты главных игроков: Лиама, Лекси, Мими, Скарлетт. Затем просматривает странички людей, которые что-либо прокомментировали или лайкнули под их постами. При этом она постоянно бормочет себе под нос слово «Черри», а затем внезапно останавливается.

— Смотрите, — говорит она. — Смотрите!

Она поворачивает экран и указывает.

— Чей это аккаунт? — спрашивает Ким.

— Руби Рейнольдс. Ру. Девушка из банды Скарлетт Жак. Судя по фотографиям, она до сих пор живет в этом районе. Взгляните.

Она нажимает на фото темноволосой девушки, стоящей у дерева, на ней потрепанная кожаная куртка поверх короткого платья.

— Это ведь вон там, не так ли? — Софи указывает на деревню. — На лугу?

— Да, — говорит Ким, вглядываясь в снимок. — Да. Слева от пруда с утками.

— Фото было опубликовано всего десять дней назад. Взгляните! — Софи тычет пальцем в экран. — Кому-то по имени Черриджек оно понравилось. Черриджек, Скарлетт Жак.

Аватар представляет собой снимок двух красных вишен, свисающих с веточки, и касающегося языка. Язык проколот. Софи смотрит на Ким.

— У Скарлетт проколот язык, — говорит она, задыхаясь. — Я заметила это на другой фотографии в аккаунте Лиамы Бейли.

Софи нажимает на картинку профиля, и появляется страничка. Удивительно, что не закрытая.

— Никаких подписчиков, — говорит она. — Странно. — Она прокручивает снимки все быстрее и быстрее. Девушка по имени Черриджек, похоже, живет на яхте. Снимки абстрактные: закаты над бескрайним океаном, пенистые барашки волн, сверкающий кончик клюва дельфина на ладони у фотографа, вытянутые загорелые ноги на кремовой коже дивана, на лодыжке покоится большая собачья лапа.

Ким всматривается в фото ног.

— Можете увеличить снимок? — спрашивает она.

Софи увеличивает изображение, и Ким пристально рассматривает его.

— Вот, — говорит она. — Вон там. На ее ноге, смотрите, вы его видите? Черное пятнышко. Присмотритесь.

Софи кивает.

— Это?..

— Да, там была татуировка. Буквы ТМ. Боже мой, — шепчет она. — Это же Скарлетт! Это Скарлетт Жак! Когда сделаны эти фотографии? Какие там даты?

Софи быстро пролистывает их. Последний снимок датирован предыдущим днем. Самый старый появился всего две недели назад.

Ким отстраняется от экрана и вздыхает. Скарлетт Жак на яхте. Она на яхте со своей собакой, телефоном и идеальным педикюром. Она выкладывает красивые фотографии в Инстаграме. Ким чувствует, как на нее накатывается волна горячего гнева, но подавляет эту волну.

Они обе возвращаются к экрану, и Софи по очереди нажимает на все фотографии Черриджек. Под каждой по несколько лайков, и Софи нажимает на профили каждого пользователя.

— Узнаете кого-нибудь из этих людей? — спрашивает она.

— Нет, — отвечает Ким.

Но затем они прокручивают список дальше и видят имя, знакомое им обоим. Они останавливаются и громко ахают.

@lexiegoes.

Таллула сидит за туалетным столиком. Зак еще не вернулся с работы, он придет через час. Ной внизу, с ее матерью, которая только что отправила ее наверх подготовиться.

— Давай, — сказала она. — Удели себе время и побалуй себя. Вы так давно никуда не ходили.

Годовые экзамены сданы. Через несколько недель наступит конец летнего семестра, и впереди ее ждет долгая свобода. И сегодня вечером Зак сделает ей предложение, и она скажет «нет» и тем самым наконец подведет черту под этим подростковым романом, который затянулся слишком надолго. Она слышит, как внизу ее мать поет Ною песни, и улыбается. Она хочет вернуть этот дом себе. Она хочет вернуть себе свою комнату, свою кровать. Пусть здесь будут только она, ее мать, ее брат, ее ребенок. А потом неким образом она хочет вписать в свою жизнь Скарлетт. Хотя и представляет это с трудом. В Апфилд-Коммон есть геи. Учителя-мужчины из «Мейпол-Хауса», которые делят крошечный коттедж сразу за пабом «Лебедь и утки» и вместе выгуливают по выходным своих борзых.

Джиа, девушка, с которой Таллула ходила в школу и всегда хотела подружиться, потому что она была такой крутой, теперь ходит по деревне рука об руку с женщиной старше ее, которая раз в неделю проводит занятия «курсов осознанности» в местном клубе. Это не было бы скандальным в контексте того, где живет Таллула, но было бы очень спорным в контексте ее собственной жизни. Она еще не уверена, что сможет открыто об этом рассказать. Она не уверена, что справится с косыми взглядами, разинутыми ртами, с чувством, что она в некотором роде героиня скандала. Если это произойдет, это должно происходить так медленно, чтобы никто ничего не заметил.

Но на данный момент у нее есть вечер в пабе, вечер, которого она ждет с нетерпением. Вечер, от которого зависит все ее будущее. Вся ее судьба будет зависеть от того, чем все закончится. Она вздыхает и выкручивает щеточку для туши. Она хочет выглядеть красивой, но не для Зака, а для Скарлетт, которая тоже будет в пабе сегодня вечером —

она пообещала, что будет присматривать за Таллулой на тот случай, если что-то пойдет не так, на тот случай, если Зак распахнется, на тот случай, если она понадобится Таллуле. Она дважды наносит на ресницы тушь, играет с волосами. Скарлетт говорит, что завидует ее волосам. Волосы Скарлетт — редкие, поврежденные годами постоянного обесцвечивания и окрашивания.

Иногда она берет волосы Таллулы в кулак, проводит по ним рукой и говорит:

— Каково тебе иметь все это? Как ты только выносишь такую красоту?

И Таллула просто улыбается и говорит:

— Думаю, это просто хорошие гены. У моей матери красивые волосы. И у моего отца.

— А у твоего ребенка?

— И у моего ребенка тоже. В моей семье много хороших волос.

— Тебе повезло, — отвечает Скарлетт. — Представь на минуту, что ты — это я и тебе нужно с этим смириться. — Она теребит свои поврежденные волосы и издает звук отвращения.

— Но это не имеет значения, — говорит Таллула. — Это просто волосы. Ты все равно самая красивая девушка в любой комнате, в какой ты только находишься. И ты это знаешь.

— Я некрасивая, — возражает Скарлетт. — Моя мать красивая. Но я, к сожалению, похожа на отца.

— Как ты думаешь, я когда-нибудь познакомлюсь с твоими родителями? — однажды спросила Таллула.

И Скарлетт кивнула и сказала:

— Конечно, познакомишься.

— И как они воспримут меня? Они ведь наверняка привыкли к тому, что ты всегда окружена такими же людьми, как та сама. Ну, ты понимаешь? Людьюми с деньгами.

— Послушай, — ответила Скарлетт. — Мои родители настолько поглощены собой и своей жалкой жизнью, что я могла бы привести домой гребаную лошадь, а они бы даже не заметили. Я серьезно. Они не замечают того, что я делаю. Никогда. А твоя мать? — задала она встречный вопрос. — Как ты думаешь, я когда-нибудь встречу с ней?

Таллула кивнула.

— Да, — сказала она. — Да. Сто процентов встретишься. Моя мать такая классная. И ей хочется одного — чтобы я была счастлива. Так что если ты сделаешь меня счастливой, ты ей понравишься.

В то время разговор показался ей слегка фантастическим. Казалось, будто им предстоит завоевать огромную территорию, прежде чем они смогут достичь залитых солнцем лугов вечного счастья. Но теперь он настал. Вечер, когда все изменится.

Она расчесывает волосы на прямой пробор и заплетает их в косички. Она выбирает легкий воздушный муслиновый топ, который красиво ниспадает ей на живот, и гармонично сочетает его с обрезанными джинсовыми шортами.

Она смотрит на девушку, отражающуюся в зеркале в полный рост. Девушка смотрит на нее.

Перед ней сильная женщина. Женщина-лесбиянка. Мать. Будущий социальный работник. Нечто большее, нежели она всегда считала. Нечто гораздо большее. «Все начинается здесь», — думает Таллула, кладя ладони на живот и похлопывая ткань летней одежды, и представляет новую жизнь, которая ждет ее по ту сторону сегодняшнего вечера, когда она будет свободна и сможет делать все, что захочет. Все начинается здесь.

Она спускается вниз, чтобы посидеть с Ноем и матерью, ожидая, когда Зак вернется с работы.

Ким и Софи направляются через территорию школы к жилому корпусу. У Софи под мышкой зажат ноутбук. Ким набирает номер квартиры Керрианны Маллиган, и ей отвечает женский голос.

— Привет, Лекси. Это я, Ким. Как ты думаешь, могу я зайти на минутку?

— Э-э-э... да. Конечно.

Жужжит замок, они толкают калитку, входят и шагают к лифту.

— Можно я буду говорить? — спрашивает Ким у Софи.

— Да, — отвечает та. — Определенно. Вы и никто другой.

Лекси встречает их у дверей квартиры. Она босиком, в узорчатых легинсах и толстовке с капюшоном. Она переводит взгляд с Ким на Софи, а затем вопросительно смотрит на Ким.

— Ой, привет, — говорит она, прежде чем открыть для них дверь и провести в гостиную. Диван разложен как кровать, а ее раскрытый чемодан с ворохом одежды стоит на полу рядом. — Извините, — говорит она. — Я еще не распаковала вещи. Видите ли, я немного кочевник и привыкла жить на чемоданах. — Босой ногой она отбрасывает часть одежды в сторону и говорит: — Давай сядем за барную стойку.

Они усаживаются на барные табуреты, выстроенные в ряд перед мини-кухней, и Лекси поворачивается к Ким.

— Все в порядке? — спрашивает она.

Софи бросает на Ким ободряющий взгляд, который, как она надеется, призван показать, что она здесь, если понадобится помощь.

— Пожалуй, нет, — отвечает Ким, открывая свой ноутбук. — Не совсем. Все это было довольно тревожно, все эти таблички и находки в земле. Я снова задумалась о том, что крутилось у меня в голове с тех пор, как пропала Таллула, а потом Софи нашла в Интернете видео с той девушкой, которая была там той ночью, Мими. Помните Мими?

Лекси кивает.

— Да, — говорит она. — Вроде бы. Я имею в виду, что сейчас все кажется довольно размытым. Но я помню, что там была еще одна

девушка.

— Во всяком случае, эта девушка, Мими, на видео... похоже, она в курсе, что происходит здесь, в школе. Это странно, потому что единственные люди, которые знают, что здесь происходит, — это люди, которые действительно здесь живут. Похоже, кто-то в деревне был на связи с Мими. Или, возможно, все время поддерживал с ней связь.

Ким умолкает, и Софи видит, что на лице Лекси мелькает тень. Увы, она слишком мимолетная, чтобы понять, что это такое.

— Как бы то ни было, — продолжает Ким, — это заставило меня задуматься, поэтому я пришла к Софи, и мы вновь просмотрели все социальные сети, но на этот раз отправной точкой стала страничка девушки по имени Мими, и это привело нас к инстаграм-аккаунту девушки по имени Черриджек.

Ким вновь умолкает, и на этот раз испуг на лице Лекси становится заметнее. Впрочем, он быстро проходит. Она слегка качает головой, затем кивает и говорит:

— Понятно.

— Итак, похоже, это Скарлетт Жак на яхте. И посмотрите, — Ким слегка поворачивает экран к Лекси. — Вот этот пост, написанный буквально в прошлом месяце, и кто-то поставил ему лайк с вашего аккаунта.

Вновь молчание. Атмосфера настолько вибрирует неловкостью Лекси, что Софи кажется, будто она ощущает ее кожей.

— Это ведь вы, не так ли? Lexiegoes? Да?

— Да, это я, — говорит Лекси. — Да, это мой аккаунт, но я не припомню, чтобы я лайкала этот пост. И я понятия не имею, кто такая эта Черриджек. В смысле откуда вы вообще знаете, что это она?

— Что ж, — говорит Ким. — Сначала имя. Черри Джек. Скарлетт Жак. Затем собака... посмотрите, не у многих собак такие огромные лапы. А у Жаков была большая собака, верно? А потом, вот это... — Она приближает ступню Скарлетт. — Эта татуировка, которую я видела собственными глазами на следующий день после исчезновения Таллулы.

— Честное слово, Ким, — прерывает ее Лекси. — Клянусь. Я даже не подписана на этот Инстаграм. Смотрите... — Она включает телефон и начинает прокручивать экран. — Смотрите. — Она поворачивает телефон, чтобы они посмотрели на экран. —

Послушайте, я почти ни на кого не подписана. Видите? И здесь нет никакого Черриджека. Seriously, я понятия не имею, почему эту фотку лайкнул мой аккаунт.

Софи смотрит на Лекси. Она кажется невероятно искренней, ее слова очень правдоподобными. Но с другой стороны, это та самая Лекси, которая позволяет своим подписчикам в Инстаграме верить, будто она живет в огромном георгианском особняке, та самая Лекси, которая сказала полиции, что видела вторую табличку с надписью «Копать здесь» со своего балкона, хотя на самом деле она никак не могла ее оттуда видеть.

— Необязательно подписываться на аккаунт, чтобы лайкнуть чей-то пост, — спокойно говорит Софи. — Вы просто должны знать, что он там есть.

— У кого-нибудь еще есть ваш логин? — спрашивает Ким.

Лекси пожимает плечами.

— Моя мать его знает. Иногда я прошу ее ответить на некоторые мои комментарии, когда я путешествую или не могу их найти.

— Ваша мать?

— Да. — Она переводит взгляд с Софи на Ким и обратно. — Очевидно, это не моя мать.

Софи резко вдыхает.

— Но ваша мама дружила со Скарлетт, не так ли?

— Наверное. Но она никак не может знать, где сейчас Скарлетт. Она просто не смогла бы найти ее в Инстаграме.

— Почему нет? — просто спрашивает Софи.

— Потому что это полная чушь. Зачем ей до сих пор поддерживать связь со Скарлетт?

Софи вздыхает.

— Не знаю, — говорит она. — Но судя по тому, что я слышала о Скарлетт, она была харизматичной девушкой. У нее было много поклонников. Был ее маленький круг друзей. Лиам. Ее бывшая директриса Хасинта Крофт сказала, что Скарлетт умеет управлять людьми, манипулировать ими. А теперь похоже, что Таллула и Скарлетт были не так уж не знакомы друг с другом, как то хотела изобразить Скарлетт. Так что, возможно, ваша мама оставалась на связи с ней. За кулисами.

Лекси уже качает головой, еще до того, как Софи заканчивает говорить.

— Нет, — говорит она. — Нет. Вы попали на ложный след. Абсолютно ложный.

Софи печально ей улыбается.

— Лекси, — говорит она. — Вы здесь бываете не так уж и часто. Ваша мама почти все время живет здесь одна. Кто знает, что она делает, когда остается одна? Она очень заботливая женщина. Я бы нисколько не удивилась, если бы она все еще поддерживала связь со Скарлетт Жак.

На этот раз Лекси не отвечает.

— И что вы собираетесь делать? Поговорить с ней? — спрашивает она.

Софи и Ким переглядываются. Ким кивает.

— Да. Наверное, мы поговорим с ней, — говорит она.

— Она ничего не знает, — говорит Лекси. — Уверяю вас.

Софи закрывает свой ноутбук и уже собирается взять его и уйти, когда ее взгляд падает на то, что выглядывает из-под вороха содержимого чемодана Лекси.

Это экземпляр ее книги.

— Ты потрясающе выглядишь, — говорит Зак, появляясь на кухне некоторое время спустя. — Посмотри на себя. — Он с улыбкой смотрит на Ким. — Ваша дочь сегодня просто красавица.

Ким смеется, ласково смотрит на Таллулу и говорит:

— Да, таких хорошеньких, как она, я в своей жизни не видела.

Зак подходит к Таллуле и нежно целует ее в щеку. Затем хватает Ноя с высокого стульчика и крутит его по всей кухне, а Ной заливается смехом. Энергия Зака зашкаливает, она высокооктановая, почти заразная. Почти, но не совсем. Зак передает Ноя ей на руки и говорит:

— Я иду в душ. Я ненадолго.

Таллула заставляет себя улыбнуться. Когда он уходит, мать смотрит на нее и говорит:

— Смотрю, у кого-то хорошее настроение.

— Да, — отвечает она. — Есть такое.

— Приятно видеть его таким счастливым. В последнее время он казался немного озабоченным покупкой квартиры.

Таллула кивает, но уходит от ответа.

— Значит, сегодня вечером. Есть какой-то конкретный повод?

— Нет, — беспечно отвечает Таллула. — Нет. Думаю, что ему просто надоело вечно экономить и он решил отдохнуть от всего этого.

— Что ж, вы оба это заслужили, — говорит ее мать. — Вы двое просто невероятные. Такие трудолюбивые и самоотверженные. Самое время вам поставить себя на первое место и пойти куда-нибудь повеселиться.

— Ты уверена, что сможешь уложить Ноя спать? В последнее время он был сущим кошмаром.

— Не волнуйся, — заверяет ее мать. — В худшем случае мы просто ляжем спать поздно. Я давно уже не оставалась одна с ребенком, но я не боюсь. Уж как-нибудь справлюсь. Я лишь хочу, чтобы у вас был чудесный, приятный, возможно волнующий вечер. — Она бросает на Таллулу озорной взгляд. — Так что не думай ни о Ное, ни обо мне, ни о чем постороннем. ОК?

Таллуле не дают покоя слова ее матери «возможно волнующий» и то, как странно она на нее посмотрела. Интересно, мать в курсе? — думает она. Неужели Зак ей рассказал? Или, упаси бог, может, даже спросил у нее разрешения? Эта мысль ее пугает.

Но она улыбается и говорит:

— Хорошо. Я обещаю не думать ни о моей маме, ни о моем ребенке.

— Умница. — Мать вновь ласково улыбается ей. — Умница. А если вдруг завтра у тебя будет похмелье, оставайся в постели. Я дам тебе поваляться подольше, хорошо?

Таллула кивает, усаживает Ноя обратно на стульчик, протягивает руки к матери и говорит:

— Обнимемся?

Мать улыбается.

— Ты еще спрашиваешь!

И они обнимаются там, на кухне, и солнце светит на них из сада. Зак поет в душе на втором этаже. Ной задумчиво жует угол книги и смотрит на них с любопытством, почти мудро, как будто знает, что этот вечер определит его судьбу. При одной мысли об этом Таллула чувствует, как по ее щеке скатывается слеза. Она быстро вытирает ее, чтобы мать не заметила.

Четыре часа дня. Ким ушла из «Мейпол-Хауса» два часа назад, чтобы забрать Ноя из сада, и теперь Софи натягивает кардиган, берет телефон и отправляется на территорию школы. Занятия на сегодня окончены, и на дорожках полно подростков. Она представляет себе эти же дорожки, когда по ним шагала Скарлетт со своей свитой. Ее воображение рисует высокую стройную Скарлетт, как ее описывал Лиам. У нее темно-каштановые волосы, она в мини-платье, непрозрачных колготках и тяжелых ботинках. За ней спешит стайка обожающих ее прихлебателей.

После этого она мысленно видит Скарлетт на яхте. Ее обесцвеченные волосы горят на солнце белым золотом. Она сидит со своей собакой, время от времени, то ли спорадически, то ли стратегически выкладывая абстрактные фотографии для горстки людей, чтобы они знали, что она все еще жива. Но что там с Таллулой? И с Заком? И что, думает Софи, случилось с мужем Хасинты Крофт?

Она идет, и мысли крутятся в ее голове. Несколько студентов улыбаются и здороваются. Она механически отвечает на их приветствия. Она понятия не имеет, кто они такие, но им известно, что она подружка мистера Грея, и, без сомнения, к настоящему времени известно также, что она автор нескольких изданных книг. Здесь у нее эфемерный, слегка повышенный статус, который ее несколько тревожит.

Она сидит на скамейке в тени аркады и набирает на телефоне в поисковой строке «Черриджек». Запрос приносит десятки ссылок на ром с Виргинских островов со вкусом вишни. А также не менее полудюжины аккаунтов в социальных сетях для других пользователей, называющих себя «Черриджек». Она нажимает фильтр «Изображения» и просматривает картинки. Она находит бесконечное количество фотографий рома, и коктейлей на основе рома, и парней по имени Джек Черри, но ничего похожего на Скарлетт Жак.

Чувствуя, что кто-то приближается, она поднимает глаза. Это Лиам.

— Вы тот, кто мне нужен, — с улыбкой говорит она.

— Я? — удивляется он.

— Да. Я подумала, если вы не заняты, мы можем поболтать, что скажете?

— Конечно, — отвечает он, — конечно. Здесь? Или?..

— Мне все равно.

— Я это к тому, что можно подняться в мою комнату. Я как раз шел туда. У меня есть холодное пиво.

Софи кивает и улыбается.

— Конечно, — говорит она, — это было бы здорово.

Комната Лиамы не похожа на комнату Керрианны. Это прямоугольная коробка: кровать с одной стороны, диван с другой, раздвижные двери, выходящие прямо на небольшой балкон, и крохотный кухонный уголок, спрятанный в нише.

— Уютно, — одобрительно говорит она, машинально пробегая глазами по его книжной полке, когда проходит мимо.

— Да, — соглашается он, стягивая куртку и вешая ее на крючок у входной двери. — Небольшая, но места хватает. Ну, вы понимаете. Прощу вас сюда. — Он снимает какие-то бумаги с подлокотника дивана и предлагает Софи сесть.

Комната аккуратная, полная чистого, свежего воздуха и самых разных вещей, но все они как будто знают здесь свое место.

— Итак, — произносит Лиам, подходя к своему холодильнику, — как прошел ваш день?

— Довольно странно, — отвечает она. — Большую часть времени я провела с Ким Нокс. Ну, вы знаете, мать Таллулы. Мы пытались найти в Интернете Скарлетт Жак.

Он достает из холодильника две бутылки пива и передает одну Софи. Она снова обводит взглядом его комнату. Ее стены увешаны интересными картинами, и самая потрясающая из них — большой портрет на холсте. Она прищуривается, чтобы лучше его рассмотреть, и видит, что это довольно хаотичная картина. На ней изображена молодая женщина, сидящая на троне. Рядом с ней собака. И тут же все становится на свои места.

— Это?.. — спрашивает она, указывая на картину.

— Да. Это Скарлетт. Автопортрет. Она отдала его мне.

— Можно я посмотрю поближе?

— Конечно, — отвечает он. — Сколько угодно.

Она ставит пиво на журнальный столик и идет к картине. По мере того как она подходит ближе, открывается все больше и больше деталей. И на Скарлетт, и на собаке — короны. Скарлетт выглядит довольно властно. Ее руки лежат на открытых коленях, на каждом пальце красуется огромное золотое кольцо, написанное блестящей металлической краской. На столах на заднем плане лежат разные вещи, в том числе пульсирующее сердце на блюде и кусок торта, залитый кровью.

— Черт возьми, — говорит она. — Это... э-э-э... так странно.

— Верно. Очень странно. — Он пожимает плечами.

— Что все это значит? Сердце, например. Как вы думаете, что оно означает?

— Честно говоря, она никогда мне ничего не объясняла. Просто однажды пришла с картиной и спросила, не хочу ли я ее повесить у себя, и я сказал, что да, потому что знал, что это будет смотреться очень круто, а также потому, что... мне было бы приятно иметь здесь кусочек ее самой...

Он, не договорив, умолкает.

— Дело в том, — осторожно начинает она, — я на днях видела Хасинту Крофт. Мы болтали о Скарлетт, и она рассказала мне, что после того, как вы с ней расстались, вы были убиты горем.

Он кивает, всего один раз, и делает глоток пива.

— Думаю, да, был, — признается он. — В некотором смысле. Я имею в виду, такие девушки, как Скарлетт, встречаются не каждый день, особенно таким парням, как я. Она делала все вокруг себя волнующим и захватывающим. Благодаря ей я почувствовал себя особенным. Особенным. Потому что она выбрала меня. Ну, вы понимаете. Но... — он вздыхает, но быстро берет себя в руки, — ...что было, то было. Теперь для меня это в прошлом.

— Кто-нибудь еще бывал здесь? — спрашивает она.

— Нет, — говорит он. — Нет. Никто. Нет, конечно, мой профиль есть на сайтах знакомств... не скажу, чтобы я был в активном поиске, но меня это не особо беспокоит. Ну, вы ведь понимаете?

— Значит, вы и Лекси?..

Он вопросительно смотрит на нее. Похоже, он сбит с толку.

— Лекси Маллиган? Бог мой. Нет. В смысле мы друзья и все такое прочее. Но нет. Не в этом смысле. Знаете, я почти уверен, что она даже не натуралка. Какое-то время она была по уши влюблена в Скарлетт. Но в любом случае... Нет. Только не с Лекси. Ни с кем. Только я.

— А в ту ночь? Когда полиция была здесь после того, как нашла вторую табличку с надписью «Копать здесь»?

Он кивает.

— Лекси была здесь той ночью?

— Здесь? Вы имеете в виду, в моей комнате?

— Да. В вашей комнате.

— Нет. Точно нет. Я вообще не думаю, что Лекси когда-либо была в моей комнате.

— Могу я выйти на ваш балкон?

— Разумеется, — отвечает он. — Дверь не заперта.

Она открывает раздвижную дверь и идет к краю балкона. Она бросает взгляд на цветочную клумбу, встает на цыпочки, наклоняется еще дальше через перила и понимает, что даже под этим углом и на такой высоте она не может видеть то место, где был знак «Копать здесь». Она оборачивается и смотрит вверх, но балконов выше ее нет. Лекси определенно солгала, что увидела картонку с надписью «Копать здесь» с балкона квартиры. Или откуда угодно, если на то пошло. Она знала о ней не потому, что ее видела, а потому, что она или ее мать положили ее туда.

Софи идет обратно к дивану, и в этот момент ее взгляд привлекает другая картина на стене комнаты. Это меньший по размеру холст, нежели автопортрет Скарлетт, но он написан теми же мазками и в той же яркой цветовой гамме. Это каменная винтовая лестница. Ее ступени окрашены в кричащие радужные тона, которые сливаются и перетекают друг в друга как расплавленный воск. Из круглого окна наверху башни, в которой находятся эти ступени, струится яркий золотистый свет и пронзает каменный пол внизу, создавая шлейф пурпурно-серого дыма и блестящие искры. Сбоку от дыры лежит еще один нож, тоже измазанный чем-то похожим на кровь.

— Что это, черт возьми?

Лиам пожимает плечами.

— Еще одна работа Скарлетт. Она написала ее во время нервного срыва. Сказала, что хочет, чтобы я сохранил ее. Для потомков.

— Но что на ней?

— Если честно, не знаю. Вернее, я знаю, на что это похоже, — в ее доме есть лестница, в самой старой части здания. Что-то вроде башни с крошечной комнатой наверху с узкими бойницами. Они никогда не использовали эту комнату. Она была слишком маленькой, чтобы в нее можно было поставить хоть какую-то мебель.

Софи пристально смотрит на картину, пытаюсь угадать в ней еще какой-то скрытый смысл.

— Скарлетт когда-нибудь говорила что-нибудь об этой комнате?

Она подходит ближе и всматривается в детали. Вокруг нижней ступеньки есть нечто вроде светового прямоугольника. Он как будто кровоточит через небольшую щель. Кровь с ножа стекает в эту щель, а затем исчезает. Глядя на нож, Софи замечает, что на самом деле это вовсе не нож, что у него загнутый конец с U-образным вырезом. Это не нож, это рычаг. Она чувствует, как ее сердце на долю секунды замирает, а затем начинает биться снова, уже в два раза быстрее.

— Не возражаете, — говорит она, — если я это сфотографирую?

— Нет проблем, — небрежно отвечает он. — Как вы думаете, это какой-то ключ к разгадке?

Софи кивает.

— Да, — отвечает она холодным тоном, хотя на самом деле ее нервы напряжены до предела. — Думаю, это вполне может быть он.

Зак и Таллула шагают через луг, направляясь в паб. Сквозь побеги ивы у пруда пробиваются яркие лучи солнца. Пока они идут, Зак берет Таллулу за руку и трещит без умолку. Он рассказывает ей про парня на работе, который только что завел себе собаку-спасателя, которая не умеет лаять, и про еще одного чувака на работе, чьего сына на прошлой неделе арестовали за вандализм. Затем сообщает о возможности арендовать на недельку у друга одной из его сестер «караван» — они могли бы поехать во время ее летних каникул в Нью-Форест. Таллула кивает, улыбается и издает воркующие звуки, потому что теперь ей нечего терять из-за того, что она мила с ним. К концу этого вечера они никогда больше не будут держаться за руки, он больше никогда не будет так болтать с ней. К концу сегодняшнего вечера между ними вырастет сплошная стена, которая, как она знает, будет абсолютно неприступной, потому что такой уж Зак. Так что пока светит солнце, пока ее ждет вино, пока нет больше никаких экзаменов, а впереди — вечеринка в пабе, почему бы ей не побыть с ним милой, почему бы не сделать вид, что все замечательно?

Терраса перед пабом переполнена. Паб «Лебедь и утки» пользуется популярностью, это не только местное, но и туристическое питейное заведение. Люди приезжают сюда из всех окрестных деревень, особенно в солнечный июньский вечер пятницы.

Внутри паба тише. Бармен показывает им их столик, и у Таллулы перехватывает дыхание. На столе в хромированном ведерке стоит, охлаждаясь, бутылка шампанского, а рядом два фужера.

— Та-дам, — произносит Зак, ведя ее к столу.

Она хочет вытащить свой стул, но Зак ей не дает.

— Нет, позволь мне, — говорит он и сам выдвигает для нее стул и усаживает ее.

Таллула улыбается.

— Вот это да, спасибо. У меня нет слов.

— Это самое меньшее, что ты заслужила, — отвечает Зак, выдвигая свой стул и садясь.

Таллула смотрит на него. Его лицо мягкое, оно расплывается в улыбке. Сейчас он похож на того милого мальчишку, который пришел к ним в школу в середине учебного года, и она чувствует, что ее решимость дает трещину.

— Мы оба это заслужили, — говорит она. — Прошел уже целый год.

Его улыбка слегка тускнеет.

— Это да, целый год, — соглашается он и поворачивается, чтобы открыть бутылку шампанского. — Верно, — говорит он. — А теперь не дай мне все испортить.

Он вытаскивает пробку из бутылки. Таллула на всякий случай подносит к горлышку бутылки фужер, но пробка выскакивает гладко, с легким хлопком, и Зак наливает ей бокал, затем себе, после чего подносит свой бокал к ее бокалу и говорит:

— За нас. За Зака и Таллулу. И за Ноя, лучшего человечка в мире. Твое здоровье.

Таллула чокается с Заком. Она благодарна, когда он первым отводит взгляд, благодарна, что он не ждет, что она неким образом ответит взаимностью на его чувства. Вместо этого переключает внимание на меню перед ним.

— Верно, — говорит он. — Заказывай все, что угодно. Цена не имеет значения. Все, что ты хочешь.

Она бросает взгляд на меню и видит целого морского окуня с брокколини и пловом за тридцать пять фунтов. Она ахает.

— Нет, я не буду есть морского окуня, — говорит она.

— Бери себе морского окуня, — говорит Зак. — Серьезно, бери все, что хочешь.

— Я даже не люблю морского окуня.

Он наигранно закатывает глаза, и она видит, как его рука тянется к карману брюк — уже не первый раз с того момента, как они вышли из дома, и она знает, что там кольцо, и во рту у нее пересыхает. «Зачем я это делаю? — думает она. — Почему зашла так далеко?» Она собирается унижить его и раздавить, и все это — золотистый летний вечер тостов с шампанским и рыцарской галантности — скоро превратится в нечто невыносимое и жестокое. Нет-нет, напоминает она себе, нет, сегодняшний вечер — ненастоящий. Сегодняшний вечер — мираж. Она вспоминает ночь, когда она ночевала у Скарлетт, шквал

грубых, оскорбительных сообщений и видео, то, как он прижимался лицом к лицу Ноя, используя его, чтобы разозлить ее, напугать, подчинить своей воле. Она вспоминает ощущение его пальца под своим подбородком, грубо вдавленного в ее мягкую кожу, когда он заставлял ее посмотреть ему в глаза.

Она вспоминает, что он требовал, чтобы она бросила учебу в колледже, бросила друзей, сидела дома, сэкономила деньги, была хорошей матерью. Она думает о том, как ловко он втерся к ним в доверие, как добился того, что по-прежнему стал жить в ее доме, по-прежнему спать в ее кровати. Вспоминает о том, как она позволила ему это сделать, и думает: нет, нет, нет, никакой раздвоенности, никакой двусмысленности, здесь нет места ничему, кроме враждебности и боли. Потому что Зак — манипулятор, и она должна показать ему, что не позволит ему собой помыкать и что все шампанское на свете, большие добрые глаза, комплименты и дорогая рыба не изменят этого.

Она делает глубокий вдох, чтобы успокоиться, и смотрит на меню.

При этом она слышит шум у двери, громкий смех и оживленную болтовню. Она поднимает взгляд от меню и видит сначала Мими, затем Ру, затем Джейдена, затем Рокки. Последними входят Скарлетт и Лиам. Зак тоже поднимает взгляд, и она видит на его лице недовольство. Он терпеть не может богатеньких учеников из школы по ту сторону деревенского луга.

— Ну, все, конец тишине и покою, — стонет он.

Они направляются к бару. Таллула чувствует, как глаза Скарлетт прожигают ее насквозь, но не отрывает глаз от меню. Слова бессмысленно плывут перед ней. Каннеллини. Соус «жю». Анчоусы. Ригатони. Чоризо. Она понятия не имеет, что все это значит. Она просто знает, что Скарлетт в баре, и Скарлетт смотрит на нее. Телефон Таллулы вибрирует, и она смотрит на сообщение.

Это уже случилось?

Нет, отвечает она.

Я здесь, если я тебе понадобится.

— Кто это?

— Это мама, — отвечает она. — Хочет узнать, какую пижаму надеть на Ноя.

Зак улыбается и говорит:

— Не хочешь разделить со мной блюдо с морепродуктами?

— Ну, не знаю, — рассеянно говорит она. — Может быть. А что в нем?

— Королевские креветки. Копченый лосось. Моллюски. Креветки в горшках. И икра.

Она смотрит на цену.

— Ты уверен?

— Да, — говорит он. — Я же сказал тебе. Сегодня у нас королевский ужин.

— Тогда ладно, — она кивает. — В смысле решать тебе. Я не очень люблю икру...

— Не волнуйся, — со смехом говорит Зак, — Я съем твою порцию.

Она улыбается и делает большой глоток из бокала с шампанским. Скарлетт и ее компания все еще зависают в баре, делают длинный и очень сложный заказ, просят кэшбэк и в целом ведут себя шумно, чем изрядно действуют на нервы. Таллула поднимает глаза и тотчас ловит на себе взгляд Скарлетт. Чувствуя, что краснеет, она быстро отворачивается и спрашивает:

— Может, закажем картошку фри?

— Блин, точно, — говорит Зак. — Чипсы тройного приготовления. Картошку фри. Или трюфельные чипсы. По одной порции тех и других?

— Да, — говорит она, не совсем понимая, на что соглашается. Она понятия не имеет, что такое трюфельные чипсы.

— Отлично. — Он улыбается и скрещивает руки.

Со своего места Таллула слышит голос Скарлетт.

— У вас есть ром с Барбадоса? — спрашивает та. — Под названием «Маунт Гей»?

— Боюсь, что нет. У нас есть «Бакарди», «Кракен»...

— «Кракен» подойдет. Но вы должны непременно заказать «Маунт Гей». Это самая лучшая марка.

Она разговаривает свысока, думает Таллула про Скарлетт. Как будто ей все обязаны. Практически невозможно представить ее такой, какая она есть, когда они вдвоем.

— Боже, — говорит Зак. — Ты только послушай их. Что они о себе думают? — И он еле слышно передразнивает Скарлетт: — «Это самая лучшая марка».

Таллула кивает.

— Да. Согласна. Они жутко раздражают. — Она переводит дыхание и говорит: — Они из моего колледжа. Изучают изобразительное искусство. Если не ошибаюсь, некоторые раньше учились в «Мейпол-Хаусе».

— Оно и видно, — говорит он и, встав, добавляет: — Пойду сделаю заказ. Хочешь выпить еще чего-нибудь?

Она постукивает ногтями по фужеру с шампанским:

— Спасибо, мне хватит этого.

Зак довольно улыбается ей и идет к бару. Она невольно задерживает дыхание. Он всего в нескольких дюймах от Скарлетт. Та стоит к нему спиной, касается кредитной карточкой экранчика кассы. Она ждет, пока выползет чек, и забирает его у бармена.

— Спасибо, — говорит она, берет свой стакан и поворачивается. Теперь она лицом к лицу с Заком. У Таллулы перехватывает дыхание.

— Извините, — говорит Зак, отступая вправо, чтобы пропустить Скарлетт. Таллула видит, как та натянуто улыбается ему, и слышит, как она говорит «ничего страшного».

Проходя на обратном пути мимо столика Таллулы, Скарлетт многозначительно смотрит на нее. Она касается груди кулаком и подмигивает. Таллула кивает и отворачивается. Адреналин пульсирует во всех частях ее тела. Она делает глоток шампанского, чтобы отвлечься от ужасного ощущения, ее сердце бешено стучит под ребрами. Ее телефон гудит. Это Скарлетт.

Нет, отвечает она. Меня тошнит.

Ты сможешь это сделать. Я здесь.

Таллула вбивает смайлик — сердечко любви — и отправляет его, затем выключает экран и кладет телефон под меню, чтобы не смотреть на него.

Зак возвращается и садится на свое место.

— Это та самая девушка? С вашего селфи?

Таллула пытается изобразить недоумение, но понимает, что получается неубедительно.

— Которая?

— Та самая, с жидкими волосами. Которая заказывала ром. Я еще видел ее тогда с тобой на автобусной остановке.

— А-а-а, — отвечает Таллула. — Да. Это Скарлетт.

— Почему она не подошла и не поздоровалась?

Таллула пожимает плечами.

— Может, она меня не заметила.

Он достает из ведерка бутылку шампанского и вновь наполняет их бокалы. Таллула чувствует, что атмосфера уже слегка испортилась, что на палящее солнце оптимизма Зака наплыло облачко.

— Да, — говорит он. — Наверное.

Некоторое время они болтают о Ное, о сестре Зака, которая только что забеременела первым ребенком и думает, что у нее могут быть близнецы, но у Таллулы такое чувство, что она делает всю работу, что Зак где-то в другом месте и она знает, где он. Он внутри своей головы, пережевывает свой обмен репликами со Скарлетт. Зак очень проницателен и наверняка уловил ее энергию, а теперь он будет улавливать энергию Таллулы и поймет, что что-то явно не так, но не будет знать, что это такое.

Приносят их заказ, и это нечто особенное, замечательное зрелище: белое блюдо на медной подставке усыпано блестящими ожерельями фиолетовых и рубиново-красных зерен граната. Издав изумленный возглас, они берут из вазочки на столе столовые приборы и принимаются за тарелку. Но у Таллулы нет аппетита, и ей требуется невероятное количество времени, чтобы очистить королевскую креветку.

— С тобой все в порядке? — спрашивает Зак.

— Да, — говорит она. — Все в порядке.

— Ты почти ничего не ешь.

— Просто это немного неудобно.

— Поешь картошки. — Он наклоняет к ней горшочек с массивными маслянистыми чипсами, и она берет несколько.

— Бери еще, — говорит он. И в его голосе вновь звучат резкие нотки. Это не предложение, это требование. Она берет еще пару, и он ставит горшочек обратно на стол. Ее телефон вибрирует, и она поворачивает его к себе, чтобы посмотреть, кто это. Снова Скарлетт. Она видит первые несколько слов сообщения, но не открывает его.

Я тебе нужна? Я могу...

Зак вопросительно смотрит на нее.

— Снова мама.

— Понятно, — говорит он. — Что она хочет?

— Просто спрашивает, хорошо ли мы проводим время.

— И как? — спрашивает он. — Хорошо?

Вопрос явно с подвохом, и она немного медлит с ответом.

— Да, — говорит она. — Мы прекрасно проводим время. — Она протягивает ему бокал с шампанским и произносит: — За нас!

Она чувствует, как их вечер рушится прямо на глазах. Чувствует, что легкая беседа стала невозможной и что либо они будут сидеть молча, либо разговор сведется к ним самим, и любой исход окончательно все загубит. Поэтому она протягивает ему криветку.

— На. Очисти для меня, ладно? Я слишком ленива, — поясняет она и одаривает его самой яркой улыбкой, какую только способна изобразить.

Он снисходительно закатывает глаза, берет у нее криветку, и на миг кажется, что сердечная атмосфера восстановлена. Но ее телефон тут же гудит снова, и Зак раздраженно восклицает:

— Черт, сколько можно!

— Наверное, мама, потому что я не ответила на ее последний вопрос.

— Тогда ответь, — сердито говорит он, отрывая у криветки голову.

Таллула включает экран, нажимает на сообщение Скарлетт и быстро набирает ответ:

У него плохое настроение. Я не думаю, что это произойдет.

И Скарлетт отвечает:

План Б?

Таллула глубоко вздыхает и печатает ответ:

Да. План Б.

Часть четвертая

Безуспешно пытаюсь выглядеть естественно и беспечно, Скарлетт входит в бар. Она пристально смотрит на Таллулу, а Зак на нее, затем, прежде чем посмотреть на Таллулу, еще раз на Зака, и Таллула видит, что в его голове что-то встало на свои места. Он поворачивается к ней и спрашивает:

— Что происходит?

— О чем ты?

— Ты и эта девушка?

— Не знаю, — говорит она. — Ничего такого.

Скарлетт направляется к ним. Она отодвигает стул от другого стола, садится, окунает ломтик картошки в блюдечко с майонезом и жует.

— Привет, Лула, — говорит она. — Как дела?

Таллула кивает.

— Нормально. Извини, что не поздоровалась раньше. Ты была со всеми своими друзьями, и я не хотела вам мешать.

— Ничего страшного, — беззаботно отвечает Скарлетт, беря еще один ломтик беря и окуная его в майонез. — Я понимаю. В любом случае... — Она машет рукой над блюдом с морепродуктами и ведерком с шампанским. — Особый случай?

— Нет, — говорит Таллула, — я бы не сказала. Просто мы давно никуда не выбирались.

— Ах, как мило. — Она берет третий ломтик и подносит к носу. — Это трюфель? — спрашивает она.

Зак натянуто кивает.

— Вкусно, — говорит Скарлетт и кладет его в рот. — Я не совсем расслышала твое имя? — говорит она Заку.

— Зак.

Его лицо вот-вот треснет от ярости. Скарлетт держится невозмутимо, но Таллула видит, как через нее прокачивается маниакальная энергия.

— Ты знаешь Таллулу по колледжу? — спрашивает Зак.

— Верно. Милая, милая Таллула.

— Она никогда не рассказывает о тебе.

— Как грубо! — обиженно восклицает Скарлетт и берет еще один трюфельный ломтик.

— Но у нее есть твое фото в телефоне.

— Вот как? — удивляется Скарлетт, широко раскрывая глаза. — Надо будет сообщить в полицию.

— Просто селфи с рождественской вечеринки. И все.

— Что за селфи?

— Ты не помнишь, как вы его сделали? — спрашивает Зак.

— Не могу сказать, что помню, но тогда я была под кайфом. Ладно, — говорит она, — не буду вам мешать и портить ваш великолепный романтический вечер. Рада была тебя видеть, Лула. Приятно познакомиться, Зак.

— Нет, — говорит Таллула. — Остайся.

— Правда? — Скарлетт лучезарно улыбается Таллуле. — Ну ладно, если ты просишь.

Похоже, Зак собирается что-то сказать, но тут входит Мими и обводит глазами паб в поисках Скарлетт.

— Ой, — говорит она. — Вот ты где. А мы думали, куда ты попала.

— Извини, — говорит Скарлетт, — я отвлеклась и съела все вкусные чипсы Таллулы и ее парня. Не составишь нам компанию?

Еще через несколько минут вся команда Скарлетт уже сидит вокруг их стола, и все чипсы съедены, все креветки съедены, и кто-то пошел в бар и вернулся с рюмками текилы. Джейден и Лиам загнали Зака в угол, втянув его в оживленный разговор о футболе, а Таллула разговаривает со Скарлетт, Руби и Мими о странных учителях в колледже. Появляется официант и протягивает руку, чтобы собрать пустые тарелки. Он спрашивает, не хотят ли они чего-то еще, и кто-то заказывает липкий заварной пудинг, а кто-то — еще чипсов, и Таллула понятия не имеет, кто за что платит и вообще что происходит, но ощущение такое, что, похоже, где-то что-то горит и этот пожар уже поздно тушить.

Им приносят новые порции текилы, а еще чипсы и липкий заварной пудинг, который подается с шестью ложками, а Джейдену на телефон приходит сообщение, и он заявляет:

— Он на улице. Сейчас вернусь.

И все, похоже, знают, о чем он, и пара человек передают ему из своих бумажников десятифунтовые банкноты, а минуту спустя он возвращается и под столом передает своим друзьям какие-то таблетки.

Таллула наблюдает за реакцией Зака и с удивлением видит, как он берет у Джейдена таблетку и проглатывает ее, запивая теплым шампанским. Насколько ей известно, Зак никогда раньше не баловался наркотиками, разве что курил «травку» со своей старшей сестрой в саду за домом, когда она еще жила с родителями. Она смотрит на него, пытаясь поймать его взгляд, но он упорно игнорирует ее. И Таллула понимает: вместо того чтобы пытаться бороться с ситуацией, которую она и Скарлетт намеренно спроектировали, он выполняет некую миссию. Хочет расстроить ее, вывести из себя, на чем-то поймать. Он ненавидит эту компанию. Она знает, что он их ненавидит, но он подлизывается к ним, смеется над их шутками и принимает наркотики.

Она чувствует, как что-то касается под столом ее руки. Она поднимает глаза и видит, что Скарлетт смотрит на нее.

— Я разломала одну пополам, — говорит она. — Хочешь, поделюсь с тобой? Дам половинку?

Таллула качает головой.

— Четвертушку?

Таллула моргает и говорит:

— Может, позже.

Скарлетт передает ей крошечный кусочек, и она сжимает его в кулаке.

Ночь превратилась в нечто непонятное и наэлектризованное. Ею играют с обеих сторон — Зак и Скарлетт. Тем временем ее сердце исходит болью за Ноя. Как она полагает, ее сын сейчас в постели. Уже почти десять часов вечера, и он спит в своей кроватке, ручки сжаты в кулачки, волосики влажные от горячей ванны, теплого молока и жаркого летнего воздуха, проникающего в открытое окно.

Она снова чувствует руку Скарлетт под столом, трогающую ее голую ногу. Палец Скарлетт скользит к краю ее обрезанных шорт, и она задыхается и слегка дергается.

И тут же встает.

— Знаешь, — говорит она, — уже поздно. Мне, наверное, пора домой.

Она больше не хочет, чтобы это случилось. Она передумала. Она хочет пойти домой с Заком, подняться на цыпочках наверх и встать с ним рядом, вместе любуясь их ребенком, почти беззвучным шепотом говоря о том, какой он красивый и как им повезло с ним. Расстаться они могут и в другой день. Не сегодня. Не сейчас.

— Нет, — говорит Скарлетт и тянет ее за руку вниз. Она смотрит на Таллулу жутковатым взглядом и говорит: — Останься, я очень прошу. Просто выпей еще одну рюмку. Хорошо?

Таллула вздыхает. Кто-то приносит ей еще одну текилу, и она ее послушно выпивает. Она снова пытается встать и уйти, когда к их столику подходит кто-то еще. Это женщина чуть старше их. Таллула смутно узнает ее, она уже видела ее раньше где-то в деревне.

— Лекси! — взвизгивает Скарлетт, увидев ее. Она обнимает женщину и говорит Таллуле: — Лекси — дочь Керрианны. Ну, ты знаешь, сестры-хозяйки в «Мейполе». У Лекси не только лучшая в мире мама, но и лучшая в мире работа. Скажи Таллуле, чем ты занимаешься, Лекс.

Лекси добродушно закатывает глаза:

— Я трэвел-блогер.

— Да, — говорит Скарлетт, — и не какой-нибудь левый трэвел-блогер, который рассчитывает на халяву в отелях. Она настоящий блогер. С тысячами подписчиков в Инстаграме и соответствующим образом жизни. Откуда ты только что вернулась?

— Из Перу.

— Из Перу. Ни фиги себе. Это так круто, что просто смешно.

Застряв в разговоре со Скарлетт и Лекси, Таллула уступает, и, когда ей предлагают еще одну рюмку текилы, она берет ее и даже запивает ею кусочек таблетки, который все это время держала в руке. В баре звенит колокольчик — сигнал, что нужно сделать последний заказ, и Скарлетт поднимается на ноги.

— Никто не хочет на вечеринку возле бассейна? — громко спрашивает она.

Таллула смотрит на Зака. Зак смотрит на Таллулу взглядом, полным дурных намерений.

— Я тоже с вами, — говорит он. Его зрачки расширены, и он улыбается. — Пойдем, Таллула, — говорит он ей через стол. — Мы едем на вечеринку возле бассейна.

Сцепив перед собой руки, Софи стоит у входной двери коттеджа. Волосы аккуратно причесаны, зубы тщательно вычищены в попытке избавиться от запаха пива, выпитого у Лиама. Хрустя гравием, Пиппа шагает по дорожке, держа за руки близнецов, которые тянут за собой небольшие чемоданчики на колесиках.

— Привет, привет, привет! — говорит Софи. — Добро пожаловать!

Сейчас шесть вечера, и Шон все еще задерживается на работе. Рассыпавшись в нервных извинениях, он позвонил Софи и попросил ее быть на месте, когда придет Пиппа с детьми.

— Конечно, я буду на месте, конечно, без проблем, — сказала она, сдержав долгий, глубокий вдох.

— Я постараюсь быть у вас как можно скорее. Я обещаю.

— Все в порядке, — ответила она. — Не торопись, просто делай свои дела.

— Спасибо, дорогая, — ответил он. И она вздрогнула, потому что он никогда раньше не называл ее дорогой. Он всегда называл ее Софс. Или детка. Дорогая — ей казалось, что так муж называет жену, к которой у него иссяк неподдельный энтузиазм. Родители ее друзей так звали друг друга. Дорогая — это кто-то старый.

Она подходит к Пиппе и детям и наклоняется, чтобы их обнять. Они оба в толстовках от «Гэп». На Джеке — зеленая толстовка, на Лили — розовая. Они крепко обнимают ее, и Софи чувствует облегчение: она давно их не видела и боялась, что они могли позабыть ее, что она больше им не нравится.

— Входите, — говорит она. — Входите.

— Это и вправду папин дом? — спрашивает Джек.

— Вроде как, — отвечает Софи, придерживая дверь, чтобы они могли пройти. — На самом деле он принадлежит школе. Но школа сдает его директору на время его работы здесь.

— То есть у папы еще есть другой дом в Лондоне? — спрашивает Лили, катая свой розовый чемодан по плитке к кухне.

— Да. У вашего папы остался другой дом, а у меня осталась квартира. Мы просто арендуем этот коттедж на время.

— Симпатичный, — говорит Джек, которому нравится большинство вещей.

— Похоже, тут водятся пауки, — сообщает Лили, у которой всегда найдется что упомянуть.

— Обещаю вам, — говорит Софи, ставя ровно их чемоданы, — что я лично вычистила каждый сантиметр этого коттеджа и в нем нигде нет ни единого крошечного существа.

— Я не против других существ, — говорит Лили. — Я просто не люблю пауков. Что это за запах?

— Какой запах?

— Как будто пахнет горелым.

— О боже, я не знаю. Я думала, мне удалось от него избавиться. Должно быть, я уже привыкла к нему. Извините. Полагаю, это всего лишь старый дом. — Она поворачивается к Пиппе. — Принести вам чашку чая?

Пиппа устало вздыхает.

— Нет, — говорит она. — Нет. Вы очень любезны. Но меня в восемь тридцать ждут на ужин. Я и так уже опаздываю. Скажу честно, я не уверена, насколько это осуществимо на постоянной основе. Я имею в виду, если Шон не может даже вовремя вернуться в дом, который фактически находится там же, где и его школа, как, черт возьми, он собирается возить этих детей туда и обратно с севера Лондона каждые выходные? Я уже чувствую запах катастрофы.

Она слегка наклоняет лицо вправо, как будто нюхая воздух в ожидании надвигающейся катастрофы, затем проверяет телефон и говорит:

— Господи, Гугл-карты говорят, что поездка заняла два часа и пять минут. Шон поклялся мне, что она займет всего полтора часа. — Пиппа вздыхает и проводит пальцами по своим блестящим каштановым волосам. — Итак, дети, ведите себя хорошо с Софи. И с папой. Делайте все, что они вам говорят.

— Хотите увидеть их комнату? — спрашивает Софи.

— Нет, — резко отвечает Пиппа. — Я уверена, что там все в порядке. Шон сказал, что вы приготовили ее к их приезду, и я уверена, что это так.

От слов Пиппы Софи испытывает легкий прилив радости. Пиппа как будто намекает, что может доверить ей своих драгоценных детей, и надеется, что Софи поведет себя с ними правильно.

Пиппа нагибается и целует обоих детей, а потом Софи в обе щеки и шагает по тропинке обратно к главному зданию и автостоянке.

Она уходит, и Софи с облегчением вздыхает. Она тотчас понимает, что приезд Пиппы тяжким грузом висел над ней несколько дней, а она даже не подозревала об этом. И вот теперь дело сделано, близнецы здесь, и она, словно разомкнутые цепи, может стряхнуть с себя тревогу.

— Хорошо, дети, — говорит она, возвращаясь в кухню. — Кто проголодался?

* * *

Шон возвращается через полчаса, и около часа коттедж бурлит энергией радостного воссоединения. Он сбрасывает с себя напускную серьезность в тот момент, когда снимает галстук и позволяет близнецам забраться к себе на колени. Софи ставит в духовку лазанью с курицей (Лили не ест мяса коров, овец и свиней, но говорит, что у цыплят страшные лица, поэтому их можно есть) и открывает бутылку вина. Шон тем временем купает близнецов в ванне и наблюдает, как они надевают пижамы. Потом они оба сбегают по лестнице босиком, раздумывая, с еще влажными волосами, а Софи находит по телевизору фильм, и они все вместе сидят на диване и смотрят нечто, что пьяно кружится и вертится между колонн сознания Софи, потому что сейчас она не может сосредоточиться ни на чем, кроме картины винтовой лестницы на стене Лиама.

Она берет с подлокотника дивана телефон, включает его и открывает сделанное ею фото картины. Увеличив фото кончиками пальцев, она перемещает изображение из угла в угол, пытаясь найти в ней нечто, что имело бы смысл. Как обычно, когда она строит в своей голове роман, она мысленно выстраивает игроков, временную шкалу и подсказки и пытается организовать их в логическое повествование.

А потом она чувствует, как по ее телу пробегает дрожь: она понимает, что у нее есть отгадка. Или, по крайней мере, ключ к ней.

Метафорический гаечный ключ, которым можно все открыть. Она слегка задыхается, довольно шумно, потому что Шон и близнецы как один поворачивают к ней головы и вопросительно на нее смотрят.

— Все в порядке? — спрашивает Шон.

— Да, — говорит она. — Да. Просто... э-э-э... мне в голову пришла одна мысль по поводу новой книги, как сдвинуть работу над ней с мертвой точки. Думаю, я могла бы просто... э-э-э... — Она поднимается на ноги. — Ты не возражаешь? — говорит она. — Если я немного поработаю? Я ненадолго.

Она выбегает из гостиной и спешит к своему столу, где открывает крышку ноутбука. Она быстро просматривает одну из статей, которые нашла после встречи с Хасинтой Крофт, об истории тайных туннелей в старых домах, и обнаруживает, что, как она и подозревала, доступ ко многим тайным туннелям осуществлялся через «замаскированные двери, спрятанные за картинами, за раздвижными книжными шкафами или даже через архитектурные элементы». Она находит множество изображений каменных винтовых лестниц в средневековых зданиях и замках, все они ведут наверх, к башенкам, как и на картине Скарлетт. Но что, если архитектор «Темного места» спроектировал винтовую лестницу, которая ведет как вверх, так и вниз? И спуститься по ней можно было, приподняв секретную каменную плиту у начала видимой части лестницы? Что, если странное металлическое орудие на картине Скарлетт на самом деле предназначено для поднятия этой самой секретной каменной плиты?

Она делает скриншот статьи, а затем отправляет Ким по Ватсапу страницу и фотографию картины Скарлетт.

Это то, как выглядел инструмент, который полиция нашла на клумбе? — печатает она и добавляет стрелку, указывающую на орудие на картине.

Она нажимает кнопку «Отправить» и ждет, когда галочки станут синими. Почти сразу же она видит, что Ким печатает.

Да, приходит ее ответ. Никто не мог понять, что это такое.

До Софи доходит, что это может означать, и по ее телу пробегает дрожь.

Посмотрите на прямоугольник света на картине у основания ступенек.

Хорошо, отвечает Ким.

Это картина, которую нарисовала Скарлетт. Очевидно, это каменная лестница в «Темном месте».

Ким отвечает смайликом с отвисшей челюстью. И тотчас спрашивает:

Могу я отправить это Дому?

Да, конечно, отвечает Софи. Без вопросов.

В девять тридцать Шон и Софи уложили близнецов спать, допили остатки вина, которое открыли еще за обедом, и сами готовы лечь спать. Софи наблюдает, как Шон снимает одежду и натягивает футболку и хлопковые кальсоны, в которых он обычно спит. Натягивание футболки и хлопковых кальсон — безмолвный сигнал, что сегодня секса не будет, и Софи это устраивает. День был донельзя длинным и напряженным. Ее голова забита вещами, не имеющими отношения к сексу: пыльными туннелями, пропавшими подростками, скорбящими матерями и бледными тощими девушками с посттравматическим стрессовым расстройством на ютубе. Она распускает собранные в конский хвост волосы, надевает пижаму и забирается под стеганое одеяло.

— Ну как, удалось хорошо поработать? — спрашивает Шон.

Нужно сказать ему все, думает она. Она должна рассказать ему, что происходит, с кем она разговаривает, рассказать ему про картины в комнате Лиама, про разговор с Ким. Но она не может. Просто не может. Эти выходные предназначены для близнецов. Он их не видел целых три недели. Это самый долгий срок, когда он не видел своих детей. Единственная причина, по которой они вообще приехали в эту дурацкую школу, заключалась в том, чтобы Шон мог позволить себе дать своим детям образование, какое хотела для них их мать. Так что дело не в карьере Шона. Будь это связано с его карьерой, он бы сейчас руководил огромной государственной средней школой во внутреннем Лондоне, а не пафосным колледжем в маленькой деревушке, словно сошедшей с коробки шоколадных конфет. Он так многим пожертвовал ради этого, и от нее не требовалось ехать сюда с ним. Это был ее собственный выбор. Он не принуждал ее и не уговаривал.

И вот его дети наконец здесь, и эти выходные должны быть идеальными, абсолютно идеальными: целых два дня, не испорченных ни работой, ни присутствием детективов. Только они четверо, всей

семьей наслаждаются здоровым досугом, какой может предложить сельская местность.

Она кивает.

— Да, я написала несколько слов.

Шон улыбается ей.

— Что ж, это хорошо, — говорит он. — Возможно, ты наконец-то преодолела творческий кризис. Может, сейчас книга потечет рекой?

— Да, — говорит она. — Будем надеяться.

Когда она это говорит, ее телефон жужжит, возвещая, что поступило новое сообщение. Она берет его и смотрит на экран. Это Ким.

Дом говорит, что теперь они наверняка получают ордер на обыск «Темного места». Надеюсь, уже завтра утром. Спасибо за все. Вы удивительная.

Она печатает ответ:

Не стоит благодарности. Рада, что смогла помочь.

— Кто это был? — спрашивает Шон.

— Да так, — говорит она, — просто семейный чат в Ватсапе.

Она выключает телефон, ставит его на зарядку и закрывает глаза. Перед ее мысленным взором возникают бесконечные лестницы, они выются по спирали, уходя вниз, погружаясь в темный мягкий песок сна.

Скарлетт увеличивает громкость радио в машине Лекси и открывает окно. Таллула сидит на коленях у Зака, зажатая на заднем сиденье между Лиамом и Мими. У нее кружится голова. За несколько месяцев она не выпила и полбутылки вина. Она не принимала легкие наркотики с четырнадцати лет. Бедром она ощущает очертания коробочки в кармане у Зака. Она высовывает голову из окна, чтобы вдохнуть теплый ночной воздух. Деревья мелькают черными и золотыми полосами, фары встречных машин мчатся навстречу им размытыми белыми дисками. Небо все еще цепляется за свои последние мышино-серые клочки дневного света.

Скарлетт должна была рассказать о них Заку. Это был план Б. Она должна была сказать Заку, что они с Таллулой любят друг в друга, в ответ на что Зак должен был посмотреть на Таллулу широко раскрытыми, полными недоверия глазами, подавить резкий смешок и сказать: «Что?» И Таллула продолжила бы: «Это правда. Я пыталась сказать тебе несколько недель, но не могла найти подходящий момент». И тогда Зак хлопнул бы дверью и ушел, или блеванул бы, или затеял драку, или заорал, или заплакал, или взбесился, или что-то в этом роде. И все было бы кончено. Это было бы ужасно, но это была бы точка невозврата.

Но по какой-то неведомой причине Скарлетт про длила агонию, затащив всех к себе домой на вечеринку возле бассейна. Таллула написала ей в пабе:

Что ты задумала?

Скарлетт ответила: ВСЕ ПОД КОНТРОЛЕМ, и бросила на нее через стол заговорщический взгляд.

Они въезжают в ворота «Темного места» и едут по длинной подъездной дороге к дому, причем Таллула видит сразу три его отдельные и разные версии. Она моргает, пытаясь совместить три изображения, но у нее ничего не получается.

Лекси припарковалась, и все они выкатываются из плотно забитой машины на покрытую гравием подъездную дорожку. Скарлетт ведет их

всех через металлическую калитку сбоку дома на террасу у бассейна. Рядом с бассейном — павильон, Скарлетт входит в него, включает садовое освещение, звуковую систему и минуту спустя возвращается, держа в руках несколько бутылок пива из холодильника. Зак сидит на краю шезлонга, Таллула — позади него. Скарлетт громко подпевает музыке, и Лиам начинает подпевать вместе с ней. Лекси и Мими сидят, уткнувшись в свои телефоны.

Скарлетт передает Таллуле пиво, и та берет у нее бутылку.

— За встречу! — говорит Скарлетт, пританцовывая, и протягивает свою бутылку Таллуле. — И тебе тоже, Зак. Приятно наконец познакомиться с тобой.

Они чокаются бутылками, и Зак говорит:

— Мне тоже.

Но даже отсюда, сидя позади него, Таллула ощущает исходящую от него неприязнь.

Скарлетт, пританцовывая, подходит к Лиаму и Мими и чокается с ними. Затем ставит пиво на стол и снимает футболку. Под ней небольшой топик. Она расстегивает шорты, вышагивает из них, обнажая неприглядные черные трусы, которые так хорошо знакомы Таллуле, а затем в мгновение ока оказывается в бассейне.

Таллула смотрит, как она стремительно пересекает дно бассейна. В искажающих линзах воды ее тело выглядит еще длиннее и стройнее, чем на самом деле. Затем она выныривает в конце бассейна, подтягивается на бортик, убирает с лица мокрые волосы и говорит Таллуле и Заку:

— Вы идете в воду?

— Нет, не хочу мочить волосы, — отвечает Таллула.

— Да ладно тебе, Лула, — говорит Скарлетт, — я знаю, как тебе нравится мочить волосы.

И Таллула видит, как плечи Зака вздрагивают, но он быстро подносит к губам пивную бутылку и делает из нее большой глоток.

Она нервно смеется.

— Я серьезно. Я вымыла их сегодня утром, высушила феном и все такое. Не хочу завтра повторять все это снова.

— О, Лула. Ты и твои драгоценные волосы. Ну, давай же! Не будь врединой. Прыгай в воду! — Она зачерпывает две пригоршни воды из

бассейна и швыряет их в Таллулу. При этом она обрызгивает Зака. Тот моментально вскакивает и кричит:

— Бля! Смотреть надо!

— Теперь можно и намочнуть как следует. Давай, Зак. Покажи своей девушке, как это делается.

Зак начинает расстегивать рубашку. Он снимает ее, затем стягивает белую футболку, и Таллула видит, как мускулы спины ходят ходуном под его кожей. Затем он расстегивает молнию на брюках и стягивает и их тоже. В следующий миг он уже голый, не считая эластичных трусов-боксеров.

Он поворачивается к Таллуле.

— Тогда давай, — говорит он, — делай, как велит тебе твоя подруга.

В атмосфере чувствуется нечто кислое и как будто разбухшее, и Таллула едва может дышать. Это нечто образовалось в пространстве между Скарлетт и Заком, оно раздувается все больше и больше. Она кивает и снимает шорты, оставив легкий, полупрозрачный топик, чувствуя себя неловко перед Мими, Лиамом и Лекси. Она скручивает волосы в узел, а затем прыгает в бассейн. Вода наполняет ее уши, хлещет по коже, срывает с нее топик, превращая его в трепещущую муслиновую медузу. Когда же она выныривает, то оказывается лицом к лицу со Скарлетт. Та быстро касается губами ее губ и снова уходит под воду. Таллула поворачивается и видит Зака. Он вылезает из воды и издает звуки, которые люди издают, когда вода в бассейне оказывается холоднее, чем вы ожидаете. Он трясет головой, и капельки воды, когда они летят с кончиков его волос, отражают свет, как кристаллы. Потом Таллула сидит между Заком и Скарлетт, и энергия между ними настолько токсична, что от нее можно задохнуться.

И вновь Таллула ловит себя на мыслях о своем маленьком сыне. Она представляет знакомое тепло его крошечного тельца в ее руках, то, как она прижимает его к себе, запах его сонного дыхания. Внезапно она чувствует, что ей не нужен никто. Ни Скарлетт, ни Зак. Она просто хочет побыть одна.

Она бьет ногами по воде, чтобы доплыть до ступенек, и вылезает на бортик. В этот момент Мими и Лиам прыгают в воду. Она идет в домик возле бассейна, берет из аккуратно сложенной стопки большое черное полотенце, заворачивается в него, садится в шезлонг и

некоторое время наблюдает за остальными, что все еще плещутся в бассейне. Громкая музыка заглушает крики и визг. Таллула, испытывая неловкость, наблюдает, как Зак усаживает себе на плечи Скарлетт и с надувным молотком в руках вступает в битву с Мими, сидящей на плечах у Лиама.

Она мотает головой, чтобы стряхнуть лишнюю воду, но еще — чтобы не видеть, как ее возлюбленная и ее сожитель переплетаются в мокром нижнем белье. Она замечает, что Зак слегка повернулся и смотрит на нее. Взгляд, которым он на нее смотрит, подобен выстрелу куском льда. Она кивает и заставляет себя улыбнуться. Температура ее тела начинает падать, и ее бьет легкая дрожь.

— Я хочу одеться, — говорит она, собирая свои шорты, рубашку Зака, телефон и сумку, и направляется в дом.

Рядом с кухней есть небольшая комната. Скарлетт называет ее укромным местечком. Комната заставлена книжными полками и слабо освещена, в ней два маленьких красных дивана, стоящих друг напротив друга, а между ними большой журнальный стол из орехового дерева, заставленный интересными предметами. На нем лежат большие глянцевые книги в твердом переплете и несколько журналов по дизайну интерьера. Она закрывает за собой дверь, снимает мокрый топ, надевает футболку Зака, снимает мокрые трусы и натягивает шорты. Она опускает голову и тюрбаном накручивает на мокрые волосы черное полотенце. Она хочет остаться здесь. Здесь тепло и безопасно. Она чувствует себя защищенной от странностей вечера, от зловещей энергии, висящей в воздухе. Она проверяет свой телефон и видит, что сейчас почти час ночи.

Может, написать матери сообщение, думает она. Но потом решает, что, вероятно, та уже спит, и ей не хочется будить ее без надобности, и поэтому она снова блокирует телефон, садится на маленький красный диван, берет одну из больших глянцевых книг и начинает листать ее. Слова и картинки расплываются перед ее глазами, напоминая ей, что хотя она уже не так пьяна, как была недавно, она все еще далека от трезвости.

— Вот ты где, — раздается в дверях низкий голос. Это Зак. Он снова в рубашке и брюках, мокрые волосы зачесаны с лица. — Что с тобой?

Он закрывает за собой дверь и стоит в дверном проеме, галогеновый светильник прямо над его головой отбрасывает на его лицо зловещие тени.

— Ничего, — говорит она. — Просто зашла, чтобы согреться и просохнуть.

— А меня бросила там, как придурка?

— Зак, — говорит она. — Это была твоя идея приехать сюда. Я два часа назад хотела вернуться домой, помнишь?

— Да, я помню. Но потом я подумал: вдруг ты просто сказала, что хочешь вернуться домой, ради меня, а я не хотел, чтобы твои друзья думали, что я мешаю тебе, не даю тебе весело проводить время.

— Я не хотела сюда приезжать. Я хотела домой. Я все еще хочу домой. Я сейчас вызываю такси.

Она поднимается на ноги, и когда она это делает, Зак вплотную подходит к ней и говорит:

— Нет. Нет, мы никуда не идем. Еще нет.

Он стоит близко. Она чувствует исходящий от него запах хлорки, чувствует жар его дыхания.

— Я хочу домой, — снова говорит она усталым голосом.

Она делает шаг, чтобы пройти мимо него, но он крепко хватает ее за руки.

— Ты знаешь, что я собирался сделать сегодня вечером, Лула? Ты хоть представляешь, что я собирался сделать?

Он отпускает одну ее руку и лезет в карман брюк, вытаскивает маленькую черную коробочку и с такой силой прижимает ее к груди Таллулы, что та чувствует, как там уже начинает формироваться синяк.

— Ой, — говорит она, потирая грудь. — Мне больно.

— Открой! — рычит он.

Она глубоко вздыхает, расстегивает застежку и в ужасе смотрит на крошечный бриллиант, сверкающий перед ней в свете галогенных светильников. Вот оно, думает она. Вот оно. Причина всех до единой жутких минут этого вечера. Она закрывает коробочку, возвращает ее Заку и говорит:

— Я бы сказала «нет».

Сила собственной реакции слегка пугает ее. Ей не хватает воздуха.

Он слегка покачивается.

— Верно, — говорит он. — Верно.

На мгновение Таллула думает, что этим все закончится. Вдруг это конец? Вдруг на их путешествии с Заком можно поставить точку и все было так просто? Но она смотрит на Зака, видит, как оцепенелое принятие на его лице сменяется замешательством, а затем, быстро, в считанные доли секунды, черной яростью.

— Это она, да? — говорит он. — Это как-то связано с ней?

— С кем?

— С той девушкой. Скарлетт. С того момента, как она вошла в паб сегодня вечером, ты была как на иголках. Вот почему я поехал сюда. Хотел посмотреть, что происходит. Итак, в чем дело?

Таллула чувствует, что внутри ее что-то нарастает и несется с бешеной скоростью.

— Мы вместе, — прямо говорит она.

Зак ошарашен. Его лицо искажается уродливой гримасой недоумения.

— Что?

— Я. И Скарлетт. Мы встречаемся.

Так. Дело сделано. Слова сказаны. Все кончено. Таллула тяжело выдыхает и ждет.

— Ты хочешь сказать, что вы... — Он не может подобрать слов, чтобы описать то, что ему противно. — Ты и она? Вы...

— Мы занимаемся сексом. Да.

— О боже! — Он слегка спотыкается и стонет. — О мой бог. О господи. Я это знал. Господи, я это знал, с той минуты, как увидел эту фотку на твоём телефоне, я тотчас все понял. Это было так очевидно. Значит, у вас был секс? Между ней и тобой?

— Нет. Господи. Нет, тогда это был всего лишь второй раз, когда я разговаривала с ней.

— Но это началось тем вечером?

— Нет. Нет. Недавно. Лишь после того, как у нас с тобой начались проблемы.

— Какие проблемы? У нас не было никаких проблем.

Она моргает. Она не имеет ни малейшего представления, нарочно он строит из себя дурака или искренне верит в это переписывание их истории.

— Блин. Лула. Я серьезно. С кем? С ней? Из всех людей! Ее даже нельзя назвать хорошенькой. Она страшна как смертный грех.

— Неправда, она не страшна. Она прекрасна.

Он хватается за голову.

— Это... это безумие, Лула. Это не ты. Ты не лесбиянка. Это она. Это она охмурила тебя. Запудрила тебе мозги. Неужели ты этого не видишь? Она запудрила тебе мозги.

Несколько секунд он расхаживает туда-сюда, и Таллула понятия не имеет, то ли он сейчас успокоится и попытается уговорить ее, то ли убьет ее. Но он не делает ни того, ни другого. Он выпрямляется во весь рост, смотрит прямо ей в глаза и говорит:

— Ты ведь все прекрасно понимаешь сама, не так ли? Ты знаешь, что больше не можешь быть матерью Ноя. Забудь об этом. Ни один суд в мире не позволит такой, как ты, растить ребенка. Никакой суд в мире. Я пошел, Таллула. Я возвращаюсь домой, забираю Ноя, и ты больше никогда его не увидишь. Ты меня слышишь? Ты больше никогда его не увидишь.

Он снова швыряет в нее коробочку с кольцом и отворачивается. Таллула чувствует, как ее голова наполняется осколками страха и ярости. Нет, кричит каждый атом в ее теле. Нет, ты не можешь забрать моего ребенка. Нет, ты не забереешь моего ребенка. И она следует за ним. И она кричит, протягивая к нему руки, готовая оттащить его назад, остановить его, не дать ему сделать то, что он делает, пойти туда, куда он идет. Но, выходя из комнаты, она видит в дверном проеме Скарлетт. Та стоит в мокром нижнем белье и что-то держит в руке, какой-то бронзовый предмет, формой напоминающий сбившихся в кучу людей, и что она поднимает его над головой, замахивается, а затем вновь опускает его вперед, прямо на макушку Зака. Она видит, как эта бронзовая штука ударяет Зака по затылку. Она слышит гневный крик Скарлетт, глухой крик боли Зака. И она видит, что удар пришелся так, что он по идеальной дуге падает лицом на белый гранитный пол.

Следующее утро начинается рано, как то бывает всегда, когда к Шону приезжают близнецы. Джек первым залезает к ним в кровать, пытается стащить с прикроватной тумбочки телефон Шона и устраивает с ним потешный поединок. Спустя минуту Лили следует его примеру. Ее прекрасные каштановые волосы собраны на затылке в густой узел, и Софи знает: прежде чем они смогут выйти из дома, ей придется потратить минут двадцать на их расчесывание. Над плечом Лили, сквозь щель в шторах, Софи видна полоска серого сырого дня, который предсказывали синоптики. Она поворачивается к Шону и говорит:

— Похоже, сегодня будет ливень.

И Шон выглядывает в щель между шторами, вздыхает и соглашается:

— Похоже на то.

Дети в восторге. Все бегут вниз, чтобы съесть особый завтрак, который приготовила для них Софи: жирные американские блины с «нутеллой» и кукурузными хлопьями. Софи пьет кофе из большой кружки. Шон пьет эспрессо из крошечной чашки. Дети болтают, едят и роняют на пол хлопья и говорят, что будь они дома, их собака, Бетти, собрала бы языком все просыпанные хлопья. Дождь мягко стекает по оконным стеклам, и на мгновение Софи чувствует, что так и должно быть, как будто именно этого она и ждала с того момента, как они впервые приехали. Южный Лондон кажется далеким, и на мгновение она думает, что, возможно, она все-таки сумеет это сделать. Все, что им было нужно, — это увидеть детей. Шон уже сбросил легкую нервозность, которую проявлял с тех пор, как начал новую работу. Жесткая короткая стрижка, которую он сделал до их приезда, начала отрастать и смягчаться, и он не перестает улыбаться, даже когда близнецы огрызаются.

Она берет телефон, чтобы погуглить часы работы развлекательного центра в Мэнтоне, и в этот момент приходит сообщение от Ким:

У них есть ордер. Они едут в «Темное место». Мне нехорошо.

Софи делает резкий вдох и набирает ответ:

О господи. Так быстро. Когда они сообщат вам что-то новое?

Пока они собирают команду. Может, через пару часов? Я не могу дышать.

Чем я могу помочь?

Софи нажимает кнопку «Отправить» и тотчас понимает, что, наверное, зря это написала.

Не могли бы вы приехать? Если вы не слишком заняты?

Софи отрывается от телефона. Лили и Джек стоят над тостером, ждут, пока разогреется их вторая порция блинов. Шон загружает посудомоечную машину. Все трое еще в пижамах и пребывают в разной степени неготовности к новому дню, дню, который, по большому счету, они должны были провести вчетвером. Она вздыхает и печатает:

Дети моего партнера здесь. Мы идем в детский бассейн в Мэнтоне.

Она задумывается. Наверное, это звучит слишком резко. Эта женщина, возможно, вот-вот узнает, что ее дочь мертва. *Детский бассейн*. Неужели?

Она добавляет еще одну строчку:

Но мы поедем туда попозже, так что я могу ненадолго заехать.

Огромное спасибо, отвечает Ким. Я просто не могу сейчас оставаться одна.

Софи приезжает к Ким через полчаса. Шон выглядел немного сбитым с толку, когда она максимально кратко попыталась объяснить ему, куда она едет и почему.

— Я вернусь через час, — говорит она, уходя. — Может, даже раньше.

— Но откуда ты знаешь эту женщину?

— Благодаря кольцу, — говорит она. — Тому, которое я нашла в лесу. Похоже, я позволила немного втянуть себя в эту историю.

— Главное, не задерживайся слишком долго, хорошо?

— Обещаю, я вернусь вовремя, чтобы поплавать.

Когда Ким открывает Софи дверь, на ней нет лица. Она вся какая-то серая, без макияжа, а ее обычно блестящие волосы свисают тусклыми прядками ей на плечи.

Из гостиной, где Софи видит затылок Ноя, когда они проходят мимо, доносятся звуки мультиков. Ким ведет ее на кухню и выдвигает для нее стул.

— Чай?

— Да. Пожалуйста.

Ким из-под крана наполняет чайник, и Софи слышит ее вздох.

— Есть еще что-нибудь? — спрашивает она.

— Нет, пока нет. Это худшее чувство. Я этого не вынесу.

Под тонкой тканью кофточки с длинными рукавами плечи Ким кажутся маленькими и острыми. Софи хочет прикоснуться к ней, утешить ее, но, увы, они недостаточно хорошо знакомы.

— Это должно случиться, — говорит Ким. — Они собираются вскрыть эту плиту в той башне, собираются спуститься туда и что-то найти. Я это точно знаю. И это может быть что-то такое, что полностью разрушит мой мир. И я не уверена, что к этому готова. Не уверена, что когда-нибудь буду к этому готова. Я хочу, чтобы это произошло, и одновременно не хочу. Я должна это знать, но я не хочу это знать. Что, если она там внизу? Моя девочка. Что, если она там внизу? С пауками. Вы в курсе, что она страдает арахнофобией? Она боится пауков. Буквально до такой степени, что не может дышать, если увидит паука. Ее всю трясет. Вдруг ее заперли там с пауками? Во тьме. В одиночестве. Вот чего мне не вынести. Мысли о том, что она там внизу, одна...

И Ким начинает плакать, Софи поднимается на ноги и обнимает ее.

— О, Ким, Ким, — утешает ее она. — Мне так жаль. Я представляю, как вам тяжело. Как вам тяжело.

Чайник закипает и щелкает, но Ким не заваривает чай. Она падает на стул и смотрит на часы на стене кухни. 10.01 меняется на 10.02.

Телефон Ким звонит, и Софи видит, что на экране появляется имя «Дом».

Ким пристегивает Ноя к автокреслу на заднем сиденье машины, а Софи садится на пассажирское сиденье. Она достает телефон и пишет Шону:

Ким и я едем в «Темное место». Видимо, они там что-то нашли.

Ее сообщение какое-то время остается непрочитанным. Лишь когда они почти выезжают из деревни, Шон отвечает:

О боже. Надеюсь, ничего ужасного. Мы подождем здесь, пока не получим от тебя сообщение.

Выехав из деревни, Ким гонит машину по проселочным дорогам. Вскоре они уже сворачивают на узкую подъездную дорогу, ведущую к «Темному месту». У ворот дома стоит женщина-полицейский в светоотражающем жилете. Ким опускает окно и говорит:

— Детектив-инспектор Маккой велел мне приехать. Я мать Таллулы Мюррей.

Офицер пропускает ее в ворота, и они едут по подъездной дорожке к дому. Тот окружен полицейскими машинами, как с опознавательными знаками, так и без. К ним подходит другой полицейский, и Ким снова опускает окно и объясняет, кто она такая. Полицейский что-то говорит в рацию, а затем просит ее подождать в машине.

Входная дверь дома распахнута настежь. Внутри виднеется элегантный мраморный вестибюль с кремовой каменной лестницей посередине, что, изгибаясь, ведет наверх, к стеклянной балюстраде, и с огромной люстрой в стиле модерн в центре потолка. Стены увешаны абстрактными полотнами, а у подножия лестницы друг напротив друга стоит пара кожаных кресел 1960-х годов, между ними низкий журнальный столик. Во всем чувствуется изысканный вкус, идеальное сочетание старого и нового. Но этот прекрасный дом простоял заброшенным больше года, и теперь наконец все узнают почему.

Спустя минуту у входной двери появляется Дом Маккой. Ким тотчас же выходит из машины и шагает к нему. Софи хотела бы последовать за ней, но ей нужно оставаться в машине с Ноем, поэтому она открывает дверь и разворачивается так, чтобы наполовину сидеть в машине, выставив наружу одну ногу. Она наблюдает за тем, как Дом что-то говорит Ким, видит, как колени Ким подкашиваются. Дом и еще один мужчина, взяв ее под локти, помогают ей встать, после чего Маккой заключает ее в объятия и крепко держит.

Софи поворачивается и смотрит на Ноя.

— Я просто хочу проверить, как там твоя бабушка, хорошо? Я ненадолго. Просто подожди здесь, как хороший мальчик. Договорились?

Ной смотрит на нее, высовывает язык и пукает ртом. Софи слегка вздрагивает. Такого не позволял себе по отношению к ней ни один

ребенок, и помощник учителя внутри ее хотел бы как-то на это отреагировать. Но вместо этого она молча идет к входной двери.

— Ким? Что случилось? — спрашивает она и нежно кладет руку на поясницу Ким.

Ким слишком тяжело дышит. Она не в состоянии говорить, поэтому за нее говорит Дом:

— Мы только что вошли в туннель. Там внизу обнаружены человеческие останки.

Перед глазами Софи как будто опускается вуаль, и она слегка вздрагивает.

— Есть идеи, чьи это останки?

— Нет. Пока нет. Но, Ким, — говорит Дом Маккой, обращаясь к ней, — вы должны знать, что это мужчина.

Ким рыдает. Она буквально давится слезами.

— А еще мы нашли вот это. — Он показывает запечатанный прозрачный пластиковый пакет. — Вы можете это опознать, Ким?

Софи смотрит на предмет в пакете. Это телефон в прозрачном пластиковом корпусе с напечатанным на нем узором. Она чувствует, как плечи Ким никнут под ее ладонью, и слышит исходящий от Ким звук, которого никогда не слышала раньше: наполовину вой банши, наполовину звериный рык. Ким падает на колени, прямо на гравий подъездной дорожки.

— Нет, нет, нет, нет, нет, нет, только не моя девочка, — причитает она. — Нет, нет, нет, нет, только не моя прекрасная девочка.

Сидящий на заднем сиденье машины Ной начинает кричать и плакать, и вскоре влажный воздух полон звуков человеческой боли и страданий, как внутри, так и снаружи машины, и все остальные полностью умолкают.

— Зак? — Таллула толкает его в плечо. — Зак?

Его тело кажется странно твердым и неподатливым, думает она, как будто из него вынули внутренности и вместо них засыпали шарикоподшипники.

— Зак? — шипит она ему на ухо. — Черт! Зак!

Она прижимается лицом к его лицу, повернутому под странным углом, пытаюсь почувствовать его дыхание. Но он не дышит... ни носом, ни ртом. Она пытается перевернуть его на спину, но он слишком тяжелый. На плитке под его щеками небольшая лужица крови, и она видит струйку, вытекающую из его уха.

— О господи, Скарлетт. Что ты наделала?

Скарлетт бросает на нее испуганный взгляд.

— Он собирался отнять у тебя ребенка, Лула! Он собирался забрать его себе!

— Да. Но тебе не нужно было... Боже мой! — Таллула поднимается на ноги и переводит взгляд со Скарлетт на Зака и обратно. — Скарлетт. Он мертв. О господи! Скарлетт!

— Ты сама сказала мне, что хочешь, чтобы он исчез, Лула. Ты сказала мне. Помнишь? Ты сказала, что хотела бы, чтобы он просто исчез. Что так было бы проще. Я слышала, что он сказал про ребенка, я слышала, как он угрожал тебе, и я просто...

Услышав цокающие звуки по кухонной плитке, они обе поднимают глаза и видят, что это Тоби. Пёс вопросительно смотрит на них, после чего приближается к телу Зака. Обнюхивает пальцы его босой ноги, садится и смотрит на Таллулу. Позади пса появляется другая фигура. Женщина средних лет в шелковом кимоно, накинутом на хрупкое тело, и в бледно-розовой маске, сдвинутой до середины лба.

Женщина щурится и, глядя на присутствующих, брезгливо морщит нос. Затем снимает маску с глаз и говорит:

— Я спустилась лишь затем, чтобы попросить вас, дети, выключить музыку возле бассейна. Что, черт возьми, происходит?

Таллула не может выдать ни слова. Она качает головой.

— О боже.

Женщина шагает к телу Зака.

— Кто он? Кто ты? Кто это, Скарлетт? — Взгляд женщины падает на предмет в руке Скарлетт. — О господи! — печально и слегка наигранно восклицает она. — Только не мой Пипин.

Таллула снова качает головой. *Пипин?*

Женщина наклоняется к лицу Зака.

— Пожалуйста, может кто-нибудь сказать мне, кто это, черт возьми? — Она прижимает два пальца к его шее и смотрит ему в глаза.

— Это... Зак, — говорит Таллула. — Он... он мой парень.

— А ты?

— Таллула. Я Таллула.

— О господи. Он мертв, — говорит женщина. — Кто-нибудь из вас объяснит мне, что происходит?

— Не знаю, — отвечает Скарлетт, глядя сначала на странный металлический предмет в своей руке, который ее мать назвала «мой Пипин», на безжизненное тело Зака и снова на предмет. — Я не знаю. Он собирался... он собирался отнять Ноя. А потом...

— Кто такой Ной? — со вздохом спрашивает женщина.

— Ной — ребенок Лулы, — отвечает Скарлетт. — Он собирался отнять его у нее. А потом... — Ее взгляд снова падает на «Пипина», и она умолкает.

В том месте, где должно быть воспоминание о том, что только что произошло, в голове Таллулы темнеет черный квадрат. Пустота. Она помнит, как сбежала следом за Заком в кухню. Помнит, как в кухню вошла собака и обнюхала пальцы ног Зака. А в промежутке между первым и вторым что-то произошло. Нечто ужасное. Оно пронзает ей голову, как молния. Таллула начинает плакать.

— О! — тихо стонет она. — О! — она зажимает рот ладонями и начинает раскачиваться. — О!

— Ладно. Давайте подумаем, — говорит мать Скарлетт. — Сейчас... — Она поворачивается и смотрит на большие металлические часы на стене. — Третий час ночи. Кто еще здесь?

— Только Мими. Лиам и Лекси уехали.

— А где Мими?

— Я не знаю. Она вошла внутрь несколько минут назад. Сказала, что ей нужно зарядить телефон.

— Так что здесь только мы. И этот парень, этот Зак, он поднял на тебя руку?

Таллула качает головой.

— Нет, — говорит она. — Он собирался уехать.

— Он когда-нибудь делал тебе больно?

— Нет, — отвечает она. — Нет, он ни разу меня даже пальцем не тронул.

— А тебя, Скарлетт? Он когда-нибудь тебя обижал?

Скарлетт угрюмо качает головой.

— А ты решила, что он собрался тебя ударить?

Скарлетт снова качает головой.

— Так ты ударила его сзади по голове, потому что он сказал, что хочет отнять ребенка у твоей подруги?

— Да.

— А почему он собирался забрать твоего ребенка? — спрашивает Таллулу мать Скарлетт.

— Потому что... я сказала ему... — Таллула смотрит на Скарлетт. Та еле заметно кивает. — Я сказала ему, что люблю Скарлетт.

Она ждет, надеясь увидеть, как это признание повлияет на идеальные черты лица женщины, но оно никак не влияет. Лицо матери Скарлетт остается неподвижным. Она никак не реагирует. Вместо этого она просто вздыхает.

— Понятно, — говорит она. — Значит, он был зол. И обижен. И, возможно, ему было слегка противно. Он сказал, что заберет твоего ребенка. Он уже уходил, а потом...

Все трое снова смотрят на распростертое на полу тело.

На мгновение все замолкают. Мать Скарлетт снова вздыхает.

— Все ясно. Это надо же натворить такое! Кто знает, что вы двое были здесь? — спрашивает она Таллулу.

Таллула пытается привести свои мысли в порядок.

— Э-э-э... никто. Моя мать знает, что я нахожусь в чьем-то доме, но я не сказала ей, в чьем.

— А как насчет твоих друзей, Скарлетт?

— Они все знали, потому что мы все вместе были в пабе. И Лиам, и Лекси, потому что они были здесь. И Мими. И, может быть, еще

какие-то люди.

— Понятно, значит, в конце концов, когда этот парень не вернется домой, люди поймут, что здесь что-то не так.

Таллула кивает и думает о своей матери, о своем ребенке, о своей постели. Все, что ей нужно, это ее ребенок, ее мать и ее кровать.

— Во сколько твоя мать ждала тебя домой? — спрашивает мать Скарлетт Таллулу.

— Я не знаю, правда. Мы не обговаривали точное время.

— Хорошо, значит, у нас есть хотя бы несколько часов, чтобы что-то придумать.

— Разве мы не вызовем полицию? — спрашивает Таллула.

— Что? Нет. Это же убийство. Скарлетт окажется за решеткой. Ты, наверное, тоже. И ты никогда не увидишь, как вырастет твой ребенок. Нет, это катастрофа, настоящая гребаная катастрофа. — Она стоит руки в боки и обводит взглядом комнату. — Итак, — говорит она. — Мими. Что нам делать с Мими? Где она?

— Я же сказала тебе. Я не знаю. Она вошла в дом, чтобы зарядить свой телефон.

— Иди и найди ее, — говорит она дочери, так и не оборачиваясь. Она идет к раковине, наливает себе стакан воды и запивает две обезболивающие таблетки. — Уф. Моя голова.

Скарлетт кивает и исчезает. На минуту здесь остаются лишь Таллула, мать Скарлетт и собака.

— Что ж, со Скарлетт никогда не соскучишься, это точно, — говорит ее мать. — О господи. Одно за другим, одно за другим. С момента ее рождения. После своенравного Рекса я так обрадовалась, когда узнала, что у меня будет девочка. Я думала, что меня ждут спокойные дни, что мы будем заниматься рукоделием и придумывать друг дружке прически. Но нет, Скарлетт была даже хуже Рекса... ей вечно хотелось быть на улице, она вечно куда-то бежала, не слушалась, огрызалась. Боже мой, а ее язык! — Она кладет изящную руку на скулу, потирает лоб. — Не ребенок, а сущий кошмар. А потом подростковые годы. О боже. Мальчики... кстати, она потеряла девственность, когда ей было тринадцать. Тринадцать! Она была помешана на мальчиках. Потом появились девочки. Потом снова мальчики. Потом еще больше девочек. Ее вечно исключали, то из одной школы, то из другой. Она вечно вляпывалась то в одну, то в

другую историю. Ей было наплевать, вот в чем беда. Я и сама, будучи подростком, нарушала правила, но я всегда думала о последствиях. В отличие от Скарлетт. И что прикажете делать с таким ребенком?

Скарлетт возвращается.

— Она вырубилась на моей кровати, — говорит она.

— Хорошо, — говорит мать Скарлетт. — Оставь ее там. Ладно. Первым делом нам нужно избавиться от него.

Таллула качает головой. Хотя она почти полностью оцепенела, она не вполне может принять, что Зак теперь — неживой объект, что он ничем не отличается от странного куска бронзы на полу рядом с ним, «Пипина», и что от него нужно избавиться. Это нехорошо. Она несколько мгновений борется с этими тошнотворными эмоциями, пытаясь отделить их друг от друга. Затем, к своему ужасу, понимает: есть только одно решение, то, которое предлагает мать Скарлетт.

Она видит, как Скарлетт и ее мать переглядываются, почти незаметно кивают.

— Туннель? — спрашивает ее мать.

— Да, — отвечает Скарлетт. — Туннель.

Ким и Софи уезжают домой еще до того, как из дома выносят мешок с трупом. Ной накричался и наконец уснул и теперь тихонько посапывает на заднем сиденье, когда они сворачивают на главную дорогу, ведущую в деревню. Руки Ким крепко сжимают руль, костяшки пальцев белеют сквозь кожу, словно кусочки слоновой кости.

— Эти люди, — говорит она. — Эта женщина. Эта девушка. Я знала. Я знала, когда была там. Это были плохие люди. Я нутром это чувствовала. Ну, вы понимаете? В этом доме обитало зло. Даже в тот прекрасный летний день. И вот они! В бассейне! Смеются! Пьют пиво! Мне тошно даже думать об этом. Но почему? Ради бога, почему? А потом они жили там еще несколько недель. С этим... там... — Ким снова плачет.

— Может, остановимся? — осторожно предлагает Софи. — Всего на минутку.

Ким кивает, подает знак и тормозит на обочине. Она опускает голову на руль и какое-то время плачет. Но через пару минут вновь берет себя в руки, выводит машину обратно на дорогу и едет в деревню.

Софи из дома Ким отправляет Шону сообщение:

Они нашли тело. Мужское. И мобильный телефон Таллулы. Мы с Ким ждем новостей. Буду на связи.

Шон отвечает просто «ОК» и добавляет смайлик поцелуя.

Ким сидит на кухне с Ноем, дает ему поесть. Софи тем временем торчит в гостиной, разглядывая фотографии в рамках на полках и на стенах, и на всех из них — семья, которая когда-то была рядовой во всех отношениях, кроме своего счастья. Таллула — милая, симпатичная девушка, но, похоже, из тех, что предпочитают ничем не выделяться. Девушка, которая не любит комплиментов или суеты, зато любит рутину, нормальность и простую еду, не экспериментирует с одеждой или макияжем, чтобы случайно не ошибиться. Тем не менее неким загадочным образом она оказалась втянута в такую богемную

эгоцентричную семейку, как эти Жаки. Как такое стало возможным? Когда это случилось? И почему все закончилось так, как закончилось?

Она проверяет свой телефон — нет ли новых сообщений и обновлений. Затем вновь переходит по ссылке на видео Мими на ютубе, чтобы узнать, не добавила ли та что-то новое. Но видео больше нет. Да и самого аккаунта больше нет. Скарлетт Жак заставила Мими исчезнуть. Даже будучи на яхте посреди океана, она по-прежнему обладает некой необъяснимой силой.

Плита опускается на место над ведущими в туннель ступеньками, и Скарлетт с помощью старого рычага закрепляет ее. Все трое потные и серые. Они встают и растирают ноги. Воздух в этой крохотной сырой башенке полон застарелого запаха алкоголя, пота и страха.

Пес нетерпеливо ждет за дверью, тихонько поскуливая. Он следует за ними в кухню, где посреди пола алеет крошечная лужица крови, словно пролитое «Божоле». Мать Скарлетт вытирает ее бумажным полотенцем, брызгает на пол отбеливателем, затем сжигает бумагу над раковиной, сбрасывает пепел в отверстие и чистит раковину еще большим количеством спрея.

Сейчас почти три часа ночи. Стекло раздвижных дверей отражает светодиодные огни бассейна, которые медленно меняют цвет с бледно-розового на ярко-розовый, с фиолетового на синий. Таллула устало сидит на краю большого кожаного дивана.

— Теперь я могу поехать домой? — тихо спрашивает она.

— Нет, — тотчас же решительно отвечает мать Скарлетт. — Нет. Ты в шоковом состоянии. Если ты сейчас поедешь домой, твоя мать догадается. Я не могу никуда тебя отпустить, пока мы это не исправим. Договорились?

Таллула смотрит на нее, и на поверхность ее сознания всплывают тысячи возражений. Но она устала. Жутко устала. Ей хочется одного — спать. Она с каким-то тупым восхищением наблюдает за тем, как мать Скарлетт готовит им в кастрюльке горячий шоколад.

— Боже, — говорит та. — Этого нам только не хватало, ведь завтра Рекс вернется домой. И на следующей неделе нам на Майорку. Жизнь, — говорит она, медленно помешивая шоколад деревянной ложкой. — Жизнь.

Она разливает по кружкам горячий шоколад и вручает по кружке каждой девушке.

— Вот, — говорит она. — Выпейте.

Горячий шоколад восхитителен, сладкий и густой, но со странным химическим привкусом.

— Я добавила в него капельку рома, — поясняет мать Скарлетт, — просто чтобы успокоить ваши желудки. Вы обе наверняка измучены. Весь этот адреналин. Вы знаете, он ужасно старит. Нет, это чудодейственный гормон, но он ужасен для вас. И в конечном итоге...

Таллула наблюдает за движением губ матери Скарлетт, когда та говорит, и пока она наблюдает, происходит нечто вроде разъединения. Слова больше не соответствуют движениям ее рта, они начинают звучать странно, протяжно, как если бы они были на дисках диджея. Они замедляются и растягиваются, а глаза Таллулы, ее веки, они такие тяжелые. Она хочет закрыть их и одновременно держать их открытыми, потому что ей нельзя уснуть, но она не может бодрствовать... весь свет в комнате устремляется внутрь, к задней стенке ее сетчатки, и она...

Когда Таллула открывает глаза, вокруг нее темно. И холодно. Ее тело стонет от ломоты и боли, во рту пересохло так, что в первые мгновения она не может высунуть язык из-за зубов. Когда ее глаза привыкают к темноте, она видит мерцание свечи в банке. Она видит контур большой пластиковой бутылки с водой, открывает ее и жадно пьет. Она завернута в меховые одеяла, у нее есть подушка, есть шоколад, дорогое на вид печенье, рулон туалетной бумаги и ведро. Чуть дальше в туннеле лежит неподвижная фигура, и она знает, что это Зак. Она понимает, что находится под домом, что над ней — твердый камень и она здесь в ловушке, наедине с трупом своего парня.

Есть коробок спичек и еще свечи в коробке. А вот и ее телефон. Она включает его, но здесь внизу нет сигнала, и у нее осталось только шестнадцать процентов зарядки. Она кладет телефон на каменный пол и чувствует, как что-то пробегает по голой коже ее лодыжки.

Она смотрит вниз и видит паука. Он сидит на ее теле, со всеми своими угловатыми, мохнатыми лапами, гадкий и омерзительный, и она вскакивает на ноги и кричит, кричит, кричит.

Утро медленно приближается к полудню.

— Теперь можете идти, Софи, — говорит Ким. — Со мной все в порядке. Райан уже в пути.

— Райан?

— Мой сын. Я все утро пыталась дозвониться до него. Его телефон был на беззвучном режиме, — говорит она и закатывает глаза. — Но он будет здесь через минуту. Так что можете идти. Я как-нибудь справлюсь.

Софи ждет, когда приедет сын Ким. Он появляется через несколько минут, тут же падает в объятия матери и рыдает. Софи тихонько закрывает за собой дверь и направляется обратно в «Мейпол-Хаус».

Фигура по ту сторону деревенского луга движется к школе, и Софи не сразу понимает: это Лекси. Она несет сумки с покупками, возвращаясь из «Ко-Опа». Софи замедляет шаг, ждет, когда Лекси догонит ее, и встречает ее натянутой улыбкой.

— Полицейские кое-что нашли, — говорит она Лекси. — В «Темном месте», в подземном туннеле.

У Лекси отвисает челюсть, глаза вылезают из орбит.

— Боже мой, — говорит она. — Это он?

— Он? Кто?

— Тот парень. Зак.

— Почему вы так думаете? — осторожно спрашивает она.

— Что ж, если полиция что-то нашла и это было последнее место, где их видели...

— «Их»? Но вы сказали «он». Парень. Как будто... — Она умолкает и переводит дыхание. — Лекси, — продолжает она, — я надеюсь, вы все поймете правильно. Я ни на что не намекаю, клянусь вам, но... я видела, что вчера у вас в чемодане был экземпляр моей книги, и я думаю, вы знаете, что в книге есть отрывок о том, как детектив находит картонную табличку, такую же, как и здесь, и, согласитесь, это довольно странное совпадение. Я имею в виду

таблички с надписью «Копать здесь». Вы имели к ним какое-то отношение?

Позади них всего один раз звонит церковный колокол. Вопрос повисает в воздухе между ними, тяжелый и болезненный, как зажим, удерживающий хирургический разрез.

Лекси сначала не отвечает. А затем едва заметно кивает.

Таллула не знает, сколько времени она здесь находится. Последний раз, когда она включала телефон, прежде чем он окончательно разрядился, было десять сорок восемь вечера, суббота. Такое ощущение, что с тех пор прошло как минимум шесть часов. Должно быть, сейчас раннее утро воскресенья, и с того момента, когда она пила горячий шоколад с наркотиком, который ей дала мать Скарлетт, прошло больше суток. Двадцать четыре часа с того момента, когда случилось то, что случилось. То, что произошло, когда Зак угрожал забрать ее ребенка. То, из-за чего Зак теперь мертв.

Она снова и снова закрывает глаза, вновь пытаюсь представить себе этот момент, но у нее не получается. Она уверена, что это сделала Скарлетт. Она видит в руках Скарлетт кусок металла. Она видит Зака на полу. Но затем она чувствует всем телом выброс адреналина, чувствует удары собственного сердца под ребрами, но не знает, что произошло непосредственно перед этим. За минуты до этого.

Меховое одеяло закрывает ее до самого горла, она сделала из него что-то вроде кокона. Он защищает ее от пауков, и все равно она чувствует прикосновения крошечных ножек к своей коже. Она чувствует их там, где одеяло ее не закрывает: в глазах, в ноздрях. Они заползают ей в уши. Ей уже несколько часов хочется по-маленькому, но она терпит. Она слишком напугана и не хочет вылезать из своего мехового кокона. Ее мучает жажда, но она не может пить воду из бутылки, потому что тогда ей еще больше захочется писать. Вместо этого она ест печенье. Она не двигалась несколько часов, и все ее суставы болят.

Она предполагает, поскольку она жива, потому что у нее остались еда, вода, свет и одеяло, что ее отсюда выпустят, что она здесь временно. Но она не уверена. Мысль о том, что она ошибается, что может здесь умереть, пугает, но с трудом укладывается в ее сознании.

Проходит час. Может, больше. Ей уже не хочется в туалет. Она представляет, что ее тело, как губка, неким образом впитало содержимое ее мочевого пузыря. Она решается высунуть из-под

пушистого коврика руку и поднимает свечу вверх, чтобы ее свет падал на туннель, на тело Зака. К стенам через определенные промежутки прикреплены лампы. Таллула на миг удивляется их возрасту, затем воображает, что они зажжены и направляют беглецов в безопасное место. Интересно, думает она, как далеко тянется туннель. И есть ли на другом конце запасной выход, какой-нибудь люк? Чтобы это узнать, ей нужно вылезти из-под одеяла, но она не хочет вылезать. Потому что тут есть пауки.

Над головой Таллулы появляется лучик света. Она сидит на ступеньках как можно ближе к отверстию, что ведет к комнате наверху, как можно дальше от пауков на полу туннеля и от трупа Зака. Она не знает, сколько времени прошло. Достаточно долго, чтобы успеть сжечь вторую свечу. Чтобы сгрызть печенье. Допить воду. Чтобы дважды поспать. Она оборачивается на звук сдвигаемой каменной крышки и смотрит вверх.

— Тсс!

Это Скарлетт. Глазам Таллулы требуется несколько секунд, чтобы привыкнуть к свету и различить сквозь трещину часть ее лица.

— Тсс! — снова говорит Скарлетт и тотчас спрашивает: — С тобой все в порядке?

Таллула пытается заговорить, но не отвечает. Она качает головой.

— Послушай, — говорит Скарлетт. — Мы собираемся вытащить тебя отсюда. Потерпи еще денек. Полиция по-прежнему шныряет повсюду. Но я почти уверена, что мы их больше не интересуем. И тогда...

— А как же Ной? — хрипит она.

— Ной в полном порядке. Я его видела. С ним все в порядке. С твоей матерью все в порядке. Послушай, Таллула. Все будет хорошо. Говорю тебе. Просто потерпи. И посмотри, что я тебе принесла. Датскую булочку с орехами. Твою любимую. — Она просовывает в щель что-то завернутое в кухонное полотенце, и Таллула берет у нее этот сверток. — Тебе нужно больше воды? Что-нибудь еще?

— Я хочу уйти, — отвечает она, и ее голос, все еще надтреснутый, звучит громче и сильнее. — Я хочу уйти сейчас же. Я хочу вернуться домой. Я не могу быть здесь, с Заком, с его... Я просто не могу. А еще тут пауки. Пожалуйста. Выпусти меня. Я не могу... Это...

Она видит, как Скарлетт прикладывает палец к губам и бросает взгляд себе за спину.

— Тсс! — снова говорит она и возвращает каменную крышку на место.

И вновь темнота.

Часть пятая

ПОЛИЦЕЙСКИЙ ПРОТОКОЛ ДОПРОСА АМЕЛИИ БУ РОДС

8 сентября 2018 года

Полицейский участок города Мэнтона

Присутствуют:

детектив-инспектор Доминик Маккой,
детектив-инспектор Аиша Батт

Доминик Маккой: Амелия... или вы предпочли бы Мими?

Амелия Родс: Мими. Пожалуйста.

ДМ: Хорошо, Мими. Спасибо, что пришли к нам сами, по собственной инициативе.

АР: Я давно хотела кое-что сказать. Уже много месяцев. Давно. Но... мне было страшно.

ДМ: Чего именно вы боялись, Мими?

АР: Я боялась, что... Это сложно. Не знаю, как это объяснить. Это Скарлетт. В ней есть... некая сила...

ДМ: Можете пояснить, что вы имеете в виду?

АР: Я лишь хочу сказать... я не знаю. Она просто умеет внушить вам, что без нее вы никто. Нет, быть рядом с ней — это потрясающе, это круто, но всегда чувствуется некая угроза, что если ты ей не угодишь, она в два счета даст тебе пинок. Поэтому никто не хотел портить с ней отношения.

ДМ: Когда вы познакомились со Скарлетт Жак?

АР: В «Мейпол-Хаусе». Когда мне было шестнадцать. Мы обе готовились к сдаче выпускных экзаменов. Художественное творчество. И текстильный дизайн. Так что мы частично были в одной и той же группе.

ДМ: Вы знали ее до этого?

АР: [не отвечает]

ДМ: Скажите «да» или «нет», пожалуйста. Для записи.

АР: Нет. Я никогда ее раньше не встречала. Но мы сразу нашли общий язык. С ней было круто находиться рядом. Все хотели с ней дружить, а она выбрала меня. И как только Скарлетт выбирала вас, вы принадлежали ей навсегда. По крайней мере, было такое чувство. Например, все мы... я, Руби, Джейден, Рокки, все мы последовали за ней в Мэнтон. Мы могли бы пойти в другие колледжи. Особенно Джейден и Рокки — это были сушие гении. Джейден могла запросто поступить в Королевский колледж, а Рокки — в Лондонский колледж моды. Они были по-настоящему талантливы. Но они поступили в Мэнтон. Потому что именно туда поступила Скарлетт. Если вдуматься, это жутко обидно. Если оглянуться назад. Но Скарлетт умела заставить вас почувствовать, что ваша жизнь без нее бессмысленна. И дело не в ее поступках. Она никогда не делала ничего плохого. Просто она умела вселить в вас такое чувство... Не могу это объяснить. Это трудно выразить словами. Как будто вы ей нужны. Но как будто она вам нужна еще больше.

ДМ: Итак, возвращаясь к ночи 16 июня 2017 года. Пожалуйста, расскажите мне своими словами, что именно произошло.

АР: Э-э-э... начиная с паба?

ДМ: Да. Начиная с паба.

АР: Это была пятница. Мы все встретились в пабе «Лебедь и утки». В деревне. Просто веселая, нормальная ночь. Вся наша тусовка. Плюс бывший бойфренд Скарлетт, Лиам. Мы все сидели на улице, немного выпили. Затем Скарлетт пошла заказать нам еще пива, но не вернулась. И мы вошли внутрь, чтобы найти ее, и она сидела с ними. С Таллулой и ее парнем. Очень странная атмосфера. Очень напряженная.

ДМ: Насколько вам известно, между Скарлетт и Таллулой что-то было?

АР: Вроде бы. Да. Мы говорили об этом, об их дружбе. Нам это казалось странным. Не хочу показаться гадкой, но Таллула просто была не похожа на... нас. Ну, вы понимаете? Очень тихая, очень просто одетая. Нет, она была милая и все такое, но я никогда толком не понимала, почему Скарлетт хотела с ней тусоваться. Руби сказала, она видела на территории колледжа, как эти двое держались за руки, когда им казалось, что никто на них не смотрит, а после этого мы предположили, что между ними что-то есть или что-то было. Но Скарлетт никогда нам ничего не рассказывала, и мы больше ничего не видели. Ну, вы понимаете...

ДМ: А потом в пабе?

АР: Да. Дело закончилось тем, что мы все переместились к ним и все сильно напились. Потом Джейден, Рокки и Ру ушли. Отец Ру собирался забрать ее, а Джейден и Рокки жили у Ру. Так что остались только мы и Лиам, а потом к нам присоединилась Лекси, и она отвезла нас к дому Скарлетт...

АР: [пауза]

ДМ: Продолжайте.

АР: Да. Извините. В общем... мы вернулись к ней домой, выпили пива, и закурили «травки», и подурачились в бассейне... потом Зак и Таллула вошли в дом, и я вошла чуть позже, чтобы зарядить свой телефон, и я услышала из диванного уголка рядом с кухней голоса на повышенных тонах. Я заглянула в щель в раздвижной двери и увидела,

как Зак грубо схватил Таллулу. Они ссорились. Думаю, он говорил Таллуле, что собирался попросить ее выйти за него замуж. А потом он швырнул в нее кольцо. Тогда я перестала подглядывать, тихо отступила от двери и пошла заряжать телефон, но на кухне не было зарядных устройств для андроида. Зарядка лежала у меня в сумке наверху, в комнате Скарлетт, поэтому я пошла туда, чтобы ее взять. Я не сразу ее нашла. Потом я вернулась с зарядным устройством и все еще была на лестнице... когда услышала...

АР: [пауза]

ДМ: С вами все в порядке? Вам нужна минутка?

АР: Нет, все нормально. Я услышала, как Таллула крикнула: «Что ты наделала?» И Скарлетт сказала что-то вроде: «Ты сама этого хотела, ты говорила, что хочешь, чтобы он исчез». И я уже почти вошла в кухню... но остановилась. Не знаю почему. Но это было похоже... это была Скарлетт. Случилось что-то плохое, и я боялась, что Скарлетт узнает, что я это видела. Я боялась Скарлетт. Ну, вы понимаете. Так что я бросилась обратно по лестнице, чтобы взять свою одежду и сумку и бежать. Но потом я услышала, как она поднимается по лестнице, и поэтому юркнула под одеяло на ее кровати и притворилась спящей. Я пролежала так несколько часов. И все время ожидала услышать вой сирены или что-то в этом роде или что Скарлетт придет и расскажет мне, что происходит. Я все ожидала, что что-то случится. Но ничего не произошло. Было тихо. Как будто ничего не произошло. Я увидела, как взошло солнце, и примерно в шесть часов запихнула все свои вещи в сумку и спустилась вниз. Я заглянула в кухню. Там было пусто. Я заглянула в маленькую комнатку рядом... Скарлетт вырубилась и лежала на диване. Я пыталась ее разбудить, но она была в отключке. Я со всей силы ее встряхнула, но она все равно не проснулась. А потом я увидела эту маленькую черную коробочку. С кольцом. На полу. Та самая штука, которую Зак швырнул в Таллулу. Я подняла ее и засунула в сумку. Не знаю почему. Я просто подумала...

АР: [молчание]

ДМ: Ничего страшного. Продолжайте.

АР: Знаю, мне не следовало этого делать. Но я хотела защитить Скарлетт от всего, что она натворила накануне. И я знала, что кольцо было свидетельством чего-то. Типа уликой. Я... честное слово, простите меня. Я должна была передать его в полицию. Должна была рассказать, что я слышала, что она говорила на кухне. Я знаю, что должна была. И мне стыдно, что я этого не сделала. Я это знаю. Я это точно знаю.

ДМ: А что было после того, как вы подобрали кольцо?

АР: Я ушла. Я шла по подъездной дорожке, и моя мать забрала меня у ворот и отвезла домой. Вот и все.

ДМ: Вы потом общались со Скарлетт? После того, как ушли из ее дома?

АР: Ага. Она позвонила примерно в полдень, сказала, что только что проснулась, спросила, где я. Я сказала ей, что я дома. Затем через несколько минут она позвонила снова и сказала, что мама Таллулы хотела поговорить со мной, потому что Таллула не пришла домой. Она дала мне ее номер телефона и попросила позвонить ей. И я... я не задала Скарлетт нужный вопрос. Я вообще не задавала никаких вопросов. Я просто сказала «да». Она спросила: с тобой все в порядке? И я ответила: да, просто я устала. Вот и все. По сути, это был наш с ней единственный разговор по этому поводу. Как-то с ним связанный. После этого я больше с ней не разговаривала. Я на все лето уехала в Лондон, к отцу. К тому времени, когда в сентябре того же года я вернулась в Мэнтон, Скарлетт и ее семья уже уехали.

ДМ: Значит, вы вообще не разговаривали со Скарлетт все лето?

АР: Нет. Ни разу. Она мне не звонила. И я ей не звонила.

ДМ: А как насчет остальной части вашей компании?

АР: Да, мы переписывались и все такое, но никогда не вспоминали ту ночь. Никогда не говорили о ней. Что довольно странно, если подумать.

ДМ: Итак, Мими, ранее вы сказали нам, что несколько недель назад отдали кольцо Лекси. Не могли бы вы рассказать нам подробнее?

АР: Да. Конечно. В общем... Кольцо все это время было у меня, и я постоянно хотела что-нибудь с ним сделать. Я хотела рассказать кому-нибудь о том, что я слышала. Или о том, что, как мне казалось, я слышала. Потому что, ну, вы знаете, в ту ночь я выпила. Я была под кайфом. То, что я видела и что я слышала, было таким мимолетным. Как будто что-то просто промелькнуло передо мной. Но я все время продолжала думать, что полиция найдет свидетельства того, что произошло той ночью, или что Скарлетт вернется, или Таллула вернется, или что даже Зак вернется... потому что мне просто все померещилось. Все это. Я думала, что все уладится само собой и мне не нужно ничего делать или вмешиваться, но шли месяцы, месяцы и месяцы, и ничего не произошло, а потом в годовщину их исчезновения мать Таллулы устроила бдение при свечах, и никто по-прежнему ничего не знал. А однажды я увидела ее в Мэнтоне, она толкала коляску с ребенком Таллулы и выглядела такой печальной, такой убитой, и мне стало плохо. В общем, я жила... я жила в аду. В настоящем аду. Короче, в прошлом месяце я пошла проведать Лекси и наконец рассказала ей, что я видела в ту ночь за дверью той комнатки: как Зак и Таллула ссорились и Зак швырнул в нее коробочку с кольцом. А потом я рассказала ей, что я слышала потом... Как Таллула крикнула: что ты наделала? И Скарлетт ей в ответ: но ведь ты сама сказала, что хочешь, чтобы он исчез. И тогда Лекси сказала мне...

АР: [молчание]

ДМ: Не торопитесь. Ничего страшного.

АР: [плачет]

АР: Лекси сказала мне... она сказала мне, что поддерживает связь со Скарлетт, что Скарлетт на яхте с матерью и братом. Она сказала, что мать заставила их на целый год отправиться в кругосветное путешествие и что она требует полной анонимности. Это как-то связано с их отцом. Якобы он позволял себе семейное насилие. Я не знаю. Мне это показалось странным. Я имею в виду, их отца с ними никогда не было. А эти двое так и не нашлись. Зак и Таллула. И во всем как будто была огромная зияющая дыра. И поэтому в прошлом месяце я отдала Лекси кольцо, незадолго до того, как она уехала во Флориду, и она сказала: «Я разберусь с этим. Обещаю. Я разберусь с этим».

Таллула пробуждается от такого глубокого сна, что ничего не может о нем вспомнить. Она просыпается, и сквозь кожу век проникает свет. Она просыпается и понимает, что лежит на мягкой поверхности. Она просыпается от негромкого сопения и звука, похожего на чмоканье губ, медленно открывает глаза и видит морду Тоби. Пёс спокойно смотрит на нее. Он снова облизывается и вновь сопит. Когда ее глаза привыкают к свету, она видит, что лежит в том самом «укромном уголке» в доме Скарлетт. Дверь приоткрыта, и до нее доносятся голоса. Тихий смех.

Она пытается сесть, но останавливается, поняв, что каким-то образом связана. Она смотрит на свои ноги — они стянуты пластиковым шнуром. Ее руки скручены в запястьях.

— Эй! — кричит она хриплым голосом. На кухне тотчас становится тихо. — Эй!

Она слышит шаги по каменному полу кухни, а затем появляется Скарлетт. На ней черные джоггеры и большая футболка с логотипом «Левиз».

— Ой, — говорит она. — Ты проснулась. Мам! — кричит она, обернувшись назад. — Таллула проснулась! — Она подходит к ней и садится на край дивана между Тоби и головой Таллулы. Она протягивает руку к лицу Таллулы и гладит ее по щеке. — Как дела? — спрашивает она.

— Что происходит? Почему я связана?

— Ради твоей собственной безопасности, — говорит мать Скарлетт, появляясь в дверях с черной кружкой в руках. Сегодня на ней нефритово-зеленое хлопковое платье с завязками на талии. Волосы гладко зачесаны назад.

— Безопасности от чего?

Мать Скарлетт вздыхает.

— Нам нужно увезти тебя отсюда. Полиция на данный момент уехала. Но они вернутся. Они думают, что ты и Зак исчезли вместе, и так это и должно остаться.

— Но... — Таллула чувствует, как ее голову пронзает какой-то звук, и ее зрение по краям тускнеет. — Нет, — говорит она. — Мне нужно домой. Я должна увидеть моего ребенка.

— Таллула, — говорит Скарлетт, — если ты сейчас пойдешь домой, ты никогда больше не увидишь своего ребенка. Ты это понимаешь? Если ты сейчас пойдешь домой, полиция задаст тебе миллион вопросов о Заке, и тебе придется как-то объяснять, что с ним случилось. А что бы ты им сказала?

— Я бы сказала, что он... я бы сказала... — Таллула умолкает, пытается собрать воедино нити своих мыслей и почти сразу же чувствует, как они вновь ускользают от нее. — Я бы сказала, что он ушел.

— Да. И это было бы явной ложью. Неужели ты хочешь солгать полиции?

— Да. Нет, мне все равно. Я просто хочу домой.

— Нет, — заявляет мать Скарлетт. — Боюсь, это не вариант. В пятницу вечером здесь случилась ужасная вещь. Поистине ужасная вещь. И я знаю, что тобой двигала страсть, двигал страх. Мне понятен этот материнский инстинкт. Но факт остается фактом: Зак мертв. И ты убила его.

— Нет. Нет, я его не убивала. Я... — Таллула пытается припомнить подробности того момента, после которого все ее мысли спутались и она перестала понимать происходящее. Образы случившегося теснятся в ее голове. Они стремительно меняются, и каждый раз она видит случившееся по-разному. Но каждый раз, когда Таллула это видит, она чувствует это в своей желчи, в своем нутре, в самой своей сути... осознание того, что это не она, что она этого не делала.

Но как она это кому-то докажет?

— Я не убивала его, — говорит она. — Я этого не делала.

— Трудно сказать, все это довольно запутанно. Никто не был трезв. Никто не был в ясном рассудке. Но на статуэтке твои отпечатки пальцев. И ясно, что у тебя единственной был мотив желать его смерти. Поэтому я думаю или, по крайней мере, предполагаю, что ты — главная подозреваемая и что самое безопасное место для тебя прямо сейчас — далеко-далеко отсюда.

— Но как долго? — спрашивает Таллула.

— Полагаю, пока полиция не выдвинет другую версию исчезновения Зака.

— А если этого не случится?

— Не волнуйся, случится. Непременно случится. Нам просто нужно увезти тебя отсюда. На некоторое время. Кстати, машина готова, Рекс ждет нас на аэродроме с самолетом Мартина, и мы все летим на Гернси. Но, Таллула, ты должна быть предельно осторожна. Договорились? Ты летишь как подруга Рекса, Серафина. Вы довольно похожи. Просто играй роль, играй свою роль. Не успеешь ты и глазом моргнуть, как мы вернем тебя сюда.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ ПРОТОКОЛ ДОПРОСА ЛИАМА ДЖОНА
БЕЙЛИ

8 сентября 2018 года
Полицейский участок Мэнтона

Присутствуют:
детектив-инспектор Доминик Маккой,
старший инспектор Аиша Батт

Доминик Маккой: Спасибо, Лиам, что согласились вновь поговорить с нами. Я понимаю, вы наверняка думаете, что больше не о чем говорить. Но сегодня вскрылись новые факты. Причем весьма важные. И мы думаем, что было бы неплохо еще раз уточнить кое-какие детали.

Лиам Бейли: Хорошо.

ДМ: Итак, к моменту вечеринки у бассейна 16 июня 2017 года ваши отношения со Скарлетт закончились.

ЛБ: Да, мы были просто друзьями.

ДМ: Но в последние несколько лет вы время от времени жили в резиденции Жаков?

ЛБ: Да. В последний раз я жил там в феврале прошлого года, всего несколько недель.

ДМ: Это то самое время, когда вы собирались вернуться домой, к своей семье?

ЛБ: Да. Тем летом у меня была пересдача выпускных экзаменов, но я передумал, решил махнуть на это дело рукой и уехать домой. Но

однажды Скарлетт попросила меня приехать к ней. У нее было что-то вроде нервного срыва, и ей требовалась моя поддержка. В итоге я какое-то время жил там с ней. Вскоре после этого Хасинта Крофт, предыдущий директор, сказала мне, что в школе есть вакансия, и я подумал, что, возможно, мне есть смысл остаться здесь чуть подольше, ради Скарлетт. Так что я устроился на работу и вернулся в школу.

ДМ: А когда Скарлетт подарила вам картину, Лиам?

ЛБ: Какую картину?

ДМ: Если не ошибаюсь, автопортрет?

ЛБ: Да, она подарила ее мне, когда я переехал в свою комнату в «Мейпол-Хаусе».

ДМ: А потом была еще одна, с винтовой лестницей?

ЛБ: Да. Она подарила мне ее примерно в то же время. Это были подарки на новоселье.

ДМ: А что вы знали о картине с лестницей?

ЛБ: Ничего. Это была просто ее любимая часть дома. Ей нравилось тамшнее чувство истории.

ДМ: А это — для записи — я показываю Лиаму Бейли деталь картины, о которой идет речь, — этот предмет, на картине. Знаете ли вы, что это такое?

ЛБ: Эта металлическая штука?

ДМ: Да.

ЛБ: Это нож, да? Например, для разрезания торта?

ДМ: Значит, вы никогда не видели его в реальной жизни? В резиденции Жаков?

ЛБ: Нет. Никогда.

ДМ: Для записи: я сейчас показываю Лиаму Бейли предмет номер DP7694, металлический рычаг, найденный в цветочной клумбе на территории школы «Мейпол-Хаус». Лиам, вы когда-нибудь видели этот предмет раньше?

ЛБ: Нет.

ДМ: У вас есть идеи, каково его назначение?

ЛБ: Вообще никаких.

ДМ: Спасибо, Лиам, на этом пока все.

Дом на Гернси похож на дом в Суррее. Он отделан со вкусом. Светлый. Уютный. Элегантный. На низких кофейных столиках вокруг стопок журналов расставлено еще больше интересных металлических скульптур. Еще больше бронзовых скульптур стоят на постаментах из оргстекла. Еще больше абстрактных полотен. Больше люстр и светильников крупных размеров. Основное отличие — виды из окон. Вода, преимущественно чернильно-синяя, иногда пастельно-голубая, иногда с пенистыми барашками, иногда неподвижная и плоская, как мрамор. Стены комнаты Таллулы расписаны опадающими цветами сакуры. На окнах перламутрово-розовые шторы с толстой подкладкой. Туалетный столик с табуреткой, обитой нежно-розовым каракулем. В ее комнате есть собственная ванная с большой чашеобразной раковиной с плоским латунным краном, вода из которого льется широкой струей. Здесь также есть каплевидная ванна с еще одним латунным краном с плоским носиком над ней и большая душевая кабина с золотой мозаичной плиткой и насадкой для тропического душа. Ей приносят мягкие полотенца, экологически чистые продукты, бокалы шампанского и бутылки с водой, на которых нарисованы орхидеи. Из окна ей видно, что рядом с этим домом нет других домов. Они на утесе. За многие мили, мили и мили вдали от всего.

Скарлетт приносит ей приятные вещи: косметические средства, чтобы ее волосы и кожа были мягкими и шелковистыми на ощупь, сырное ассорти, плюшевые игрушки. Она приводит Тоби, чтобы Таллула могла его потискать. Она приносит свой телефон, и они вместе смотрят смешные видео в ТикТоке. Она продолжает обещать Таллуле, что купит ей телефон, но так и не выполняет своего обещания.

Скарлетт рассказывает ей вести из внешнего мира. По всей видимости, полиция охотится за Таллулой. Полицейские нашли тело Зака, нашли ее отпечатки пальцев на статуэтке, и у них есть свидетельница, Мими, которая видела, как она это сделала. Скарлетт сообщает ей, что ее отец, Мартин Жак, собирает команду юридических

экспертов, чтобы попытаться опровергнуть улики. Он знает людей, говорит Скарлетт, влиятельных людей, которые могут подделать доказательства; которые могут случайно потерять вещи.

— Дай ему еще несколько недель, Лула, — просит Скарлетт. — Еще несколько недель, и мы сможем вернуться домой. А пока мы позаботимся о тебе. С нами ты в полной безопасности.

Через несколько недель новости из дома иссякают, и Таллула говорит Скарлетт, что ее не пугает полиция, что она готова за все ответить, предстать перед судом, сесть в тюрьму, что ей без разницы, виновата она или нет. Она просто хочет вернуться домой и увидеть своего ребенка. Она пытается выйти из дома, но как будто из ниоткуда появляются Джосс и Рекс и затаскивают ее обратно в комнату.

Таллула уже несколько дней не покидает эту комнату, а может, и дольше. Края дней Таллулы кажутся рваными и размытыми. Скарлетт все еще приходит к ней, приносит еду, напитки и угощения, но Таллула больше не спрашивает ее про внешний мир, потому что ее больше ничего не волнует. Ей хочется одного — спать. Скарлетт обнимает ее, говорит, что любит ее, и Таллула вырывается из ее объятий, как когда-то она вырывалась из объятий Зака. У нее все время неприятный привкус во рту. Она чувствует, как корни ее волос шевелятся и чешутся, хотя сами волосы чистые. У нее чешуйчатая кожа на руках, и она постоянно ее чешет. Большую часть времени она спит, а когда не спит, то пребывает в подобии преисподней, где что-то происходит, но она мгновенно забывает, что именно. Ее мозг отчаянно пытается удержать концы, затащить их назад, не дать им исчезнуть, но, увы, всегда слишком поздно, они всегда ускользают. Иногда она видит, как цветы вишни на стенах кружатся и вертятся перед ее глазами.

В ясные моменты Таллула воспроизводит мгновения, предшествующие черному квадрату в ее голове, который все еще закрывает собой смерть Зака, и она чувствует свою вину в случившемся. У нее было столько возможностей поступить по-другому! С того момента, когда она занялась сексом с Заком в канун Нового года, и до того момента, когда он рухнул лицом вниз на полу кухни Скарлетт, у нее была масса возможностей сделать все по-другому, устроить хорошую жизнь для себя и для Ноя, и она все упустила.

И вот теперь она здесь, в этой розовой комнате, со стенами в лепестках сакуры и запертыми окнами, и она знает, что неким образом ее принижают, что забота, которую проявляет Скарлетт, — это искаженная и неправильная забота. Что Скарлетт учили любить люди, которые сами не умеют любить, и что все, что она считает хорошим, на самом деле плохо, и Таллула знает: она должна сохранить хотя бы самую малость себя, чтобы парить над этим огромным прудом странностей, хотя бы малость себя, чтобы продолжать дышать, хотя бы малость, чтобы вернуться к матери и сыну. Хотя бы самую малость.

8 сентября 2018 года

**ПОЛИЦЕЙСКИЙ ПРОТОКОЛ ДОПРОСА АЛЕКСАНДРЫ РОУЗ
МАЛЛИГАН**

8 сентября 2018 г.

Полицейский участок Мэнтона

Присутствуют:

детектив-инспектор Доминик Маккой,
старший инспектор Аиша Батт

Доминик Маккой: Добрый день, Лекси.

Александра Маллиган: Добрый день.

ДМ: Итак, мы только что говорили с Мими Родс, и нам известно, что в настоящее время Скарлетт Жак, по-видимому, находится где-то на яхте со своей матерью.

АМ: Да. По крайней мере, насколько мне известно. Из того, что она мне сказала.

ДМ: И вам было велено хранить в тайне подробности этой поездки, потому что ее мать якобы пыталась спастись от грубого обращения со стороны мужа?

АМ: Да. Так она мне сказала. Она дала мне свой секретный аккаунт в Инстаграме, и я регулярно проверяла, опубликовала ли она что-нибудь новое. Но информация всегда была скудной. Никаких подробностей, из которых можно было бы понять, где они. Просто фотографии моря, правда, с небольшими комментариями о ее настроении. А потом, несколько недель назад, пришла Мими. Она была очень расстроена, почти в слезах. И она рассказала мне о том, что

она слышала в доме Скарлетт, мол, между Заком и Таллулой была бурная ссора и что Таллула сказала Заку, что она влюблена в Скарлетт, и Зак психанул и швырнул в нее кольцо.

ДМ: А что еще она рассказала вам о той ночи?

АМ: Ничего. Только это.

ДМ: Она не говорила вам, что она слышала сквозь кухонную дверь? Что Скарлетт говорила Таллуле?

АМ: [пауза]

АМ: Ах да, да. Она сказала мне. Да.

ДМ: И это заставило вас задуматься?

АМ: Да, это навело меня на мысль, что, возможно, Скарлетт как-то причастна к тому, что случилось с этими двумя. Заком и Таллулой. Что, возможно, она солгала мне о том, что они уплыли на яхте, спасаясь от ее отца. И я знаю, мне следовало принести кольцо в полицию и рассказать вам то, что сказала мне Мими. Но я... у меня намечалась большая поездка во Флориду. Все было забронировано и оплачено, и она была очень сложной, пять разных отелей и все такое прочее. Я же не хотела рисковать, оказаться втянутой в полицейское расследование... тогда мне пришлось бы отменить поездку. Сначала я хотела передать кольцо матери, попросить ее отнести его в полицию после того, как я уеду. Но потом подумала: как это может отразиться на ее работе? Я не хотела втягивать ее... Работа — это ее жизнь, ее мир. С другой стороны, я не хотела ждать, когда вернусь. Я хотела, чтобы кто-нибудь все продумал и мне не пришлось бы никому ничего рассказывать. Моя мать сказала мне, что жена нового директора школы пишет детективы, а я страстная их читательница, поэтому я заказала одну из ее книг, просто из любопытства. И в ней был этот отрывок, в котором кто-то прячет улику в клумбе рядом с картонной табличкой с надписью «Копать здесь». И я просто подумала: это может сработать. Так что в ночь перед отлетом во Флориду я взяла кольцо, чтобы

закопать его в саду в коттедже, на цветочной клумбе, как и советовала подсказка в ее книге, но задняя калитка была заперта на замок. Поэтому я закопала кольцо просто у задней калитки, где, как я знала, она его точно найдет.

ДМ: А эта яхта со Скарлетт и ее матерью? Где она?

АМ: Понятия не имею. Но я могу показать вам ее фото в Инстаграме. Может, это поможет вам понять, где именно?

ДМ: Да. Пожалуйста.

ДМ: Для записи: Лекси Маллиган использует свой смартфон, чтобы найти фотографии.

АМ: Вот. Самый последний снимок. Сделан несколько дней назад.

Д.М.: Для записи: на данном снимке видна ступня на кремовой виниловой поверхности, нос лодки или яхты, собачья лапа.

ДМ: Нам нужно привлечь для изучения этого аккаунта криминалистов. Прямо сейчас.

ДМ: Для записи: я показываю мисс Маллиган предмет номер DP7694, металлический рычаг, найденный в цветнике школы «Мейпол-Хаус». Итак, Лекси, вы можете сказать нам, что это за предмет?

АМ: Понятия не имею.

ДМ: Вы никогда раньше не видели этот предмет?

АМ: Нет, никогда.

ДМ: Лекси, мы изучили второй знак и сравнили его с фотографией первого знака. Они полностью совпадают. Почерк тот же. Кажется маловероятным, не правда ли, что двум разным людям с одинаковым почерком придет в голову закопать два предмета на территории школы с разницей всего в несколько недель? Возможно, у

вас есть теория, которой вы хотели бы поделиться с нами, о том, как этот предмет оказался там, где он оказался?

АМ: Честное слово. Клянусь. Это я закопала кольцо. Это был мой почерк. Я своими руками сделала этот знак. Но второй не имел ко мне никакого отношения. Клянусь вам.

ДМ: Еще одна вещь, которая беспокоит меня, Лекси. Вы утверждаете, что видели табличку на клумбе с балкона вашей матери. Но вы никак не могли ее видеть, как вы заявили в первый раз, с балкона ее квартиры в жилом корпусе. Этот балкон расположен слишком низко. Не могли бы вы рассказать нам, как на самом деле вы увидели этот знак в тот вечер, если вы, как утверждаете, не имели никакого отношения к факту его появления на клумбе?

АМ: [вздыхает] Я была в саду.

ДМ: Возле клумбы?

АМ: Да. Возле клумбы.

ДМ: И вы поставили там этот знак?

АМ: Нет. Я его не ставила. Я все время вам это говорю. Я не ставила там этот знак.

ДМ: Так что вы делали в саду?

А.М: Я искала одного человека.

ДМ: Кого именно?

АМ: Просто одну учительницу. Я увидела ее с балкона и спустилась, чтобы найти ее. И тогда я увидела знак.

ДМ: Тогда почему вы сказали, что видели знак с балкона? Почему вы сразу не сказали, что были в саду?

АМ: Не знаю. Я не хотела... Просто я оберегала одного человека.

ДМ: Кого?

АМ: Учительницу, мы с ней... ну, вы понимаете. Мы встречаемся. И она замужем. Так что это довольно... деликатная тема. Я не хотела втягивать ее в эту историю. Мне казалось, что будет легче притвориться, что меня не было в саду.

ДМ: Лекси, вы должны знать, что сегодня утром мы нашли в туннеле под домом Жаков тело Зака Аллистера. И этот рычаг был сконструирован, чтобы открывать секретный туннель, в котором было найдено его тело.

АМ: [громкий вздох]

ДМ: В туннеле также был найден мобильный телефон Таллулы Мюррей.

АМ: О господи!

ДМ: Поэтому, Лекси, если вам что-то известно про этот рычаг, если у вас есть соображения на тот счет, как он оказался там, закопанный в клумбе, рядом с тем местом, где у вас было свидание с вашей подругой, или если вы видели поблизости от клумбы кого-нибудь еще, сейчас самое время рассказать нам об этом.

АМ: [начинает плакать] Не знаю. Клянусь вам. Я не ставила там этот знак. Я не знаю, что это за металлический предмет, и я не знаю, как он там оказался. Я вообще ничего не знаю.

Однажды Таллула пробуждается от очередного глубокого сна, сна настолько глубокого, что он скорее похож на смерть. Этот сон, она теперь хорошо это знает, вызван содержимым одного из многочисленных флаконов и пузырьков в шкафчике в ванной комнате матери Скарлетт. Она вновь оказывается в какой-то комнате, темном, безмолвном пространстве, совсем одна, и лишь ритм и покачивание глубокой холодной воды отдаются таким же ритмом в ее костях.

В круглое окошко она видит вязкую цементную стену морской воды. Она чувствует, что ее запястья связаны. Ее ноги связаны. И теперь она знает. Она точно знает: никто не заботится о ее безопасности. Никто не оберегает. Она знает: все, что Скарлетт рассказывала ей о том, что ее отец якобы пытался подкупить полицейских, — ложь, и этот кошмар скоро закончится, и это будет худший из всех возможных концов. Она знает: единственная причина, почему она все еще жива, это то, что Скарлетт позаботилась об этом. Но она знает и то, что Скарлетт теряет контроль над своей матерью, теряет контроль над всей ситуацией и теперь Таллулу везут в самую дальнюю точку мира от ее собственной матери, от ее сына и ее дома, чтобы бросить, избавиться от нее, дать ей исчезнуть.

Ким сидит в саду на заднем дворе. Она не может находиться в помещении. Райан внутри с Ноем, отвлекает его. Уже почти два часа дня. С тех пор как полиция нашла тело в туннеле в доме Жаков, прошло четыре часа. Она смотрит на свой телефон, включает и выключает экран, проверяет и перепроверяет, убеждается, что у нее хорошее соединение, хороший сигнал, что для звонка Дома нет никаких препятствий. И наконец вот она, начальная нота мелодии звонка. Прежде чем прозвучит вторая нота, она уже отвечает:

— Да.

— Ким, послушайте. Похоже, мы отследили текущее местонахождение семьи Жак. Мы работаем с Интерполом над морским поиском. Я вам раньше не говорил, Ким, но мы нашли в туннеле и другие вещи. Мы нашли остатки булочки, нашпигованной большим количеством зопиклона. Нашли длинные темные волосы. Нашли пустые бутылки из-под воды, свечи, одеяло и телефон Таллулы. Согласно записям аэропорта Мэнтон, тридцатого июня прошлого года Жаки вылетели на своем частном самолете на Гернси и на его борту находились Джослин, Скарлетт и Рекс Жак. А также подруга Рекса, Серафина Голдберг. Но Серафина утверждает, что тем летом вообще не летала на Гернси. Поэтому, Ким, мы рассматриваем вероятность того, что Жаки могли забрать Таллулу с собой. И что сейчас они на борту яхты, зафрахтованной Джослин Жак в яхт-клубе Гернси в конце августа. И что Таллула все еще может быть с ними. Тем временем детективы на Гернси получают ордер на обыск дома Жаков.

— Хорошо, — говорит Ким, сдерживая дыхание. — Что мне теперь делать?

— Просто сидеть на месте и не дергаться, Ким. Просто сидите на месте. Мы работаем так быстро, как только можем. Колеса наконец-то крутятся. Хотя, черт побери, спустя столько времени. Просто сидите на месте и не дергайтесь.

Проходят дни. Свет, проникающий сквозь океан за ее окном, меняется с серого на золотой и белый. Становится все теплее и теплее. Ночью над головой гудит кондиционер. Скарлетт приходит и уходит. Иногда она приводит с собой пса, и Таллула обнимает его за шею и вдыхает его соленый запах.

— Я предпринимаю шаги, — говорит Скарлетт. — Я делаю все для того, чтобы вернуть нас домой. Чтобы вернуть тебя домой. Это скоро закончится. Это скоро закончится, обещаю.

Таллула знает: каждое блюдо, которое она ест, каждый напиток, который она пьет, приправлен чем-то таким, что клонит ее в сон. Но ей все равно, она жаждет сна, который они приносят. Это сладкое убаюкивание, отсутствие боли, сновидения. Когда Скарлетт слишком долго не несет ей того, чего она жаждет, Таллула буквально сходит с ума. Она чувствует себя разорванной на части, ее живот как будто перерезан от бока до бока, ее голова пробита осколками стекла. И она выхватывает стакан из рук Скарлетт и залпом осушает его, так быстро, что едва не захлебывается.

И вот однажды, когда она выходит из другого сна, сделанного из свинца, и заставляет себя открыть веки, она смотрит вверх на медово-золотистый слой дерева над своей головой и слышит то, чего раньше не слышала. Ровный, непрерывный стрекот, похожий на звук электропилы, или на рев человека, кричащего басом, или на включенный двигатель грузовика. Он как будто обволакивает ее. Она чувствует, как кружатся в орбитах ее глаза, они как будто пересохли. Она тянется к бутылке с водой, которую Скарлетт всегда ставит ей перед сном, и делает глоток. Шум становится громче, настойчивее, агрессивнее. Яхта начинает раскачиваться, вода выплескивается из горлышка бутылки, когда она пытается завинтить на ней крышку. Она слышит что-то похожее на человеческий голос, но странно бестелесный, как будто он кричит под водой.

— Скарлетт! — кричит она, хотя знает, что ее не слышно здесь, в ее крошечной, обшитой деревом каюте. — Скарлетт!

Она слышит болезненный металлический скрежет выключенного двигателя. Яхта затихает, и теперь она слышит, что говорят голоса снаружи.

— Это королевские ВВС, — говорят они. — Мы спускаемся на борт вашего судна. Пожалуйста, встаньте на палубе, подняв руки вверх.

А потом она слышит топот ног над головой, голоса, крики. Чья-то нога распахивает дверь ее каюты, и она видит перед собой людей в темно-синей форме, в головных уборах, с пистолетами в руках. Их мускулистые тела накачаны адреналином, они как манекены, а не живые люди. И они подходят к ней, и она от страха сжимается в комок.

— Вы Таллула Мюррей? — спрашивают они.

Она кивает.

Таллула надеется, что после того, как полиция освободит ее от пут, она сможет ходить. Она надеется, что ноги, которыми она не пользовалась в течение многих дней, неким образом поддержат ее, когда она наконец покинет эту крошечную деревянную конурку. Но увы. Они подкашиваются и сгибаются в коленях, словно у деревянной марионетки на веревочках. Полицейский подхватывает ее и несет на руках.

— Куда мы едем? — спрашивает она хриплым голосом.

— В безопасное место, Таллула.

У него акцент. Она не знает, что это за акцент.

— Где мы? — спрашивает она.

— Мы посреди Атлантического океана.

— Меня отправят домой?

— Да. Да, домой. Но сначала нам нужно доставить вас в больницу на осмотр. Вы в плохом состоянии.

На палубе яхты Таллула видит остатки еды. Миска с салатом, фужеры, бумажные салфетки, разбросанные сильным ветром от лопастей вертолета. Значит, пока ее держали связанной в этой крошечной темной деревянной конурке, другие люди ели салат и пили на солнышке вино! Эта мысль ранит ее в самое сердце.

Она видит на другом конце палубы сбившихся в кучку людей. Это Скарлетт, Джосс и Рекс. Они оборачиваются и смотрят на нее, но тут же торопятся отвести взгляд.

Она видит, как к Жакам подходит еще один полицейский, грубо заводит им руки за спину и застегивает на их запястьях металлические наручники, поблескивающие на ярком солнце. Сенбернар Тоби сидит у их ног, его густую шерсть треплет морской ветер.

— Что будет с псом? — спрашивает она, внезапно охваченная тревогой, что Тоби бросят здесь одного.

— Пса мы возьмем с собой, не переживайте о нем.

Она рукой прикрывает глаза. Стрекот лопастей и слепящее солнце просто невыносимы.

— Куда мы?

— Просто расслабься, Таллула. Просто расслабься.

Вскоре ее вместе с полицейским, который ее спас, пристегивают к подъемнику. В следующий миг она парит над блестящей белой яхтой, смотрит вниз, глядя, как семья Жак, сбившаяся в кучку на палубе, становится все меньше и меньше.

Она видит, как Скарлетт смотрит на нее и одними губами произносит слова «Я люблю тебя». Но она знает: той, что когда-то любила Скарлетт Жак, больше нет.

Она отворачивается и закрывает глаза.

Самолет останавливается на взлетно-посадочной полосе. Софи встает, открывает верхний багажник и вынимает свой чемоданчик на колесах и куртку. У багажной карусели ее встречает датский издатель, женщина ее возраста, с рыжими волосами, собранными в пучок, и в длинном синем пальто из букле поверх платья в цветочек. Они быстро обнимаются — они уже встречались дважды, а в прошлый раз, когда Софи была в Копенгагене, даже выпили вместе и поделились личными секретами, включая подробности внебрачных походов ее издателя. Но теперь, по прошествии года, это похоже на новое начало. Они вновь автор и издатель, талантливый писатель и его менеджер. Между ними теплые, сердечные отношения, но они не друзья.

Софи привозят прямо в отель с бархатными креслами выгоревших на солнце тонов и стеклянными лифтами, едущими вверх-вниз на металлических столбах, огромными кактусами и акустической системой, из которой раздается пение группы Chainsmokers. Оказавшись в своем красивом номере, она ставит чемодан на невысокую скамеечку, открывает его, вынимает сумку с туалетными принадлежностями, расстегивает молнию и достает зубную щетку и пасту.

В ванной, когда Софи чистит зубы, она смотрит на свое лицо. Она не спит с четырех часов утра, когда звонок будильника прервал ее мрачные, тревожные сны. Она спала всего два часа. Однако всего через двадцать минут она уже будет на пути на конференцию. Там у нее запланирован плотный график интервью и разных мероприятий, подробно расписанных на листе бумаги, который ей вручила ее издатель вместе с холщовой подарочной сумкой. Еще в ней лежат энергетические батончики, минеральная вода и экземпляр датского издания ее последней книги.

В спальне гудит телефон. Она выходит из ванной и берет трубку. Пришло сообщение от Ким:

Они ее нашли, говорится в нем. Она возвращается домой.

Софи моргает. Тяжело садится на край кровати и, жадно хватая ртом воздух, прижимает телефон к сердцу. Внезапно она ловит себя на том, что неожиданно для себя самой плачет.

* * *

— Здравствуйте, Софи. Могу я вас так называть?

Софи ободряюще улыбается читательнице в зале, сжимающей микрофон, который ей только что передал кто-то из организаторов встречи.

— Софи, я большая поклонница ваших книг. На данный момент вышло шесть книг из серии о детективном агентстве Хизер-Грин. Скажите, вы сейчас работаете над очередным романом? И если да, то можете ли вы сказать, чего нам ожидать? А если нет, что будет дальше с П. Дж. Фоксом?

Сначала вопрос повергает ее в замешательство, но потом она понимает, что должна сказать. Она улыбается и подносит микрофон ко рту.

— Это очень хороший вопрос, — говорит она. — И несколько недель назад я могла бы дать вам на него очень прямой, откровенный ответ. Несколько недель назад я жила на юго-востоке Лондона, очень близко к Хизер-Грин, одна, в моей милой маленькой квартирке, которая, по сути, копия квартирке Сюзи Битс. У меня был бойфренд, учитель, с которым я познакомилась благодаря моей профессии, точно так же, как и Сюзи всегда знакомилась со своими бойфрендами. Несколько недель назад я была, по сути, Сюзи Битс. — Публика смеется. — И самое смешное, что я этого даже не знала. Потому что две недели назад я уехала из Лондона... — Чувствуя, как ее захлестывает волна эмоций, она умолкает. — Я уехала из Лондона с надеждой, молитвой и ощущением того, что где-то тикают невидимые часы и пора начать с моим бойфрендом новую жизнь в деревне.

Мне предстояло стать женой директора в очень дорогой школе-интернате в живописной английской деревне. — По аудитории прокатывается приглушенный смех. — И я понятия не имела, — продолжает она, — совершенно не представляла, насколько это изменит мою жизнь. Потому что я оказалась не только в деревне, за

миллион миль от моей зоны комфорта, не в силах снова перевоплотиться в Сюзи, не в силах писать, но еще и угодила в гущу настоящего преступления. Хотите, чтобы я вам об этом рассказала?

По аудитории прокатывается еще более громкое перешептывание. Софи кивает, кладет ногу на ногу и поворачивается к своему модератору.

— Все в порядке? У нас есть время? — спрашивает она.

Модератор кивает.

— Я в восторге! Прошу вас, не торопитесь.

— Что ж, — говорит Софи. — Все началось в первый же день, когда я нашла прибитую к забору картонную табличку, на которой было написано «Копать здесь». — Она умолкает и оглядывается по сторонам, ожидая, что кто-то поймет, что это значит. Девушка, задавшая вопрос, догадывается первой.

— Вы имеете в виду, — говорит она, — как в первой книге про Хизер-Грин?

— Да, — отвечает Софи. — Как в первой книге про Хизер-Грин. — По залу пробегает приятный ее уху шепоток, и Софи продолжает: — Поэтому я взяла садовый совок, — говорит она, — и выкопала...

Пока Софи говорит, она чувствует, что восстанавливается, как если бы она была разбитой вазой и теперь ее кусочки становятся на место и склеиваются. Она знает, что больше не может находиться в Апфилд-Коммон. Она знает, что Шон должен покинуть «Мейпол-Хаус» и найти работу, которую он любит. Она знает, что во многих отношениях это было ошибкой для них обоих, но вместе с тем судьба, которая сложилась самым необычным образом. Все это произошло само собой, как шаги в танце. И вот теперь Таллула Мюррей найдена. Она жива. Софи знает: после той книги, которую она пишет сейчас, она больше не хочет писать очередную книгу о детективном агентстве Хизер-Грин, эта книга будет ее последней. Что ей нужно перестать писать о себе и начать писать об огромном мире, а не только об одном его уголке. Что ей почти тридцать пять и ей пора двигаться дальше. С Шоном или без него.

Она подходит к концу рассказа.

— И что? Что дальше? Что будет с семьей? С людьми, которые ее похитили? — спрашивает женщина в зале.

— Думаю, я узнаю это, когда вернусь домой, — отвечает Софи.

Она кладет микрофон на стол и, когда публика аплодирует ей, улыбается.

«ТАЙМС»

14 сентября 2018 года

***ПРОПАВШАЯ МАТЬ НАЙДЕНА В ПЛЕНУ НА ЯХТЕ В
АТЛАНТИКЕ***

Молодая мать, 20-летняя Таллула Мюррей, пропавшая без вести из дома вместе со своим молодым человеком после посещения вечеринки у бассейна в июне прошлого года, была найдена живой в сотне миль от берега в Атлантическом океане на борту частной яхты, где, как считается, ее держали в плену Джослин Жак, 48-летняя жена менеджера хедж-фонда Мартина Жака, ее 23-летний сын Рекс Жак и 20-летняя дочь Скарлетт.

Местонахождение семьи было обнаружено после того, как в туннеле, который проходит под их домом в Апли-Фолд, недалеко от Мэнтон в графстве Суррей, были найдены останки партнера Таллулы Мюррей, Зака Аллистера. Считается, что их яхту удалось обнаружить благодаря некоторым деталям на фотографиях, опубликованных Скарлетт Жак в ее аккаунте в Инстаграме. Все три члена семьи Жак взяты под стражу, а Таллула Мюррей находится в военном госпитале на Бермудских островах, где проходит лечение от симптомов сильного обезвоживания и наркозависимости.

Семья Таллулы была уведомлена, и предполагается, что сегодня она будет выписана из больницы и немедленно отправлена обратно в Великобританию, для воссоединения с родными, включая ее двухлетнего сына Ноя. О мотивах убийства Зака Аллистера, равно как и похищения Таллулы Мюррей, пока не сообщается.

Ким берет свой дорогой кондиционер для волос, который ей приходится черпать из баночки кончиками пальцев. Она разглаживает волосы по всей длине и, прежде чем его смыть, оставляет на две минуты, как указано в инструкции.

Затем она выбирает наряд, перебирает одежду, которую не носила несколько месяцев, одежду из другого времени, которая последние пятнадцать месяцев казалась ей почти чужой: гардероб другой женщины в позитивных тонах, с веселыми принтами. Она достает платье с пуговицами спереди. Это то самое платье, в котором она была на бдении при свечах в годовщину исчезновения Таллулы. Она сочетает его с розовым кардиганом и армейскими ботинками. Она сушит волосы феном, превращая их в блестящий каскад, и рисует на веках стрелки.

Таллула прилетит на военную базу еще только через пять часов. Пять долгих часов. Но пять часов — ничто по сравнению с пятнадцатью месяцами, которые она прожила без нее. Ее бывший муж тоже прилетит к ним. Он будет здесь с минуты на минуту. Райан встретится с ними на месте. Ной в саду, чтобы не нарушать обычный распорядок, чтобы дать Ким время подготовиться. Она заберет его через пару часов.

— Мамочка, — говорит он вот уже несколько дней. — Мама едет домой.

Ким эгоистично желает, чтобы там была только она. Только она, одна на взлетной полосе, стоящая, затаив дыхание, с цветами, чувствуя, как колотится сердце и учащается пульс, ждущая, когда откроются двери, когда на ступеньках трапа появится ее девочка, которую она заключит в объятия. Но она знает: это не может быть только она. Она сидит на кухне и ждет, когда Джим сообщит, что он уже едет.

Мэгс. Она не может думать о Мэгс. Она не может разговаривать с Мэгс, видаться с Мэгс или даже произносить ее имя. Она все время ждет, что та позвонит, напишет или появится на пороге. Но от Мэгс ни

слуху ни духу. Ким ощущает боль от смерти Зака как корсет, плотно затянутый вокруг ее живота. Иногда, когда она думает об этом, ей становится трудно дышать. Бедный парень. Его бросили там. А все эта девушка. Эта Скарлетт. Ее мать сначала сказала полиции, что понятия не имеет, где Зак, что она, ее дети и Таллула всего лишь наслаждались импровизированным отпуском и старались «не засвечиваться».

Ким стукнула кулаком в стену, когда Дом передал ей этот «перл». Когда же полиция сказала Джосс Жак, что они нашли в туннеле под ее домом тело Зака, она сменила тактику и заявила полиции, что на самом деле это Таллула убила Зака, что это она ударила его по затылку бронзовой статуэткой и что на самом деле они пытались защитить ее. Сначала Скарлетт согласилась с версией своей матери, и в течение бесконечных полутора дней Ким тошнило при мысли о том, что ее дочь проведет остаток своей жизни в тюрьме.

Но вчера Скарлетт внезапно призналась, совершенно неожиданно и быстро, как будто эта ложь была броней, которую ей хотелось с себя сорвать. Она сказала полиции, что Зак был грубияном, что он всячески помыкал Таллулой, что он делал ей больно. По ее словам, услышав, как Зак угрожал отнять у Таллулы ребенка, она инстинктивно отреагировала, чтобы защитить ее, без всякой мысли об убийстве. Она сказала полиции, что сделала это из любви к Таллуле. И Ким не сомневается, что это правда. Более того, в глубине души она знает, что тоже убила бы любого, кто угрожал бы забрать у Таллулы Ноя.

Вот так, сказала Скарлетт, все произошло. Кто знает, правда это или нет? И кто знает, что станет со Скарлетт Жак — девушкой, на чьем теле вытатуированы инициалы ее дочери? Ким не знает Скарлетт. Она видела ее только один раз, когда та плыла по бассейну в надувном розовом фламинго, когда с ее черного полотенца капала вода, когда она угрюмым, снисходительным тоном отвечала на вопросы о ее пропавшей дочери. Она не знает Скарлетт Жак. Ей не нужно знать Скарлетт Жак. Ким не может жалеть ее или переживать о ее судьбе, какой бы молодой она ни была, даже если она утверждает, что любила ее дочь. Ким просто не может.

Когда Таллулу доставили в больницу, выяснилось, что она страдает сильной опиоидной зависимостью, и Ким сказали, что ее дочери, чтобы выздороветь, нужно будет провести время в реабилитационном центре. Ее предупредили, что Таллула не будет

похожа на розовощекую девушку, с которой она прощалась той июньской ночью все эти долгие месяцы назад. Но еще ей сказали, что Таллула отчаянно хочет выздороветь, вернуться домой и снова стать матерью своему сыну.

И вот они стоят в ряд на сером асфальте. Ким, Райан, Джим, Ной в своей лучшей рубашке и брючках на руках у Ким. Теплый ветер овеивает их, кружится вокруг них. Он ерошит блестящие, разглаженные волосы Ким, и она постоянно заправляет их за уши. К двери самолета уже подкатили трап. Дверь открывается. Появляется какой-то мужчина, за ним еще один. Ким шумно вдыхает воздух и выдыхает его в волосы Ноя. Она втягивает живот, последний раз заправляет волосы за ухо, и вот перед ней, рядом с огромным коричневым псом, стоит Таллула.

Ким срывается с места и бежит к ней.

Эпилог

Август 2018 года

Лиам снимает солнцезащитные очки и кладет их в карман рубашки. Он смотрит вверх, на дом, где солнце отражается черным светом от занавешенных окон, приседает, чтобы приподнять край большого синего кашпо. Из своего укрытия тотчас выбегает потревоженная мокрица. Он хватает спрятанный там предмет и идет с ним к входной двери.

Внутри дома прохладно и гулко. Все в том виде, в каком Жаки оставили его прошлым летом, но внутри царит особая тишина, тишина затаившего дыхание дома, в котором никто не живет. Он чувствует отголоски моментов, которые провел в этом доме: беззаботный смех, отскакивающий рикошетом от белых стен, звон бутылки вина, вынимаемой из холодильника на кухне, тяжелые шаги собачьих лап по каменному полу, запах духов Скарлетт, странный запах старушечьих духов, которыми она пользуется. Это все еще здесь, но приглушено, словно в сказке, призрак затерянного, заколдованного мира.

Но в неподвижном воздухе дома присутствует кровь: дурманящий, ядовитый миазм смерти. Лиам переходит из комнаты в комнату, и в его голове мелькают сцены. Жуткие воспоминания о той ночи в прошлом году, в конце января, когда ему позвонила Скарлетт. Отчаяние в ее голосе.

— Бубс, ты мне нужен. Случилась нехорошая вещь. Пожалуйста, приходи.

Конечно же, он поспешил к ней. Он никогда не терял ни секунды, когда дело касалось Скарлетт. Она была его жизненной силой, смыслом его существования. Он был ничем до Скарлетт, а после нее он снова превратится в ничто. Когда он бывал ей нужен, он оживал, как марионетка, извлеченная из коробки. Он нашел ее на шезлонге у бассейна. Она сидела, крепко обхватив себя руками, и тихонько покачивалась.

— Мне кажется, — сказала она, — мне кажется, меня изнасиловали.

Она не сказала ему, кто, когда, как, где. Только это.

Мне кажется, меня изнасиловали.

Лиам почувствовал, как его мягкое ядро отвердело. Каждая клетка его физического существа жаждала убивать. Если понадобится, голыми руками.

Он остался на ночь, потом на следующую и еще на одну, ожидая, когда Скарлетт ему все скажет. Его отец постоянно звонил ему, требуя, чтобы он вернулся на ферму, настаивал, что он им нужен. Но Скарлетт нуждалась в нем больше, и ничто, даже угроза отлучения от семьи, не могло заставить его бросить ее одну. В течение нескольких недель он пристально смотрел на всех, с кем пересекался, на каждого ученика, на каждого учителя, на мужчину в «Ко-Опе», на vicария из приходской церкви. Кто... кто, ему отчаянно хотелось знать... кто это сделал с его девушкой? Кто из них посмел сделать ей больно, кто пытался сломать ее? Он прожил эти недели в плотном коконе пароксизма насилия, готового в любой миг взорваться.

В конце февраля он согласился на должность помощника учителя в «Мейпол-Хаусе», предложенную ему Хасинтой Крофт, и вселился в свою комнату с балконом и видом на лес. И именно оттуда шесть недель спустя он увидел его. Издали он принял его за старика, но при ближайшем рассмотрении тот оказался лысым мужчиной, нестарым, лет за сорок.

Гай Крофт, муж Хасинты.

Некоторое время назад из-за разговоров о супружеской неверности он расстался с женой и уехал. Некогда привычная фигура, гуляющая по территории школы со своим лабрадором, Гай Крофт на какое-то время исчез. Но теперь он снова вернулся, и выходит из задней двери своего коттеджа, и отправляется в лес. Он шагает с настойчивостью, граничащей едва ли не с одержимостью.

Лиам мгновенно вышел из своей комнаты и крадучись последовал за ним через лес. На другом конце леса он увидел, как Гай отпирает заднюю калитку, ведущую на территорию «Темного места», а затем из укрытия услышал, как тот разговаривает со Скарлетт.

— Впусти меня. Пожалуйста,пусти меня. Я бросил ее. Понятно? Я бросил ее. Ради тебя.

— Я не просила тебя бросать ее. Я же сказала тебе. Все кончено.

— Нет. Нет. Ты сказала... ты сказала, что не хочешь быть с женатым мужчиной. И я больше не женат. Понимаешь? Я свободен.

— Боже мой, Гай. Прошу тебя, отвали.

— Я никуда не пойду, Скарлетт. Я пожертвовал всем ради тебя.

А затем Лиам увидел, как Гай Крофт положил руки на плечи Скарлетт, увидел, как он толкнул ее обратно в дом, не сильно и не мягко, но твердо.

— Я пожертвовал всем, — повторил он. А затем, вновь раскинув руки, сделал шаг вперед.

Лиам услышал, как Скарлетт сказала:

— Отвали от меня, Гай. Убери от меня свои мерзкие руки.

Лиам бросился вперед, быстро, оставив на земле, где стоял, глубокие следы пяток, и в три, четыре, пять прыжков преодолел расстояние до двери. Схватив Гая за локти, он рывком потянул его назад, прочь от Скарлетт, швырнул его навзничь на землю и оседлал. Следующее, что он помнит, это свой кулак, наносящий удары по голове Гая, по его челюсти, царапанье щетины о костяшки пальцев, горячую липкость свежей крови, вялость бессильной плоти, стук головы, которую больше не держит шея, осознание того, что он лупит кулаками по чему-то, что уже не оказывает сопротивления, словно по кучке фарша. И тогда и только тогда он слышит над головой голос, и этот голос кричит: «Нет-нет-нет, Лиам, СТОП!», и он чувствует на одежде руки, дергающие ткань его рубашки.

Над головой сквозь прохладную голубизну неба проносится стая стрижей. Шум крови в ушах. Надрывное дыхание в груди. Мертвое тело между его ног.

Было время, когда Лиам делал все, о чем Скарлетт его просила. Но это было до того, как она бросила его здесь. Оставила одного, вдали от его семьи, когда все его планы рухнули из-за всех жертв, которые он принес для нее. До того, как она ушла от него, даже не попрощавшись.

И так до безумного, впервые за год, телефонного звонка два дня назад. Соединение было ужасным, и голос Скарлетт эхом отдавался в его ухе.

— Бубс, то, что произошло на вечеринке у бассейна прошлым летом, вот что. Это было реально. Это случилось, и это было плохо. И Мими знает об этом, и она рассказала Лекс. Лекс расскажет Керрианне. Керрианна расскажет матери Таллулы. Вскоре все всё узнают. Мне надо, чтобы ты что-то сделал. Она там же. Та самая

хрень. В том же месте, что и то, что сделал ты. Рычаг под большим синим горшком у входной двери. Пожалуйста, Бубс. Избавься от обоих. Избавься от них. Полностью. А затем заблокируй вход и избавься от рычага. Отвези его в Лондон или куда-то еще, выброси в Темзу, выброси в мусорный бак, главное, выброси. Не оставляй никаких следов, Бубс. Пожалуйста. Я здесь, непонятно где. У матери снесло крышу. Она сошла с ума, она меня накачивает наркотиками, и я боюсь, что я здесь умру. Я просто хочу вернуться домой. Пожалуйста, сделай так, чтобы я могла безопасно вернуться. Пожалуйста.

Теперь он через кухню направляется в задний коридор и в старое крыло дома. Он идет в крошечную прихожую рядом с башней и, прежде чем повернуть защелку и войти, на миг останавливается. В башне холодно и сыро. Совсем не похоже на август. Он вытаскивает из заднего кармана древний рычаг, тот самый, которым они открыли туннель в тот ужасный апрельский день, и снимает крышку.

Он перешагивает через тело, а затем, используя телефон в качестве фонарика, идет по туннелю почти милю, пока тот не кончается и идти дальше некуда. Трещина между каменными плитами в потолке пропускает струйку серого света из окна, или что там есть наверху. Он вынимает из сумки бутылку с бензином и выливает его на сморщенные останки Гая Крофта, а затем роняет на них спичку. Он наблюдает, как пламя начинает лизать рассыпающиеся кости Гая Крофта, и, когда жар становится невыносимым, отходит прочь. По мере того как пламя утихает, он ворошит пепел металлическим рычагом. Заметив целые кости пальцев, челюсть, большие куски старой тряпки и обугленную кожу, он выплескивает на кучу еще немного бензина и бросает на нее еще одну спичку.

Он не испытывает к Гаю Крофту никаких чувств, наблюдая, как тот превращается в прах. Все его чувства сжаты в нем, как кулак, и все они ради Скарлетт. Все до одного. Ради Скарлетт, которая использует людей как зеркала, чтобы лучше видеть себя. Ради Скарлетт, которая подбирает и бросает людей, когда ей это удобно. Ради Скарлетт, которая ждала, когда Лиам остынет к ней и будет готов уехать домой и продолжить свою жизнь, чтобы затем вновь дернуть его назад и использовать как уютное одеяло, как колени, на которые можно сесть. Использовать как человека, который бы видел ее такой, какой она

хочет, чтобы ее видели, а не такой, какая она есть на самом деле. И теперь он знает: на самом деле Скарлетт Жак — это сосуд.

Он позволил ей превратить себя в игрушку, в домашнее животное, ничем не отличающееся от ее драгоценного пса. Он даже позволил ей дать ему это ужасное прозвище — Бубс. Он ненавидел, когда его называли Бубс, но он позволил этому случиться. Он позволил Скарлетт и ее отвратительной матери использовать себя в качестве разнорабочего, сантехника или шофера. Он чувствует, как раскаленный гнев проходит через него при воспоминании о том, как мать Скарлетт одним жарким летним утром вручила ему лопату и пластиковый пакет и спросила, не будет ли он против убрать собачье дерьмо с лужайки, потому что садовник болен, а дерьмо начинало вонять.

После того как он убил ради нее Гая Крофта, они легли в постель и занялись сексом, который был таким первобытным и чистым, что он потом плакал.

— Я люблю тебя, Бубс, — сказала она, прижимаясь к нему всем телом. — Ты же знаешь, что я буду любить тебя вечно, ведь знаешь же?

А потом на следующее утро раздался звонок в дверь, и она сказала: «Черт, Бубс, живее, тебе пора, уходи. Это Таллула. Она пришла слишком рано. Одевайся. Быстро!» И, будучи послушной марионеткой, он сделал, как она ему велела, быстро оделся и ушел. Он убил для нее человека, а она вышвырнула его на следующее утро, даже не попрощавшись, и тотчас же полностью отдалась погоне за Таллулой. А теперь это. Год молчания, и внезапно он ей снова стал нужен.

Пожалуйста, Бубс, пожалуйста.

В гневе он снова ворошит останки Гая Крофта. Комки сгорели, превратились в крошки и пыль, и он сметает их небольшой щеткой, которую принес с собой, на листы фольги. Листы эти он сворачивает в еще горячие комки и кладет их в сумку с ремешком через плечо. Когда солнце сядет сегодня вечером, он отнесет ее к тенистому пруду на краю деревенского луга и вытряхнет содержимое в стоячую воду, чтобы его склевали утки.

Он направляет свет телефона на пол туннеля и наклоняется, чтобы поднять что-то похожее на коренной зуб, который он быстро

сует в карман брюк.

Он уже поворачивается, чтобы уйти, когда слышит над головой что-то похожее на шаги, а следом приглушенные голоса. Они доносятся сквозь щель вокруг каменной плиты в потолке.

— Итак, что ты думаешь, Софи? Ты можешь себе это представить? Что приедешь сюда жить вместе со мной? Станешь женой директора школы?

— Да, да, могу, — раздается в ответ женский голос. — Думаю, это будет приключение.

Лиам поворачивается и шагает по туннелю обратно. Приближаясь к выходу, он смотрит вниз, на тело Зака Аллистера, тело, от которого, как думает Скарлетт, он избавится ради нее, но Лиам лишь перешагивает через него.

Затем он поднимается по каменным ступеням обратно в «Темное место», закрывает плитой отверстие и кладет обратно в карман рычаг, рычаг, который он не станет бросать в Темзу ради Скарлетт или выбрасывать в дальний мусорный бак. Этот рычаг он будет хранить у себя дома, пока не решит, что именно он хочет с ним сделать.

От автора

Это был мой «локдаунский роман». Думаю, теперь у всех ежегодно публикуемых писателей в их списке будет хотя бы один такой. Я начала писать его в феврале 2020 года. Затем меня отвлекли другие вещи. (Например, подписание шести с половиной тысяч информационных страниц для США!) И я на время отложила его в сторону. К тому времени, когда я вернулась к роману, начался локдаун, я переболела COVID-19, и мои дети были дома весь день. Обычно я пишу книги либо за кухонным столом, либо в кафе. Внезапно кофейни закрылись, а весь мой кухонный стол был покрыт тетрадками моей старшей дочери, которая учится в колледже. Сама кухня стала для моей семьи своего рода неформальной комнатой для персонала, местом, где можно потусоваться, отдохнуть от работы и учебы. Здесь в любое время суток кто-то что-то готовил. Казалось, что тут постоянно кто-то толпится, и не было кофейен, куда можно было бы сбежать, и восемь долгих недель я безутешно жаловалась, что НЕ МОГУ ПИСАТЬ.

Мало того, мое рабочее место было вечно кем-то занято, но действие моей книги происходило в 2019 году, и я не могла понять, как мне писать о мире до COVID-19, мире наивных людей, которые ходят в пабы, отправляют своих детей в школу и обнимают друг друга. Я время от времени в течение этого периода разговаривала со своим редактором, и каждый раз она спрашивала: «Ты пишешь?» И каждый раз я объясняла, что нет, я не пишу, я не могу, это просто невозможно, конечно, нет. Первые несколько раз она проявляла понимание, даже сочувствие. В пятый раз она сказала: «Ты ведь знаешь, что ты должна написать эту книгу, не так ли?»

Так что спасибо, Селина, за то, что вытащила меня из паралича и заставила решать проблемы. Эта книга была написана на арендованном письменном столе через дорогу от моего дома. Мой рабочий кабинет во время локдауна. Мой подарок судьбы. Большое спасибо, Lockdown Office, и спасибо Виктории и Ребекке из Swiss Quarters, которые заставили меня почувствовать себя желанным гостем, пока я снимала комнату.

На профессиональном уровне 2020 год был для меня исключительным. Я заняла первое место в списках бестселлеров New York Times и Sunday Times, я продала в Великобритании более полумиллиона экземпляров романа «Опасные соседи» и более миллиона экземпляров «И тогда она исчезла» в США. Пока я корпела в моем крошечном, усохшем изолированном мирке, было приятно думать о том, что мои книги обретают все новых и новых читателей, что они изучают список моих изданных ранее книг, находят в них выход из ужасов реального мира. Так что спасибо всем, кто купил одну из моих книг в прошлом году, и добро пожаловать всем моим новым читателям, которые вернулись за новыми. Я так вам всем благодарна.

Спасибо владельцам книжных магазинов по всему миру, которые ухитрились найти способы продолжать продавать книги людям, которые хотят их читать. Сумки Jiffy, должно быть, пережили за последний год бум продаж! И спасибо библиотекарям, которые тоже нашли оригинальные способы выдавать книги своим читателям. Книготорговцы и библиотекари также поддерживали во время ограничений COVID-19 невероятно быстрые и хорошо организованные программы мероприятий для писателей и читателей, так что спасибо всем, кто принимал меня в прошлом году, перед кем я выступала, не выходя из своей спальни.

Спасибо замечательному Джонни Геллеру, моему агенту из не менее замечательного агентства Curtis Brown в Великобритании, и замечательной Деборе Шнайдер, моему агенту из замечательного Gelfman Schneider в США. В этот сложный год оба великолепно поддерживали невероятно высокие стандарты профессионализма.

Спасибо всем моим издателям во всем мире, особенно Селине Уокер и Наджме Финли, всем сотрудникам Cornerstone в Великобритании, Линдси Саннетт, Ариэль Фредман и всем сотрудникам издательства Atria из США.

Спасибо моим замечательным друзьям-писателям, которые на различных платформах социальных сетей в этом году поддерживали меня в здравом рассудке: Дженни Колган, Мэдди Уикхэм, Джорджо Мойесу, Аманде Дженнингс, Тэмми Коэн, Серене Маккеси, Крису Мэнби, Тэмсин Грей, Адель Паркс и многим другим.

И, наконец, спасибо моей семье за то, что в целом они были довольно приличной компанией в течение года, когда быть достойной

компанией было самым важным делом. Хочется надеяться, что это конец странной сноске в истории и что нормальная жизнь скоро возобновится. Откройте кофейни!

notes

Примечания

1

Стоун — британская единица измерения массы, равная 6,3 килограмма. — *Прим. пер.*

Демогоргон — монстр из популярного сериала «Очень странные дела». Название происходит от упоминающегося еще в ранних христианских источниках демона, чье имя нельзя произносить. Упоминание Демогоргона также встречается в классических произведениях мировой литературы. — *Прим. ред.*

Река на юго-востоке США; актриса и певица, известная эпатажными выходками, жившая и работавшая в Нью-Йорке в 1930-х годах. — *Прим. ред.*

4

Слово scarlet переводится как «ярко-красный».